

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Институт филологии (структурное подразделение)
Крымское отделение Союза переводчиков России
ГБУК РК «Крымская республиканская
универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко»

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы VI международной научно-практической конференции

*Симферополь
28–29 апреля 2022 года*

Симферополь
ИТ "АРИАЛ"
2022

УДК 81'25
ББК 81.2–7
П27

Главный редактор д. филол. н., доц. М. В. Норец

Редакционная коллегия

д. филол. н., проф. А. Д. Петренко (Симферополь, Россия)
д. филол. н., проф. Т. А. Казакова (Санкт-Петербург, Россия)
д. филол. н., проф. С. А. Кочетова (Горловка, ДНР)
д. филос. н., проф. О. Р. Демидова (Санкт-Петербург, Россия)
д. филол. н., проф. М. А. Новикова (Симферополь, Россия)
д. филол. н., проф. Г. И. Лушникова (Ялта, Россия)
д. филол. н., проф. О. В. Резник (Симферополь, Россия)
д. филол. н., доц. О. А. Джумайло (Ростов-на-Дону, Россия)
д. культурологии, доцент О. Б. Элькан (Симферополь, Россия)

П27 Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VI международной научно-практической конференции, Симферополь, 28–29 апреля 2022 г. / гл. ред. М. В. Норец. – Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2022. – 348 с.

ISBN 978-5-907587-09-0

В сборнике представлены статьи по докладам участников VI международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», которая проводилась в г. Симферополь 28–29 апреля 2022 г. Рассматриваются актуальные проблемы теории и практики перевода, современного литературоведения, прикладные аспекты и жанровые стратегии перевода, перевод и межкультурная коммуникация, а также вопросы методики преподавания иностранных языков и переводоведческих дисциплин и научно-библиографической деятельности библиотек.

УДК 81'25
ББК 81.2–7

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность данных, цитат, имен и названий ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

ISBN 978-5-907587-09-0

© Коллектив авторов, текст, 2022
© Н. Д. Хорунжий, Н. К. Норец, верстка, дизайн, 2022
© ИТ "АРИАЛ", макет, оформление, 2022

УДК 81'253

ПРИЕМЫ ПЕРЕДАЧИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ НА ДРУГОЙ ЯЗЫК**Э. М. Абибуллаева,***обучающийся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь***М. Ю. Лукинова,***кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Цель данного исследования состоит в выявлении способов передачи языковой игры с английского языка на русский. В работе применялись дефинитивный, описательный и контекстуальный методы анализа.

В ходе исследования установлено, что языковая игра реализуется на фонетическом, лексико-семантическом и фразеологическом уровнях. Был описан механизм выявления языковой игры в художественном тексте, алгоритм перевода игрового произведения, а также переводческие трансформации, наиболее подходящие для передачи рассматриваемого стилистического приема с английского на русский язык.

Ключевые слова: языковая игра, перевод, переводческие трансформации, игровой текст.

Summary. The aim of the research is to define the ways of pun transfer from the English into the Russian language. Definitive, descriptive, stylistic and contextual methods of analysis are used in the study.

It is found out that pun is implemented at the phonetic, lexical-semantic and phraseological levels. The mechanism of identifying play on words in the literary text and the algorithm of its translation were described.

Key words: pun, translation, translation transformations, game text.

Термин «языковая игра» (ЯИ) был введен австрийским философом и лингвистом Людвигом Витгенштейном в работе «Философские исследования». Под «языковыми играми» он понимал целую систему коммуникации, включающую в себя язык и действия, которые тесно связаны между собой [3].

В настоящее время языковая игра рассматривается как намеренное отклонение от нормы с целью создания комического эффекта. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает, что языковая игра представляет собой «сквозное действие отклонений от нормы, которое берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве» [2, с. 80]. Т. А. Гридина придерживается мнения, что «в основе ЯИ лежит стремление достичь определенного эффекта эстетического воздействия (чаще всего комического) путем нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц, творческого (нестандартного) использования языковых средств» [5, с. 1]. Б. Ю. Норман отмечает, что «языковая игра «сотрудничает» с целым рядом приемов. Это, в частности: намеренное искажение, пародирование, передразнивание какого-то явления, преувеличение, нагромождение, выпячивание каких-то черт, вырывание, изъятие

предмета из его привычной среды, столкновение несоединимых предметов или черт, например, «высокого» и «низкого», вообще снижение образа, его упрощение, вульгаризация, обманывание ожидания» [9, с. 8].

Особенность языковой игры заключается в том, что читатель сам может «додумывать» смысл стилистического приема, ведь «ЯИ есть не только и не столько вызываемый ею эффект, сколько осознание возможных путей новой (творческой) интерпретации знака» [5, с. 4].

Важным для данного исследования является то, что Н. Д. Арутюнова, считая отклонение от нормы сущностной чертой языковой игры, представляет также уровневый характер реализации данного вида игры в речи.

ЯИ может быть построена:

1) преимущественно на фонетической основе (преобладание звуковой стороны над смысловой);

На фонетическом уровне основными приемами языковой игры принято считать такие стилистические средства, как звукоподражание, ассонанс, аллитерация, ритм, рифма, намеренное отклонение от орфоэпических норм.

2) преимущественно на лексической основе (единицы, построенные на основных лексических категориях: обыгрывание многозначных слов, омонимов и антонимов, создание окказионализмов);

Механизмы создания ЯИ на лексическом уровне включают в себя обыгрывание многозначности или омонимии лексических единиц, а также антонимию, паронимию, паронوماзию, синонимию и манипуляцию с логическими и номинативными значениями слов.

3) преимущественно на фразеологической основе (обыгрывание отдельных компонентов устойчивых сочетаний) [13].

Реализация данного вида игры предполагает обыгрывание идиоматического и неидиоматического значений фразеологизма, т.е. совокупности логических значений составляющих его элементов.

Специфика использования приемов ЯИ составляет индивидуальность творческой личности автора художественного произведения. По мнению С. Ж. Нухова языковая игра – «такая форма речевого поведения человека, при которой языковая личность, реализуя свои лингвокреативные способности, демонстрирует свой индивидуальный стиль» [10, с. 137]. Авторские языковые игры отличаются от стереотипных языковых игр бытового, повседневного дискурса своей оригинальностью и индивидуальным характером сочинения.

Функции языковой игры разнообразны. Проанализировав научные труды и многочисленные классификации функций языковой игры в художественном тексте, можно выделить следующие: эстетическую, экспрессивную, поэтическую, игровую (людическую), развлекательную, смыслообразующую, языкотворческую, жанрофиксирующую, маскировочную, структурообразующую и функцию создания комического эффекта.

Если рассматривать языковую игру в культурологическом аспекте, можно прийти к выводу, что юмористические традиции разных языков обладают своими особенностями. Это обусловлено тем, что в каждой стране свой национальный менталитет и свои культурные ценности.

Перевод игрового произведения предполагает существенное переосмысление оригинального текста, так как содержание нужно «вливать» в новую форму и обыграть ее, не пожертвовав смыслом. Перевод языковой игры рождает проблему выбора: передать содержание, отказавшись от игры слов,

или же сохранить каламбур за счет замены образа и отклонения от точного значения. Приходится чем-либо жертвовать. Решение этого вопроса зависит от требования контекста и всего произведения в целом. Стилистическая цель языковой игры – создать эффект обманутого ожидания, комический эффект и просто привлечь внимание читателя.

П. А. Колосова считает, что главным критерием адекватного перевода ЯИ является передача её функций [7]. Стилистическая цель языковой игры – создать эффект обманутого ожидания, комический эффект и просто привлечь внимание читателя.

Чтобы выявить случаи языковой игры в художественном тексте, можно воспользоваться методикой анализа ЯИ, предложенной Е. Н. Мазиной и Е. В. Полховской:

«Этапы анализа могут быть следующие:

1. Выявить языковые игры (опираясь на лингвистическую трактовку понятия).

2. Описать конкретные случаи ЯИ, представленные в произведении:

– языковой материал, лежащий в основе игры с формой;

– способ построения ЯИ;

– типы гетерогенных ЯИ.

3. Охарактеризовать целевое назначение ЯИ.

4. Определить связи ЯИ с другими игровыми стратегиями романа, наличие или отсутствие единой игровой стратегии, возможных способов прочтения ЯИ» [8].

«Акцент при анализе ЯИ следует делать не только на механизмах их создания или достигаемом ими эффекте, но и на их целевом назначении, на диалог-игре с читателем» – утверждают ученые [8].

После проведения вышеупомянутых манипуляций, можно приступить к подбору трансформаций, применимых для передачи на другой язык того или иного случая ЯИ. Е. М. Александрова указывает, что «переводчику, поочередно выступающему как в ролиполучателя исходного текста, так и в роли отправителяпереводного текста, необходимо уметь сначала расшифровать языковую игру, а затем воспроизвести ее, используя средства другого языка» [1, с. 49].

Передача языковой игры в переводе – труднейшая лексико-стилистическая проблема. Основными приёмами перевода ЯИ являются: опущение, компенсация и калькирование. При приеме опущения игра слов опускается вовсе, передача текста на другой язык осуществляется путем простого перевода. Но стоит отметить, что избавление от языковой игры не самое лучшее решение, так как это очень важный компонент текста, который несет смысловую нагрузку. Компенсация чаще применяется на месте не переданного приема подлинника и восполняет потерю лишь частично. В частичной компенсации наиболее часто используется рифма, аллитерация и графическое выделение. При применении калькирования каждая языковая единица переводится пословно в соответствии с оригиналом. Но этот прием стоит применять в соответствии с требованиями контекста, так как каламбур, переведенный калькированием, в языке перевода может звучать неуместно и нелепо.

Можно составить общую стратегию по переводу языковой игры. Для начала нужно проанализировать текст для того, чтобы передать содержащуюся в нем концептуальную и эстетическую информацию. Желательно постараться подобрать языковые средства, которые смогут успешно пере-

дать игру слов и сохранить ее смысл, а также передать каламбур на том же языковом уровне, а в случае невозможности – попробовать компенсировать эффект, созданный в оригинальном тексте, каламбуром другого типа или иными стилистическими средствами. Также можно обратиться к комментарию или примечанию, разъясняющему суть каламбура.

При переводе игрового произведения целесообразно использовать следующий алгоритм:

- 1) выявление ЯИ в оригинальном тексте;
- 2) определение языковых средств и механизма ее создания, систематизация случаев ЯИ по уровням языка;
- 3) установление функции в контексте;
- 4) анализ способов перевода (стилистических трансформаций) и языковых средств в переводном тексте;
- 5) определение наиболее эффективных способов передачи игры слов, позволяющих сохранить ее эстетическое значение и смысл.

Если перевести каламбур по тем или иным причинам не получается, можно создать комический эффект в другой части текста (при возможности) или применить комический прием с неязыковым основанием. К этому способу прибегать нежелательно, но, если опущенные элементы текста являются смыслообразующими, их необходимо компенсировать.

Известно, что структуры русского и английского языков отличаются. Соответственно, синтетический строй русского языка позволяет прибегнуть к словообразованию при переводе каламбура. В некоторых случаях такой прием будет вполне уместен, тем более он широко распространен в русской культуре как способ создания комического эффекта.

При передаче языковой игры на основе полисемии можно сохранить в переводе одно из значений многозначного слова и актуализировать второе значение другими средствами языка перевода, такими как ввод конструкции сравнения. Также можно подобрать слово, которое позволит на основе ассоциаций восстановить оба актуализованных значения.

Стоит также отметить, что основой для языковой игры могут служить устойчивые выражения. Л. А. Сазонова утверждает: «Чтобы адекватно передать каламбур на основе устойчивых словосочетаний, необходимо найти в языке перевода устойчивое словосочетание, эквивалентное или аналогичное исходному устойчивому словосочетанию в языке оригинала и провести с ним те же преобразования, которые привели к образованию каламбура в тексте оригинала» [11, с. 15].

Ведь «переводчик переводит не тот оборот, который дается ему автором подлинника, а создает свою игру слов, близкую, напоминающую по тем или иным показателям авторский каламбур, но свою, создаваемую иногда на совсем иной основе и проводимую совсем другими средствами» [4, с. 300]. Игра слов как языковое явление всегда будет требовать творческого подхода от переводчика.

Абсолютно точного перевода (то есть передачи содержания и формы), к которому стремятся при передаче языковой игры на другой язык, можно добиться скорее в виде исключения; как правило, здесь не обходится без потерь. Вот почему переводчик должен в первую очередь задать себе вопрос: передать содержание, отказавшись от игры слов, или же сохранить ее за счет замены образа, отклонения от точного значения.

Решение этого вопроса зависит от ряда обстоятельств, но в первую

очередь от требований контекста, главным образом, широкого контекста, а нередко и всего произведения в целом. И уже во вторую очередь учитываются «игровые возможности» языка перевода по сравнению с иностранным языком и лексические данные самих единиц.

В тех случаях, когда предметно-логическое содержание доминирует над функциональной информацией языковой игры или невозможно создать ее на частично или полностью измененной основе, содержание приема передается в неигровой форме. Стоит отметить, что типичные переводческие ошибки, связанные с буквальной передачей семантики игры слов, приводит не только к нарушению норм иностранного языка, но и к созданию бессмысленного контекста на месте утраченного приема.

Список использованных источников

1. Александрова Е. М. Перевод языковой игры: проблемы адекватности и эквивалентности: учебное пособие / Е. М. Александрова. – Москва: Университетская книга, 2012. – 68 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы: Ч.1. М., 1997. – 378 с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М: Международные отношения, 1980. – 343 с.
5. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 1996. – 215 с.
6. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. с. 172–214.
7. Колосова П. А. Перевод игры слов в художественном тексте: герменевтический аспект: специальность 10.02.20: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Полина Алексеевна Колосова : Тверской государственный университет. Тверь, 2013. – 15 с.
8. Мазина Е. Н. Игра с именами собственными в романах Пола Остера / Е. Н. Мазина, Е. В. Полховская // Вестник СевНТУ. – Севастополь, 2010. – № 102. – С. 168–172.
9. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – Москва: Флинта: Наука, 2006. – 344 с.
10. Норец М. В. Перевод как средство межъязыковой коммуникации / М. В. Норец // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2019. – № 3-4 (27-28). – С. 40-46.
11. Нухов С. Ж. Языковая игра в словообразовании. На материале лексики английского языка: специальность 10.02.04 : дис. ... д-ра филол. наук / Салават Жавдатович Нухов : Московский пед. гос. университет. – Москва, 1997. – 372 с.
12. Сазонова Л. А. Закономерности передачи каламбура при переводе художественной литературы: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат дис. ... д-ра филол. наук: / Лариса Александровна Сазонова; Московский гос. лингвистический университет. – Москва, 2004. – 24 с.
13. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999. – 324 с.

ПЕРЕВЕСТИ «ГЕНИАЛЬНЕЙШУЮ РУССКУЮ ДРАМУ»: СТРАТЕГИЯ МЭРИ ХОБСОН

Е. В. Аблогина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Филологический факультет, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Аннотация. В статье осмысляются переводческие принципы М. Хобсон, автора современного перевода комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Отмечается взаимосвязь исследовательской, переводческой и издательских практик, прослеживаются изменения в переизданиях перевода, характеризуется его рецепция и популяризация.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, «Горе от ума», русская литература, перевод, М. Хобсон.

Summary. The article reflects on the translation principles of a modern prize-winning translation of Aleksandr Griboedov's "Gore ot Uma" made by M. Hobson. Central to the study are interrelated research, translation, and publishing practices, key modifications in the reprints of the translation, its reception and popularization.

Key words: Aleksandr Griboedov, Gore ot Uma, Woe from Wit, Russian literature, translation, Mary Hobson.

Комедия «Горе от ума», окрещенная А. А. Блоком «гениальнейшей русской драмой», в соответствии с пророчеством А. С. Пушкина разошлась на пословицы и поговорки, став неотъемлемой частью и одной из наиболее самобытных составляющих русской культуры. Этот статус определяет ее переводческую судьбу. Вспомним В.Г. Белинского, который, критикуя перевод произведений Н.В. Гоголя на французский язык, говорил о существовании целиком национальных произведений, перевод которых крайне сложен: «“Горе от ума” Грибоедова могло бы быть переведено без особой утраты в своем достоинстве; но где найти переводчика, которому был бы под силу такой труд?...» [3, с. 57–58.]. С одной стороны, языковые различия обуславливают сложность в передаче языка и поэтической формы, с другой – национальная и авторская картины мира отвечают за сложность в передаче содержания.

С.А. Аскольдов в своей статье «Концепт и слово», заложившей основу современного концептуально-культурологического направления, указал на то, что художественные концепты подчиняются особой прагматике «художественной ассоциативности», они образны и символичны, поскольку то, «что они означают, больше данного в них содержания и находится за их пределами», и именно «ассоциативная запредельность придает им художественную ценность» [1, с. 275]. В диссертации и статьях автора настоящей статьи, посвященных проблеме перевода комедии Грибоедова, проводились сравнительно-сопоставительные исследования, лингвистические сопоставления и моделирования для выявления стратегии перевода центрального концепта комедии – концепта *ум*. Проанализированные англоязычные переводы, среди которых выполнены как профессиональными переводчиками, так и учеными-славистами, писателями, носителями английского и русского языков, позволили констатировать, что полисемантический и детер-

минированный русской картиной мира концепт *ум*, художественно реализованный Грибоедовым в комедии, практически не поддается адекватному переводу, в силу того, что семантический потенциал русского концепта намного превышает семантический объем всех возможных эквивалентов в английском языке. Задачу переводчика также усложняет необходимость учитывать реализацию художественного концепта в комедии в целом, т. е. единицей перевода в данном случае должно являться все произведение – которое притом должно сохранить свою стихотворную форму. Вследствие указанных языковых различий при попытке передачи концептуального содержания происходят закономерные смещения и потеря той самой «ассоциативной запредельности» оригинала. Единственным путем преодоления описанной проблемы нам представляется осуществление предпереводческого анализа, стремление к максимальной точности в переводе и установка на компенсацию семантических потерь вкупе с подробным комментированием – в наибольшей степени воплотить эту стратегию удалось английской переводчице и слависту Мэри Хобсон. Описывая свой переводческий метод, она указывает на безэквивалентность русской лексемы *ум* и, более того, отмечает также отсутствие в английском языке точных эквивалентов даже для самых простых русских слов. В одном из своих интервью [2] Хобсон объясняет отказ от первого варианта перевода заглавия – недостаточно афористичного, но достаточно точного “*Too Clever for Comfort, or the Misfortunes of a Thinking Man*” (Слишком умный, чтобы жить спокойно, или Терзания мыслящего человека) – в пользу “*Woe from Wit*” (Горе от остроумия), который сводит потенциал русского ума к остроумию, более понятному и уже привычному для англоязычной аудитории как в контексте комедий Шеридана, Конгрива и Уайльда, так и предшествующей традиции перевода комедии Грибоедова. Новейшее переиздание перевода Хобсон (Москва, 2017 г.) представляет собой компромиссный вариант, сочетающий узнаваемость и афористичность с пояснительной интенцией: “*Woe from Wit, or the Misfortunes of a Thinking Man*”.

Хобсон исповедует принцип максимальной верности оригиналу: сохранить дух сочинения, переданный через рифму, ритм, музыку оригинала, максимально передавая его смысл. По ее словам, именно желание преодолеть непереводаемость оригинала, с одной стороны, и стремление максимально глубоко его понять, с другой – побудили взяться за перевод Грибоедова: «Настоящим бенефициаром любого перевода является переводчик. Нет лучшего способа оценить произведение, проникнуть в его суть, высосать сок из каждой без исключения строки, чем пытаться перевести его» [5]. Ей удалось детально и зримо описать свою технику взаимодействия с грибоедовским текстом. Создавая перевод, она отталкивается от формы, т. е. ритма и рифмы грибоедовской строки, ищет фразу на английском, соответствующую этому рисунку и звучащую естественно, а затем подбирает лексическое наполнение, отвечающее оригинальному содержанию, а также строгим стилистическим и временным рамкам. Критерии отбора таковы: слова должны быть употребимы в современном английском языке и при этом должны наличествовать в искомом значении в романах Дж. Остин – последние служат своеобразным «возрастным» мерилем при отборе лексем из синонимического ряда. Далее,

неоднократно перечитав оригинал и максимально осознав его наполнение, Хобсон стремится уйти от русского языка и помыслить грибоедовскую фразу на английском, представить, как это мог бы сказать Грибоедов, будь он англичанином. Среди всех подходящих для выражения этой идеи слов необходимо найти два рифмующихся, чтобы затем подобрать грамматическую форму и такую структуру, при которой данные слова оказались бы в конце строк и были зарифмованы. Сохранение ритма и рифмы требует в отдельных случаях специальных модуляций, использования одного и того же слова в окончании рифмуемых строк или добавления к мужской рифмовке оправданного логикой оригинала односложного слова (например, обращения *sir*), если никак иначе воссоздать женскую рифмовку не представляется возможным. Стремление к сохранению лаконичности и афористичности требовало предельно избегать артиклей и предпочитать глаголы, а ориентация на максимальную точность в передаче смысла – регулярного использования приема компенсации. Иногда, по свидетельству Хобсон, выход находился в визуализации описываемого в оригинале и затем воссоздании в переводе увиденной картинке правдоподобными средствами, или же посредством вербализации очевидно испытываемых персонажем в момент речи чувств – если точный перевод реплики невозможен без модуляций. Особое внимание Хобсон уделяла финальным строкам каждого акта, стремясь сохранить производимое оригиналом эмоциональное воздействие на аудиторию. Так, в особенно сложном случае ей пришлось изобрести правдоподобную ремарку, чтобы сохранить оригинальную рифму.

Описанный подход позволил Хобсон не только добиться поразительной верности оригиналу, сохранить его ритм и рифму, но и, насколько возможно, средствами английского языка воссоздать концептуальное наполнение комедии. Непереводимое лексическими средствами наполнение оригинала Хобсон в большой мере компенсирует обширными комментариями. Так на «ассоциативную запредельность» грибоедовского текста она отвечает всеохватностью своего подхода, выходящего к личности Грибоедова и широчайшему контексту его жизни и творчества.

Как показывает удивительный опыт Хобсон, синтезировавшей исследовательскую и переводческую интенции, «разгадывание» Грибоедова требует многолетнего погружения в обстоятельства его жизни и творчества. В 1988 г. в возрасте 62 лет она поступила на факультет славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета, где начала изучать русский язык и литературу, а затем в аспирантуре вплотную занялась изучением Грибоедова. В 1995 г. она осуществила перевод «Горя от ума» – в Лондоне он вышел под названием “Too Clever for Comfort, or The Misfortunes of a Thinking Man”. В 2000 г. Хобсон закончила диссертацию «“Горе от ума” Грибоедова в контексте его жизни и других сочинений», а еще через пять лет вышел новый вариант перевода – “Woe from Wit, or The Misfortunes of a Thinking man”, снабженного подробнейшим комментарием с библиографией и иллюстрациями. Первостепенная важность комментария постулировалась уже в заглавии издания «“Горе от ума” Александра Грибоедова: комментарий и перевод», которое вышло в Великобритании и США. Обширный комментарий, помещенный в 9 главах, историческая справка и биографические сведения, сообщаемые в книге, сделали ее солидным фи-

логическим трудом и незаменимым посредником для всех англоязычных читателей, желающих познакомиться с русским драматургом. Академический потенциал издания отметила американская критика: «Не говорящие по-русски могут найти здесь почти все, что они хотят знать о Грибоедове, собранное в одном томе. Хотя Хобсон и ссылается на источники на английском языке, она в основном опирается на русскую критику – это находка для не говорящих по-русски и студентов старших курсов» [7, p. 625].

Принципиально важно, что для Хобсон перевод Грибоедова на английский язык не ограничился «Горем от ума» – что является общей практикой (известные нам исключения немногочисленны: на болгарский язык переведена комедия «Студент», на чешский – комедия «Своя семья, или Замужняя невеста», в немецкой антологии о декабристах издан перевод стихотворения «Освобожденный»). Хобсон первой перевела путевые заметки и письма Грибоедова: в 2017 г. они вышли отдельным изданием. Немаловажным в популяризации перевода видится также его издательская стратегия: перевод Хобсон не только самый читаемый и переиздаваемый на сегодня, но и представленный в различных форматах. Укажем на новейшие издания “Woe from Wit” и “The Travel Notes and Letters” в формате en-regard, осуществленные в Москве в 2017 г. Параллельно приведенные на одном книжном развороте текст оригинала, как канона, и перевода, как его трактовки и интерпретации, однако не претендующей на равноправие с подлинником, манифестирует абсолютную ценность оригинала. Как отмечает Н.Е. Никонова, такой формат издания, восходящий к бытованию священных текстов, представляет собой особую форму билингвизма, в которой «наличие оригинала призвано демонстрировать принципиальную его непереводаемость, а точнее, грань, не подлежащую забвению, но сам факт существования перевода визави с оригиналом утверждает возможность прикоснуться к неприкасаемому, к ранее недоступному» [4, с. 182].

Созданный Хобсон перевод «Горя от ума» получил широкое международное признание: она была награждена Грибоедовской премией и Золотой Пушкинской медалью, стала лауреатом международной премии «Подвижник» за выдающийся вклад в распространение русской литературы. Само имя переводчицы приобрело черты имени нарицательного: в 2013 г. Фонд содействия развитию науки, культуры и образования «Новое тысячелетие» для популяризации поэтического творчества в школе вручил премию имени Мэри Хобсон. Британский литературовед и переводчик Д. Рейфилд в своей рецензии на первое издание перевода Хобсон отметил: «Можно понять, почему эта версия была награждена в России Пушкинской медалью, ведь она отвечает российским критериям абсолютной верности смыслу и форме. Она чутко реагирует на все нюансы оригинала, на длину строк, на рифму Грибоедова» [6, p. 137–138]. Американская славист К. А. Райдел находит в переводе отдельные неточности, однако заключает, что «во многих отношениях перевод Хобсон является прекрасной адаптацией “Горя от ума”», а кроме того, по ее наблюдениям, является самым читаемым из поэтических переводов комедии [7, p. 626]. Единственная победа, которую пока не удалось одержать переводу Хобсон – на театральной сцене. По словам переводчицы, Лондонский национальный театр не увидел в ее переводе сцениче-

ского потенциала.

Таким образом, реализованный Хобсон комплексный подход к интерпретации «Горя от ума», сочетающий исследовательские, переводческие и издательские практики, представляется наиболее действенной стратегией, позволяющей посредничать между Грибоедовым и англоязычной аудиторией.

Список использованных источников

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста : Антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.

2. Ковалева И. Писательница и переводчица Мэри Хобсон // Новые известия. – М., 2011. – URL: <https://newizv.ru/news/culture/18-11-2011/154780-pisatel'nica-i-perevodchica-meri-hobson> (дата обращения: 15.01.2022).

3. Левый И. Искусство перевода / Пер. с чеш. и предисл. Вл. Россельса. М.: Прогресс, 1974. – 396 с.

4. Никонова Н. Е. Собрание немецких сочинений и автопереводов В. А. Жуковского: принципы научного издания *texte en regard* и его место в эдиционной истории наследия поэта // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 48. – С. 181–193.

5. Hobson M. *Translating Gore ot uma* // Mary Hobson / William Hobson. – [S. l.], 2009. – URL: <https://drhobson.wordpress.com/category/uncategorized> (access date: 10.01.2022).

6. Rayfield D. [Review of *Aleksandr Griboedov's "Woe from Wit": A Commentary and Translation*, by M. Hobson] // *The Slavonic and East European Review*. – 2007. – 85(1). – P. 137–138.

7. Rydel C. A. [Review of *Aleksandr Griboedov's "Woe from Wit": A Commentary and Translation*, by M. Hobson] // *The Slavic and East European Journal*. – 51(3). – P. 625–626.

УДК 81'253

ПЕРЕВОД ТЕКСТОВ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Э. Н. Аблякимова,

*обучающийся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Н. В. Пасекова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью данного исследования является определение основных переводческих стратегий при решении проблемы сохранения колорита русской сказки в процессе передачи на язык перевода.

В ходе исследования выявлено, что основной особенностью сказки считается то, что она является не отдельно взятым произведением, а одной из составных частей фольклорных произведений. Народным сказкам, ставшим объектом исследования, свойственна сюжетная и композиционная

традиционность, резкое разделение героев на «добрых» и «злых», отсутствие лирических отступлений в форме экскурсов в прошлое, развёрнутых пейзажных и бытовых зарисовок.

Ключевые слова: сказка, народная сказка, переводческая стратегия.

Summary. The aim of the research is to determine the main translation strategies in solving the problem of preserving the color of a Russian fairy tale in the process of translation. The research revealed that the main feature of a fairy tale is that it is not a single work, but one of the components of folklore works. Folk tales, which have become the object of research, are characterized by plot and compositional traditionalism, a sharp division of heroes into «good» and «evil», the absence of lyrical digressions in the form of excursions into the past, detailed landscape and everyday sketches.

Key words: fairy tale, folk tale, translation strategy.

Сказки – прекрасное произведения искусства. Сказка – вид фольклорной прозы, известный у всех народов. Содержание сказок не вписано в реальное пространство и время, однако они сохраняли жизненное правдоподобие, наполнялись правдивыми бытовыми деталями. Реагируя на многие жизненные проблемы, сказки предлагали их справедливое, но утопическое разрешение. Сюжет сказок можно было философски воспринять как метафоры реальных человеческих отношений, найти бесконечные жизненные аналогии.

В сказках использовались формулы (устойчивые, повторяемые части сказочного текста), в том числе начальные («Жили-были...»), «В некотором царстве, в тридевятом государстве...», «За тридевять земель...») и заключительные («Сказке конец, а кто слушал – молодец» и др.), которые могли дополняться рифмованными небылицами. В повествование вводились эпитеты («красна девица», «добрый молодец»), сравнения («пустить в путь-дорогу, словно стрела из лука»), фразеологизмы («Снять голову с плеч», «Много будешь знать – скоро состаришься»), слова с уменьшительными суффиксами («сударушка», «тятенька»), историзмы и архаизмы («очи», «перстень», «горница»), прозвища людей и животных («Змей Горыныч», «Марья-Царевна», «Царевна- Несмеяна»).

Сказка – удивительно сильный психологически воздействующий инструмент для работы с внутренним миром ребенка, а также мощный инструмент для развития самосознания образовательной среды. Язык сказки очень красивый: он является мелодичным и поэтичным, содержит много метафор, сравнений, а также метких поучительных пословиц и поговорок. Все эти особенности делают сказку незаменимым средством воспитания при обучении детей разного возраста.

Наиболее характерные особенности сказок – народность, оптимизм, увлекательность сюжета, образность и забавность и, наконец, дидактизм.

Материалом для народных сказок служила жизнь народа: его борьба за счастье, верования, обычаи. В верованиях народа было немало суеверного и темного. В большинстве сказок отражены лучшие черты народа: трудолюбие, одаренность, верность в бою и труде, безграничная преданность народу и родине. Воплощение в сказках положительных черт народа и сделало сказки эффективным средством передачи этих черт из поколения в поколение.

Самая простая схема любой волшебной сказки содержит в себе следующие пункты:

- «существование какого-либо запрета;
- преступление этого запрета кем-либо;
- следствие этого нарушения, зависящее от характера мифологических представлений;
- рассказ о практике в магии героем;
- результат этой практики и как следствие — возвращение героя к благополучию» [3].

Перевод народных сказок представляет собой сложный многоаспектный процесс, который начинается с записывания слов рассказчика. За ним следует интерпретация записанного текста. И только после всего этого начинается перевод в типичном понимании этого термина, т.е. воспроизведение текста сказки на другом языке.

Главной чертой сказки является то, что она абстрагирована от реального времени. Четкая последовательность её действий создаёт особый сказочный мир, в котором персонажам приходится проходить через целый ряд трудностей, до того как они встретят своё счастье. Чаще всего сказка заканчивается победой добра над злом.

Образы русской сказки противоречивы и прозрачны. Разные попытки исследовать образ сказочного персонажа как образа человека приводят специалистов к мысли о существовании в русской сказке противоречия – победы героя-дурачка, «низкого героя». Эти противоречия преодолеваются, если смотреть на простоту «дурачка» как на символ всего, что чуждо христианской морали и осуждается ею: хитрость, корысть, жадность. Некая простота персонажа помогает ему поверить в чудо, ведь только в этом случае возможна победа чудесного [1, с.20–22].

Русская народная сказка – это сокровище народной мудрости. Русскую сказку отличает глубина мысли и идей, богатство содержания, поэтический язык и высокий воспитательный потенциал («сказка ложь, да в ней намек»).

При переводе сказок переводчику приходится решать и очень важный вопрос выбора конкретного стиля в целевом языке. Но, к счастью, процесс этот естественный, а решение переводчик принимает практически подсознательно в ходе восприятия оригинала. При этом многочисленные диалектизмы оригинала нередко заменяются архаизированной лексикой целевого языка, что помогает значительно повысить качество перевода с точки зрения его лексического состава.

Перевод является источником информации, который раскрывает своеобразие культурных ценностей, обычаев и традиций, улучшает взаимопонимание. Следовательно, перевод текста сказок является лингвокультурным процессом. С одной стороны, он подразумевает языковую деятельность, а с другой, служит целям межкультурной коммуникации. Она, в свою очередь, обеспечивает взаимопонимание участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [4].

Подобно тому, как в культуре каждого народа присутствует и общечеловеческое, и этнонациональное, в каждом языке можно обнаружить отражение как общего, универсального компонента культур, так и своеобразие культуры конкретного народа.

Список использованных источников

1. Аникин В. П. Русская народная сказка. – М.: Учпедгиз, 1959. — 256 с.

2. Герасимова Н. М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки. — В кн.: Русский фольклор. М.-Л. — 1978. — вып. 18.

3. Елисеева Ю. В. Атрибутивные средства характеристики персонажей сказки: функциональный и лингвокультурный аспекты (на материале русских и английских народных сказок): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Елисеева Юлия Владимировна; [Место защиты: Пятигорский государственный лингвистический университет]. Пятигорск, 2015. 184 с.

4. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода 3-е изд. / Я. И. Рецкер. — Москва: Р. Валент, 2007. — 244 с.

5. Москаленко О. А. Книжка-картинка в западной и отечественной литературной традиции: перевод или перекодирование? / О. А. Москаленко // Перевод в современном мире : сборник трудов IX Международной научно-практической конференции, Севастополь, 11–15 июля 2016 г. — С. 50-58.

УДК 372.881.1

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Н. В. Абрамова,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса формирования междисциплинарных компетенций на примере изучения иностранного языка в юридическом вузе. В статье проанализированы различные подходы к понятию «междисциплинарные связи». Раскрывается значение иностранного языка в образовательном процессе вуза. Автор делает акцент на условиях, необходимых для формирования междисциплинарных компетенций. Приводятся примеры учебных тем при изучении дисциплины «Иностранный язык (немецкий), реализующие междисциплинарное взаимодействие в образовательной практике юридического вуза.

Ключевые слова: междисциплинарные компетенции, иностранный язык, интеграция, образовательный процесс, юридический вуз

Summary. This article deals with the consideration of the problem of forming interdisciplinary competencies on the example of foreign language learning in a law school. The article analyzes various approaches to the concept of “interdisciplinary connections”. The importance of a foreign language in the educational process of a university is revealed. The author focuses on the conditions necessary for forming of interdisciplinary competencies. Examples of topics of the discipline “Foreign language (German), implementing interdisciplinary interaction in the educational practice of the law school are considered in this paper.

Keywords: interdisciplinary competencies, foreign language, integration, educational process, law school.

Междисциплинарные компетенции – это важный инновационный фактор в системе современного высшего образования. Рассмотрим понятие «междисциплинарные связи». Понятие «междисциплинарные связи»

интерпретируется по-разному в научной литературе. Многие ученые придерживаются мнения, что междисциплинарные связи повышают качество знаний по предмету, дополняют его содержание, предоставляя возможность более глубоко понимать изучаемые предметы.

Нельзя не согласиться с Е. Б. Шоштаевым, который говорит, что междисциплинарная связь – это процесс содружества учебных предметов, отражающих «единые, непрерывные и целостные явления профессиональной деятельности» [2, с. 8]. Ю. В. Благов считает, что междисциплинарные связи – это «наивысшая форма единства целей, принципов и смысла образования, создания масштабной взаимосвязи всех учебных дисциплин образовательной программы» [1, с. 57].

Существуют внутренние и внешние междисциплинарные связи. Внутренние междисциплинарные связи представляют собой связь между дисциплинами языкового цикла. Например, фонетика, грамматика, устная и письменная речь и т.д. Внешние междисциплинарные связи – это связи между дисциплинами языковых и неязыковых циклов, например, в юридических вузах, такими дисциплинами являются международное право, конституционное право, уголовное право, гражданское право и т.д.

Иностранный язык является интегративной, межпредметной дисциплиной. Перед преподавателями иностранного языка в юридическом вузе поставлены новые цели. От степени реализации этих целей будет зависеть профессионализм будущего юриста. Каждый специалист должен на высоком уровне владеть родным и иностранным языком, чтобы корректно строить устную и письменную речь, логически мыслить. Важнейшие темы юриспруденции должны включать аутентичные коммуникативные ситуации в аспекте культуры и языка делового и профессионального общения для создания естественной иноязычной среды.

Индивидуализация и самоопределение необходимы для успешной реализации междисциплинарной интеграции. Для осуществления междисциплинарной интеграции необходима корректная организация самостоятельной работы обучающихся в рамках учебной дисциплины. Необходимо отметить, что формированию метапредметных компетенций способствует свобода выбора обучающихся. Это находит своё отражение в элективных курсах, в которых просматривается связь с другими предметами.

Реализация междисциплинарной деятельности преподавателя заключается в методической и исследовательской деятельности. Методическая деятельность представляет собой разработку УМК, рабочих программ дисциплин, элективов. Исследовательская деятельность представлена участием в научно-практических конференциях, написанием научных статей и т.д. Исследование междисциплинарных связей включает в себя несколько этапов, таких как постановка проблемы исследования, определение целей и предмета исследования, формулировка гипотез, определение методов исследования, проверка гипотезы, анализ собранной информации, обобщение, аргументация, получение новых данных, регистрация исследовательских результатов, обсуждение достигнутых результатов.

В современном мире требуются специалисты с различными междисциплинарными компетенциями. Формированием междисциплинарных компетенций будет успешным, если в образовательный процесс будут включены

междисциплинарные, мультидисциплинарные учебные курсы, предоставляющие право выбора на изучение. Примером таких образовательных программ могут служить элективные курсы.

Методологическая база иноязычного обучения в системе высшего образования должна включать следующие аспекты: 1) междисциплинарный подход 2) практико-ориентированный, личностно-ориентированный подход 3) обеспечение развития метакомпетенций и коммуникативной компетенции.

В рамках междисциплинарного подхода одной из задач обучения иностранному языку в Саратовской государственной юридической академии является развитие навыков реферирования и аннотирования профессионально ориентированных и общенаучных текстов. Данный подход опирается на принцип интеграции и взаимодействия лингвистических, юридических отраслей знания. Межпредметная интеграция основывается на современной методике преподавания иностранного языка, на системном подходе к профессионально-ориентированному обучению. В нашем вузе дисциплина «Иностранный язык» связана с содержанием целого ряда специальных юридических дисциплин (международное право, гражданское право, конституционное право, история государства и права зарубежных стран, международное частное право и др.).

На занятиях по иностранному языку обучающиеся работают с аутентичным иноязычным юридическим материалом. Тексты для работы подобраны с учетом юридической коммуникации, что создает реальную атмосферу общения и делает обучение профессионально-ориентированным [3, с. 10]. Межпредметность дисциплины «Иностранный язык» выражается в том, что, овладевая иностранным языком по специальности, обучающиеся получают знания по другим юридическим предметам. Например, в учебный план дисциплины «Иностранный язык (немецкий)» в Саратовской государственной юридической академии входят такие темы как «Staatsaufbau der BRD», «Grundgesetz», «Recht sprechende Gewalt», «Funktionen des Rechts» и др.

Так, например, при изучении темы «Государственное устройство ФРГ» обучающиеся изучают конституционное устройство ФРГ, политические партии Германии, подробно изучают ветви власти, потом отмечают сходства и различия с политической системой в России. В ходе работы над темой «Основной Закон ФРГ» обучающиеся изучают историю создания Основного закона ФРГ, знакомятся с его структурой. Потом, опираясь на знания по конституционному праву, будущие юристы проводят сравнительный анализ Конституции РФ и Основного закона ФРГ, анализируют основные права немецких и российских граждан, закрепленных в Конституции и Основном законе, самостоятельно высказываются по проблемам нарушения основных прав. Будущим юристам предлагаются фотографии, картинки, по которым они должны определить, какие из основных прав они символизируют или какие права нарушены и т.д. Изучение таких тем как «Судебная власть», «Функции права» также базируется на уже изученных юридических дисциплинах как «Теория государства и права», «Международное право», «Гражданское право» и т.д. На занятиях по иностранному языку междисциплинарные связи реализовываются с помощью дидактических, методов, приемов, технологий. К ним можно отнести реферирование и аннотирова-

ние юридических текстов; чтение, перевод и анализ различных текстов по юриспруденции в Германии; подготовка докладов с презентациями, выступления с докладами на конференциях, круглых столах, деловые игры и т.д.

Таким образом, междисциплинарный подход, применяемый на занятиях по иностранному языку в юридическом вузе, позволяет формировать междисциплинарные компетенции у будущих юристов.

Список использованных источников

1. Шоштаева Е.Б. Интегральная технология обучения как основа повышения качества образовательного процесса: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Карачаевск, 2003. – 23 с.

2. Благоев Ю.В. Педагогические условия для формирования поликультурной компетенции студентов музыкального колледжа // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 5 т. Т. 5. Гуманитарные и социальные науки, образование. – Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2016. – 347 с.

3. Essina I.Yu. The role of neologisms in political discourse/ Russian linguistic Bulletin. 2020. № 3 (23). С. 9-13.

УДК 811.12

СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНО-АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНОФИЛЬМА

А. М. Айбазова,

*Обучающийся специалитета, кафедра теории и практики перевода,
Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь*

Аннотация. В статье рассматриваются семиотические характеристики кинодискурса, киноперевод как отдельный вид переводческой деятельности, а также понятия адекватного и эквивалентного перевода. Авторы приводят краткий обзор классификаций способов киноперевода, уровней адекватности и эквивалентности перевода. Способы достижения эквивалентно-адекватного перевода кинофильма рассмотрены на материалах русско-английского перевода документального фильма ГТРК «Ставрополье» «Величаевские молодогвардейцы».

Ключевые слова: кинодискурс, киноперевод, адекватность, эквивалентность.

Summary. The article discusses semiotic characteristics of film discourse, film translation as a specific type of translation activity, as well as the concepts of adequate and equivalent translation. The author gives a brief overview of the classifications of film translation methods, levels of adequacy and equivalence of translation. Ways to achieve an equivalent-adequate translation of the film are considered on the materials of the Russian-English translation of the documentary film Young Guards of Velichaevskoe.

Key words: film discourse, film translation, adequacy, equivalence.

С момента появления кинематограф обращает на себя внимание учёных ряда дисциплин, в частности теории перевода. Цель данной статьи – рассмотреть способы достижения эквивалентно-адекватного перевода ки-

нофильма. Эмпирическим материалом исследования послужил авторский перевод сценария документального фильма ГТРК «Ставрополье» «Величавские молодогвардейцы» [4].

В концепции С. С. Назмутдиновой кинодискурс трактуется как «семиотически осложнённый процесс активного взаимодействия автора и кинореципиента, осуществляющийся в межъязыковом и межкультурном пространстве за счёт использования средств киноязыка» [9, с. 7]. Отмечается, что «потенциал прецедентности в семиотически осложнённых текстах выше, чем в монокодовых, так как контрапункт семиотических кодов, транслирующих разноплановые прецедентные феномены, обеспечивает приращение смысла, возможность передачи по разным каналам, что, в свою очередь, способствует закреплению феномена в памяти» [8, с. 148]. В свою очередь, киноперевод рассматривается как «процесс межъязыковой обработки содержания оригинальных монтажных листов с последующей ритмической укладкой переводного текста и его озвучивания или введения в видеоряд в форме субтитров» [1, с. 59–60]. Различают четыре основных вида киноперевода: субтитрование (графическое сопровождение звукового ряда), закадровый перевод (фильм озвучивается одним актёром, сохраняется оригинальный звуковой ряд), дублирование (фильм озвучивается целым штатом актёров, оригинальный звуковой ряд удаляется) и синхронный перевод (в целом обычный синхронный перевод).

В результате попыток достижения синхронизации оригинального и переводного кинодиалогов переводчик попадает в зависимость от синтаксических структур языка перевода. В то же время наблюдается влияние исходного языка на структуру переводящего языка, проявляющееся на всех уровнях языка. Учитывая все структурные особенности перевода, логичным будет изучить вопрос адекватности и эквивалентности перевода [5, с. 3–4].

Жёсткое разграничение понятия «адекватность» и «эквивалентность» получили в «скопос-теории», разработанной К. Райс и Г. Фермеером. Согласно этой теории, главным критерием эквивалентности является достижение цели перевода, между тем как соответствие оригиналу в функциональном и текстовом аспектах приобретает второстепенное значение. В этой связи адекватность определяется как «отношение между оригинальным текстом и текстом перевода» [11, с. 174].

В своих трудах Ю. В. Ванников проводит разграничение разных уровней адекватности. Прежде всего переводовед выделяет семантико-стилистическую адекватность и функциональную [2, с. 34]. Помимо этого, автор считает необходимым отметить особый тип адекватности, а именно «дезидеративную адекватность», которая представляется полностью целенаправленной на запросы реципиента переводного материала (выборочный перевод, реферирование, аннотирование). Последней разновидностью адекватности, выделяемой автором, является «волеустремительная адекватность», демонстрирующая личную коммуникативную установку переводчика [2, с. 37]. В представлении А. В. Фёдорова оба аспекта рассматриваются как два необходимых требования к полноценному переводу. В теории Ю. В. Ванникова они представлены как определённые уровни адекватности, у В. Н. Комиссарова как уровни эквивалентности [3, с. 292].

Попытки составить типологию эквивалентности привели к появлению теории уровней эквивалентности. Наиболее развёрнутая классификация уровней эквивалентности дана в трудах В. Н. Комиссарова [6, с. 52–83].

При выполнении перевода кинофильма перед переводчиком стоят следующие задачи: обеспечение адекватного уровня понимания зрителем переведённого произведения, сохранение эмоционального воздействия кинокартины, её ассоциативного ряда, сохранение эстетического эффекта от просмотра, а в некоторых случаях и побуждение зрителя к каким-либо действиям. Выполнение данных задач требует выполнения перевода на более низком уровне эквивалентности. Мы разделяем мнение о том, что «интенциональная редукция субдоминантных сем – при потенциальной возможности их воспроизведения – неизменно ведет к «редукции» эстетической ценности контекста и текста в целом [7, с. 189]. Переводчик может сконцентрироваться на передаче прагматической и художественной составляющей произведения [10, с. 177].

Для достижения той или иной степени эквивалентности и адекватности, переводчикам приходится прибегать к широкому ряду переводческих трансформаций. В основу данной работы была положена классификация переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова [3, с. 384–385].

Рассмотрим примеры использования различных трансформаций для достижения эквивалентно-адекватного перевода документального фильма «Величаевские молодогвардейцы».

1) «Уже в декабре **им было не до** линии фронта» [4]. – «As early as December **they couldn't fight** at the front line».

2) «Гитлеру **уже было не важно**» [4]. – «Hitler **didn't care anymore**».

В примерах 1 и 2 мы можем наблюдать результат применения лексико-семантической замены или модуляции. В примере 1 оригинальное словосочетание «им было не до» было заменено в переводе на словосочетание «they couldn't fight» (буквально «они не могли вести борьбу»). Во примере 2 оригинальное словосочетание «уже было не важно» заменили на часто используемый английский эквивалент «didn't care anymore» (буквально «больше не заботился»). Из широкого контекста мы узнаём, что положение армии Гитлера было настолько плачевным, что он не мог позволить своим войскам тратить время на Кавказе, в то время как главные сражения шли на других фронтах. Исходя из этого было принято решение, что использование такого рода смыслового развития будет наилучшим вариантом перевода, демонстрирующим всё отчаяние Гитлера. Приведём ещё один пример смыслового развития.

Также при переводе исходного текста часто применялись грамматические трансформации, такие как, например, **замена части речи**. Особо распространённым видом замены в англо-русских и русско-английских переводах является замена существительного глаголом или прилагательного существительным [6, с. 181]. Рассмотрим пример использования данной трансформации в следующем предложении.

3) «Когда пришла беда, они встали на **защиту** своей Родины» [4]. – «When the mishap befell, they stood up **to defend** their homeland».

В примере 3 осуществляется типичная замена существительного «на защиту» глаголом «to defend». Как было указано выше, при переводе с ино-

странного языка на русский и наоборот чаще всего происходят замены существительного глаголом и прилагательного существительным. Выбор данной трансформации являлся наилучшим вариантом перевода, из-за невозможности сохранения существительного на переводящем языке.

Согласно классификации, представленной В. Н. Комиссаровым, в тексте перевода выявлено несколько уровней эквивалентности: уровень цели коммуникации (1 уровень), уровень высказывания (3 уровень) и уровень общения (4 уровень).

Итак, рассмотрев способы перевода документального фильма «Величаевские молодогвардейцы», мы можем сделать вывод, что для обеспечения эквивалентно-адекватного перевода кинофильма необходимо применение широкого спектра переводческих трансформаций, как лексических, так и грамматических.

Список использованных источников

1. Афанаскина Н. Ю. Киноперевод как объект исследования лингвистики, социологии, межкультурной коммуникации и теории перевода [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2017. – №4. – <https://cyberleninka.ru/article/n/kinoperevod-kak-obekt-issledovaniya-lingvistiki-sotsiologii-mezhkulturnoy-kommunikatsii-i-teorii-perevoda> (дата обращения: 01.12.2021).

2. Ванников Ю. В. Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод. М., 1988. С. 34–37.

3. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. Ун-та, – 2007. – 544 с.

4. ГТРК «Ставрополье». Величаевские молодогвардейцы. – 2021. – [Видео файл] – <https://www.youtube.com/watch?v=mv0Zw7eNCuA>.

5. Долгунова В. В., Фахрутдинов Р. Р. О переводе англоязычных кинотекстов художественных фильмов // Казанский вестник молодых учёных. – 2017. – №1 (1). – <https://cyberleninka.ru/article/n/o-perevode-angloyazychnyh-kinotekstov-hudozhestvennyh-filmov> (дата обращения: 01.12.2021).

6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк. – 1990. – 253 с.

7. Марченко Т. В. Литературный текст и интерпретационная позиция переводчика: в поисках адекватного решения [Электронный ресурс] // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – №2. – https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29730204_41459023.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

8. Марченко Т. В. Прецедентность в дискурсах медиапространства: к проблеме исследования вербальных и невербальных феноменов [Электронный ресурс] // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – №2. – https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46579258_20512215.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

9. Назмутдинова С. С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса): автореф. дис. ... канд. фил. наук. Тюмень, 2008. 18 с.

10. Хайрулина О. Э. Лингвокультурная трансляция как одна из проблем киноперевода // В сборнике: Актуальные вопросы филологической науки XXI века. Материалы VIII Международной научной конференции молодых ученых. – 2019. – С. 175–180.

11. Шамова Н. В. Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – №2. – <https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-ponyatiy-ekvivalentnost-i-adekvatnost-v-perevode> (дата обращения: 01.12.2021).

УДК 37.013.32

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ БЕСПЕРЕВОДНОГО ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Т. Аксёнова,

*старший преподаватель кафедры научно-технического перевода
и профессиональной коммуникации Донского государственного
технического университета, г. Ростов-на-Дону*

Аннотация. В статье дается краткий анализ 2х технологий: системы беспереводного овладения языком и грамматико-переводного метода изучения иностранного языка, приводятся результаты эксперимента по внедрению технологии беспереводного владения языком в учебный процесс.

Ключевые слова. беспереводное, иноязычная речевая деятельность, имитация ситуативно-обусловленной речи.

Summary. It's a brief analyses of two technologies in teaching and learning any foreign language. The results of the experiment are presented.

Key words. untranslated, foreign language speech activity, imitation of situational-conditioned speech.

Любое нормальное владение иностранным
языком является беспереводным.

Е. М. Жаркова¹

Владеть иностранным языком беспереводно – значит, говорить на нем так, как говорят носители языка; так, как говорит на родном языке любой человек. Е. Д. Аверина, кандидат педагогических и акмеологических наук, член-корреспондент РАН, автор технологии беспереводного владения иностранными языками в своей книге «Иностранный язык за 200 часов» пишет: «Вот и получается, что прежде, чем произнести слово на иностранном языке, нужно «уложить» возникшее у вас представление именно в ту ячейку, в которую его укладывают те, чей язык вы изучаете. Тогда вы будете называть всё, что вас окружает именно так, как это делает носитель языка. Это и называется беспереводным владением языком, исключая родной язык из процесса поиска слова для обозначения возникшего у вас представления».²

Если проследить путь развития речи одного (любого) человека, то окажется, что естественное овладение человеком речью начинается со слуховой активности: младенец не умеет говорить, но умеет слышать с первых дней своей жизни (а, может быть, и раньше). Он погружается в звуки речи, обращенной к нему или окружающим его людям.

Ритм и интонация речи, – первое, на чем концентрируется внимание

¹ Е. М. Жаркова Теория и практика перевода. Донецк, 2013, с. 1

² Е. Д. Аверина. Иностранный язык за 200 часов. СПб, 2016, с.77.

слушающего ребенка. Вот почему изучение любого языка надо начинать с «ушей», с умения различать и имитировать ритм и интонацию. Затем – переход к «языку»: «Нужно научиться имитировать интонацию и распознавать в речи разные интонационные модели. Именно в них заложена информация о намерении говорящего спросить о чём-нибудь, побудить вас к какому-либо действию, обратить ваше внимание на главное, перечислить что-либо и т.д.»³. Затем ребенок начинает видеть и ассоциировать произносимые окружающими высказывания с ситуацией, с которой связана звучащая речь. Речь окружающих для него становится ситуативно-обусловленной, и это главное условие для создания аудиовизуального образа (образов) речи. Отсюда следует простой вывод о том, что кратчайший способ научиться говорить на иностранном языке – это имитировать ситуативно-обусловленную речь носителей языка.

Ребенок начинает имитировать речь взрослых, не всегда сразу понимая ее значение. Отсюда и потешные детские фразы типа: «Ты ко мне приходила завтра».

Затем он начинает понимать содержание речи окружающих, начинает правильно говорить. Потом ребенок идет в школу, и в школе учится читать и писать то, что он уже умеет говорить; учит правила «почему мы так говорим», «как сказать правильнее», «как правильно написать» и т.д. Таким образом, путь естественного освоения речевой деятельности человеком (следовательно, самый оптимальный) состоит из следующих этапов:

1. Слуховое восприятие звучащей речи;
2. Зрительная ассоциация звучащей речи с ситуацией, в которой она звучит;
3. Имитация ситуативно-обусловленной речи;
4. Сознательное самостоятельное говорение;
5. Научение чтению и письму.

Поведение и состояние психики человека, осваивающего иноязычную речевую деятельность, описаны Е. Д. Авериной в ее научных трудах.

Она предложила при изучении иностранных языков следовать тем же естественным путем освоения иностранного языка, что и родного: сначала слушать, вслушиваться в ситуативно-обусловленную речь носителей языка, записанную на электронных носителях с соблюдением законов обучения; затем имитировать её и т.д.

Основываясь на глубоких знаниях принципов организации памяти человека, особенностях кратковременной и долговременной памяти, пределах оперативной памяти, Е. Д. Аверина разработала систему укладки усвоенной и оттренированной иноязычной речи в долговременную память и формирование у обучающегося речевой готовности.

Созданная ею технология успешно защищена кандидатской диссертацией более 30 лет назад. Защита происходила в Санкт-Петербурге. Огромный зал был заполнен учеными: кандидатами и профессорами-психологами, на труды многих из которых она опиралась в своих исследованиях и экспериментах.

Созданная ею система практикуется около 40 лет и дает быстрый и прочный результат уверенного овладения обучающимися иноязычной ре-

³ там же.

чевой деятельностью в короткие сроки, формирует готовность к коммуникативным ситуациям при коротких сроках адаптации.

Созданы методические пособия и учебные аудиокomплексы на английском, немецком и французском языках.

К сожалению, практикующийся в учебных заведениях грамматико-переводный метод, являющийся, по сути, аналитическим, т.е. в его основе лежит анализ, не способствует формированию готовности к речевой деятельности. Он, напротив, способствует возникновению и развитию языкового барьера: человек, попавший в коммуникативную ситуацию, вынужден постоянно думать о переводе и правилах грамматики; у него напряженно работает сознание, а подсознание задействовано слабо.

В основе же технологии бесперевоного владения иностранным языком лежит синтез и активная деятельность подсознания, и это является залогом его успеха.

С технологией Е. Д. Авериной я познакомилась в 2001 году и несколько лет ушли на её освоение.

Затем был проведен ряд экспериментов в разных учебных заведениях в разных возрастных группах, начиная от дошкольников и заканчивая студентами ВУЗов.

Цель экспериментов была:

1. Выявить сильные и слабые стороны технологии.
2. Выявить возможности применения технологии для освоения учебной программы в условиях групповых занятий.
3. Выявить скрытые возможности применения системы.
4. В ходе эксперимента было выявлено следующее:

1. Дошкольники и младшие школьники, не знакомые с грамматико-переводным методом, быстро включаются в работу по восприятию учебных текстов на слух, им нужно мало времени на привыкание к тембру голоса и произношению носителей языка. Они почти сразу начинают повторять текст за аудиозаписью, не вникая, как это и положено, в содержание (по технологии надо несколько раз прослушать текст, несколько раз проговорить его в специально предусмотренных интервалах, и, если не придет понимание, обсудить с преподавателем, о чем же идет речь). Учащимся же школ и студентам, особенно тем, кто имел высокий балл, обучаясь по системе грамматико-переводного метода, трудно воспринимать учебные тексты, даже самые простые, на слух. Они все время просят показать, как это пишется, и все время переводят текст в уме, вместо того, чтобы представить себе речевую ситуацию с действующими лицами и их ситуативно-обусловленными репликами. Этим студентам требуется время и определенная сила воли для освоения новой для них технологии.

2. Все категории обучающихся с первого же занятия начинают говорить на изучаемом иностранном языке с правильной интонацией, ритмом и произношением, понимая то, о чем они говорят, благодаря соблюденным в технологии принципам обучения (посильность, от простого к сложному, наглядность и т.д.).

3. С первого же занятия обучающиеся говорят правильно, спокойно, с правильной интонацией и произношением, не пропускают в речи ни пред-

логи, ни артикли, благодаря правильно организованной работе над ритмом предложения, где непроизношение одного, даже маленького слова, ведет к сбою уложенного в сознание и подсознание ритма, что учащиеся сразу бы почувствовали.

4. У обучающихся на подсознательном уровне формируется подсистема «иностранный язык», способная к саморазвитию.

5. У обучающихся формируется положительно-окрашенное эмоциональное отношение к процессу обучения, радость от достигнутого успеха, что отражается на успеваемости: практически нет неудовлетворительных и удовлетворительных оценок, только «хорошо» и «отлично».

6. В ходе экспериментов, во время отработки на занятиях ситуативно-обусловленной речи, возникла идея создания музыкального детско-студенческого театра-студии на английском языке, которая была воплощена в жизнь. Был создан театр- студия «A Cup of Kindness».

За период с 2006 по 2020 годы были поставлены 24 музыкальных спектакля по 45 минут на английском языке.

Для того, чтобы спектакли были профессиональными, чтобы основой спектакля было действие, чтобы герои понимали мотивы своих поступков и природу реплик, насыщенных подразумеваемым смыслом, что, безусловно, является неотъемлемым свойством реальной жизни, чтобы спектакли были интересными, чтобы актеры играли свои роли так, что даже люди, не владеющие иностранным языком, понимали, о чем спектакль, нужны были знания режиссуры, и я поступила на факультет режиссуры драматического театра на курс заслуженного деятеля искусств РФ Дубинина К. М. В 2018 я закончила бакалаврат, а в 2020 году магистратуру, получив знания по специальности «режиссер драматического театра, преподаватель актерского мастерства». Тема моей магистерской дипломной работы такова: «Сценическое действие в репетиционном процессе в условиях студенческого психологического театра как средство овладения иноязычной ситуативно-обусловленной речевой деятельностью».

Таким образом, в ходе экспериментов технология Е. Д. Авериной проявила себя как высокорезультативное развивающееся научное знание, способствующее всестороннему развитию личности как обучающихся, так и обучающихся, применение которого в полном объеме может принести большую пользу образованию и просвещению.

Список использованных источников:

1. Аверина Е. Д. Иностранный язык за 200 часов. СПб, 2016. – 192 с.
2. Жаркова Е. М. Теорія і практика перекладу. Донецк, 2013. – 439 с.
3. Кехо Д. Подсознание может все. Канада, 1987. – 160 с.
4. Антонова О. А. Школьный театр в истории образования России (XVII- XXI вв.) СПб, 2006. – 280 с.

УДК 811.161.2

**ПЕРЕДАВАННЯ АПЕЛЯТИВІВ БЛИЗЬКОСПОРІДНЕНОЮ
МОВОЮ В ХУДОЖНЬОМУТВОРІ (НА ПРИКЛАДІ РОСІЙСЬКОГО
ПЕРЕКЛАДУ ДРАМИ-ФЕЄРІ ЛЕСІ УКРАЇНКИ «ЛІСОВА ПІСНЯ»)****О. Л. Ачилова,***кандидат філологічних наук, доцент кафедри української філології,
Інститут філології, Кримський федеральний університет
імені В.І. Вернадського, Сімферополь*

Аннотация. В статье описаны особенности перевода обращений на близкородственный язык. Цель работы – проанализировать способы перевода апеллятивов в художественном произведении. Основными методами исследования стали описательный и сопоставительный. Обращено внимание на перевод стилистически нейтральных и экспрессивно окрашенных обращений. Большая часть апеллятивов переведена с помощью эквивалентов, в том числе и суффиксальных.

Ключевые слова: апеллятив, перевод, художественный текст, эквивалент, стилистическая окраска.

Summary. The article describes the features of translating appeals into a closely related languages. The purpose of the study is to consider the translation of appeals in a literary work. The main research methods are descriptive and comparative. The translation of stylistically neutral and expressively colored appeals is analyzed. Most of the appeals are translated with the help of equivalents, including suffix derivatives.

Keywords: appeal, translation, literary text, equivalent, stylistic coloring.

Апелятив, або звертання, здавна викликає інтерес мовознавців і як одиниця граматики, і як феномен мовленнєвого етикету. З огляду на неоднозначність визначення явища йому властиві різноманітні функції та характеристики. У цій роботі *звертання* тлумачимо як слово або словосполучення в реченні, що називає особу, іноді – предмет, до якого звернена мова.

Як зазначає М. Скаб, мовні засоби апеляції (зверненості) є необхідним складником кожної з мов. Проте в процесі розвитку конкретної мови в ній з'являється свій набір граматичних категорій, витворюються своєрідні грами для оформлення апеляції [4, с. 125]. В українській мові сформувалася власна система морфологічних засобів вираження звертання, що можна вважати однією з показових особливостей української лінгвокультури, хоча вираження значення апеляції має певні спільні риси у споріднених мовах.

Природною формою звертання в українській мові є кличний відмінок, або вокатив. Маркерами цієї форми є специфічні флексії, що збереглися в мові з давніх часів. Російська мова втратила вокатив (звательный падеж) ще за часів Середньовіччя, отже, паралельні форми в близькоспоріднених мовах різняться на рівні морфології.

У ході історичного розвитку мов зміни в системі звертань відбувались і на рівні лексики, про що свідчить дещо різний за складом репертуар апелятивів у споріднених мовах. З урахуванням національної специфіки апелятивів цікаво дослідити особливості їхнього перекладу, зокрема, у художньому тексті. Так, на думку С. Влахова та С. Флоріна, серед звертань є значна кіль-

кість назв етнічних реалій або псевдореалій, «разом з тим вони є характерними елементами мовленнєвого етикету, що завдає чимало неприємностей перекладачеві» [2, с. 227].

Мета цієї статті – проаналізувати особливості передавання апелювативів у художньому творі на близькоспоріднену мову. Матеріалом дослідження стала драма-фесрія Лесі Українки «Лісова пісня» та її російський переклад у виконанні Ольги Тимохіної.

Методи дослідження – описовий та зіставний.

Відомо, що в художньому тексті немає нічого зайвого або випадкового, у ньому кожне слово стоїть на своєму місці і відіграє саме ту роль, яку для нього передбачив автор; і апелювати тут не становлять винятку. Подеколи їм відводиться роль своєрідних характеристик [2, с. 216]. В аналізованому творі, побудованому на репліках героїв, звертання відіграють провідну роль, адже уможливають більш глибоке розуміння ставлення персонажів один до одного, передавання їхнього емоційного стану, надання мовленню виразності. Ю. Шепель справедливо вважає, що звертання у драмах Лесі Українки є художнім засобом створення образів [7].

У першотворі серед аналізованих апелювативів є непоширені (*тату, Мавко, діти* тощо) та поширені – переважно присвійним займенником *мій* (*моя сестро, мій сину*), рідше іменниками-прикладками (*ніченько-чарівниченько*) та порівнянням (*стежечки як мережечки*).

За стилістичним забарвленням у творі вжито як нейтральні (*дядьку, Лукашу, діду*), так і експресивні апелювати, стилістично марковані або лексичним значенням (*милая, коханий*), або суфіксами, що надають словам різних емоційних відтінків (*дідусю, дитинко, сестриченько*).

Виявлено звертання декількох семантичних груп. Найчисельнішими є іменування адресата за родинними зв'язками (*дочко, батьку, діду, тату, небоже, мамо, дядино, сестро, тітко, небого, жінко, чоловіче, сину*), а також за статтю та віком (*дівчино, панянку, дівко, парубче, хлопче, дитино*). Часто вживаються антропоніми: *Лукашу, Килино*. Характерними для драми-фесрії є міфоніми: *Лісовий, Мавко, Маро, Злидні, Потерчата, Куцю-Куцю, моя Доле*. Є звертання і до персоніфікованих неістот, символічних для української лінгвокультури: *березо, вербо, косо моя*.

Проаналізуємо, до яких засобів удається перекладачка для передавання апелювативів.

Апелювати, що називають адресатів за родинними зв'язками, найчастіше перекладено еквівалентами, пор.: *Він, батьку, не чужий. Ти не пізнав? - Отец! Он не чужой нам. Приглядишь!; Стидайся, дочко! Водяній царівні танки заводити з чужинцем?! – Стой, дочка! С чужаком плясать? Стыдись!; А що, небоже, чи не час додому? – Что же, племянник, пойдём-ка домой! Знайшлась небога! – «Племянница» нашлась. Уточнимо, що лексеми *небіж, небога* мають синоніми *племінник, племінниця* і входять до власне українського лексичного фонду. У російській мові їм відповідає лише один еквівалент. Паралельно з лексемою *тітка* функціонує ще одне власне українське найменування за спорідненістю *дядина* – дружина дядька. Такого іменника немає в російській мові, тому єдиним його еквівалентом є *тётя*: *Де, дядино, Лукаш? – Где, тётя, Лукаш?* Як видно, у цьому контексті*

перекладач вибрав похідне із суфіксом суб'єктивної оцінки.

Антропоніми *Лукаш* і *Килина* перекладачка залишає без змін: *Лукашу, ти провів би. – Лукаш, так проведи же!; Килино! Гей, Килино! Ну, та й спить же! – Ну, давай, Килина, просыпайся! Эй, вставай!* Апелятив дядьку *Леве* в перекладі випущено, пор.: *Ов! дядьку Леве! то ви-те вдома? – Я пошутила. Дядька дома?*

Особливу роль у творі відіграють міфічні персонажі. Проте не всі вони відомі російському читачеві. Якщо *Водяник*, *Русалка*, *Лісовик* входять до спільного східнослов'янського міфологічного фонду, то *Мавка*, *Куць*, *Потерчата*, *Злидні* є власне українськими, а отже потребують коментаря-пояснення в російському перекладі. Так, ще в роботі Л. Латишева зазначено, що спосіб компенсації лінгвоетнічних відмінностей є основним та «універсальним методом подоланням лінгвоетнічного бар'єру в перекладі» [3, с. 25]. В аналізованому ж перекладі знаходимо коментар лише щодо *Куця*: *Куц (молодой чёрт)*. Зберігаючи загальну атмосферу твору, перекладачка не змінює імен міфічних істот: *Ти плачеш, Мавко? – Ты плачешь, Мавка?; Дитинчата-Потерчата, засвітіте каганчата! – Потерчата, до зари засветите фонари!* Вихідний апелятив ужитий з прикладкою, яка вказує на те, що *потерчата* є дітьми, у перекладі цієї інформації не знаходимо. Ще приклад: *Куцю-Куцю, поцілуй у руцю! – Куц мой, не балуй! Ручку поцелуй!* *Леся Українка* вживає повторюване звертання, наближаючи авторський текст до фольклорного. У перекладі цю рису втрачено.

Особливо треба сказати про такий міфічний персонаж, як *Злидні*. *Злидні*ми в східнослов'янській міфології називали злих духів, що приносили в оселю нестатки, бідність. Згадуються *злидні* в українських та білоруських прислів'ях. А от у російській мові омонімічна лексема має інше значення: 'злые, коварные умыслы; козни' [5]. Відсутність перекладацького коментаря створює неоднозначність у сприйнятті твору: *Чтоб злыдни вас, прожорливых, обсели!* Що ж стосується апелятива *Злидні*, то О. Тимохіна уникає його: *Ей, Злидні, залишіть – то не людина! – Она не человек!*

Апелятиви, які ідентифікують адресата за статтю та віком, перекладено еквівалентами: *Ну ж, парубче, хутчій! Не лізь, як слимак! – Вязать быстрое, парень, не умеешь?; Та щ оти, дівчино? Чи я розбійник? – Да что ты, девица! Неужто я злодей?; Будь здорова, дівко! – Будь, девка, здорова!; За що ж то, паняanko? – Барышня, за что так?* В останньому прикладі перекладач знаходить російський еквівалент *барышня* до української етикетної формули звертання *паняanko*. Зазначимо, що таке звертання в російській мові сьогодні вважають застарілим, але для перекладу цього твору саме він, на нашу думку, є вдалим.

Звертання до неістот, які є символічними для українського фольклору та лінгвокультури загалом, також передано еквівалентами: *Ой горенько! Косо моя! косо моя золотая! Ой лишенько! красо моя! красо моя молодая!.. – Ой, горюшко! Коса моя! Коса моя золотая! Беда моя! Краса моя! Краса моя молодая!* Тут підбір еквівалентів продиктовано тим, що такі звертання до неістот не є чужими й для російського фольклору, а тому гармонійно вплітаються в текст перекладу.

Експресивно забарвлені звертання перекладено лексемами з подібним

або тотожним значенням і стилістичним забарвленням: *Хвильку! Хвилиночку! Мить одну, рідная!* – *Только мгновенье! Минуточку, милая!*; *Заграй мені, коханий, у сопілку, нехай вона все лихо зачарує!* – *Прошу тебя, сыграй, мой ненаглядный!* Подекуди емоційно-оцінні апелятиви, що найяскравіше передають внутрішній стан персонажів, у перекладі випущено: *Ні, милий, ти душу дав мені... – Ты душу дал мне...; Не треба, кажеш? То не треба, милий! Не треба, любий! Я не буду, щастя, не буду прислухатися, хороший! Я буду пестити, моє кохання! Ти звик до пестоців? – Не надо, так не буду, милый ладо! Не буду в твоём сердце дна искать, мой ненаглядный, лишь тебя ласкать. Ты любишь ласки?* У другій ілюстрації замість п'яти експресивних звертань перекладачка вживає лише два. Вважаємо вдалим тут використання давньоруської за походженням лексеми *ладо*, що трапляється в народно-поетичних творах як звертання до коханого [1, с. 603]. Ще приклад: *Ей, кодрло лісове! Така в вас правда!.. – Лесная нечисть! Где же ваше слово? У перекладеному тексті доречно вжито іменник *нечисть*, що ним позначають нечисту силу, до якої, за повір'ями, зараховують русалок, водяників тощо [6].*

Як уже згадано, частина апелятивів у драмі-феєрії є суфіксальними дериватами. Суфікси суб'єктивної оцінки в них передають нюанси позитивних чи негативних почуттів. Такі суфіксальні апелятиви подекуди перекладено в різний спосіб:

- спільнокореневими суфіксальними еквівалентами: *Ну, дівонько, хоч ти душі не маєш, та серце добре в тебе. – Ну, девонька, хоть ты и без души, твои дела и речи хороши; Дяка щирая тобі, ніченько-чарівниченько, що закрила ти моє личенько! і вам, стежечки як мережечки, що вели мене до березочки! Ой сховай мене ти, сестриченько!* – *Мой поклон тебе, фея-ноченька, что укрыла меня от молодчика! Вам спасибо, лесные дороженьки, что меня привели к берёзоньке! Я спешу от немилого скрыться. Спрячь меня под листвою, сестрица!; Вербиченько-матусенько, рятуй!* – *О, ивушка-матушка, нас вместе удержи!*;

- суфіксальними еквівалентами, утвореними від інших твірних основ: *Він добрий, любонько, до молока. – ...он, милочка, полезен с молоком;*

- поширеним звертанням з еквівалентною семантикою: *А ти, братуню, вже б не відзивався, коли не зачіпають!* – *А ты молчал бы лучше, милый брат, когда не трогают!; Гей, дубоньку, чи будеш ти стояти, як сива голова моя схитнётся?.. – Гей, мой дубок, а будешь ли стоять, как голова седая пошатнётся, иль пасть под топором тебе придётся?; Ходіте, женчики!* – *Эгей, идите, жнецы мои, пополдничают домой!*

Отже, дослідження показало, що для перекладу художнього твору важливим є лінгвокультурний аспект. Специфіка перекладу тексту на близькостпоріднену мову не здається складним завданням, адже більшість реалій у близьких культурах є тотожними або схожими. Проте складнощі криються саме в нюансах, що й довів аналіз перекладу апелятивів. Значну частину звертань у друготворі передано еквівалентами. У пошуках адекватних мовних засобів для решти апелятивів перекладачка вдається до більш чи менш вдалим перекладацьких засобів.

Список використаних джерел

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови : Близько 250 000 слів / укл. та гол. ред. Вячеслав Бусел. Київ; Ірпінь : Перун, 2005. 1728 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М.: «Международные отношения», 1980. 343 с.
3. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
4. Скаб М.С. Граматика апеляції в українській мові. Чернівці: Місто, 2002. 272 с.
5. Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/>
6. Толковый словарь русского языка Ушакова Д.Н. URL: <https://ushakovdictionary.ru>
7. Шепель Ю. О. Особливості перекладу драми-феєрії «Лісова пісня» з української мови російською. URL: http://www.confcontact.com/2013-alyans-nauk/fl3_shepel.htm

УДК 81.25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕНОРМАТИВНОЙ РЕЧИ,
КАК ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

Д. А. Баблюк,

*обучающийся магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

М. Ю. Лукинова,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории
и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Видеоигры сегодня – это глобальная индустрия развлечений. Их глобальный статус не может быть достигнут без усилий по переводу языков, которые делают игры доступными для игроков, независимо от их происхождения. Литературная норма, к которой должен стремиться каждый переводчик, является эталоном языка. Проблема изучения, нестандартизированных языков, затронутая в исследовании, представляет особый интерес в контексте изменений в современной языковой культуре.

Ключевые слова: видео-игры, локализация, неформальный, диалект, сленг, вульгарный, грубый.

Summary. Today, video games are a global entertainment industry. Their global status has not been achieved without efforts to translate languages. This makes the games accessible to players. The standard norm is the norm of the language. Every translator should aim for this form. The question of the study of abnormal speech, raised in the article, is currently of particular interest in connection with the changes in modern speech culture.

Keywords: video games, localization, informal, dialect, slang, gross, uncouth.

Появление Интернета выявило потребность потребителей в том, чтобы «информация о продукте, программное обеспечение, руководства пользо-

вателя, игры, учебные материалы» [7, с. 3] были доступны на их родном языке, что вызвало еще одну потребность в услугах локализации.

Согласно Ламберту и Ван Горпу, переведенный продукт может рассматриваться как адекватный («соблюдение правил целевого языка и создание понятного текста на этом языке) или приемлемый (выход за рамки языковых обязательств для создания продукта, который также является приемлемым как нечто, созданное специально для целевой аудитории)» [4, с. 25].

В случае игр перевод не является предпочтительной формулировкой; вместо этого используется термин «локализация». «Локализация, как конструкция – это лингвистическая адаптация данного продукта, аналогично переводу, но также необходимо учитывать культурные и технические аспекты» [3, с. 57].

Но что делает перевод видео-игр настолько уникальным, что они породили подбласть в исследованиях перевода? Как отмечает Бернал-Мерино [8, с. 42], перевод видео-игр принципиально не отличается от других видов аудиовизуального перевода. Похоже, что он состоит из вопросов из других областей, которые уже были достаточно тщательно изучены: перевод субтитров, дубляж и локализация программного обеспечения. Однако перевод видео-игр оказывается чем-то большим, чем просто суммой его частей, поскольку сочетание вышеупомянутых методов может создать множество препятствий и проблем, которых нет ни в одном другом жанре. Кроме того, видео-игры позволяют получателю активно взаимодействовать с различными элементами, поэтому их локализация фокусируется на воссоздании оригинального ощущения игрового процесса больше, чем в любой другой сопоставимой аудиовизуальной среде. Поэтому основная часть этой статьи посвящена анализу характеристик перевода видео-игр, выделяя некоторые лингвистические и технические проблемы, которые наиболее заметны в этой среде. Однако, чтобы дать всестороннее представление обо всех проблемах, в этой статье мы также рассмотрим локализацию видео-игр под новым углом зрения, включив ее в более широкий культурный контекст и попытавшись продемонстрировать, как ожидания игрового сообщества могут повлиять на перевод.

В культуре начала 21 века, выпуск игр обычно происходит одновременно по всему миру, независимо от того, на каком носителе выпущена игра (например, консольные игры, такие как *Mortal Kombat*, настольные игры, такие как Монополия, карточные игры, такие как *Magic: the Gathering*, социальные игры, такие как *Candy Crush*). Интересно наблюдать, какие решения принимаются, когда эти игры транслитерируются в группе, как принимаются решения и, что более важно, как они соотносятся с политикой клиентов. В готовом продукте ожидается определенный уровень согласованности, и все переводчики, участвующие в данном процессе, должны поддерживать одни и те же варианты перевода, используемые во всех случаях, когда каждый из них требуется по контексту. «Растущий спрос на локализацию на рынке переводческих услуг, рост индустрии видеоигр» [4, с. 23], потребность в переводе, недостаток знаний по проблеме необычной речи, отсутствие четкого понимания ее состава и дифференциации ее элементов определяют обособленность данного исследования. Метод перевода нестандартизированных

единиц также оказался неадекватным в языковых исследованиях. Поэтому в качестве предположений служат следующие суждения: из-за достаточной специфичности и ненормальности нестандартная лексика имеет определенный подход к ее переводу и различным ее элементам. В свою очередь, объектом данного исследования являются элементы денормализованной речи в репликах персонажей игры серии «Ведьмак», а темой - денормализованные речевые единицы.

Видео-игра «Ведьмак 3: Дикая охота» была выбрана для анализа в связи с ее известностью и популярностью среди игроков. В настоящее время игра переведена на следующие языки: французский, немецкий, итальянский, испанский, русский, упрощенный и традиционный китайский, японский, корейский, бразильский и португальский. Но главной причиной выбора игры стало наличие в тексте анализируемого материала: разговорных, диалектных, жаргонных, запретных слов и словосочетаний. Был проведен анализ русских и английских субтитров. Всего в игре было найдено 116 сленговой речи, 425 элементами неформальной, 830 элементами ненормативной лексики и грубой лексики, а также 1377 диалектизмов. Помимо лексических единиц, были проанализированы грамматические отклонения от нормы, а также фонетические особенности речи.

Рассмотрим сленгизмы, вызвавшие больший интерес: «*to whisk away, to empty one's bowels, potty time, to croak, sloshed, stewed*» [5].

Выражение *to whisk away*, встречающееся в речи персонажей:

«*The y vanished after the new moon, as if **whisked away** by shadows*» [5].

Предоставленное словосочетание означает «*to take someone or something away from one place to another very quickly*», что сравнимо с русским «унести, забрать, умыкнуть» [1, с. 87]. Дословно бы высказывание звучало так «...будто их утащили тени», однако, можно наблюдать следующее:

«*Они пропали в последнее новолуние – как сквозь землю провалились*» [5].

Взглянем на следующий пример:

«*The honorable margrave **croaked** in a brothel, decked out in leather lingerie, so the family held a hush-hush funeral. But I have my sources*» [5].

В данной реплике употреблён сленгизм *croaked*, со значением «умереть». В русском переводе фраза передана так:

«Достопочтенный маркграф **склеил ласты** в борделе, одетый в кожаные шмотки, так что семья похорон не афишировала... но я-то своё дело знаю» [5].

Выражение «склеить ласты» – из тюремного жаргона.

Последние сленгизмы встречаются в следующей реплике:

«*Got **sloshed, stewed** and fifty-seven other varieties of drunk – that's what happened. Get up, time to have a drink*» [5].

Так, представленные элементы определяются как *drunk*. Слово *sloshed*, для британского английского, имеет большее отношение к неформальной речи, в то время как для американского языка это сленг.

В переводе фраза интерпретирована следующим образом:

«*Набрались мы в три... жопы, вот что случилось. Вставай, пошли пить*» [5].

Локализатор, в данном случае, использует приём генерализации, переводя одной фразой.

Кроме того, можно наблюдать примеры пропуска единиц при переводе.

Например:

«*Making her slog through that brick? No wonder she took off.* – Ты дал ей **этом курнич**? Ничего странного, что она заскучала» [5]. В отрывке речь идёт об учебнике.

«*I've been soaking myself three days straight. Anna came to me, said they were living. I begged them to stay. She refused to hear it.* – **Я тогда нул** третий день. Ну... пришла Анна и сказала, что они уходят. Я умолял её, чтобы они остались, но она не слушала» [5].

Выражение *to soak*, принятое в разговорном английском языке, имело значение «*to drink excessively or make or become drunk*» и было переведено на русский язык нейтральным глаголом «пить». Чтобы сохранить блок, можно было использовать аналогичное разговорное выражение «не просыхать», но это усложняет предложение и делает его более трудоемким.

Замещение встречается в других текстовых репликах:

«*Folk're jumpy 'round here. Armies just passed through, now a griffin's prowlin' about...* – Люди здесь **нервные**. Мало того, что войска только прошли, так и грифон шныряет...» [5].

«*Now, where'd I put the bloody vodka...? ah, there it is! A snifter?* - Где-то у меня была ещё водка... О, нашёл. **Выпьешь?**» [5].

«*I've asked after him everywhere, but it seems an army of tongue-stealing cats has overrun the city.* – Я спрашивала о нём в городе, **но все как воды в род набрали...**» [5].

Многомерность и мультимодальность делают современные видеоигры сложным объектом для изучения, но в то же время открывают ряд новых направлений для исследований ненормативной речи, как описано в этой статье. Утверждается, что динамично развивающаяся область формирует перспективную область новых исследований в области ненормативной речи, поскольку она ставит новые задачи для изучения перевода. Сектор локализации игр в настоящее время работает, используя интуицию, разработанную на основе эмпирических данных, а не на основе надежных достоверных данных, полученных в результате исследований. Игровая индустрия в целом явно выиграет от идей, полученных в результате целенаправленных исследований в области локализации и перевода, а сами исследования перевода будут вознаграждены новыми подходами и перспективами, которые, вероятно, станут результатом новых проблем, связанных с этой новой областью исследований видео-игр.

Список использованных источников

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Русские толковые словари. URL: <http://ru-dict.ru/slovar-ozhegova.html> (дата обращения: 18.06.2018).

2. Кузовлев Я. Словом и стальнойю. Обзор игры «Ведьмак 3: Дикая Охота» [Электронный ресурс] // Игро Мания. – 2015. – URL: https://www.igromania.ru/article/26544/Slovom_i_stalyu_Obzor_igry_Vedmak_3_Dikaya_Ohota.html (дата обращения: 08.01.2022).

3. Норец М.В., Злюфарова Ш.З. Особенности перевода медиатекста интернет-СМИ / М.В. Норец, Ш.З. Злюфарова // Переводческий дискурс: ме-

ждисциплинарный подход: материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 26-27 апреля 2021г. – С. 220-224.

4. Hermans T. (1996). Norms and the determination of translation: A theoretical framework. pp. 25-51.

5. Palumbo G. (2009). Key Terms in Translation Studies. London: Continuum. pp. 71-72.

6. The Witcher 3 Official Website [Электронный ресурс] // URL: <http://thewitcher.com/ru/witcher3> (дата обращения: 18.12.2021).

7. Lambert J. and Van Gorp H. (1985). Sobre a descrição de traduções. [Translated by Torres M. H. C. & Fernandes L. P.] In Guerini A., Torres M. H. C. and Costa W. (Org.) *Literatura & Tradução: textos*.

8. Wolf M. J. P. & Perron B. (2003). Introduction. In Wolf M. J. P. & Perron B (eds.), *The Video Game Theory Reader*, New York and London: Routledge. pp. 1-24.

9. Yahiro S. (2005). Terebi game kaishakuron josetsu: Assemblage [Towards Theory of Video Games: Assemblage]. Tokyo: Gendaishokan.

УДК 81.23

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «РЕБЁНОК» В УЙГУРСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Р. Р. Бавдинов,

кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры языков, Международный университет информационных технологий, Алматы

А. А. Жапарова,

магистр переводческого дела, старший преподаватель кафедры перевода и межкультурной коммуникации, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы

Аннотация. Настоящая работа посвящена анализу концепта «ребенок» в уйгурском и английском языках. В статье совершается попытка представить настоящие лексемы в виде концептов. Были выбраны лексемы «ребенок – бала» и «child». Концепт «ребенок» с одной стороны является универсальным, с другой – обладает национальной спецификой. Авторы статьи постарались показать на примерах особенности уйгурского и английского языков со стороны национально-культурной специфики. К тому же надо учесть, эти два языка не были еще объектами сравнения, и поэтому это может вызвать научный интерес.

Ключевые слова: концепт, уйгурский язык, английский язык, пословица, паремия, картина мира.

Summary. The article analyzes the concept “child” in the Uyghur and English languages. The article attempts to represent real lexemes in the form of concepts. The lexemes “a child” and “bala” were chosen. On the one hand, the concept of “child” is universal, on the other hand, it has national specifics. The authors of the article made an attempt to show the national and cultural peculiarities of the Uyghur and English languages. In addition, it should be taken into account that these two languages have not yet been objects of comparison, and therefore this may arouse scientific interest.

Key words: a concept, the Uyghur language, the English language, a proverb, a paroemia, a picture of the world.

В настоящее время о взаимодействии культуры и языка говорят и пишут многие исследователи, проводятся различные конференции, семинары, конгрессы. Язык и культура – это дихотомия, дающая большой обильный лингвокультурный материал. В данной статье анализируются два разносистемных и генетически разных языка – уйгурский и английский языки. Уйгурский – алатайский, тюркская подгруппа, агглютинативный; английский – индоевропейский, аналитический. Конечно, же история этих языков, формирование их как самостоятельных единиц – длительный и сложный процесс, что и отразилось на лексике языка, особенно на пословицах, которые мы выбрали в качестве объекта нашего исследования.

Пословицы представляют собой богатейший выразительный пласт языковой системы, веками хранящий в себе народные наблюдения, умозаключения и представления о мире, народе, его образе жизни, традициях и обычаях [1]. Как отмечает З. К. Сабитова, «функционируя как средство хранения и передачи народного опыта, кристаллизации национального мировоззрения, пословицы и поговорки обнаруживают органическую связь с культурно-специфическими понятиями» [2, с. 204].

В качестве анализируемого материала мы выбрали концепт «ребенок». Почему именно этот концепт? Концепт «ребенок» чересчур психологичен, для каждого народа ребенок это святое, уникальное творение, которое преподнес Творец и соответственно отсюда и отношение. Но все-таки ребенок – это мечта родителей, утешение в их старости, надежда и успокоение. Отсюда и трепетное отношение к человеческому чаду.

Как в уйгурском, так и в английском языках существует большое количество обозначения «ребенка», которое зависит от возраста малыша. Нас интересует вообще использование лексемы «ребенок» в концепте. Мы в своем исследовании взяли только паремии, которые ярко отражают лингво-психологические установки индивида. Фактический материал был взят из хрестоматии «Уйгур фольклоринин антологиясы» (Антология уйгурского фольклора) [3, с. 323–370].

Паремии со словом «ребенок» в уйгурском языке интересны как по структуре, так и по содержанию. Чаще всего встречается в паремиях слово «бала» эта лексема является нейтральной и передает общий смысл ребенка вообще. Наряду с лексемой бала употребляется лексемы *бовақ*, *гөдәк*, *нарицидә*, *пәрзәнт*, но ограничены стилистически, все эти четыре лексемы употребляются в высоком стиле. В английском языке слово «ребенок» можно перевести как «child, baby, kid, infant, babe, brat, bairn, tad, wean, youngling, kiddy», но наиболее часто встречающиеся это нейтральные «child» и «baby(babe)».

В обеих культурах ребенок – это счастье. Англичане считают, что «*A babe in the house is a well spring of pleasure*», перевод: «Ребенок дома – источник радости». Дети – это самое дорогое, что есть у человека: «*Children are poor man's riches*», перевод: «Дети – богатство бедняка». Уйгуры не смыслят свое существование без детей, а отсутствие детей считают страшной божьей карой: «*Бала йоқ өй – мазар, бала өй – базар*», перевод: «дом без детей – могила, дом с детьми – базар». В этом англичане с ними солидарны: «*He that has no children knows not what love is*», перевод: «Бездетный любви не знает».

Детей холят и лелеют: «Жүржә баққан тохуниң мәйдисидә түки йоқ», перевод: «у курицы, у которой есть цыплята, на груди нет перьев». Данное наблюдение почерпнуто из природы, поскольку во время сезонной линьки у кур действительно выпадают перышки на животе и груди. Этот механизм помогает квочкам высидеть яйца и согреть вылупившихся птенцов. Недаром заботливую мамочку англичане называют *a mother hen*, дословно: курица наседка, т.е. мама, защищающая своих детей. Англичане тоже не бросают детей на произвол судьбы, они считают, что умел дитя родить, умей и научить: «*A child that's born must be kept*». В английской картине мира воспитанию детей уделяется большое внимание: «*Give a child his will and he'll turn ill*», перевод: «Кто без призора в колыбели, тот век не при деле»; «*A tree must be bent while young*», перевод: «Дерево нужно гнуть, пока оно молодо»; «*As the twig is bent, so will it grow*», перевод: «Как ветку наклонить, так она и вырастет»; «*One chick keeps a hen busy*» перевод: «Детушек воспитать – не курочек пересчитать»; «*Spare the rod and spoil the child*», перевод: «Пожалеешь розгу – испортишь дитя»; «*The best colt needs breeding*», перевод: «И лучшего жеребенка нужно воспитывать».

Вместе с тем, не всегда ребенок поддается воспитанию, ведь у ребенка своя голова и он будет руководствоваться собственным умом: «*Бала бизниң, әқил – өзиниң*», перевод: «ребенок наш, а ум его (собственный)». Смысл пословицы в том, что ребенок рождается, а взрослеет и развивается самостоятельно, независимо от родителей. И к сожалению, не всегда на радость родителям: «*Many a good cow hath (has) an evil calf*», перевод: «И у хорошей коровы бывает плохой теленок».

Отметим, что в уйгурском языке характер ребенка можно рассмотреть с раннего детства: «*Болидиған аш көкидин мәлум*», перевод: (о первых ростках зерновых культур) какой будет урожай, судят по первым росткам, а в английском ребенок может отличаться от взрослого человека: «*Fair in the cradle and foul in the saddle*», перевод: «Красив в колыбели, да дурен в седле».

Интересны пословицы, рассматривающие отношения мать-дитя, отец-дитя. Материнская любовь безусловна, каждая мать видит в своем ребенке самое положительное, не обращая внимания на недостатки: «*Қарға: «балам аппақ», қирпә «балам юмшақ»*», перевод: «мама вороненка говорит мой ребенок беленький, а мама ежонка мой ребенок – мягкий», ср.: «*Every mother thinks her own gosling a swan*», перевод: «Всякая мать своего гусенка лебедем считает»; «*The black crow thinks her own birds white*», перевод: «Черной вороне свои воронята белыми кажутся».

Нередко ребенок имеет недостатки, которые может принять только его мать. Сравните две пословицы в уйгурском и английском языках: «*Кекәч балиниң тилини аниси уқар*», перевод: «заика поймет только его мать» и «*Face that only mother could love*». Первая пословица говорит о материнской любви и что лишь только мать поймет что хочет ее ребенок, вторая паремия означает «быть уродливым, иметь лицо настолько некрасивое, что только мама полюбит такого человека», ведь для мамы ее ребенок самый красивый и самый лучший.

Зачастую ребенок, вырастая, настолько зависим от матери, что про него говорят «привязан к материнской юбке»: «*Still tied to his / her mother's apron*

strings». Так называют человека, который не научился быть самостоятельным и независимым. Данный факт имеет печальные последствия, поскольку из маменькиных сынков вырастают не герои, а сосунки: «Mother's darlings are but milksop heroes». Хотим отметить, что аналогов этим пословицам в уйгурском языке мы не нашли. Мы полагаем, что здесь сыграла роль разница в менталитете. В уйгурской культуре принята клановость, здесь принято жить большой семьей, ведь по обычаю, младший сын, женившись, все равно живет с родителями и ухаживает за ними.

Некоторые уйгурские пословицы не имеют аналогов в английском языке. Например, «*Бовақ дадини үч күндә тонуйду, анани – қириқ күндә*», перевод: новорожденный узнает отца на третий день, а маму – на сороковой день. Здесь употреблено слово *бовақ* в смысле «новорожденный», это народное наблюдение, которое переросло в поговорку, и может иметь следующее значение: на наш взгляд, в этой поговорке показана роль отца, очень положительная роль (*дада* по уйгурски), отец важен и для ребенка и для матери, для уйгуров отец вообще играет большую роль в семье об этом мы постараемся рассказать в последующих статьях.

Следующие пословицы показывают отношение в семье к сыну и дочери: «*Қиз чоң болса – гәп тола, оғул чоң болса – нәп тола*», перевод: «если дочь вырастет – много разговоров, если сын вырастет – много затрат». У уйгуров в народной традиции родители быстрее хотят выдать дочь замуж, а сына женить. В принципе, эта традиция жива в уйгурском сообществе до сих пор. Вполне естественно, что со взрослением дочери увеличиваются разговоры, слухи, сплетни, до тех пор пока она не уйдет с отцовского дома. С сыном все иначе. Сыну надо копить на свадебные затраты, что потребует времени для сбора средств на свадебные торжества.

«*Қиз бала – өй зенити*», перевод: девочка (дочка) украшение дома. В уйгурском сообществе дочка всегда ценилась высоко, среди уйгуров не было такого нецивилизованного обряда избавление от девочки (утопить, продать в рабство и пр.). Поэтому роль дочери высоко ставилась в уйгурском обществе.

В заключении хотелось бы отметить, что выбор двух разносистемных языков при лингвистическом анализе дает неожиданные результаты. Вроде бы разносистемные и разногенетические языки, но имеются совпадения или близкие по значению поговорки. Данная статья лишней раз подтверждает, что для лингвистики нет пределов. В будущем мы бы хотели продолжить работу в этом направлении и исследовать другие поговорки.

Список использованных источников

1. Леднева Анастасия Владимировна. Концепт «Ребенок» в пословичном фонде (на материале русских и немецких пословиц и поговорок) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-rebenok-v-poslovichnom-fonde-na-materiale-russkih-i-nemetskih-poslovits-i-pogovorok> (дата обращения: 31.01.2022).

2. Сабитова З. К. Лингвокультурология: учебник. М.: ФЛИНТА. – 2013. – 528 с.

3. Уйғур фольклоринин антологиясы / под ред. Г. Садвокасова. М.: Алма-Ата. Наука. – 1988. – 376 с.

УДК 82.0

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОСТОРЕЧИЙ,
ВЫРАЖЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ И
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ, В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА****М. В. Баканова,***кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Перевод и переводоведение»,
Пензенский государственный университет, Пенза*

Аннотация. В статье проведен анализ особенностей использования просторечий – существительных и просторечий – прилагательных в произведениях А. П. Чехова. Представлена классификация данных видов просторечий по определенным лексико-семантическим группам. Приведены примеры используемых просторечий А. П. Чеховым в своих произведениях.

Ключевые слова: просторечие, имя существительное, имя прилагательное, семантика, экспрессивность.

Summary. The article analyzes the features of the use of vernacular nouns and adjectives in the works of A. P. Chekhov. The classification of such vernaculars by certain lexico-semantic groups is presented. The examples of the vernacular nouns and adjectives used by A. P. Chekhov in his works are given.

Key words: vernacular, noun, adjective, semantics, expressivity.

Анализ языка художественных произведений А. П. Чехова позволяет утверждать, что широкое использование просторечий в своих произведениях объясняется их художественно-выразительными свойствами и системой литературных образов.

Все разнообразие просторечной лексики в литературном наследии А. П. Чехова можно классифицировать по ее принадлежности к определенной части речи.

Самая разнообразная и многочисленная группа просторечной лексики в произведениях А. П. Чехова представлена существительными, среди которых можно выделить несколько подтипов в зависимости от их денотативного и коннотативного значений.

1. Просторечия, дающие характеристику человека. К этому подтипу относятся экспрессивные лексические единицы, обладающие отрицательной или положительной оценкой, а также нейтральные номинативные слова.

Экспрессивные негативно-оценочные лексемы этого подтипа по своей стилистической окраске неоднородны: слова с пренебрежительным оттенком (баба, дохлятина, кутья (насмешливое название лица из духовного сословия), сапожница, цапочка), слова с презрительным оттенком (потаскушка, скот /скотина), сюда же отнесём лексемы, представляющие обобщённую характеристику человека как ничтожного и никчемного существа (мразь, тля, шваль, шушваль), грубо-просторечные слова (зюзя, кобыла, сволочь, шкура, шлюха), собственно-просторечные слова (архаровец, варварка, вертуха, воротила, вышибала, доказчица, дубина, душегубец, дылда, ехида, жох, забулдыга, зубоскал, зюзя, кума «немолодая женщина, находящаяся в приятельских отношениях или во внебрачной связи с кем-л.», мазурик, мужлан, мямля, надсмешник, подлипала, прощелыга, пузан, пьянчуга, растрёпка, самоубивец, сморчок «о маленьком, невзрачном человеке», та-

ранта, убивец, шаромыга, шельма /шельмец, шельмочка) и бранные слова (анафема, аспид, брандахлыст, гадина, гад, гадюка, дубина «бестолковый, тупой человек», душегуб, идиот, идиотина, истукан, кикимора, образина, паскуда, ракалия, свинёнок, тварь, хрыч, чучело).

Экспрессивные положительно-оценочные слова этого подтипа включают: голуба, дока, милаша, миляга, паря, сердяга, шишка.

В качестве нейтральных номинативных слов можно выделить: баба «жена», баба «женщина», жёнка, племяш, полюбовник, родич, рыбарь, сродственник, супружница, тётка.

2. Названия частей тела. Экспрессивный потенциал лексических единиц этого подтипа настолько очевиден, а частота употребления настолько высока, что они являются очень показательным элементом русскоязычного просторечия. Можно сказать, что А. П. Чехов привел практически полный список всех лексем, обозначающих отдельные аспекты человеческой внешности, которые являлись наиболее популярными в разговорной речи второй половины XIX века. В текстах художественных произведений встречаются: башка, буркалы, кулдышки «ноги», морда, мордасы, нутро, патлы, пузо, рожа / рожица, рыло, физиомордия, физия, харя.

3. Слова с конкретным значением. К этому тематическому подтипу можно отнести небольшое количество разговорных слов с конкретным значением. Это единственная особенность, которая их объединяет, хотя семантически они очень далеки друг от друга. В произведениях А. П. Чехова нашли отражения такие тематические группы русского просторечия, как названия предметов быта (деньга, косушка, латка, одежда, порты), названия сооружений (верхотура, нутро, холодная, чугушка), названия веществ (желтяк, овощ, пойло, ржа), зоонимы (кузнецы, цуцик), слово с нулевым денотатом (лукавый), название болезни (трясучка).

4. Слова с абстрактным значением: выволочка, душегубство, мочь, мыканье, обалдение, ошалелость, почин, спокой, таскание, умственность, хабар, хворь, хлебание, шахер-махер, шиш.

Таким образом, просторечия, выраженные существительными, отражают такую характерную черту языковой личности А. П. Чехова, как осознанный отбор языковых единиц [1, с. 12]. В просторечии писателя интересно то, что содержит выразительность, является характерным. Такие лексические единицы, составляя большинство среди просторечных существительных, часто образуют синонимические ряды.

Просторечия, выраженные именами прилагательными, в рассказах А. П. Чехова отражают общепринятую идею о том, что «семантическая и грамматическая границы между качественными и относительными прилагательными условны и непостоянны. Это выражается в способности относительных прилагательных развивать качественные значения» [2, с. 217].

Притяжательные прилагательные также способны формировать качественные значения. Принимая во внимание выразительность, присущую просторечиям, можно сказать, что А. П. Чехов намеренно использует такие прилагательные в стилистических целях, сосредоточив внимание не столько на номинативном, сколько на художественных и изобразительных свойствах слова. Тот факт, что А. П. Чехов использует просторечные при-

лагательные именно в этих функциях, позволяет в ходе анализа распределить прилагательные не по разрядам, а по обозначаемым ими качественным признакам, отражающим внешние и внутренние характеристики человека, предметов и явлений.

1. Названия внешних качественных признаков:

а) живых существ – весноватый, гладкий, гугнивый, дохлый, толстомордый, хворый;

б) как живых существ, так предметов и явлений – анафемский, важный, забористый, заковыристый, закорузлый, здоровенный, знатный, латаный, самоделковый, склизкий, утопый, цельный.

2. Названия внутренних качественных признаков, характеризующих темперамент, манеру поведения, этику, мораль, характер человека и т.п.: бабий, бесстыжий, брехательный, гулящий, ерундистый, мужицкий, надоедливый, непутный, непутящий, паскудный, подлый, похабный, сквалыжный, шалопайский, шальной.

Таким образом, используя просторечия, выраженные именами существительными и именами прилагательными, А. П. Чехов демонстрирует эмоционально-выразительное богатство и эстетику национального русского языка, огромные, неограниченные возможности оттенков значений русского слова в речи простых русских людей, в оценке их отрицательных и – значительно реже – положительных качеств, в создании юмора, тонкой иронии, сатиры.

Список использованных источников

1. Кудинова Т. А. Просторечие и диалект в языке А. П. Чехова: (К характеристике языковой личности писателя): автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н. Краснодар, 2000. – 24 с.

2. Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. Краткая русская грамматика. – М: Русский язык, 1989. – 639 с.

УДК 811.161.11

ВОССОЗДАНИЕ В ПЕРЕВОДЕ ИДИОСТИЛЯ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Е. А. Бармина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей идиостиля Татьяны Толстой и их реализации при переводе на английский язык. Основными особенностями идиостиля Т. Толстой являются вымысел, наличие символики, заимствованных сказочных мотивов и сюжетов, интертекстуальность, обилие пейзажных и портретных зарисовок, смешение стилей. Их реализация в переводе требует комплексного подхода.

Ключевые слова: перевод, идиостиль, Т. Толстая, смешение стилей, сказочные мотивы, интертекстуальность, обилие пейзажных и портретных зарисовок.

Summary. The article deals with Tatyana Tolstaya's individual style features and their rendering into English. The main features of T. Tolstaya's idiosyncrasy are

fiction, symbols, fairy tale motifs and plots, an abundance of landscape and portrait sketches, and a mixture of styles. Their rendering in translation requires an integrated approach.

Key words: translation, individual style, T. Tolstaya, mixture of styles, fairy tale motifs, intertextuality, abundance of landscape and portrait sketches.

Существует большое количество подходов к определению такого понятия, как «идиостиль». Многие исследователи, в частности В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, И. А. Тарасова, определяют его как совокупность связанных между собой элементов в творчестве писателя в определенный период его творчества или распространяющихся на все творчество в целом [1, с. 145]. Авторское видение мира отражается как на языковых, так и на структурных уровнях текста, и обуславливает отбор активных по языковым свойствам элементов, которые отражают понимание действительности и реализации прагматики текстов автора. Таким образом, авторский стиль в художественных произведениях можно обозначить как систему коммуникативных и эстетически обусловленных принципов организации текста, определяющих сочетаемость и выбор приемов и языковых средств.

Чтобы определить индивидуальный стиль автора, следует выявить основные маркеры: лексико-семантические, графические, культурно-значимые и синтаксические. В зависимости от особенностей идиостиля писателя одни маркеры могут быть представлены более ярко, а другие и вовсе отсутствовать. Знание основных составляющих идиостиля позволит переводчику анализировать и лучше подбирать аналогичные приемы, так как воссоздание в переводе идиостиля автора требует комплексного подхода.

Творчество Т. Толстой привлекло внимание зарубежных критиков и исследователей как неоднозначный и яркий образец современного писателя своего времени, чьи произведения легко узнаваемы и отличаются ироничной тональностью, интертекстуальностью и афористичностью. Многие критики признают ее мастерство слога «со всей щедростью, красочностью, иногда избыточностью» [2, с. 113]. За Т. Толстой утвердилась репутация уверенного в своей позиции писателя, создающего новую литературу. По мнению исследователя ее творчества Е. Невзглядовой, «метафоричность, яркость образов, игра со словом, особый ритмизированный язык создают индивидуализированный и узнаваемый стиль и становятся способом авторской сказочной эстетизации действительности» [3, с. 115].

Индивидуальный стиль Т. Толстой менялся на протяжении всего творческого пути. Писательница ворвалась на литературную арену с ироничными, злободневными рассказами и параллельно им создавала произведения, в которых мертвые по-прежнему живы, а вещи обретают способность мыслить и передавать собственные чувства.

Т. Толстая нередко смешивает слова разных уровней даже в пределах маленького словаря, за счет чего «мы получаем стилистический оксюморон, это производит определенный эмоциональный эффект. Вы получаете нечто живое, возбуждающее эмоции» [2, с. 143]. В качестве примера приведем отрывок из рассказа «Сомнамбула в тумане»:

«Задумался он о жизни, о ее смысле, о бренности своего земного, наполовину уже использованного существования, о страхах ночных, о гадах

земных, о красивой Лоре и некоторых других женщинах, о том, что лето нынче сырое, о далеких странах, в существование которых ему, впрочем, не очень-то верилось» [5, с. 374].

«He started thinking about life, about its meaning, about the fleetingness of his half-spent existence, about his nighttime fears, about the vermin of the earth, about the beautiful Lora and several other women, about the fact that summers were humid nowadays, and about distant countries, in whose existence, truth be told, he found it hard to believe» [7].

В этом отрывке мы можем заметить и лексику литературной сказки («страхи ночные», «гады земные»), и высокопарную лексику («бренность своего земного существования»). Переводчику удалось передать манеру письма писательницы за счет выбора контекстуальных соответствий для указанных единиц.

«А уж Австралия совсем ни к селу, ни к городу: всякому ясно, что тут по логике должна быть вода, так нате вам!» [5, с. 376].

«Australia is obviously neither here nor there anyone can see that logically there should be water in its place, but just look what you've got!» [7]

И снова Т. Толстая прибегает к использованию разговорной лексики с ярко-выраженным эмоционально-оценочным значением. Просторечные выражения «так нате вам» и «всякому ясно» в переводе немного теряют свою первоначальную экспрессивность, но эмоции и чувства главного героя отчасти передаются благодаря восклицательному знаку.

Особенностью ранних рассказов писательницы является обилие сказочных и фантастических мотивов. С одной стороны, автор использует сказочные мотивы, чтобы создать комический эффект, но с другой стороны – это способ выразить мировидение автора и всю его глубину. Мир в прозе Т. Толстой предстает как бесконечное множество разноречивых сказок о фантастическом мире и условных персонажах, которые знают о своей условности. В них каждая вещь приобретает свой характер и особый смысл, становясь связующим звеном между прошлым и настоящим, детством и взрослой жизнью. Это и жестяная банка, послужившая шкатулкой в рассказе «Йорик», и китовый ус чудо-юды, фотографии в рассказах «Соня» и «Белые стены». Противостояние «мечты – реальность» становится неотъемлемой частью сборника рассказов «Ночь». Детство – миф, идеальный мир, а этап взросление рушит всю сказочность. Миф детства меняется беспощадной реальностью, а волшебство сказки подчиняется законом бытовой действительности.

«...наш бедный Йорик рыбы не ел, рыбаков не обижал, прожил жизнь светлую и короткую, – нет, нет, долгую, долгую жизнь, она длится и по сейчас, она будет длиться, пока из жестянки на дребезжащем подоконнике чьи-то неуверенные, задумчивые пальцы будут вылавливать и отпускать, вылавливать и отпускать молчаливые, чудесные черепки времени» [6].

«...our poor Yorick, didn't even eat fish, he didn't wrong any fishermen, he lived a radiant, short life – no, no, a long, long life, it continues even now and will continue as long as someone's uncertain, pensive fingers keep fishing out and tossing back into the tin on the shaking windowsill these hushed, stunning skull shards of time» [9].

В данном отрывке переводчик максимально пытается сохранить особенности идиостиля писательницы, ее причудливое сочетание смысла и формы: эпитет «светлый» в значении «счастливый, безоблачный» на английский язык передан схожим по значению «radiant». Образ «неуверенных, задумчивых пальцев» и «молчаливых, чудесных черепков времени» тоже остался без изменений. Сложный синтаксис был передан переводчиком в соответствии с нормами английского языка.

*«Если разложить фотографии веером, по годам и сезонам, то видно, как бешено **множится и растет** чингисханова орда моих сестер и братьев, как **дряхлает собака**, как разрушается и зарастает лебедой уютное янсоновское хозяйство» [4].*

*«If you spread out our photographs in a fan of seasons and years, you could watch the **Genghis Khan** – like horde of my brothers and sisters **multiplying madly**; you could see how our dog **grew old and decrepit**, how Janson's cozy homestead fell apart and was overgrown with goosefoot» [8].*

В данном предложении в виду разницы фоновых знаний реципиентов переводчик прибегает к местной компенсации, заменив «лебеду» в переводе на близкородственное растение марь («goosefoot»). В оригинале, описывая семью, Т. Толстая использует семантически схожие глаголы «множится и растет». Переводчик прибегает к приему опущения, чтобы избежать избыточности. Говоря о собаке, писательница описывает ее глаголом «дряхлает», т.е. стареет. В переводе используется грамматическая замена и добавление, необходимое для усиления экспрессии.

Еще одной особенностью идиостиля Т. Толстой является наличие философской и нравственной проблематики. В этих отрывках писательница выделяет две важных философских мысли: жизнь – быстротечна, но человек останется живым, пока о нем помнят другие. И переводчик мастерски справился с переводом, точно передавая основную идею автора.

В рассказах также можно проследить ряд устойчивых мотивов, связанных со смертью и забвением. В них тоже присутствует фантастические элементы, но они пугают и настораживают читателя. Подобные мотивы представлены в нескольких вариантах – мотив сна, забвения, мрака, беспмятства («Сомнамбула в тумане», «Вышел месяц из тумана»). Придерживаясь этой философии, писательница противопоставляет одинокому творцу толпу. Трагизм заключается в том, что творец стремится к гармонии, в то время как в окружающем мире царит хаос.

*«Где-то там, в горах, **вечным сном спит** Маков, Лорин одноклассник, поднявшийся выше всех людей и **оставшийся там навсегда**» [5, с. 404].*

*«Somewhere in the mountains Lora's classmate Makov, who had risen higher than everyone and **remained there forever, slept an eternal sleep**» [7].*

Так, в рассказе «Сомнамбула в тумане» умерший Маков и герой повествования Денисов становятся почти равноправными главными героями, так как глагол «умереть» Толстая заменяет глаголом «спать» или «дремать». Живой Денисов спит и видит сны, в то время как герой Маков «спит вечным сном», «поднявшись выше всех людей». Описывая Макова, Толстая использует глагол «остаться». В тексте перевода был представлен вариант «remained», который имеет значение как «остаться», так и «продолжать су-

ществовать». Благодаря этому можно заметить подтекст: даже после смерти человек продолжает жить в другом, иллюзорном мире. Эвфемизм «спать вечным сном» был передан переводчиком без изменений.

Т. Толстая нередко переосмысливает и перерабатывает известные сказочные сюжеты. В ее текстах нередко можно встретить аллюзии, реминисценции, заимствования – основные составляющие поэтики писательницы, которые выстраивают ее интертекстуальность. Например, символическим образом можно считать выбор эпитафии к одному из первых ее рассказов «На золотом крыльце сидели». В сознании читателей сразу всплывает образ известной детской считалочки. Также Толстая упоминает детскую считалочку и в заглавии рассказа «Вышел месяц из тумана». Чтобы зарубежный читатель мог понять смысл незнакомой ему аллюзии, переводчики использовали примечания.

В следующем фрагменте внимательный читатель заметит аллюзию, элемент, с помощью которого писательница выстраивает интертекстуальность: «...*не потому, что, как говорится, от нее [Лоры] светло, а потому, что с ней не надо света. При свете она говорила без умолку и что попало*» [5, с. 368].

«...*not because she [Lora] lit up the world, as the saying goes, but because with her no light was needed. In the light she talked incessantly, saying whatever came into her head*» [7].

Представленная выше цитата – строчки из четверостишья «Среди миров» Иннокентия Анненского. Настроившись на романтический лад, читатель удивляется следующим словам: «При свете она говорила без умолку и все попало». Т. Толстая использовала парадокс для создания комического эффекта. Мы сразу понимаем отношения главного героя к его будущей жене. В его представлении Лора – красивая женщина, но легкомысленная и очень болтливая. В переводе внимание читателей акцентируется на феномене парадокса, а не на аллюзии, незнакомой зарубежным читателям. Переводчик счел необходимым использовать стилистическую компенсацию, чтобы передать общий смысл высказывания главного героя.

Таким образом, основными особенностями идиостиля Т. Толстой являются вымысел, наличие символики, заимствованных сказочных мотивов и сюжетов, интертекстуальность, обилие пейзажных и портретных зарисовок, смешение стилей. В произведениях Т. Толстой абстрактные понятия, примелькавшиеся вещи перекликаются с эмоциональным состоянием персонажей. Проанализированные переводы, безусловно, можно признать удачными, так как в них достаточно полно, за счет использования комплексных лексико-грамматических и стилистических трансформаций, отражена авторская картина мира Т. Толстой во всем ее сложном многообразии.

Список использованных источников

1. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во Акад. наук СССР. – 1963. – 283 с.
2. Гоцило Е. Взрывоопасный мир Татьяны Толстой. – М.: Екатеринбург, 2000. – 200 с.
3. Невзглядова Е. Эта прекрасная жизнь. О рассказах Татьяны Толстой // М.: Аврора. – 1986. – № 10. – С. 111–120.
4. Толстая Т.Н. Белые стены [Электронный ресурс] // Литератур-

ный театр. – <http://www.litteatr.ru/reading-room/esse/59-tt> (дата обращения 19.12.2021).

5. Толстая Т.Н. Невидимая дева. – М.: АСТ, 2019. – 471 с.

6. Толстая Т.Н. Йорик [Электронный ресурс] // Iknigi. – <http://ec-dejavu.ru/t-2/Thing.html> (дата обращения – 17.12.2021).

7. Tolstaya T. Sleepwalker in a Fog [Электронный ресурс] // Translated from the Russian by Antonina Bois // Fantasticfiction. – <https://www.fantasticfiction.com/t/tatyana-tolstaya/sleepwalker-in-fog.htm> (дата обращения 22.12.2021).

8. Tolstaya T. White Walls [Электронный ресурс] // Translated from the Russian by Jamey Gambrell // NemaLoknig. – <https://nemaLoknig.com/read-267103> (дата обращения 19.12.2021).

9. Tolstaya T. Yorick [Электронный ресурс] // Translated from the Russian by Jamey Gambrell // New Yorker. – <https://www.newyorker.com/magazine/2005/12/26/yorick> (дата обращения 17.12.2021).

УДК 81.13

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ СЛУШАНИЯ И ЗАПИСЫВАНИЯ УЧЕБНЫХ И НАУЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ: СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ДИСКУРС

И. В. Вихриева,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Аннотация. На начальном этапе обучения у иностранных слушателей реализуется взаимосвязь подходов, принципов и технологий обучения русскому языку. Систематическое, извлечение информации, ее перераспределение, трансформация в определенном виде и записывание вырабатывает активное обучение речевым навыкам и овладение нормами языка в рамках научной культуры речи, понимание ее стилистической целостности. Научные и учебные тексты типологичны, строго структурированы и имеют свои модели. Модульные тесты (вводные, промежуточные, итоговые) даются по степени нарастающей трудности терминологии. Лексико-грамматические и семантико-коммуникативные задания вводят и закрепляют новые термины, готовят слушателей к краткому изложению основного содержания текста, вырабатывают навыки анализа связи и развития суждений, способы построения учебного и научного текстов.

Ключевые слова: навыки, подходы, учебные материалы, научный смысл, языковая деятельность, рубрикация, терминология.

Summary. While starting Russian language learning, foreign students realize the interconnection of approaches, principles and technologies. Systematic information extraction, its redistribution, transformation and writing develops active speech skills learning and language norms mastering within the framework of the scientific speech culture and understanding of its stylistic integrity. Scientific and educational texts are typological, strictly structured and have their own models. Unit tests are presented according to the degree of terminology difficulty increasing. Lexical, grammar, semantic, communicative tasks introduce and con-

solidate new terms, develop skills for communication analysis and judgments development, ways of educational and scientific texts construction.

Key words: skills, approaches, teaching materials, scientific meaning, language activity, heading, terminology.

При формировании навыков слушания и записывания материалов по сельскохозяйственной учебной и научной тематике на начальном этапе реализуется взаимосвязь подходов, принципов и технологий. Иностранные студенты ежедневно сталкиваются с нарастающим речевым и информативным потоком. На этом этапе он часто обгоняет знания, умения, навыки, полученные на занятиях русского языка. Применяемые технологии критического мышления направлены на постановку данных проблем, поиск подходов и их решение. Структурированные учебные материалы, например, лекции по профильным дисциплинам представлены в виде системы научных смыслов. Систематическое, целевое извлечение информации, ее перераспределение, трансформация в определенном виде и записывание вырабатывает у иностранных слушателей активное обучение речевым навыкам и овладение нормами языковой деятельности в рамках научной культуры речи, понимание ее стилистической целостности. Приведем некоторые типичные трудности лексико-грамматического и синтаксического характера при слушании и записывании учебных и научных материалов на начальном этапе:

По составу слова

1. понимание структуры слова; его основы и окончания, корня слова и суффикса, корня слова и приставки. Например:

растение-растениеводство-растениевод//

поле-полеводство-полевой//

земля-земледелец- земледелие-земледельческий//

почва-почвовед-почвоведение//

техника-агротехника- технический//

отрасль-отраслевой-межотраслевой//

вид-разновидность//

2. распознавание минимального числа словообразовательных моделей.

Например:

эксперимент-экспериментальная станция//ставить эксперимент-поставить эксперимент//полевой опыт-опыт в поле// сельскохозяйственная культура-культивировать однолетники //исключение болезней- исключать распространение болезни.

В качестве примера приведем микротекст [5, с. 61], где присутствуют словообразовательные модели от слова ПОЧВА* и слово ПОЧВА в разных падежах.

Воздушный режим *почвы*

Воздушная фаза *почвы* – важная и наиболее динамичная составная часть, находящаяся в тесной взаимосвязи с остальными фазами. *Почвенным* воздухом называется смесь газов и летучих органических соединений, заполняющих *почвенные* поры, поэтому *почвенный* воздух является конкурентом *почвенного* раствора. Количество и состав *почвенного* воздуха оказывают большое влияние на развитие и жизнедеятельность растений и микроорганизмов, растворимость химических соединений и их миграцию в

профиле, на интенсивность *почвенных* процессов.

Почвенный воздух отличается от атмосферного тем, что в его составе значительно больше углекислого газа и меньше кислорода.

Вместе с тем следует подчеркнуть большие колебания в структуре *почвенного* воздуха в зависимости от *почвы*, типа культуры, системы удобрений и *обработки почвы*. Когда в *почве* содержание углекислого газа выше 3-5%, а кислорода ниже 10 %, то наступает угнетение растений.

Почвенный воздух необходим для развития корней растений, *почвенных* организмов, он участвует в биохимических реакциях превращения питательных веществ. *Почва*- важный источник углекислоты, потребляемой растениями в процессе фотосинтеза.

Основные изменения в составе *почвенного* воздуха происходят под воздействием микроорганизмов, которые разлагают органическое вещество с выделением H_2CO_3 .

Фаза *почвы*, *почвенным* воздухом, *почвенные* поры, *почвенный* воздух, *почвенного* раствора, *почвенного* воздуха, *почвенных* процессов, в зависимости от *почвы*, *обработки почвы*, в *почве*.

По части речи

1) *Имя существительное во всех падежах*

Понимание падежной системы, образование формы слова, значение и употребление падежей.

Именительный падеж: лицо активного действия или его название, обращение, характеристика лица, факты, события, наличие предмета или сам предмет, обладание.

Растениеводы возделывают твердые сорта пшеницы в средней полосе России. // *Это земледельцы* Гатчинского района. // *Вот сельскохозяйственные растения*, а вот сорные *растения*. Мой отец- *лаборант*. Скоро сбор урожая капусты. В этом хозяйстве есть современная *техника*. У меня есть *опыт* работы в сельском хозяйстве.

Родительный падеж: фразы: а) без предлогов, определение предмета или лица, его отсутствие (но только в настоящем времени), обозначение количества меры, в сочетании с числительными (два, три, четыре, пять), месяц в дате в вопросе «какое сегодня число?»

Это центр поля. *Вот комбайн* хозяйства. У меня нет семян. В хозяйстве нет минеральных удобрений. *Сейчас 2 часа*. *Сельскохозяйственная машина стоит 5 тысяч рублей*. *Тридцать первое* декабря.

б) с предлогами. Например, исходный пункт движения, лицо, которому принадлежит что-либо.

Земледельцы приехали с поля.// *Работники пришли из* лаборатории. У профессора есть опыт.

Дательный падеж: а) без предлога - адресат действия. Вечером я звоню *руководителю*. б) с предлогом (лицо как цель движения).

Мы едем к руководителю данного хозяйства.

Винительный падеж: а) без предлога- лицо или предмет как объект действия, логический субъект при глаголе звать, продолжительность, срок действия, обозначение времени; б) с предлогами направления движения (в,на), времени (часа, дня недели).

Например: *разводить раствор для обработки растений; уборочная страда длилась целый месяц; трактор проходил по пашне раз в тридцать минут; сельскохозяйственная техника покрывала сотни километров в день; убранный в данном хозяйстве зерно весит почти 5 тонн.*

Творительный падеж: а) без предлога с глаголами заниматься, профессия лица (при глаголе быть); б) с предлогами совместности действия, определения. Например: *ученые издавна занимаются проблемой защиты растений; чтобы быть растениеводом надо долго и много учиться; российские ученые спорят со своими западными коллегами о пользе/вреде продукции ГМО.*

Предложный падеж: а) с предлогом- объект речи и мысли, место (в/на), средство передвижения (на).

Например: *на полях Ленинградской области возделывают картофель; в университетском экспериментальном саду проводят обрезку строго по графику (циклам развития кустарников и плодовых деревьев).*

2) Прилагательное

Полные формы прилагательных и их согласование с существительными в роде и числе во всех падежах.

Например: *сельскохозяйственный эксперимент, зерновые культуры, плодоовощная станция, агрономический факультет, аграрный университет, опытное поле, урожайный год, плодородные почвы, семенной материал, однолетнее растение, многолетние травы, спелый плод.*

3) Глагол

Инфинитив. *Иметь кислый характер (о почве), замещаться металлом, содержать в своем составе, участвовать в реакции обмена.*

Императив от известных глаголов. *Разведите данный раствор строго по инструкции и примените его в качестве подкормки.*

Глагольное управление. *Выводы опираются на результаты многолетних исследований. Выводы базируются на результатах многолетних исследований.*

Переходные и непереходные глаголы.

Хозяйства Ленинградской области выращивают цветы и декоративные культуры.

Хозяйства Ленинградской области выращивают в питомниках цветы и декоративные культуры.

Глаголы движения с приставками и бесприставочные.

Насекомое-вредитель улетает с посевов при неблагоприятных условиях. В конце лета идет уборочная страда.

По синтаксису

1) Виды простого предложения

Невопросительные предложения.

После снятия урожая первой культуры сразу же готовят почву для высевания соответствующих растений.

Вопросительные предложения.

При уплотненных посевах весной сеют две культуры?

Двухкомпонентные модели.

Детскосельский совхоз- перспективное хозяйство.

Однокомпонентные модели без спрягаемой формы глагола.

Морозит. Дождит. Пахнет лавандой.

Понятие о субъекте и предикате в предложении и способы их выражения

Наши агрономы прибывают завтра утром.

Завтра агрономы приступают к работе.

Агрономы приступят к работе, когда приедут.

Способы выражения логико-смысловых отношений в предложении

Объектные отношения (падежные и предложно-падежные конструкции существительных). *Я ставлю опыт. Мы рассказываем об этом эксперименте.*

Атрибутивные отношения: согласованное определение- *серьезная проблема, зернобобовые культуры, сельскохозяйственное предприятие; неустойчивая погода;*

несогласованное определение- *конспект друга, работа с замечаниями, семена с примесью, почвы с растворами солей, буферность почвы, свойства почвы.*

Пространственные отношения. *Агрономы живут в деревне. Зоотехник живет далеко.*

Временные отношения (наречия). *Я долго ждал ветеринара.*

Целевые отношения (сочетание личной формы глагола с инфинитивом). *Я иду в нашу лабораторию закладывать опыт.*

Виды сложного предложения

Сложносочиненные предложения с союзами и, а, но.

Утром прошёл дождь, но после обеда была полноценная подготовка к посевной.

Сложноподчиненные предложения, виды придаточных предложений с различными союзами и союзными словами.

-изъяснительные

Опыты показали, что суммарный урожай культур дает продукции в денежном выражении на 15-25% больше, чем обычный посев одной из этих культур в чистом виде.

-определятельные

После уборки урожая огурцов на данном поле остается свекла, которая растет до осени.

-временные

Когда сеют вторую озимую пшеницу в оптимальный срок, иногда несколько превышают норму высева.

-причинно-следственные

В южных степных районах посевы по непаровому предшественнику могут быть относительно удачны, потому что выпадает достаточное количество осадков.

Прямая и косвенная речь

Союзные слова и союзы в прямой и косвенной речи: что, где, когда, сколько, почему. *Инженер спросил: «Где ученые-агрономы?» Я сказал, что ученые-агрономы сейчас в поле и в лаборатории.*

Порядок слов в предложении

При нейтральном порядке слов в словосочетаниях, когда прилагательное предшествует существительному (*сельскохозяйственная выставка «АгроРусь»*); зависимое слово следует за главным (*в середине параграфа, выполняет лабораторный эксперимент*); наречия на –о, –е, предшествуют

глаголу (*хорошо растет и развивается*), а наречия с префиксом по - и суффиксом –ски следуют за глаголом (*пишет по-русски*). Группа подлежащего находится перед группой сказуемого (*земледелец работает*). Детерминант, обозначающий место или время может находиться в начале предложения, за ним следует группа сказуемого, а потом группа подлежащего (*В поле работает трактор*).

Для успешного преодоления трудности восприятия на слух и грамотного синхронного конспектирования и последующего воспроизведения оригинальной научной речи по сельскохозяйственным дисциплинам, то есть текста, слушателю надлежит выявлять идеи говорящего, формулировать своими словами, развивать их. При обращении к учебным и научным текстам используется четкая рубрикация, следование стандарту их изложения и завершенности. Представляется полезным перечислить информативные и генеративные модели для системного построения текста: постановка проблемы, вопрос, который она вызывает, поиск ответа, вывод. Лингвистика текста стремится к системному обобщению когнитивных и психолингвистических закономерностей [3, с. 93]. Для иллюстрации приведем несколько примеров текстов.

Классификация факторов, определяющих рост, развитие растений, урожай и его качество.

На рост, развитие растений, урожай и его качество в той или иной степени влияет весь комплекс факторов внешней среды. При этом ни один фактор не может быть заменен другим, по своему физиологическому действию все они имеют равное значение для жизни растения.

Как следствие этого закона, рост, развитие растений, урожай и его качество ограничиваются фактором, находящимся в минимуме. Иногда это следствие интерпретируют как самостоятельный закон – закон минимума.

Из закона равнозначности и незаменимости факторов вытекает еще одно очень важное следствие: все физиологические процессы в растении будут идти активно. Генотип может реализовать свою потенциальную продуктивность, если параметры каждого фактора среды будут оптимальными. Избыток каждого фактора так же вреден, как и его недостаток. Например, при избытке воды снижается аэрация почвы, и кислород становится ограничивающим фактором. Это следствие закона равнозначности и незаменимости факторов иногда формулируют как самостоятельный закон – закон оптимума.

Углерод

Углерод находится в природе в свободном и связанном состоянии. Углерод не принадлежит к самым распространенным в природе элементам, но роль углерода исключительно велика, так как его соединения являются основой всей органической жизни. Углерод входит в состав тканей всех живых организмов, в состав многих минералов, является основной составной частью угля и нефти. Все органические соединения (белки, жиры, углеводы, витамины) являются углеродными соединениями. Число соединений, содержащих углерод, составляет почти два миллиона.

В атмосферном воздухе углерод находится в виде углекислого газа. Большое количество углекислого газа поступает в атмосферу при дыхании

животных и растений, а также при разложении их остатков. Все человечество ежегодно выдыхает около одного миллиарда тонн углекислого газа.

Листья зеленых растений на свету поглощают углекислый газ и превращают его в сложные органические соединения. Этот процесс называется фотосинтезом. В результате фотосинтеза образуются ткани растений. Растения служат пищей для людей и животных.

Однолетние травы, значение, распространение, биологические особенности роста и развития, технология возделывания

Известно около 70 видов кормовых однолетних трав, которые дают урожай кормовой массы только в год посева. Их используют на зелёный корм, в том числе в зелёном конвейере, сено, сенаж, силос и как пастбищные растения. Многие из них можно высевать и как промежуточные культуры, некоторые – как покровные культуры. Эти травы различаются биологическими особенностями, имеют разную продолжительность вегетации. В зависимости от длины безморозного периода и влагообеспеченности они дают один, два и более укосов. Их высевают в разные сроки: рано весной или позже, летом и даже осенью; некоторые из них можно высевать в несколько сроков, что ценно при создании зелёного и сырьевого конвейера.

Однолетние травы, помимо использования на кормовые цели, позволяют решать и агротехнические задачи. Так, их посева при хорошей агротехнике подавляют сорную растительность, в занятом пару эти травы рано освобождают поле для посева озимых культур. Бобовые однолетние травы накапливают в почве биологический азот, часто используются как зелёное удобрение. Сами однолетние травы хорошо отзываются на внесение удобрений.

Текст, как известно, сложная категория вообще, а научный в частности, и требует закрепления навыков слушания, навыков узнавания в процессе аудирования фонем, ритмических групп, интонационных конструкций, отдельно взятых терминов по специальности, грамматических категорий. Умение вычленив главную информацию, записать ее кратко, использовать знакомые термины, условные обозначения, формулы, общепринятые в науке сокращения сохранив его целостность в письменном выражении [1, с. 328] формирует стилистическую целостность научного текста. В результате такой кропотливой работы нарабатывается автоматизм, навыки отбора, использование обязательных форм и при необходимости их замена на эквивалентные.

Очередность работы с тематическими текстами по сельскому хозяйству желательно увязывать с учебными планами дисциплин по специальности. На уроке этот аспект ведется выборочно [2, с. 210] и в большей степени планируется как самостоятельное выполнение заданий студентами. Обучение навыкам слушания и записывания учебных материалов на занятиях РКИ дополняет работу по чтению и письму текстов по специальности.

При обучении слушанию и письменной речи, смысловой анализ текста является многоплановым и трудоемким. Он включает последовательное осмысленное и целенаправленное наблюдение сложных синтаксических целых. Понимание текста как завершенного речевого авторского произведения: его структуры (темы, разработки, вывода), целостности и связности, цели и установки автора, выраженная языковыми средствами. В научном и

учебном тексте всегда есть линия, наращивающая смысл, которым можно породить свой текст-высказывание [7, с. 10] и передать мысль. Поиск соответствий в тексте: определение информативного центра предложения, абзаца, его тезиса, разработки, вывода. Логичность и последовательность изложения информации в оригинальном тексте. Научные тексты по сельскому хозяйству типологичны, строго структурированы и имеют свои модели.

Модульные тесты (вводные, промежуточные, итоговые) напрямую зависят от объема и специфики последующего изучаемого материала по специальности [6, с. 54], они даются по степени нарастающей трудности терминологии в том числе. Начальные тесты представлены в диалогической вопросно-ответной форме широкой общенаучной тематики, затем узкоспециализированной, передающей особенности устной научной речи.

Лексико-грамматические задания к текстам вводят и закрепляют новые термины по сельскому хозяйству, сочетания и синтаксические конструкции, несущие основную информацию. Обязательным является введение и обработка заданий на чтение индексов, уравнений, формул, чертежей, графиков.

Семантико-коммуникативные задания непосредственно готовят слушателей к краткому изложению основного содержания текста [4, с. 32]. Они служат выработке навыков анализа связи и развития суждений, способов построения абзаца текста, выработке навыков построения связного текста с опорой на проблемные вопросы, которые определяют его членение. Это задания на эквивалентные замены, на трансформацию, дописывание и составление предложений, ответы на вопросы к абзацам. Задания, имеющие модели, позволяют слушателям работать самостоятельно. Комплексные задания по отдельным предметам выполняются с опорой на соответствующую схему и график.

Подобные упражнения развивают навыки аналитического мышления. Все это помогает целенаправленно отбирать основную информацию и языковые средства для ее оформления. Задания ситуативного характера даются в конце. Они требуют знания содержания текста в целом. Большая часть заданий к текстам выполняется письменно. Тайминг, установленный преподавателем, позволяет развивать навыки быстрого и правильного записывания отдельных словосочетаний, предложений, связных синтаксических целых, что и является предварительной подготовкой к конспектированию в заданном темпе. С текстами по специальности слушатели работают и в аудитории под руководством преподавателя, и самостоятельно при выполнении домашнего задания. [8, с. 28]

В результате, на данном этапе иностранные студенты овладевают навыками слушания и письменного высказывания текста, который встречается в рамках учебных требований, навыками отбора и сжатия материала текста, тезисной передачи текста, наконец, извлечения информации с переменной подхода к излагаемому материалу, то есть трансформации учебно-научного текста на стыке междисциплинарных интересов.

Список использованных источников

1. Вихриева И. В. О ведущем методическом принципе обучения русскому языку иностранных учащихся. В сб: Научное обеспечение развития АПК в условиях импортозамещения. Часть 2. СПб, СПбГАУ. – 2018. –

с. 327–330.

2. Вихриева И. В. Научный стиль речи: подбор материала и его структурирование при составлении пособия по русскому как иностранному. В сб: Научное обеспечение развития АПК в условиях импортозамещения. СПб: СПбГАУ. – 2019. – С. 209 – 212.

3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука. – 1981. – 138с.

4. Кутяева У. С., Лопорт Е. П. Пишем по-русски. Развитие письменной речи для иностранных учащихся. М.: Москва: Флинта, 2019. – 96 с.

5. Нецадим Н. Н., Петрик Г. Ф. Инновационные технологии в агрономии. Краснодар: КубГАУ, 2019. – 82 с., <https://kubsau.ru/upload/iblock/2c5/2c5451e11f738d8ce928024c1a567c18.pdf>

6. Пассов Е. И. Основы методики обучения иностранным языкам. – М.: Рус. яз. – 1977. – 216 с.

7. Текст: теоретические основания и принципы анализа: учебно-научное пособие / [К. И. Рогова и др.; ред.: О.С. Капполь]. – Санкт-Петербург: Златоуст. – 2011. – 462 с.

8. Шукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Высшая школа. – 2003. – 334 с.

УДК 81'255.2

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ПОДХОД

Н. А. Вовк,

*старший преподаватель кафедры английской филологии,
Институт филологии, Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, Симферополь*

Н. Д. Хорунжий,

*обучающийся магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Данная работа посвящена изучению особенностей перевода этнографических реалий в художественной литературе. Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть особенности передачи реалий в переводах произведений американских авторов. В ходе анализа практического материала были выявлены этнографические реалии, связанные с жилищем, одеждой, пищей и напитками, наименованиями типичных бытовых заведений, транспортом, праздников, названиями мер и денег, речевым этикетом, названиями племен и национальностей. При передаче реалий необходимо анализировать словарные источники, учитывать фоновые знания переводчика и, если реалия не имеет готового варианта, переходить к собственно процессу ее передачи. Таким образом, реалии могут передаваться при помощи транскрипции, транслитерации, кальки, полукальки, освоения, функционального аналога, описания, объяснения, толкования и эквивалента.

Ключевые слова: реалия, художественный перевод, перевод реалий,

лингвокультурология, Сидни Шелдон, Роберт Паркер.

Summary. The aim of the work is to consider the specific features of translation of ethnographic realia in fiction. Realia of clothes, food, drinks, dwelling, names of common places, transport, holidays, names of measurement and currency, etiquette, names of tribes and nationalities were identified during the analysis. Dictionary sources and translator's background knowledge are to be considered when translating realia, and in terms of realia not having an already set translating option the task of the translator is to give their own proper interpretation. Realia can be translated by means of transcription, transliteration, calque, functional analogue, description, explanation, interpretation and a proper equivalent.

Keywords: realia, literary translation, realia translation, linguoculturology, Sidney Sheldon, Robert Parker.

На данном этапе развития языка активно используется лингвокультурологический подход, предполагающий изучение текста как явления культуры, который рассматривается уже не с точки зрения его структуры, грамматических конструкций, логического построения, информации заключенной в тексте и т.д., а комплексно как срез лингвокультуры в определенный момент развития нации. Данный подход неразрывно связан с таким понятием, как реалия. Именно эти языковые единицы отражают на языковом уровне специфические предметы или явления из жизни того или иного народа. Среди ученых также отсутствует универсальное определение данного понятия. Ввиду своих специфических свойств эти языковые единицы нуждаются в особом подходе при переводе. При передаче реалий необходимо анализировать словарные источники, учитывать фоновые знания переводчика и, если реалия не имеет готового варианта, переходить к собственно процессу ее передачи.

Объектом исследования послужила безэквивалентная лексика из произведений американских авторов. Предметом исследования послужили реалии из романов американских писателей Сидни Шелдона «Если наступит завтра» и Роберта Паркера «Любовь и слава».

Реалии – это слова и словосочетания, которые называют предметы вместе с явлениями, объектами, характерными для жизненного процесса, быта, культурных особенностей, а также специфики социума и истории одного народа, но малознакомые, а подчас и чуждые другому народу. Реалии содержат в себе колорит национального и (или) временного характера. У таких слов и словосочетаний зачастую нет точных соответствий в другом языке. При переводе они требуют специального подхода. Реалии – одна из разновидностей безэквивалентной лексики. Для них характерна гибкость. Сохраняя свой статус, реалии способны сразу входить в ряд категорий лексики. Множество реалий передают коннотативные значения. Главный критерий дифференциации реалий иных классов единиц лексики – это национальная и/или темпоральная окраска.

Присутствие безэквивалентных единиц не значит, что их семантику нельзя передать в процессе перевода. Также неуместны замечания, что они передаются менее точно, чем слово или словосочетания, у которых прямые соответствия. Суть в том, что реалии в каждом конкретном случае создают для переводчика проблему выбора определенного способа их передачи.

Реалии именуют предметы, понятия, явления культурного, бытового и исторического плана конкретного народа и страны. Такие лексические еди-

ницы передают определенный отрезок реальности. Таким образом, они тесно связаны с внеязыковой действительностью. Внеязыковой фон, который формируется ситуативными реалиями, куда входят иносказания, слова-реалии, аллюзии, намеки, необходимо передавать в переводном тексте.

Разные исследователи используют конкретные приемы перевода реалий. Самые общераспространенные способы включают транслитерацию, транскрипцию, калькирование вместе с описательным переводом, приближенным переводом и трансформационным переводом [1; 2; 3].

Выбор пути определяется рядом факторов. Игруют роль характер текста, значимость реалии в рамках контексте. Рассматривается характер самой реалии и ее место в лексических системах языка оригинала и языка перевода. Сами языки регулируются словообразовательными возможностями. Литературная и языковая традиции также принимаются во внимание. Важна и читательская аудитория перевода в сравнении с читателями подлинника [2, с. 94]. Таким образом, лексика с культурными маркерами диктует использование творческого подхода и обширных лингвострановедческих знаний со стороны переводчика, когда идет ее перевод на другие языки.

Следует отметить, что в своих произведениях американские писатели используют не только реалии, характерные для американской культуры, но и британские и африканские реалии. Действие в романах этих авторов происходит в разных частях мира, что объясняет использование реалий из разных культур.

В качестве рабочей классификации для анализа рабочего материала взята классификация Томашина Г. Д. в работе рассматриваются особенности перевода этнографических реалий, реалий быта, а также речевого этикет и норм поведения.

1. Реалии быта. Жилище.

Одна реалия функционирует в произведении Сидни Шелдона «Если наступит завтра»:

«“You’re in Magerdam. I’m Alice Jardine. This is my **boarding house**. You’re going to be fine. You just need a good rest. Now he back.»» [6, с. 12].

Действие происходит в Кейптауне, городе в Южной Африке, где живут английские переселенцы. С собой они привезли свой язык и культуру. Слово *boarding house* – пансион, небольшая, сравнительно дешёвая гостиница. Главный герой, Джейми, селится в ней, так как средства не позволяют ему снять что-либо более дорогое и приличное.

В романе Роберта Паркера «Любовь и слава», где действие происходит в США, используется такая реалия как *Ping-Pong table*:

«*There was a family room with a **Ping-Pong table** next to me, and next to the lavatory across the hall was an office where Mel Giacomini had worked out of his house occasionally when he’d lived there*» [5, с. 6].

В американских жилищах часто стоят такие столы для настольного тенниса, которые используются в часы досуга.

2. Реалии одежды также используются в анализируемых текстах. В следующем предложении упоминается реалия *Levi’s*:

«*I said, “Yes, ma’am.” The door buzzed and I went in. I was wearing off-white straight-legged **Levi’s** cords, and moccasins and a blue wool shirt and a beige poplin jacket with a sheepskin lining and collar*» [5, с. 14].

Джинсы фирмы «Ливай Стросс» имеют долгую историю и являются символом американского образа жизни. В 1853 Леви Стросс приехал из Германии в Сан-Франциско с большой партией ткани, предназначенной для палаток и повозок местных золотоискателей. Однако, обнаружив, что город в гораздо большей степени нуждается в удобной и прочной рабочей одежде, Штраус заказал местному портному сшить из своей ткани несколько пар просторных брюк, на которые мгновенно возник невероятный спрос [4]. В следующем предложении используются реалии одежды, по которым узнается имидж гангстеров:

«“I don't know,” she said. There was a little thigh beginning to show along with the knees. “He knows some terrible people. In his business he knew some very thuggy-looking people. I'm sure it was one of them.”

“Wide lapels? Dark shirts? White ties? Big hats?”» [5, с. 14]

Детектив Спенсер из произведения Паркера, пытается пошутить, используя перечисление этих предметов одежды.

Таким образом, можно видеть, что реалии одежды представлены популярными американскими товарами.

3. Пища и напитки также имеют важное значение как элементы культуры. В произведении «Если наступит завтра» переселенцы пьют характерное для своей культуры «виски»:

«“Fine.” Jamie brought out the bottle of whiskey, wondering how Banda could have known. He poured out two fingers into a dirty tooth glass and handed it to the constable» [7, с. 32].

Однако, влияние другой, африканской культуры, ощущается тоже. На стол, помимо традиционных английских блюд, дают и местное печенье «суткукиз»:

«There was cold roast lamb, fried chicken, yellow saffron rice, quince jam and tangerines and peaches and soetekoekjes, almond-topped spice cookies» [7, с. 21].

В произведении «Любовь и слава» упоминается такой «американский» вид алкоголя как «мартини»:

«I stepped into the living room. There were two glasses and a pitcher that looked like martini on the low glass coffee table in front of the couch» [5, с. 6].

Мартини – это популярный коктейль из джина и сухого мартини.

Из еды упоминаются крекеры:

«There was Boursin cheese on a small tray and a plate of crackers that looked like little shredded-wheat biscuits» [5, с. 52].

Данный продукт является обычной американской пищей.

Детектив Спенсер и мальчик, которого он охраняет, идут в Макдональдс. Там они заказывают колу и пиво «Бекс»:

«The waiter came. I ordered a Beck's beer for me and a Coke for Paul. We looked at the menu» [5, с. 43].

«Коук» – это разговорное название прохладительного напитка кока-кола, утвердившееся в начале XX века в США.

Далее они идут в китайский ресторан. Название блюд показывает, что США – действительно мультикультурная страна:

«He stared at the menu some more. The waiter wandered back. “You order?” he said.

I said, "Yes. We'll have two orders of Peking ravioli, the duck with plum sauce, the moo shu pork, and two bowls of white rice. And I'll have another beer and he'll have another Coke."» [5, с. 106]

В заказе присутствуют как китайские блюда (*Peking ravioli, the duck with plum sauce, the moo shu pork, white rice*), так и американские (*Coke*).

4. Наименования типичных бытовых заведений также используются в романах. В произведении «*Если наступит завтра*» – это салун:

«Jamie sat at the bar sipping the whiskey, aware that everyone in the saloon was watching him» [6, с. 112].

Использование слова «салун» озадачивает, так как оно является реалией американской и обозначает «бар, питейное заведение». В английской культуре – это буфет в театре. А в Кейптауне живут англичане. Скорее всего, это связано с тем, что Сидни Шелдон – американец и для него описание жизни в Южной Африке соответствует традициям освоения Дикого Запада.

В романе «*Любовь и слава*» упоминается «Макдональдс»:

«I, well, I know you've already done so much bringing Paul back, but, well, it's just that it happened much sooner than I thought it would and Stephen and I have a dinner reservation. . . . Could you take Paul out maybe to McDonald's or someplace? I'll pay of course.»» [6, с. 154].

«Макдональдс» – первая в США сеть кафе быстрого обслуживания, создана в 1955. Такие кафе есть практически в каждом населенном пункте США.

При передаче реалий необходимо анализировать словарные источники, учитывать фоновые знания переводчика и, если реалия не имеет готового варианта, переходить к собственно процессу ее передачи.

Реалии из произведений американских писателей могут передаваться такими способами как транскрипция, транслитерация, калька, полукалька, освоение, функциональный аналог, описание, объяснение, толкование эквивалент.

Список использованных источников

1. Маслова В. А. Лингвокультурология / Маслова В. А. – М.: Наука. – 1996. – 327 с.
2. Сорокин Ю. А. Лакуны: еще один ракурс рассмотрения / Ю. А. Сорокин // Лакуны в языке и речи: Сб. научных трудов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 3 – 11.
3. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы / Томахин Г. Д. – М.: Высшая школа. – 1988. – 239 с.
4. Longman Dictionary of English Language and Culture. — Harlow: Addison Wesley Longmans Limited, 1992. — 1555 p.
5. Parker R. B. Early Autumn / Parker R. B. – N.Y.: McGrawHill, 1991. – 321 p.
6. Sheldon S. Master of the Game / Sheldon S. – N.Y.: McGrawHill, 2001. – 423 p.
7. Webster's Collegiate Dictionary. – 5th ed. – Cleveland, New York, 1964. – 1274 p.
8. Норец М.В., Малугина В.А. Использование переводческих приемов при передаче реалий романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» на украинский и английский языки / М.В. Норец, В.А. Малугина // Аллея науки. – 2017. – Т. 2. – № 9. – С. 22-27.

УДК 800

**К ВОПРОСУ ОБ АДЕКВАТНОМ ВОСПРИЯТИИ КОННОТАТИВНО
ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ УЧАЩИМИСЯ МОЛДОВЫ
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ*****М. А. Волковская,****кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики,
Государственный Тараклийский университет им. Г. Цамблака, Молдова*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме восприятия коннотативно окрашенной лексики учащимися Молдовы, для которых русский язык не является родным. В статье приводятся конкретные примеры, которые указывают, на чем следует останавливаться при прочтении текста в первую очередь, каков необходим дополнительный коннотативный комментарий для адекватного восприятия художественного текста.

Ключевые слова: коннотация, адекватное восприятие, эмоциональная окраска, лексические единицы, фразеологизмы.

Summary. This article is devoted to the problem of perception of connotatively colored vocabulary by Moldovan students, for whom Russian is not their native language. The article provides specific examples that indicate what should be stopped when reading the text, what additional connotative commentary is needed for an adequate perception of a literary text.

Key words: connotation, adequate perception, emotional coloring, lexical units, phraseological units.

При чтении произведений художественной литературы на неродном языке далеко не всегда эти произведения воспринимаются адекватно. Существует ряд причин, почему так происходит: это и непонятная безэквивалентная и фоновая лексика, и разница психологического характера между писателем, носителем одной культуры, и читателем, представителем другой культуры, и коннотация и т.д. Помочь правильно прочесть и воспринять то или иное произведение – одна из главных задач преподавателя.

Более подробно мы остановимся на одной из основных трудностей, с которой сталкивается нерусский читатель, знакомясь с произведениями литературы на русском языке. Это правильная рецепция и толкование в конкретном контексте коннотативно окрашенных слов и фразеологизмов.

Причем, на наш взгляд, с этим трудностями сталкиваются не только учащиеся, для которых русский язык не является родным, но и те, для которых русский язык является материнским. Дело в том, что ученики, которые живут в поликультурном обществе, каковым является Республика Молдова, ощущают на себе влияние культур тех народов, которые населяют страну: молдаване, украинцы, гагаузы, болгары. Многие концепты воспринимаются сквозь призму восприятия не типичного русского, проживающего на территории России, а русского, который воспитывается в поликультурном обществе.

В дидактической литературе есть разные точки зрения на коннотацию. Мы будем опираться на определение коннотации, данное О. С. Ахмановой: «Коннотация – это дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые на-

кладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказываниям торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п.» [2].

В литературных произведениях коннотативно окрашенные слова часто несут очень важную идейную и эмоциональную нагрузку. Подчас в художественном тексте практически любое слово, само по себе лишенное эмоционально-оценочных оттенков, приобретает их. Поэтому, изучая произведения художественной литературы, следует рассматривать данные слова только в контекстах.

Слова с коннотативным содержанием в некоторых случаях выступают на первый план и вытесняют те, в которых нет такого содержания. Например, слово *печалиться* выражает определенное понятие, которое, как и любая логическая, «умственная» информация, вполне может получить определение, дефиницию и может быть переведена на любой другой язык. Практически ту же рациональную информацию выражает другое русское слово – *тужить*, но в его содержании коннотативное значение выступает на первый план.

Коннотативные слова трудно передать на другом языке. Непонимание же отдельных слов ведет подчас к искаженному восприятию всего произведения. Читатель, читая произведение на родном языке, столкнувшись с коннотативно окрашенным словом, чувствует его эмоциональность, образность, культурологическую значимость, но даже ему бывает трудно логически объяснить, в чем она заключается. Слова с коннотативным содержанием нельзя рассматривать как чисто стилистическую проблему, потому что они всегда обращены к определенному опыту человека, который возникает в результате его воспитания в данное культуре.

Поэтому задача учителя и состоит в том, чтобы выделить эти коннотативно окрашенные слова и прокомментировать их. Причем не просто объяснить значение отдельных слов, но и разобрать с учащимися, каким образом автор достигает того, что эти слова придают всему контексту эмоционально-образную окраску. Если при объяснении непонятных слов мы используем и наглядность, и видовые определения, и перевод, то при объяснении коннотативно окрашенных слов эти приемы не подходят.

Необходимо систематически, на конкретных примерах раскрывать эмоциональную характеристику слов, реалий, фиксировать внимание учащихся на характерных стилистических особенностях текста, приучать их видеть в тексте не только прямое значение слова, но и переносное, коннотативно окрашенное.

Попытаемся проследить на конкретных примерах, на чем следует останавливаться при прочтении текста в первую очередь, каков необходим дополнительный коннотативный комментарий.

Так, при чтении произведений фольклора следует обращать внимание на лексические единицы, образующие пары к общеупотребительным словам благодаря противопоставлению русского полногласия церковнославянскому неполногласию: *голос – глас; ворог – враг; холод – хлад* и т.д. Часто встречаются и другие русские и славянские противопоставления: *шелом – шлем; глаз – око; губы – уста* и т.д. В фольклорных произведениях не-

редки слова, которые практически не употребляются в повседневной речи, которые носят ярко выраженную коннотативную окраску. Конечно, вместо *кручина* можно использовать слово *тоска*, вместо *суженый* – *жених*, вместо *кудесник* – *волшебник*, но насколько неэмоционально звучат эти нейтральные синонимы! Можно смело утверждать, что именно эти слова передают особенности души народа.

Особую роль играют постоянные эпитеты, устойчивые словосочетания, отдельные слова: *добрый молодец*; *красна девица*; *богатырь*; *не по дням, а по часам* и т.д. Поняв их смысл, учащиеся лучше поймут и некоторые русские топонимы (*Красная площадь*), и оценку отдельных поступков человека (*Он истинный богатырь.*) и т.д.

Слова с коннотативным содержанием изменяются с течением времени. Например, можно говорить о разной коннотации слова *девчонка* во времена А. С. Пушкина и в наше время [8]. В то же время есть коннотативные слова, понимаемые одинаково всеми членами национальной культуры. Таковыми словами, к примеру, являются названия отдельных растений, деревьев. Так, только при произнесении слова *береза* у русского человека рождаются положительные эмоции, связанные с Родиной, родным домом. Огромное количество фольклорных и литературных произведений посвящено этому красивому белоствольному дереву. Однако для человека, родившемуся и выросшему в Молдове, где нет березовых рощ, береза воспринимается просто как какое-то красивое белоствольное дерево и не вызывает никаких дополнительных эмоций, в отличие от винограда, дуба или ореха. Чтобы учащиеся смогли понять, почему именно это дерево стало символом России, надо дать им сведения, какую роль издревна играла береза в жизни, быту россиян. Для этого можно предложить ученикам прочитать текст, посвященный русской березе.

Самое милое русское дерево – берёза. О ней говорится в сказках, поётся в песнях, о ней написано много стихов. При слове «родина» русскому человеку всегда вспоминается берёзка.

С давних времён берёза вошла в жизнь русского народа. Для топорщика всегда выбирали берёзовое, лучше узловатое полено. Из берёзовой коры, бересты, гнали знаменитый берёзовый дёготь, делали посуду, в том числе замечательные туески, нередко любовно украшенные. В Новгороде береста служила „бумагой“, на ней выдавливали и официальные документы, и частные письма. Богатую смолой бересту подкладывали под брёвна и балки, которые клали на камни или в сырые места. Тонкие берёзовые ветки шли на мётлы и веники. Веники использовались не только для подметания полов и обмахивания стен, но и для бани. В жарко натопленной бане хлестали себя берёзовыми вениками.

Пожалуй, ни одно дерево русский человек не любит так, как берёзу, и берёза после суровой зимы торопится принести людям радость: не распутив ещё лисья, она зацветает.

как хорош берёзовый лес, когда он пробуждается после зимы! На голубом фоне неба так красив весенний наряд берёзы. А молодые берёзки с белыми стволами похожи на девушек в белых платьях, с зелёными косами, вступивших в раннюю и прекрасную пору юности.

Но не только своей красотой радует человека берёзовый лес, он одаривает нас лучшими грибами – подберёзовиками, груздями, белыми, а там, где берёзы смешиваются с осиной, растут оранжевые и лиловые подосиновики.

Трудно сказать, когда красивее берёзовый лес: весной, летом, осенью или зимой. В каждом времени года берёза дарит человеку свою красоту. Смотришь на это богатство красок и думаешь: если бы не было берёзы, как потускнели бы картины художников-пейзажистов! Сколько красоты и яркости принесла берёза на полотна Левитана, Поленова, Куинджи, Нестерова и многих, многих других! По А. Перегудову

Прочитав подобный текст, ученики получают новые для себя сведения об этом дереве, смогут дать себе отчет, почему именно это дерево приобрело такую положительную коннотативную окраску. Учащиеся – носители других культур – смогут провести аналогию в своей культуре, подобрать соответствующее растение, которое столь же дорого, как дорога береза носителю русской культуры.

Аналогичные примеры можно привести и из традиционного русского быта, материальной и духовной культуры. Безусловно, только услышав слово *частушки*, у человека, знакомого с данным фольклорным жанром, появляется хорошее настроение, потому что известно, что где поются частушки, там присутствует юмор, веселье, удасть. Можно провести параллель с таким гагаузским народным жанром, как маани, хотя полного соответствия частушкам нет.

Несколько сложнее, если произведения русской литературы переведены на другой язык и необходимо сохранить коннотацию, характерную для данного контекста, созданного на русском языке. Речь идет в данном случае об употреблении различных уменьшительно-ласкательных и увеличительных суффиксов, оттенков цветов и т.д. Так, например, слова, выражающие субъективную оценку (*братец, голубок, книжица*), не изменяют реального значения слова, но в то же время несут весьма существенную информацию, которая бывает важнее понятийной, рациональной. Поэтому в некоторых случаях замена субъективно-оценочной лексики нейтральными словами (*брат, голубь, книга*) просто невозможна, потому что потеряется смысл сказанного. В данном случае, если необходимо адекватно перевести эти слова на другой язык, а сделать это невозможно аналогичным способом, необходимо искать другой путь, чтобы сохранилась та эмоциональность, которая была изначально заложена в контекст [3]. Иногда эти слова вообще не переводятся, а сохраняются в русском варианте. В этих случаях они уподобляются безэквивалентной лексике, которую невозможно перевести на другие языки в силу того, что в других языках (и культурах) нет соответствующих понятий. Причем подобные явления можно встретить практически во всех языках и культурах. В частности, в русской классической литературе часто можно встретить французское выражение *comme il faut*, которое имеет явно коннотативную окраску. Подобного выражения нет в русском языке, поэтому русские писатели и употребляют его, когда хотят показать порядочность, элегантность поведения своего героя. *Он человек, стоящий на высоте современного образования, и исполняет свою роль со всем необходимым в подобных случаях комильфо.* (И. Тургенев «Отцы и дети»)

В русском языке есть ряд слов, коннотация которых зависит от ситуации,

в которых они употребляются, от контекста. В качестве примера хотелось бы привести слово *собака*. Если мы вспомним произведения русской художественной литературы, то практически повсеместно это животное показано с симпатией, символизирует преданность, верность, бескорыстие и другие положительные качества (рассказы И. Тургенева «Муму», А. Чехова «Каштанка», А. Куприна «Белый пудель», Л. Андреева «Кусака», повесть Д. Троепольского «Белый Бим Черное ухо» и т.д.) Даже значок-символ в электронной почте, который относительно не так давно вошел в нашу жизнь и, следовательно, и в язык, ассоциируется у носителей русского языка с собачкой.

Однако в повседневной речи слово *собака* и производные от него содержат часто негативную коннотацию. Обсуждая трудности быта, мы говорим о *собачьей жизни*, о *собачьем холоде*. А в выражение *преданный как собака* часто вкрадывается отрицательная коннотация, потому что говорящий во многих случаях имеет в виду не бескорыстную верность, а подхалимаж, лесть. Бытуют такие выражения, когда мы говорим о врагах: *Сдох как собака*; *Собаке – собачья смерть*. Даже Тарас в повести Н. Гоголя «Тарас Бульба» говорит о своем сыне-предателе Андрии: «Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!» Можно предположить, что подобная негативная коннотация идет с Востока, еще со времен татаро-монгольского ига, когда русская культура ощущала на себе влияние традиций восточных народов. Ведь хорошо известно, что в большинстве восточных культур к этому животному относятся весьма отрицательно.

Можно привести и другой пример. Так, для носителя русского языка и культуры осел воспринимается как символ упрямства и глупости, а для народов, проживающих на юге Молдовы, где до сих пор можно встретить ослика, используемого в сельском домашнем быту, это милое животное будет восприниматься как трудолюбивое и добродушное животное.

В подобных случаях следует особенно внимательно относиться к адекватному восприятию коннотативно окрашенных слов. Ведь при малейшем недопонимании может быть полностью искажен смысл отдельной фразы и в целом всего художественного произведения.

Большой эмоционально-образный потенциал заложен во фразеологизмах и языковых афоризмах. Часть фразеологизмов имеют аналоги в разных языках, но в большинстве случаев они обладают идиоматичностью, то есть общий смысл всего высказывания не вытекает из значений слов его состава. Подчас данные фразеологизмы стилистически и эмоционально более экспрессивны. Безусловно, возможны синонимические замены типа *бить баклуши – бездельничать*; *как курица лапой – писать неразборчиво* и т.д., однако при подобной замене теряется коннотативный оттенок, который сохраняется во фразеологизме.

Порой во фразеологизме содержится и сведения культурологического плана, отражается та или другая особенность истории, быта, менталитета народа. Данные фразеологизмы можно приравнять тоже к безэквивалентной лексике, хотя одновременно они содержат и коннотативную окраску. Так, фразеологизм *мамаево побоище* обозначает не только беспорядок, но и невольно напоминает читателю о длительном периоде истории России, связанном с освобождением от татаро-монгольского ига. Фразеологизмы типа

заговаривать зубы; вывести на чистую воду несут в себе информацию о традиционных занятиях русских людей. Как мы видим, ряд фразеологизмов содержит в своей семантике и национально-культурный компонент.

Целый ряд афоризмов (пословицы, поговорки, крылатые выражения) отражают народную оценку жизни и несут ярко выраженную коннотативную окраску [1]. К таким афоризмам можно отнести следующие: *Кашу маслом не испортишь. Снявши голову, по волосам не плачут.* и др. Афоризмы накапливают в своем содержании и хранят не только человеческий опыт, они отражают также условия жизни народа – носителя языка, его историю, культуру. Хотя, как и приведенные выше афоризмы, данные афоризмы часто содержат дополнительную эмоциональную окраску. (*Москва не сразу строилась. Москва слезам не верит. Окно в Европу. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.* и т.д.)

Благодаря афоризмам мысль говорящего или пишущего выражается не только точнее, но и более информативно, образно и значительно эмоциональнее. Однако, если носитель другой культуры не будет знаком с определенными особенностями традиционного русского быта, отдельными фактами истории, многие фразеологизмы, афоризмы потеряют не только свою эмоциональность, но и сам смысл. Поэтому при чтении нерусскими учащимися текстов, содержащими подобные высказывания, необходим специальный комментарий. Если же подобный текст переводится на другой язык, целесообразней не переводить, а «пересказывать» его, вводя в текст те фразеологизмы, афоризмы, которые будут понятны носителям другой культуры [5, 9].

При объяснении тех или других коннотативно окрашенных слов или выражений нельзя, видимо, всё сводить лишь к сообщению каких-либо фактов. Намного важнее формировать эмоциональное отношение к этим знаниям и их позитивную эстетическую оценку. Для этого надо использовать различные интерактивные формы работы, которые помогут активизировать учащихся, помогут развивать их фантазию, развивать не только их кругозор, но и воспитывать эмоциональную, разностороннюю личность, доброжелательно относящуюся к другим народам. Чем больше ученики будут знать, как факты, так и особенности эмоциональной жизни того или другого этноса, чем лучше они будут понимать коннотативно окрашенную лексику, тем ближе и понятней будут им конкретные представители данного этноса, тем с большей эмпатией будут обращаться к ним.

Список использованных источников

1. Аникин В. П. Мудрость народов. // Пословицы и поговорки народов Востока. – М. Москва. Издательство восточной литературы. – 1961. – 736 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС: Едиториал УРСС. – 2004. – 571 с.
3. Васильева А. Н. К проблеме использования художественной литературы при обучении неродному языку. // Памяти академика В. В. Виноградова. – М.: МГУ. – 1971. – С. 48 - 55.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М. Русский язык. – 1990. – 246 с.
5. Громова В. В. Фигуры экспрессивной стилистики – объект лингводидактики в иноязычной аудитории. // Русское слово в мировой культуре.

Т.П – С-Пб. – 2003.

6. Лингвострановедение и текст: Сб. статей/ Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. – М. Русский язык. – 1987. – № 6 – с. 3- 11.

7. Марченко Е. Культурологический подход к обучению русскому языку как иностранному и его отражение в учебнике// Русское слово в мировой культуре. Т.П – С-Пб.. – 2003.

8. Одинцов В. В. Пушкинская «девчонка». // Русская речь, 1967. – № 3. – С. 23.

9. Федоренко Н.Т. Меткость слова (Афористика как жанр словесного искусства). – М. Современность. – 1975. – 255 с.

УДК 347.78.034

ОСОБЕННОСТИ АНТОНИМИЧЕСКОГО РУССКОГО-АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА В СФЕРЕ НАРЕЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА)

Я. А. Глотова,

*магистрант, кафедра языкознания и переводоведения, Институт
иностранных языков, Московский городской педагогический университет,
Москва*

Аннотация. Исследование посвящено изучению стратегии антонимического перевода в сфере наречия как основной переводческой трансформации и способам ее языковой реализации в рамках художественного дискурса. Материалом исследования послужил корпус из 508 примеров высказываний, полученных методом сплошной выборки из произведений А. П. Чехова «Дама с собачкой», «Смерть чиновника», «Ванька», «Хамелеон», содержащих отрицание, и их переводов на английский язык. Результатом исследования стали выявленные стратегии антонимического перевода, которые находят широкое применение в современной переводческой практике.

Ключевые слова: антонимия, переводческие трансформации, антонимический перевод, отрицание, двойное отрицание.

Summary. The paper studies the strategy of antonymic translation in the sphere of adverb as the main translation transformation and the ways of its linguistic implementation within the framework of artistic discourse. The empirical base of the research includes a corpus of 508 examples of negation obtained by the method of continuous sampling from the works of Anton P. Chekhov «The Lady with the Dog», «The Death of a Government Clerk», «Vanka», «A Chameleon» and their English translations. The findings of the study identified antonymic translation strategies, which are widely employed in modern translation practice.

Key words: antonymy, translation transformations, antonymic translation, negation, double negation.

Статья посвящена изучению стратегий антонимического перевода в сфере наречия применительно к анализу художественного дискурса на материале произведений А. П. Чехова «Дама с собачкой», «Смерть чиновника», «Ванька», «Хамелеон» и их переводов на английский язык.

Цель исследования состоит в систематизации моделей антонимического перевода в сфере наречия в паре языков «русский-английский» на основе метонимического принципа. В связи со структурными особенностями язы-

ков и особенностями ментальности носителей английского и русского языков, диктующими огромные возможности использования эксплицитного отрицания в русском языке и предпочтение имплицитных форм отрицания в английском языке, изучение метонимической основы антонимических преобразований и систематизация антонимических переводческих моделей являются актуальными [6, с. 277].

В результате проведенного анализа отобранных примеров использования антонимического перевода в сфере наречия были выявлены следующие стратегии:

1. наречие с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-* → наречие без формально выраженного отрицательного компонента ($adv_- \rightarrow adv_+$):

Данная стратегия предполагает, что наречие с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-* при переводе заменяется на наречие без формально выраженного отрицательного компонента. В следующем примере *И прихотилось говорить неопределенно о любви, о женищинах, и никто не догадывался, в чем дело...* («Дама с собачкой») содержится наречие *неопределенно*. В словарной статье Толкового словаря Д. Н. Ушакова представлено три дефиниции наречия *неопределенно*: 1. то, что точно не установлено; 2. не вполне отчетливо, не ясно; 3. уклончиво, туманно. В данном контексте речь идет о последнем значении. В онлайн-словаре ABBYY Lingvo находим следующие эквиваленты перевода наречия *неопределенно*: *indefinably, insinuatingly*, оба из которых не являются антонимическими, поскольку имеют отрицательный суффикс *in-*. К. Гарнетт перевела наречие *неопределенно* как *vaguely*, избегая при этом эксплицитно выраженного отрицательного компонента. (Следует отметить, что в онлайн-словаре ABBYY Lingvo выбранный ею эквивалент не закреплен в качестве возможного варианта перевода.) Обратимся к словарю Oxford English Dictionary с целью выявления семантики предложенной переводчиком единицы. Английское наречие *vaguely* имеет три значения: 1. *in a way that is not detailed or exact*; 2. *slightly*; 3. *in a way that shows that you are not paying attention or thinking clearly*. В рассматриваемом контексте имеет место первое значение, то есть «неподробно, неточно». Исходя из этого, можно сказать, что перевод является адекватным.

2. наречие с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-* → прилагательное без формально выраженного отрицательного компонента ($adv_- \rightarrow adj_+$):

Данная стратегия заключается в том, что наречие с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-* при переводе заменяется на прилагательное без формально выраженного отрицательного компонента. Рассмотрим следующий пример: *...но было видно, что у нее нехорошо на душе*. («Дама с собачкой»). В данном примере следует проанализировать целую фразу *нехорошо на душе*, которая содержит наречие *нехорошо* с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-*. Данная фраза является пространственной моделью, которая описывает психофизиологическое пространство человека. При переводе А. Литвинов преобразовал пространственный русский актант в английское подлежащее: *her heart was heavy*, восстановив при этом носителя признака «сердце». В онлайн-словаре Cambridge Dictionary словосочетание *a heavy heart*, которое является английским фразеологизмом, имеет

значение «a feeling of unhappiness», то есть «ощущение несчастья». Исходя из этого, перевод А. Литвинова можно считать адекватным.

3. наречие с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-* → словосочетание, в состав которого входят прилагательное с имплицитно выраженным отрицательным компонентом и имя существительное (*adv.* → *adj.* + *noun*):

Данная стратегия предполагает, что наречие с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-* при переводе заменяется на словосочетание (прилагательное без формально выраженного отрицательного компонента и имя существительное). Рассмотрим следующий пример: *И приходилось говорить неопределенно о любви, о женщинах, и никто не догадывался, в чем дело...* («Дама с собачкой»). (См. анализ перевода данного примера выше). В отличие от К. Гарнетт, которая перевела наречие *неопределенно* как *vaguely*, А. Литвинов перевел анализируемое наречие с помощью словосочетания *vague generalizations*, в состав которого не входит какой-либо отрицательный компонент. Обратимся к словарю Oxford English Dictionary с целью выявления семантики предложенного варианта перевода. Английское прилагательное *vague* имеет четыре значения: 1. not clear in a person's mind; 2. not having or giving enough information or details about something; 3. (of a person's behaviour) suggesting a lack of clear thought or attention; 4. not having a clear shape. В описываемом контексте речь идет о первом значении. Английское существительное *generalization* имеет семантику «a general statement that is based on only a few facts or examples; the act of making such statements», то есть «общие утверждения». Таким образом, перевод анализируемого наречия основывался на такой переводческой трансформации, как описательный перевод.

4. наречие с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-* → имя существительное с предшествующим ему предлогом *without* (*adv.* → *without* + *noun*):

Данная стратегия предполагает, что наречие с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-* при переводе заменяется на имя существительное с предшествующим ему предлогом *without*. Рассмотрим следующий пример: *А собаку истребить надо. Немедля!* («Хамелеон»). В словарной статье Толкового словаря Д. Н. Ушакова наречие *немедля* отмечается как устаревшая форма наречия *немедленно*. В онлайн-словаре АBBYU Lingvo находим следующие эквиваленты перевода: *immediately, at once*, где последний вариант является антонимическим, поскольку в его составе не присутствует какой-либо отрицательный компонент, в отличие от первого эквивалента, в котором содержится отрицательная сема *im-*. При переводе К. Гарнетт применила выше названную стратегию и перевела русское наречие *немедля* с помощью существительного с предшествующим ему предлогом *without*: *Without delay!* (Следует отметить, что в онлайн-словаре АBBYU Lingvo выбранный переводчиком эквивалент не закреплен в качестве возможного варианта перевода.) В словарной статье Oxford English Dictionary существительное *delay* имеет два значения: 1. a period of time when somebody/something has to wait because of a problem that makes something slow or late; 2. failure to do something quickly or at the right time; the act of delaying. Исходя из приведенных дефиниций, можно сказать, что вариант *without*

delay имеет семантику «без задержки, безотлагательно», поэтому перевод является адекватным.

5. наречие с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-* → глагол без формально выраженного отрицательного компонента + имя прилагательное (*adv*₋ → *verb*₊ + *adj*):

Данная стратегия предполагает, что наречие с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-* при переводе заменяется на глагол без формально выраженного отрицательного компонента и имя прилагательное. Рассмотрим следующий пример: *А собаку истребить надо. Немедля!* (Хамелеон). (См. анализ перевода данного примера выше). В отличие от К. Гарнетт, которая перевела русское наречие *немедля* с помощью существительного с предшествующим ему предлогом *without*: *without delay*, Дж. Леджер перевел анализируемое наречие с помощью глагола без формально выраженного отрицательного компонента и прилагательного: *Look smart!* Данный вариант перевода имеет два значения: 1. выглядеть элегантно, опрятно, современно, нарядно; 2. казаться умным. Исходя из приведенных дефиниций, представляется важным отметить, что данный вариант перевода не является адекватным в данном контексте.

6. наречие с предшествующей ему отрицательной частицей *не-* → фразеологизм (*adv*₋ → *idiom*):

Данная стратегия заключается в том, что наречие с предшествующей ему отрицательной частицей *не-* при переводе заменяется на фразеологизм, в состав которого не входит какой-либо отрицательный компонент. Следующий пример *В обществе мужчин ему было скучно, не по себе, с ними он был неразговорчив, холоден...* («Дама с собачкой») содержит наречие *не по себе*, являющийся русским фразеологизмом. В словарной статье фразеологического словаря А.И. Фёдорова данный фразеологизм имеет значение «нехорошо, неудобно, непривычно, не так, как всегда». В онлайн-словаре АБВУ Lingvo находим следующие эквиваленты перевода: (физически) *not to feel well, to feel sick, not to feel himself, to be out of sorts*; (морально) *to be / to feel ill at ease, to be / to feel uneasy, uncomfortable*. При переводе А. Литвинов отдал свое предпочтение варианту: *ill-at-ease*. Обратимся к словарю Oxford English Dictionary с целью выявления семантики предложенной переводчиком единицы. Английское прилагательное *ill-at-ease* имеет значение «feeling uncomfortable and embarrassed», то есть «неудобно, смущенно». Исходя из этого, перевод можно считать адекватным.

7. наречие с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-* → описательный перевод (*adv*₋ → *descriptive translation*):

Данная стратегия предполагает, что наречие с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-* переводится с помощью такой переводческой трансформации, как описательный перевод. Следующий пример *Некуда было деваться.* («Дама с собачкой») содержит наречие *некуда* с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-*. Семантика данного наречия вполне ясна, поэтому сразу перейдем к поиску существующих эквивалентов перевода. В онлайн-словаре АБВУ Lingvo были найдены следующие варианты: *there is nowhere, there is no room / place*, которые не являются антоними-

ческими, поскольку в их составе присутствует отрицательная частица *no*. Применяв выше названную стратегию, А. Литвинов перевел предложение *Некуда было деваться* как *The heat was overpowering*. Перевод основан на причинно-следственной метонимии. Если «жара была невыносимой», значит, «не было места, чтобы спрятаться от нее».

Таким образом, что в сфере наречия было выявлено 7 стратегий антонимического перевода. Исходя из вышеизложенного, было установлено, что антонимический перевод является актуальным переводческим приемом в сфере художественного перевода и науке переводоведения в целом.

Список использованных источников

1. Каюмова А. Р. Антонимический перевод и его место в классификации способов передачи фразеологических единиц с английского языка на русский [Электронный ресурс] // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 6. – С. 78-84. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antonimicheskiy-perevod-i-ego-mesto-v-klassifikatsii-sposobov-peredachi-frazeologicheskikh-edinit-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy> (дата обращения 29.01.2022).

2. Митрофанова З. И. Как это сказать по-русски «Not unworthy»? [Электронный ресурс] // Вестник ЧГУ. – 2017. – № 2. – С. 259-268. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-eto-skazat-po-russki-not-unworthy> (дата обращения 29.01.2022).

3. Моисеева Е. М. Принципы выделения антонимических оппозиций [Электронный ресурс] // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 1-2. – С. 297-304. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/principy-vydeleniya-antonimicheskikh-oppozitsiy> (дата обращения 29.01.2022).

4. Палажченко П. Р. Отрицание английское и русское. Заметки переводчика [Электронный ресурс] // Журнал переводчиков Мосты. – 2013. – № 4. – 37 с. – URL: https://www.academia.edu/5174933/Отрицание_английское_и_русское (дата обращения 29.01.2022)

5. Самарин Д. А. Антонимический перевод как особый переводческий приём [Электронный ресурс] // Тамбов: Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11-1 (77). – С. 158-161. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antonimicheskiy-perevod-kak-osobyu-perevodcheskiy-priyom> (дата обращения 29.01.2022).

6. Сулейманова О. А. Принципы и методы лингвистических исследований: учебное пособие / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, И. В. Тивьяева; отв. ред. О. А. Сулейманова. – 2-е изд. – М.: Языки Народов Мира; НВИ, 2020. – 352 с.

7. Сулейманова О. А. Стилистические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / О. А. Сулейманова, К. С. Карданова-Бирюкова, Н. Н. Беклемешева. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 176 с.

УДК 811.111-26

**УСЛЫШАТЬ «ГОЛОС» ПОДРОСТКА: ЛИТЕРАТУРА
«YOUNG ADULT» КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА*****В. Н. Горенинцева,****кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Томский государственный университет, Томск*

Аннотация. Актуальность данного исследования определяется растущим интересом к литературе «young adult», в том числе к теоретическим и практическим вопросам ее перевода. Рассматривая жанрово-стилистическую специфику произведений литературы для «молодых взрослых» (неопределенность возрастных границ целевой аудитории, специфический набор тем, особенности языка литературы для подростков и юношества), автор выделяет ключевые факторы, оказывающие наибольшее влияние на выбор переводчиком стратегии и приемов прагматической адаптации оригинала.

Ключевые слова: литература «young adult», прагматическая адаптация, пурификация, подростковый социолект, идиолект персонажа.

Summary. This research is determined by the growing interest in the young adult literature, including the theoretical and practical issues of its translation. Considering the genre and stylistic specificity of young adult literature (unclear and culturally-determined target audience, focus on adolescence readership and their concerns, specificity of adolescent language), the author highlights the key factors that have the greatest influence on the choice of the translator's strategy and methods of pragmatic adaptation.

Key words: young adult literature, pragmatic adaptation, purification, adolescent sociolect, idiolect.

Современную литературу о подростках и для подростков часто обозначают английским термином «young adult» (русс. «молодые взрослые», далее – YA). Выделившись впервые как отдельное направление в рамках англо-американской художественной литературы середины XX в., YA обнаруживает тесные генетические связи с немецким воспитательным романом эпохи Просвещения [10, с. 3]. Вместе с тем, одним из очевидных отличий YA от традиционного романа воспитания является ее подчеркнутая адресованности современной подростковой и молодежной аудитории: автор YA пытается говорить с подростками и юношеством на понятном, аутентичном языке на наиболее острые темы (подростковая инициация, гендерная идентичность, физические изменения тела, психологические и психические расстройства, первый сексуальный опыт, дискриминация, буллинг и т.д.). В отличие от романа воспитания, раскрывающего весь путь становления героя и в финале показывающего читателю взрослую состоявшуюся личность, действие в произведениях YA происходят «здесь и сейчас», а в финале герой остается подростком, а не становится рассматривающим свою прошлую жизнь в ретроспективе всезнающим взрослым. Иными словами, это не типичные романы взросления, а повествование о каком-либо драматическом испытании, пройдя через которое юный герой обретает душевное равновесие накануне вступления во взрослую жизнь.

Выраженная возрастная адресация может стать серьезным вызовом при

переносе оригинального произведения YA в иную культуру в первую очередь из-за подвижности возрастных границ социокультурных конструктов «ребенок», «подросток», «взрослый». Так, ВОЗ относит к категории «молодых» людей в возрасте от 10 до 24 лет [14], а известный американский эксперт по литературе YA М. Карт определяет верхнюю границу в 25 лет, ссылаясь на последние научные исследования о замедлении процессов взросления [8, с. 119]. В России ситуация с возрастными рамками «young adult» в меньшей степени неопределенная [1, с. 133, 2, с. 187], однако конвенциональных возрастных границ все же нет. Несовпадение представлений о целевой читательской аудитории в оригинальной и принимающей культурах становится значимым фактором, определяющим выбор общей стратегии и конкретных приемов прагматической адаптации оригинала. Отечественные переводчики YA, взаимодействуя западным культурным кодом, одновременно решают прагматическую сверхзадачу, обязывающую транслировать ценности и соблюдать нормы принимающей стороны. С появлением в России обязательной ограничительной маркировки печатных изданий [4] переводчики оказались в довольно сложном положении и часто вынуждены включать самоцензуру, работая с адресованными подросткам «сложными» текстами, потому что стремление к максимальному сохранению оригинала связано с риском попадания книги в категорию 18+ и, соответственно, на полку для взрослых читателей. Масштаб изменений исходного текста напрямую зависит от критичности расхождений между передающей и принимающей культурами в их представлениях о том, что «хорошо» и что «плохо» для подростков. Проиллюстрировать, как работает (само)цензура можно примером из двух переводов, любительского [5] и профессионального [6], романа С. Чбоски «The Perks of Being a Wallflower» (1999), в настоящее время считающегося классикой YA [9]. Написанный в форме эпистолярного романа рассказывает о застенчивом подростке Чарли, борющемся с депрессией, спровоцированной самоубийством друга и трагической смертью тети. В одном из писем Чарли рассказывает о том, что его приятель Патрик, увидев, как Чарли целуется с девушкой, произносит: «If you were gay, I would never date you» [9]:

<i>Перевод М. Тарасовой и др.</i>	<i>Перевод Е. С. Петровой</i>
«Хотя, опять же, если бы ты был геем, я не стал бы с тобой <i>встречаться</i> » [5] (здесь и далее курсив мой. – В. Г.).	«А с другой стороны, если б ты был геем, я бы с тобой не <i>водился</i> » [6].

Исключить тему гомосексуальных отношений Патрика при переводе не представляется возможным, поскольку Патрик – один из центральных персонажей, однако можно заметить, как эта тема сглаживается в переводе Е. С. Петровой, которая передает оригинальную лексему «date», подразумевающую романтическую связь [12] эквивалентом «водиться», т.е. водить знакомство, дружбу [3]. Такое решение можно рассматривать как проявление языковой пурификации (термин Г. Клинберга [11]), поскольку переводчик нивелирует сексуальный подтекст намека. В любительском переводе «date» переведен эквивалентной лексической единицей «встречаться», которая используется молодежью для описания романтических отношений.

Еще одним вызовом при переводе YA является ее стремление к предельной искренности. Остросоциальная направленность является жанро-

во-типологической характеристикой литературы YA. В западной традиции для таких произведений характерна предельная откровенность в обсуждении запретных тем. Так как авторы пытаются дать голос подростку, а не рефлексирующему о подростковой жизни взрослому, в большинстве произведений YA преобладает глубоко личное повествование от первого лица, часто представленное в форме дневниковых записей, писем, интернет-блога. Чтобы создаваемый образ подростка был убедительным, современные авторы рекомендуют коллегам максимально погрузиться в современную поп-культуру, общаться с подростками и стараться воспроизводить в своем произведении «речь и стиль мышления современного молодого поколения» [7]. Поиск адекватных средств воссоздания подросткового социолекта представляется одной из важнейших задач и в переводе YA: переводчику приходится учитывать множество существующих субкультур, тенденций, групп и идентичностей молодых людей.

Подростковый или молодежный социолект не имеет какого-либо конвенционального набора норм произношения, словоупотребления и правописания, при этом значение и сфера употребления многих разговорных лексем и выражений не зафиксированы в словарях. При этом сохранение молодежного языка в тексте перевода необходимо, прежде всего, для создания эффекта живой речи и реконструкции речевого портрета героя-подростка. Проблемой при работе с подростковым социолектом становятся сленгизмы и инвективы, имеющие разную степень табуированности в оригинальной и принимающей культурах. В этом случае, переводчику приходится прибегать к поиску приемлемого функционального эквивалента, использованию перифраза или пропуску. Так, в романе Чбоски Чарли слышит, как один из школьников называет его «фриком, придурком»: «God, that kid is such a *fucking* freak» [9]. При переводе определения «*fucking*», имеющего в словаре помету «*vulgar*» [12], мы видим реализацию двух разнонаправленных стратегий – Е. С. Петрова использует нулевой перевод: «Господи, вот урод» [6], а в любительском переводе используется жаргонный эвфемизм «грёбанный урод» [5]. Также необходимо заметить, что поскольку подростковый социолект подвержен постоянному обновлению, особенно на лексическом и стилистическом уровне [13, с. 29], переводчики моделируя речь подростка, часто прибегают к стратегии модернизации, используя современные языковые единицы, тем самым приближая текст к современному читателю. Вместе с тем, такая стратегия может таить в себе опасность именно в силу быстрого устаревания молодежного жаргона: перенасыщенность текста сленгизмами, характерными для старших поколений, создает эффект искусственности, «взрослости» речи.

С другой стороны, работая с подростковым я-повествованием, переводчик, наряду с достоверным воспроизведением социолектных особенностей, должен не упустить специфику индивидуальной речи рассказчика, т.е. адекватная трансляция уникального набора языковых характеристик обеспечит целостность и полноту сконструированного автором образа. В идиолекте персонажа-подростка могут быть использованы в разном соотношении как уникальные, так и типические характеристики, например, язык субкультур и поп-культуры, культурно-маркированная и табуированная лексика. Соот-

ветственно, переводчик решает задачу соблюдения баланса уникального и типического. Обратимся к примерам из переводов романа С. Чбоски:

S. Cbosky: «Aunt Helen told my father not to hit me in front of her ever again **and** my father said this was his house and he would do what he wanted **and** my mom was quiet **and** so were my brother **and** sister. I don't remember much more than that because I started crying really hard **and** after a while my dad had my mom take me to my room. It wasn't until much later that my mom had a few glasses of white wine **and** told me what happened to her sister» [9].

В оригинале речь Чарли лексически бедна, лишена образности и эмоциональности. Герой использует в основном существительные и глаголы действия, нераспространенные синтаксические структуры, многочисленное повторение союза «and», часто используемое для стилизации детской речи и стремительности детского восприятия мира.

Любительский перевод: «Тётя сказала отцу, чтобы он больше меня не бил, но папа сказал, что это его дом, и что он может делать в нём всё, что захочет. Поэтому мама была тихая, такими были и мы с братом и сестрой. Я не помню, что случилось, но я стал очень сильно плакать, и через некоторое время родители пришли в мою комнату. Мама выпила несколько бокалов белого вина и рассказала мне, что случилось с её сестрой» [5].

Перевод Е. С. Петровой: «Тетя Хелен сказала отцу, чтобы не смел при ней поднимать на меня руку, а *он такой*: это мой дом, что хочу, то и делаю. Мама промолчала, брат с сестрой тоже. Больше я ничего не помню, потому что разревелся, и отец велел маме увести меня с глаз долой. Много позже мама, хватив белого вина, рассказала мне, что случилось с ее сестрой» [6].

Близкое следование синтаксису оригинала, преобладание нейтральной, безоценочной лексики, использование калек («я стал очень сильно плакать», «мама была тихая») в любительском переводе позволяет передать не только специфику незрелой речи героя, но и его эмоциональное состояние. В переводе Е. С. Петровой синтаксис заметно усложняется: включена прямая речь другого персонажа, деепричастные обороты, многосоставные предложения разбиты на более короткие, нет повторяющихся союзов. Изменения происходят и на лексическом уровне через добавление оценочной лексики («поднимать руку», «разревелся», «с глаз долой», «хватив белого вина») и изменения модальности («не смей поднимать руку», «отец велел маме»). Художественная обработанность текста приводит к типизации Чарли в соответствии с личными представлениями переводчика о героях подростковой литературы: Чарли в интерпретации Е. С. Петровой уже не испытывает проблем с самовыражением, он заметно взрослее и менее уязвим.

Обращение к проблемам перевода литературы YA представляется актуальным в силу безусловной актуальности данной литературной категории в России на современном этапе, где большая часть произведений YA – переводная. Перед переводчиками, равно как и перед авторами произведений юношеской аудитории, стоит задача выработки художественного языка, адекватного сознанию подростка. Создавая образ подростка, автор наделяет его особыми чертами, обусловленными социокультурным контекстом и особенно ярко проявляющимися в речевом поведении героя. Поскольку литература для «молодых взрослых» попадает под отечественные законо-

дательные ограничения в силу ее остросоциальной направленности, при реконструкции подросткового «я-повествования» переводчику необходимо учитывать как прагматику оригинала, так и прагматику перевода: переводчик должен быть уверен в том, что реконструируемый образ героя будет понят и принят читателями принимающей культуры, что этот читатель также не усомнится в искренности повествователя.

Список использованных источников

1. Карайченцева С. А. Книговедение: Литературно-художественная и детская книга // Издания по филологии и искусству: Учебник для вузов. М., 2004. – 435 с.

2. Зеличёнок А. А. Особенности творчества Джона Грина (на примере романа «Виноваты звезды») // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2014. – № 2. – С. 187-197.

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] / URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-3572.htm> (дата обращения 02.02.2022)

4. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (с изменениями и дополнениями). / [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/12181695/> (дата обращения: 01.02.2022).

5. Чбоски С. Трудности жизни изгоя. Пер. М. Тарасовой и др. [Электронный ресурс] URL: <http://samzan.ru/125141> (дата обращения: 01.02.2022).

6. Чбоски С. Хорошо быть тихоней. Пер. Е. С. Петровой. – М.: Азбука-Аттикус, 2013. – 298 с.

7. Alliance of Independent Authors. Mode of access: URL: <https://selfpublishingadvice.org/the-secrets-to-selfpublishing-ya-books-successfully-s-r-johannes/> (access date: 20.05.2020).

8. Cart M. From romance to realism: Fifty years of growth and change in young adult literature. – New York, 1996. – 324 p.

9. Chbosky S. The Perks of Being a Wallflower / S. Chbosky. – New York : Pocket Books, 1999. – 120 p. / Mode of access: URL: https://s3.amazonaws.com/scschoollfiles/112/the_perks_of_being_a_wallflower.pdf. (access date: 02.02.2022)

10. Donelson K. L., Nilsen A. P. Literature for Today's Young Adults / A. P. Nilsen, K. L. Donelson. 8th ed. Boston, 2008. – 491 p.

11. Klingberg G. Kinder- und Jugendliteraturforschung / G. Klingberg. Eine Einführung. – Graz : Hermann Böhlau Nachf, 1973. – 249 s.

12. Merriam-Webster Dictionary. Mode of access: URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/fucking> (access date: 02.02.2022).

13. Tempert S. Translating Young Adult Literature. The High Circulation Rate of Youth Language and Other Related Translation. Problems in The Catcher in the Rye and The Outsiders. Master Thesis. Utrecht, 2013. – 134 с.

14. World Health Organization // Coming of Age: Adolescent Health. Mode of access: URL: <https://www.who.int/health-topics/adolescents/coming-of-age-adolescent-health> (access date: 02.02.2022).

УДК 130.2:314.743

ПАМЯТЬ ПЕРЕВОДА – ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ**О.Р. Демидова**

*доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии,
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье идет речь о памяти перевода, рассматриваемого в процедурах историко-культурного и семиотического анализа как неотъемлемая часть памяти культуры. Опираясь на ряд классических и современных оригинальных и переводных источников (художественных, научно-художественных и научных), автор анализирует феномен перевода как пограничное явление, осциллирующее на грани различных языков, культур, эпох и переводческих традиций.

Ключевые слова: перевод, память, память перевода, память культуры, традиция, переперевод.

Summary. The article deals with translation memory treated as an integral part of cultural memory on the basis of historical, cultural, and semiotic analysis. Using a number of classical and modern original and translated sources (literary as well as scholarly) the author treats the phenomenon of translation as a borderline one oscillating between various languages, cultures, epochs, and translation traditions.

Key words: translation, memory, translation memory, cultural memory, tradition, retranslation.

В истории мировой литературы есть относительно небольшое количество текстов, переведившихся только один раз, и, пожалуй, уже нет текстов, никогда не становившихся объектом перевода хотя бы на один иностранный язык. И это вполне закономерно, как минимум, по двум причинам:

поскольку мировая культура представляет собой динамическую систему, в пространстве которой происходит непрерывное взаимодействие ее составляющих, каждый значимый для любой оригинальной литературы текст неизбежно рано или поздно переводится на другие национальные языки;

с течением времени вошедшие в культуру иноязычные тексты становятся объектами нескольких переводов, осуществляемых как на синхронической, так и на диахронической шкале в силу того, что культура, литература и язык воспринимающей стороны тоже представляют собой динамические системы, существующие в режиме поступательного развития и накопления⁴.

В результате в каждой культуре складывается своя переводческая традиция, представляющая собой своеобразную копилку памяти перевода, с одной стороны, и более обширной памяти культуры – с другой. Обе эти составляющие сосуществуют, взаимно дополняя и обогащая друг друга и, в свою очередь, становясь источниками для вырастающей из них новой пере-

4 Ср. мнение М. Яснова: «Время от времени созревают обстоятельства, все-таки заставляющие переводчиков обращаться к уже переведенным и вошедшим в родную культуру творениям прошлого и осмысливать их – если не по-новому, то, по крайней мере, по-своему. В каждом поколении подспудно нарастает недовольство прежними интерпретациями классики: меняется язык, проясняются исторические реалии, снимаются разного рода идеологические и этические запреты, а главное – значительные образцы литературного прошлого всегда современны. Приспособить их к злобе дня, высказать с их помощью наиболее важное сегодня – святое дело» [14, с. 22]; подробнее о феномене переперевода см. [4].

водческой традиции и новых переводов, для которых традиция становится общим культурным фоном. Материальным воплощением обеих составляющих этой памяти являются существующие в любой культуре антологии перевода в самых разных вариантах: от организованных по хронологическому принципу изданий⁵, включающих выполненные разными переводчиками переводы произведений, представляющих ту или иную национальную литературу в разные периоды ее развития [2; 8; 10; 13; 14; 15; 19; 20 и мн. др.]⁶ и т. наз. именных томов, в которых собраны переводы одного переводчика с нескольких языков [5], до серийных изданий, в основу которых положен тот или иной критерий (тематический, эстетический, жанровый, этнокультурный, критерий школы перевода и др.)⁷. Особый тип издания представляют собой книги, вобравшие переводы одного произведения, выполненные разными переводчиками в разные эпохи [16]. Кроме того, в литературных журналах существуют специальные разделы, посвященные истории и практике перевода, см. напр., [12]. Один из самых репрезентативных из них в современной России – раздел «Переперевод» в журнале «Иностранная литература», в котором регулярно публикуются новые переводы классической и современной литературы, предваряемые предисловиями переводчиков.

Любой перевод выполняется и существует на некой многоуровневой границе. Первый, самый верхний и наиболее очевидный уровень – граница двух или более задействованных в процессе перевода языков и культур. Второй – уровень существующей в каждой из культур переводческой традиции, например, перевода стихов стихами или прозой, опоры на принцип форенизации или доместикации и др.⁸ Третий – уровень традиции перевода определенного автора, четвертый – определенного текста. На каждом из них переводчик опирается на культурную память, неотъемлемой частью которой является хранящаяся в ее копилке память перевода; по мере надобности переводчик актуализирует различные ее фрагменты, позволяющие вписать переводимый текст в пространство воспринимающей культуры.

Один из ведущих современных российских переводчиков Г. Кружков в статье с «говорящим» названием «Пересадка поэтических растений. К вопросу об адаптации перевода» сравнивает перевод с пересадкой растений из родной почвы в чужую, ср.: «Для стихотворения перевод – это огромный стресс. Это как выдернуть растение из родной земли, перенести его в другую страну и там заново воткнуть в землю. <...> Таким образом мы обрываем множество тонких связей в родной литературе, которые питали это стихотворение. Чтобы оно укоренилось и не завяло, переводчику нужно заменить утраченные связи на новые – теперь уже в литературе-восприемнице» [6, с. 257]. По существу, речь идет о встраивании возникшего и укоренившегося в простран-

5 Один из вариантов – издания, объединившие переводы произведений одного жанра в хронологической последовательности их появления в той или иной литературе, см., напр., [9].

6 Весьма показательны, что М. Яснов в итоговых книгах своих переводов французской и франкоязычной поэзии не только предваряет каждую главу подробной биографической справкой о поэте, что является обычной практикой при составлении антологий, но и скрупулезно реконструирует историю переводов произведений каждого из поэтов на русский язык, тем самым актуализируя российскую переводческую традицию, т.е., память перевода и память культуры.

7 См., напр., серии «Мастера поэтического перевода» (1963 – 1985), «Мастера современной прозы» (1971 – 1991), «Мастера художественного перевода» (с 2011), «Корифеи художественного перевода. Петербургская школа» (с 2011) и др.

8 Подробнее см., напр.: [17; 11; 19, с. 290-291].

стве «своей» культурной памяти текста в пространство иной, причем, таким образом, чтобы на новой почве он занял место, типологически сопоставимое с тем, которое принадлежит ему в исходной культуре, но при этом семиотически органично вписался в традицию культуры-реципиента. Иными словами, текст должен быть максимально адаптирован к новой поэтической среде и вызывать у читателя ассоциации, типологически и семиотически сопоставимые с теми, которые укоренены в культурном сознании воспринимающей стороны. Для этого недостаточно перевести текст – следует «перевести» и его автора, найдя для обоих «новых “приемных родителей” в своей поэзии, <...> найти традицию, в которую впишется иноземный автор, найти элементы, из которых можно сплавить его „русский образ”» [6, с. 261].

В качестве примеров Кружков анализирует несколько русских переводов, выполненных с европейских языков с опорой на русскую поэтическую (в том числе и переводную) традицию, в которой каждый из переводчиков нашел наиболее адекватные оригиналу звучание и смысл. Б. Пастернак, например, перевел стихотворение П. Верлена «Il pleure dans mon cœur», отталкиваясь от склада русской народной песни, с одной стороны, и стихотворения П. Вяземского «Хандра» – с другой; для О. Мандельштама камертоном при переводе четырех сонетов Ф. Петрарки стало «Слово о полку Игореве», позволившее Мандельштаму «настроить язык перевода на определенную эпоху», более близкую к итальянскому поэту, «чем какое-либо другое произведение из русской хрестоматии»; в переводе стихотворения Т. Гарди «Голос», выполненном М. Фрейдкиным, «звучит некрасовское эхо»; сам Кружков, переводя «Оду Греческой Вазе» Дж. Китса, бессознательно (подсознательно) использовал в качестве камертона стихотворение С. Маркова «Суворов», а к русскому варианту знаменитого стихотворения Р. Киплинга «Если» «привил <...> размер баллады В. Скотта в переводе Жуковского» [5, с. 258-263], соединив таким образом память обеих культур – английской и русской с памятью отечественной переводческой традиции.

Случается, что перевод иноязычного произведения не только становится фактом воспринимающей культуры, но и «прорастает» в текстах тех, кто ее творит, вызывая к жизни отталкивающиеся от перевода оригинальные произведения, впоследствии входящие в ее золотой фонд. Разумеется, в данном случае имеются в виду не намеренные подражания разного уровня и не т. наз. произведения «по мотивам». Речь идет об оригинальной переводческой (авторской) трактовке заявленной в иноязычном тексте темы из разряда «вечных», требующих глубокого философского осмысления, серьезной эстетической переработки и никогда не теряющих своей актуальности. К одной из тем подобного рода относится тема памяти, а к ряду посвященных ей текстов, неоднократно становившихся объектом перевода в российской традиции XVIII – XIX вв., – знаменитая ода Горация «К Мельпомене», известная также под названием «Памятник».

Первый перевод оды принадлежит М.В. Ломоносову (1755); через сорок лет к ней обратился Г. Р. Державин (1795); наконец, 21 августа 1836 г. родился восходящий к тексту Горация «Памятник» А.С. Пушкина («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»). История создания этих трех переводов, формально-смысловые связи между ними и их переклички друг с другом

и с оригинальным античным «Памятником» не раз становились предметом интереса любителей и исследователей русской поэзии, однако впервые предметом исчерпывающего филологического анализа они стали в книге одного из основателей отечественной школы сравнительного литературоведения М.П. Алексеева «Стихотворение Пушкина “Я памятник себе воздвиг...”». Проблемы его изучения» (1967).

Основываясь на предложенной им сравнительно-исторической методологии и на полном корпусе существовавших к тому времени работ, автор детально реконструирует историю создания пушкинского «Памятника» с учетом всех возможных литературных влияний, от оды Горация до ее переводов на русский язык в XVIII в.; при этом он особо подчеркивает принципиальную необходимость изучения переводов для толкования оригинала, созданного в определенных историко-культурных условиях [1, с. 54-61, 77-103].

В появившейся спустя более чем полвека статье «Ступени: о трех переводах “Памятника” Горация» (2021) Г. Кружков предложил собственно переводческий анализ всех трех текстов, основанный на детальном формальном и содержательном (историко-культурном) сопоставлении каждого из вариантов с оригиналом и друг с другом⁹. Подводя итог, автор сравнивает переводы со ступеньками лестницы, по которой поднималась русская поэзия от середины XVIII до первой трети XIX вв., от классицизма к романтизму, т.е., от Ломоносова через Державина к Пушкину. По справедливому мнению автора, каждый из них, следуя Горацию в перечислении своих заслуг перед русской культурой, говорит об одном из этапов развития литературы и, соответственно, об одном из трех уровней текста: Ломоносов – «о языке и просодии», Державин – «о жанре и стиле», Пушкин – «о содержательности». Взятые вместе, эти уровни «соответствуют трем этапам развития русской поэзии от Ломоносова до Пушкина. Сначала фундамент: просодия, поэтический язык; затем расширение жанрового диапазона, одомашнивание поэтической речи; и наконец – в романтический период – новое содержание, передовые идеи века, выраженные в стихах» [7]. Иными словами, в каждом из трех русских «Памятников» в «свернутом» виде хранятся элементы как общечеловеческой, так и российской культуры, суггестивно воплощенные в памяти перевода.

Список использованных источников

1. Алексеев М.П. Стихотворение А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Проблемы его изучения. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1967. 275 с.
2. Американская поэзия в русских переводах. XIX-XX века. М.: Радуга, 1983. 672 с.
3. Английская поэзия в русских переводах. XIV – XIX века. М.: Прогресс, 1981. 684 с.
4. Демидова О.Р. Retranslation: культурфилософские основания // Переводческий дискурс: Междисциплинарный аспект. Материалы III международной научно-практической конференции. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 106-111.
5. Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского: В 2 т. М.: Радуга, 1985.

⁹ Следует отметить, что к переводу в строгом смысле слова Кружков считает возможным отнести лишь «Памятник» Ломоносова, тогда как Державин и Пушкин идут по пути «применения к себе» античного текста.

6. Кружков Г. Пересадка поэтических растений. К вопросу об адаптации перевода // Иностранная литература. 2021. № 2. С.
7. Кружков Г. Ступени: о трех русских переводах «Памятника» Горация // Иностранная литература. 2021. № 4. URL: magazines.gorky.media/inostran/2021/4 (дата обращения: 23.01.2022).
8. Немецкая поэзия XIX века. М.: Радуга, 1984. 704 с.
9. Немецкая эпиграмма от Средних веков до наших дней / автор-сост. В.Е. Васильев. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. 368 с.
10. Поэзия Плеяды. М.: Радуга, 1984. 832 с.
11. Солонович Е. Русская поэзия в Италии // Новый мир. 2020. № 2. С. 174-179.
12. Уильям Шекспир. Сонет XVIII. Переводы с английского. Составление и вступление Андрея Корчевского // Иностранная литература. 2021. № 12. С. 222-226.
13. Франция в сердце. Поэзия Франции XII – начала XXI вв. Антология в 3 т. М.: Крига, 2019.
14. Французская поэзия в переводах русских поэтов 10-70-х годов XX века. М. Радуга, 2005. 752 с.
15. Французские стихи в переводе русских поэтов XIX – XX вв. М.: Прогресс, 1973. 623 с.
16. Шекспир У. Сонеты. М.: Радуга, 1984. 368 с.
17. «Я работаю для голоса...». *Беседа с Андре Марковичем* // Амурский В. Тень маятника и другие тени. Свидетельства к истории русской мысли конца XX – начала XXI века. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. С. 580-589.
18. Яснов М. Обломки опытов: из французской поэзии. Переводы. Комментарии. Заметки на полях. М.: Центр книги Рудомино, 2016. 768 с.
19. Яснов М. О французских поэтах и русских переводчиках: эссе, портреты, комментарии. М.: Центр книги Рудомино, 2017. 352 с.
20. Яснов М. Романтики и декаденты. Из французской поэзии XIX века. Эссе. Переводы. Гипотезы. М.: Лингвистика, 2020. 256 с.

УДК 811.11

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РОМАНЕ ДЖ. К. РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР»

Э. К. Джапарова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
ГБОУВО РК «Крымский Инженерно-Педагогический Университет имени
Февзи Якубова», Симферополь*

П. М. Герасимова,

*обучающийся магистратуры, кафедра английской филологии, Крымский
Инженерно-Педагогический Университет имени Февзи Якубова, Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы перевода имен собственных на примере романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер». Проведен сравнительный анализ двух переводов книг на русский язык, выполненных издательством «Росмэн» и издательством «Махаон». В результате анализа переводов выяснено, что наиболее частотными переводческими трансформациями в данных переводах являются транскрипция, транслите-

рация, калькирование, контекстуальный перевод, а также смешанный способ перевода.

Ключевые слова: художественная литература, роман, перевод, имена собственные, переводческие трансформации, транскрипция, транслитерация

Summary. The article discusses various ways of translating proper names on the example of J.K. Rowling's novel "Harry Potter". A comparative analysis of two translations of books into Russian, made by the publishing house "Rosmen" and the publishing house "Makhaon", was carried out. As a result of the analysis of translations, it was found that the most frequent translation transformations in these translations are transcription, transliteration, tracing, contextual translation, as well as a mixed method of translation.

Keywords: fiction, novel, translation, proper names, transformations in translation, transcription, transliteration

Отличительной характеристикой художественных текстов Дж. К. Роулинг можно назвать их глубокий контекст, который создает индивидуально-художественную ценность ее произведений. Согласно Н. С. Валгиной, «в художественном тексте жизненный материал преобразуется в своего рода «маленькую вселенную», увиденную глазами данного автора... за изображенными картинами жизни всегда присутствует подтекстный, интерпретационный функциональный план, «вторичная действительность» [1, с. 48]. Одним из способов формирования такой действительности в книгах Дж. К. Роулинг можно назвать использование «говорящих» имен собственных, как антропонимов, так и топонимов.

Целью данной работы является исследование различных способов перевода имен собственных в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер» на русский язык. Материалом исследования является текст произведения Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер» в оригинале, а также его переводы на русский язык, выполненные И. В. Оранским и М. Д. Литвиновой (издание «Росмэн») и М. В. Спивак (редакция издания «Махаон»).

В литературных произведениях жанра фэнтези имя собственное выполняет дескриптивную функцию, не только называя персонажа, но и описывая его. Как отмечает в своих исследованиях А. В. Плотникова, «любой оним в художественном тексте – это зашифрованное послание автора, которое необходимо раскрыть для адекватного понимания текста, учитывая, как эстетические задачи, которые ставил перед собой писатель, так и культурно-психологические и общезыковые коннотации, вызываемые данными поэтонимами в сознании читателей» [4, с. 60]. Известно, что имя персонажа может содержать в себе информацию о его характере, привычках, мировоззрении и социальной принадлежности, передавать национальный колорит. Англоязычному читателю, в отличие от русскоязычного, при знакомстве с персонажами «Гарри Поттера» будет легче уловить игру слов, скрытую в их именах, в силу культурной среды, в которой он рос и формировался. Для того, чтобы донести эту информацию до среднестатистического русскоязычного читателя, не знакомого с культурой англоязычных стран, переводчику необходимо обладать достаточно широким спектром знаний в области истории, литературы, экономики и политики этих стран. В случае низкой компетенции специалиста в вышеупомянутых вопросах есть риск появле-

ния искажений в переводе, которые приводят к дезинформации читателей.

Для перевода имен собственных специалисты пользуются различными переводческими трансформациями. Опираясь на классификации Д. И. Ермоловича и В. С. Слеповича, можно выделить следующие способы перевода имен собственных в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер», используемые в российских изданиях «Росмэн» и «Махаон»:

– Транслитерация – принцип графического подобия, передача буквенной формы слова без учета фонетической транскрипции. Наиболее ярким примером транслитерации является перевод имени главного героя (Harry Potter – Гарри Поттер) в обоих изданиях. Также транслитерация была использована для перевода фамилии Dursley, которая в варианте И. В. Оранского звучит как Дурсль и в версии М. В. Спивак как Дурслей. В целом транслитерация используется довольно редко во всех трех вариантах перевода.

– Транскрипция – принцип фонетического подобия, фонетический способ передачи английских имен русскими буквами. К методу транскрипции при переводе имен собственных переводчики романа «Гарри Поттер» обращались гораздо чаще, чем к методу транслитерации: так, и И. В. Оранский, и М. В. Спивак переводят имя Ron Weasley как Рон Уизли, а Godric Gryffindor и Salazar Slytherin как Годрик Гриффиндор и Салазар Слизерин.

– Эвфоническая передача, или принцип благозвучия [2, с. 24]. Попытки прибегнуть к транскрипции иноязычных имен часто приводят к появлению не свойственных русскому языку звуко- и буквосочетаний («йю», «уэ», «жю», «из», «ця» и т.д.). Кроме того, возможны появления звукосочетаний, вызывающие у русскоязычного читателя ассоциации с лексикой сниженного регистра, включая вульгаризмы и бранные слова. По этой причине представляет сложность, например, передача начального слога her- в английских именах. Таким образом, имя героини Hermione Granger переводчиками обоих изданий было интерпретировано как Гермiona Грейнджер.

– Калькирование – воспроизведение комбинаторного состава слова или словосочетания, при котором составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка с последующим сложением переведенных частей без каких-либо изменений. Переводчики как издания «Росмэн», так и издания «Махаон» прибегают к калькированию при переводе кличек питомцев (Hedwig – Бу-кля (И. В. Оранский), Crookshanks – Косолапус (М. В. Спивак), Scabbers – Короста (И. В. Оранский), Струпик (М. В. Спивак). Калькирование было также использовано для перевода выражений, обозначающих Темного Лорда Волдеморта: You-Know-Who – Вы-Знаете-Кто (И. В. Оранский), He-Who-Must-Not-Be-Named – Тот-Кого-Нельзя-Называть (И. В. Оранский), Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут (М. В. Спивак). Примечательно, что только И. В. Оранский пытается раскрыть в переводе суть «говорящих» имен всех четырех основателей факультетов Хогвартса, сохранив при этом характерную для них аллитерацию: Rowena Ravenclaw – Кандида Когтевран, Helga Hufflepuff – Пенелопа Пуффендуй. Из этих соображений он использует калькирование, тогда как М. В. Спивак здесь обращается к транслитерации (Ровена Равенкло, Хельга Хуффльпуфф). В редакции перевода М. В. Спивак издательством «Махаон» было использовано калькирование (Rowena Ra-

venclaw – Эврана Вранзор), при этом аллитерация была сохранена, но нарушен принцип построения имен основателей факультетов у Дж. К. Роулинг – заглавная буква в имени и фамилии всегда одна и та же и совпадает с заглавной буквой в названии самого факультета.

– Контекстуальный перевод – замена словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним [5, с. 9]. С помощью данного метода переводчиками издания «Росмэн» были интерпретированы имена Темного Лорда: Voldemort как Волан-де-Морт, Tom Marvolo Riddle как Том Нарволо Реддл. Так как Voldemort является частью анаграммы, составленной из букв «человеческого» имени этого персонажа, данного ему при рождении (Tom Marvolo Riddle – I am Lord Voldemort), переводчикам пришлось прибегнуть к трансформации обоих имен (Том Нарволо Реддл – Лорд Волан-де-Морт). В переводе М. В. Спивак изначально был использован метод транскрипции (Вольдемор), поэтому для сохранения анаграммы метод контекстуального перевода применили при передаче «человеческого» имени Темного Лорда: (Том Ярволо Реддл – Я Лорд Вольдемор).

Примечательно, что метод контекстуального перевода чаще используется в варианте М. В. Спивак и редакции «Махаон», особенно при передаче «говорящих» имен собственных: Gilderoy Lockhart – Сверкароль Чаруальд, Horace Slughorn – Гораций Дивангард, Rita Skeeter – Рита Вритер. Кроме того, с его помощью были переведены некоторые топонимы: Grimmauld Place – Площадь Мракэнтлен, Smeltings – Смылтингс. Иногда он используется и при передаче реалий магического мира: snitch – проныра, Beauxbatons – Бэльстек. Использование данного метода не всегда можно назвать оправданным, однако в контексте детской литературы упущения переводчика не так заметны, ведь основная цель достигнута – текст значительно упрощен и может быть даже более интересен для детской аудитории за счет появления языковой игры.

– Сочетание разных переводческих трансформаций. Примером такого метода может стать перевод имени Wendelin the Weird в варианте М. Д. Литвиновой – в первой части антропонима используется транскрипция (Wendelin – Венделина), а во второй семантический перевод (the Weird – Странная). Подобным образом М. В. Спивак интерпретирует имя Ernie Prang – Ernie транскрибируется как Эрни, а фамилию Prang с учетом ее значения (prang – «катастрофа») она переводит как Катастрофель.

Сочетание разных переводческих трансформаций используется при переводе «говорящих» имен собственных. В качестве примера можно привести интерпретацию имени Severus Snape в переводе М. Д. Литвиновой. Сущность этого персонажа, нелюдимого и строгого профессора зельеварения, отражена в его имени: Severus восходит к прилагательному severe («строгий», «суровый», «жестокий»), а Snape вызывает ассоциацию со словами snake («змея», символ факультета Слизерин), sneak («красться», «предатель») и snappish («злой», «придирчивый», «раздражительный», «нелюбезный», «сварливый») [3]. При передаче этого имени собственного М. Д. Литвинова объединила транскрипцию (Severus – Северус) с контекстуальным переводом (Snape – Снегг), за счет чего получилось сохранить оригинальный образ персонажа. В отличие от М. Д. Литвиновой, М. В. Спивак использовала

только контекстуальный перевод, опираясь на образ персонажа в первых книгах, что привело к появлению варианта Злодеус Злей (в редакции «Махаон» – Злотеус Злей). Когда в последней части романа выяснилось, что этот персонаж не был злодеем и на самом деле помогал главному герою, неуместность выбора такого варианта стала очевидной.

Однако можно вспомнить и пример неудачного использования сочетания разных переводческих трансформаций при переводе «говорящих» имен собственных. М. Д. Литвинова интерпретировала имя *Neville Longbottom* (*bottom* – «дно», «низ», «заднее место») как Невилл Долгопупс. В этом случае были использованы транскрипция (*Neville* – Невилл) и контекстуальный перевод (*Longbottom* – Долгопупс). В начале истории этот персонаж выглядел неуклюжим и комичным, и такой вариант перевода можно было назвать уместным. Однако в дальнейшем мы узнаем о его храбрости и о героизме его родителей, в связи с чем использование комичной фамилии не представляется возможным. Переводчик не учел еще одно значение слова *bottom* – «выносливость», так как не предвидел такого варианта развития событий в книге. В данном случае вариант М. В. Спивак с применением транскрипции (Невилл Лонгботтом) можно назвать наиболее адекватным.

Проанализировав перевод имен собственных в тексте гепталогии Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер», можно сделать вывод, что переводчиками как издания «Росмэн», так и издания «Махаон» были широко использованы как общепринятые методы транскрипции и транслитерации, так и переводческие трансформации, наиболее уместные при переводе детской литературы – калькирование и контекстуальный перевод.

При переводе имен собственных, которые нельзя однозначно назвать «говорящими», наиболее часто были использованы методы транскрипции и транслитерации, причем к методу транслитерации прибегали реже и преимущественно для сохранения благозвучия. При переводе «говорящих» имен собственных переводчики обращались к транскрипции, калькированию, контекстуальному переводу или к сочетанию переводческих трансформаций.

Стоит заметить, что в этом случае переводчики издания «Росмэн» (И. В. Оранский, М. Д. Литвинова) отдают предпочтение калькированию, транскрипции и сочетанию переводческих трансформаций, а М. В. Спивак и редакция издания «Махаон» гораздо чаще прибегают к методу контекстуального перевода. Использование последнего метода значительно упрощает текст, порой придает ему комичности и поэтому не всегда выглядит уместным, но вполне приемлемо для перевода детской литературы.

Таким образом, мы приходим к заключению, что касательно наиболее удачного способа перевода «говорящих» имен, то его невозможно определить однозначно: транскрипция обеспечивает наиболее точную передачу в фонетическом плане, а контекстуальный перевод и сочетание переводческих трансформаций помогают создать языковую игру и наиболее точно охарактеризовать персонажа. Переводчик вправе использовать любой из них, исходя из своего видения текста оригинала, однако опыт переводчиков гепталогии Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер» показывает, что при переводе незаконченной истории, не видя всех граней образа персонажа, гораздо эффективнее будет использовать транскрипцию или ее сочетание с другими

переводческими трансформациями.

Список использованных источников

1. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос. – 2003. – 280 с.
2. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р.Валент. – 2001. – 200 с.
3. Мосеева С. М., Качаева Л. П. Перевод имён собственных в фантазийной художественной литературе на примере книги Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер и Принц-Полукровка» [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 8-2. – <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34589> (дата обращения: 30.01.2022).
4. Коломиец Л.А., Норец М.В. Особенности перевода авторского стиля Джоан Роулинг «Гарри Поттер и орден феникса» / Л.А. Коломиец, М.В. Норец // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы I научно-практической конференции, 27-29 апреля 2017 года, г. Симферополь. – С. 206-210.
5. Плотникова А. В. Принципы и способы атрибуции имен собственных в произведениях жанра «фэнтези»: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 193 с.
6. Слепович В. С. Курс перевода (английский ↔ русский язык) = Translation Course (English ↔ Russian): учебник для студентов высш. учеб. заведений по специальности «Мировая экономика» – Минск: ТетраСистемс. – 2014. – 320 с.

УДК 811.25

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Э. К. Джапарова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь*

Ф. И. Дуваджиева,

*обучающийся магистратуры, кафедра английской филологии, Крымский
инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь*

Аннотация: Статья посвящена исследованию фразеологических единиц, содержащих в своей семантике элемент цветообозначения. Изучение таких фразеологических единиц дает нам уникальную возможность проникнуть во внутренний мир человека, проследить тонкую связь семантики цвета, выявить основные культурные и нравственные ценности. В статье рассматриваются особенности фразеологических единиц, содержащих в своей структуре компонент цветовой идентификации.

Ключевые слова: фразеологическая единица, цветообозначения, фразеологическая система, идиомы, символика цвета.

Summary: The article is devoted to the study of phraseological units containing in their semantics an element of color designation. The study of such phraseological units gives us a unique opportunity to penetrate into the inner world of a person, trace the subtle connection of the semantics of color, identify the main cultural and moral values. The article discusses the features of phraseological

units containing a component of color identification in their structure.

Key words: phraseological unit, color designations, phraseological system, idioms, symbolism of color.

Трудно представить жизнь человека без цвета. На цвет можно смотреть с разных точек зрения: художественно-эстетических, психологических, физических, социальных, экологических и многих других. Цвет открывает нам особый мир, наполняя его удивительной возможностью полюбоваться красотой всего, что нас окружает. Эта удивительная возможность помогает нам получать дополнительную информацию о различных людях, объектах, окружении, вызывает особые чувства, влияя на наше сознание и, приводя к глубоким размышлениям.

Для человека характерно постоянное желание давать имена окружающим его предметам и явлениям, приобретая индивидуальный, исторический и культурный опыт. В связи с этим существует огромное разнообразие сфер где мы можем применять фразеологические единицы, которые отражают практически все аспекты жизни человека. Поэтому детальное исследование особенностей использования фразеологических единиц позволит определить цветообозначения во фразеологической системе английского языка.

Целью данной статьи является изучение особенностей фразеологических единиц, содержащих в своей структуре компонент цветовой идентификации. Материалом исследования являются словари, английские фразеологические единицы и идиомы.

Как мы знаем, каждый цвет имеет свой особый образ, созданный в сознании людей, и с помощью этого образа у нас есть прекрасная возможность глубоко проникнуть в образ жизни нации, расширить знания об их историческом наследии и почувствовать дух народа в целом. Особенно по отношению англичан к различным цветам, ассоциациям, вызываемым тем или иным цветом, мы можем легко судить о моральных ценностях людей, восприятию мира и их менталитете.

Цветовое восприятие мира отражается в лексической и фразеологической системах языка. Возникновение фразеологизмов напрямую связано с формированием метафорических значений цветовых обозначений, а символика цвета оказала решающее влияние на возникновение метафорических значений прилагательных – цветовых обозначений. Поэтому для лингвистов цветовое обозначение – одна из самых популярных лексических групп. Разное отношение к тому или иному оттенку отражается в образных выражениях, идиомах и поговорках, существующих в языке. Ведь в них накапливается социально-историческая, интеллектуальная, эмоциональная информация определенного национального характера.

Фразеологические единицы – довольно распространенные средства выражения образов. Они помогают по-другому воспринимать информацию, влияя на человеческое воображение.

Раздел лингвистики, изучающий фразеологические единицы, то есть устойчивые сочетания слов со сложной семантикой называется фразеологией.

Фразеология и семантика – очень сложные явления, и их изучение требует специальных методов исследования. Эти науки напрямую связаны с лексикологией, фонетикой, грамматикой, стилистикой, а также историей

языка, философией и страноведением. Известно, что ранее, в начале своего развития, почти все существующие языки было только два слова, обозначающие цвета: черный и белый. Первые называли все темные цвета, вторые – все светлые цвета. Затем появилось слово, обозначающее красный цвет и его оттенки. С развитием языков появились новые термины, которые обозначали более тонкие нюансы [2, с. 50].

Давайте изучим значение черного в английских идиоматических выражениях. В большинстве европейских культур отношение к черному цвету аналогично. И это нетрудно понять, потому что черный – это цвет ночи. Существует связь между черным и злом. В английских идиомах черный имеет отрицательное значение, например, «black looks» (злые взгляды), «keep in a black body» (держаться в черном теле), «black in the face» (почерневший от гнева, злости). Существуют такие английские идиомы, как «to be in a black mood» (дурное настроение, уныние), «a black dog» (черная овца), «to look black» (выглядеть мрачным, хмуриться) [7]. Черный цвет также имеет значение грязный, что можно увидеть в английской идиоме «black as ink» (черный как сажа). У нас есть такая же идиома в русском языке [1, с. 35]. Черный цвет также связан с колдовством, например, «black craft» (черная магия, темные дела), «black magic» (темные, нехорошие дела). Значение невезения представлено как в русских идиомах, так и в английских: «things look black» (дело плохо), «black day» (тяжелое время, полоса неудач, бед). Положительное значение черного цвета также было выявлено в английских идиомах.

В английском языке существует большое количество идиом и фразеологизмов с белым цветом. Таким образом, белый цвет как цвет чистых мыслей проявляется в идиомах: «to be whiter than white» (быть предельно честным, нравственным); «lily-white reputation» (незапятнанная репутация); «white hands» (честность, незапятнанность, невиновность); «white lie» (ложь во благо). Белый цвет также используется в значении бледный. Например, «to turn white» (побледнеть); «white as a sheet», «white as a ghost», «white as snow» (бледность от испуга, побелеть от страха). Значение английской идиомы «the white crow» (белая ворона, редкость) совпадает со значением аналогичной идиомы в русском языке: человек, резко выделяющийся среди окружающих людей [1, с. 65]. В некоторых английских идиомах с белым цветом мы можем наблюдать отрицательное значение, например, «to be white-hot» (быть взбешенным, доведенным до белого каления), «white elephant» (бессмысленная, бесполезная вещь), «to bleed white» (грабить до нитки, выкачивать деньги) [7]. Белый также имеет нейтральное значение: «white flies» (падающий снег), «white light» (реальность, окружающая нас). Еще одно положительное значение белого цвета было выявлено в некоторых идиомах: героический, герой. Это значение не упоминалось в психологических тестах М. Люшера: «white knight» – тот, кто спасает другого человека от вреда или в трудной ситуации, «white hat» – хороший парень; герой.

Английские идиомы красного цвета очень часто имеют значение опасный, например, «to see the red light», «a red-light district» (опасная зона). Красный цвет в английских идиомах также используется со значением чувства смущения, стыда. Например, «as red as a turkey-cock» (чувство стыда) и «as red as a lobster», «to give someone a red face» (заставить кого-то покраснеть,

смутить кого-то).

В английском языке существует положительное значение красного цвета: особый. Это значение не упоминалось в психологических тестах М. Люшера: «red carpet treatment» – очень особое обращение, королевское обращение; «red-letter day» – очень важный или особый день.

Зеленый цвет во фразеологизмах часто ассоциируется с природой: «to have green fingers» буквально означает «иметь зеленые пальцы» и используется в значении «любить природу»; выражение «the green belt» используется для обозначения санитарных зон, лесополос вокруг городов (санитарная зона, лесополоса вокруг городов). Значение свободы наблюдается в английской идиоме «the green light» (свобода действия). Зеленый имеет значение неопытный, молодой, что иллюстрируется английской идиомой «as green as grass» (зеленый как трава). Но отрицательное значение ревности было выявлено в идиомах с зеленым цветом, например, «the green-eyed monster» (ревность), «to be green with envy» – очень ревновать к другому человеку (позеленеть от зависти).

В английском языке существует большое количество идиом с синим цветом. Их общее значение таково: печаль, например, «the blues» (меланхолия, хандра), «to give someone blue» (опечалить кого-либо), «dark blue» (подавленный), «to be in the blues» (хандрить), «blue devils» (уныние) [7]. Есть интересный факт, что русское выражение «синий чулок» [1, с. 66], которое употребляется в отрицательном смысле и обозначает женщину, поглощенную книжными, научными интересами, имеет прямую корреляцию в английском языке – «blue stocking». Но в английском языке это выражение используется как символ безличности, отсутствия женственности и очарования.

Фразеологические единицы и идиомы с желтым цветом в английском языке встречаются редко. В английской фразеологии «to have a yellow streak» относится к трусливому, застенчивому человеку; «yellow papers» (желтые страницы) – новости и сплетни прессы [7].

В современной лингвистике проблема исследования цветового восприятия на основе фактов языка становится более актуальной в связи с необходимостью описания языковой картины мира определенного социума или отдельных фрагментов этой картины. Безусловно, мы можем утверждать, что категория цвета объединяет лексические единицы с ассоциативно и символически насыщенной семантикой, содержащие информацию о стереотипах, культурно значимую информацию и передающие национальные особенности речемыслительной деятельности народа, говорящего на этом языке.

Список использованных источников

1. Борисова Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке / Д. Н. Борисова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 23. – № 21 (122). – 2008. – С. 4-5.

2. Быстрова Е. А. Учебный фразеологический словарь русского языка / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – М.: «Просвещение», 1998. – 271 с.

3. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н. Н. Гончарова // Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. –

С. 396-405.

4. Ишанходжаева Ф. Использование фразеологизмов в процессе изучения иностранного языка / Ф. Ишанходжаева // Наука и мир. – 2016. – С. 142-143.

5. Люшер М. Цвет вашего характера / М. Люшер. – К.: Вече, Рипол Классик, 1997. – 240 с.

6. Люшер М. Цветовой тест Люшера / М. Люшер. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 192 с.

7. The Free Dictionary's Idioms dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 17.04.2018 г.)

8. Шевчук-Черногородова М. А. Цвет и его роль в языковой картине мира / М. А. Шевчук-Черногородова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27-29 апреля 2017 г. – С. 449-454.

9. Шевчук-Черногородова М. А. Цвет в языковых картинах мира французского и русского народов (на примере фразеологии) / М. А. Шевчук-Черногородова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции: в 2-х томах, Челябинск, 20-22 апреля 2016 года. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. – С. 318-322.

УДК 811.11

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

К. К. Джгубурия,

*Обучающийся бакалавриата, кафедра языкознания и переводоведения,
Институт иностранных языков, Московский городской педагогический
университет, Москва*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности семантики английских и русских прилагательных цвета и переводческие проблемы, связанные с их передачей. Исследование выполнено на материале данных лексикографических статей и двуязычных корпусов текстов. Методом исследования послужил компонентный анализ на основе лексикографических описаний. Приводятся результаты работы, среди прилагательных были выделены три группы значений, а также объясняются переводческие стратегии и обуславливается выбор переводческих приемов.

Ключевые слова: прилагательные, прилагательные цвета, семантика, языковая картина мира, перевод.

Summary. The paper focuses on translation difficulties of colour adjectives. The methodology relies on the componential analysis that is based on lexicographic definitions. Correlation between semantic structure of Russian and English colour terms was established, discrepancies were revealed, which added to translation practice.

Key words: colour names, colour adjectives, semantics, translation, linguistic worldview.

Языковая картина мира, рассматривая как система языка, также вклю-

чает цветовую картину мира, которая реализуется в виде цветообозначений (устойчивых словосочетаний, фразеологических и терминологических единиц и др.) Цвет, как один из способов осмысления действительности, дает возможность получить и переработать большое количество информации. Цветовая картина мира складывается из культурно-специфичной семантики единиц цветообозначения и рассматривает все цветовое пространство в качестве системы цветов и оттенков. Для лингвистической концептуализации цветового пространства общепринято использование лексических средств концептуализации. Эти средства непосредственно связаны с цветом, так как человек репрезентирует данное явления вербально. Роль языковых средств на лексическом уровне является определяющей при формировании концепта. Полное описание пространства можно получить на основе когнитивно-семантического анализа прилагательных, характеризующих цвета спектра.

Особенности перевода прилагательных цвета

В процессе перевода, наряду с контактом двух языков, происходит и контакт двух различных культур и их языковых картин мира [6]. Проанализируем способы перевода исследуемых глаголов процесса с целью построения практик перевода. Исследование проводится на материале текстов двуязычного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Рассмотрим способы перевода прилагательного *красный*. Прежде всего обратимся к контекстам, акцентирующим цвет объекта, ср.: *Проведя три дня на диване, разве кто-нибудь заметит отсутствие красных флагов?* – *After three days on their sofas, will anyone really notice that there are no red flags?* и *Кажется, мы слишком хотим сбежать от нашей истории и представить себе наш вид среди звезд с красным солнцем.* – *We seem just a little too eager to escape our history and envisage our species out among the stars with a red sun.*

В контекстах, содержащих прилагательные *красный*, которые относят читателя к одному из основных цветов спектра, наиболее подходящим соответствием в английском языке будет прилагательное *red*. При обратном переводе – с английского языка на русский, прилагательные, обозначающие оттенки красного цвета сводятся к одному русскому прилагательному *красный*, ср.: *the doorman was struggling past the children with his scarlet herring* – *Мимо прошел консьерж, спотыкаясь под тяжестью красной статуи.*; *The decor was unexpected — traditional colonial French — a cherry divan, porcelain floor vase* – *К его удивлению, интерьер был выдержан в традиционном французском колониальном стиле: диван красного дерева, фарфоровая напольная ваза.* Примечательно, что английские прилагательные переведены с помощью базового цвета, который не совпадает с указанными в исходном предложении, несмотря на то что в русской языковой картине мира присутствуют точные наименования данных цветов, а именно *алый* и *вишневый*.

Далее выделим способы передачи фразеологических и терминологических сочетаний, содержащих прилагательное *красный* в качестве одного из его элементов. Обратимся к примерам: *Вот ты дождешься, что тебя выставляют из института, и все ради красного словца.* – *Soon you'll be thrown out of the Institute – and all for a few fine words*; *Мне пришлось отдать сотню за эту старую лохань, которой в Штатах красная цена десять долларов.* –

I had to dig up a hundred for this old tub, which ain't worth ten down in the States. В данных контекстах при переводе можно наблюдать «разворачивание» значений фразеологизмов, или перефразирование, которое используется с целью более точной передачи информации для англоговорящего читателя.

Обратимся к вариантам перевода прилагательного *желтый*: 1) *Над раскаленными камнями города висело желтое солнце.* – *A yellow sun hung heavily above the hot flagstones*; 2) *Когда газ конденсируется и оседает на землю, он окрашивает окружающие озеро камни в ослепительно желтый цвет.* – *When the gas condenses and falls to the ground, it dyes the lake's surrounding stones a shocking shade of electric yellow.* В большинстве случаев прилагательное *желтый* передается на английский язык с помощью прилагательного *yellow* и не представляет особых трудностей при переводе.

Как было отмечено русские терминологические сочетания, содержащие прилагательное *желтый*, переводятся соответствующими терминами в английском языке: *В отличие от желтой лихорадки или малярии, туберкулез не переносится насекомыми, так что его не могло остановить осушение болот.* – *TB, unlike yellow fever or malaria, is not transmitted by insects, and so draining swamps did not impede it.*

Выделим способы передачи фразеологических сочетаний, содержащих прилагательное *желтый* в качестве одного из его элементов. Настоящие единицы могут передаваться на английский язык с помощью прямых соответствий или переноса на метонимической основе: *Правда, есть еще один тип болтливого таксиста, который не раздражается монологами на темы статей из «желтой прессы», а пытается завязать с пассажиром дружескую беседу.* – *There is also, however, another type of chatty cabbie, who does not deliver tabloid monologues but rather attempts to engage his passengers in friendly conversation* и *Литература — один из лучших питомников пошлости; я не говорю о том, что зовут макулатурой, а в России «желтой прессой».* – *Literature is one of its best breeding places and by poshlust-literature I do not mean the kind of tiling which is termed «pulp» or which in England used to go under the name of «penny dreadfuls» and in Russia under that of «yellow literature».* Так, слово *tabloid* является наиболее употребимым, а его значение в английском языке полностью соответствует русскому фразеологизму *желтая пресса*. При этом существительное *таблоид* в русской языковой картине мира не всегда ассоциируется со скандалами и слухами, которые являются неотъемлемой частью желтой прессы. Под *таблоидом* также понимается тип печатного издания, характеризующийся текстами небольшого размера и большим количеством изображений. В выделенном контексте использование словосочетания *yellow literature* представляется вполне справедливым, поскольку данная единица является синонимом слова *tabloid*, наряду с *yellow press* и *yellow newspapers*.

Двуязычный корпус позволил выявить, что при переводе прилагательного *белый* в контекстах, акцентирующих цвет предмета, самым близким по семантике коррелятом является английское прилагательное *white*. Проследим настоящую тенденцию на основе следующего предложения: *Стоя перед собравшейся аудиторией в своей белой блузке и пиджаке, она очень напоминает ангела.* – *Standing in front of the audience in a white blouse and*

blazer, she conveys an almost cherubic quality. Следует отметить, что перевод фразеологических единиц, содержащих прилагательное *белый*, основывается на метонимическом переносе. Рассмотрим такой способ перевода на примере контекстов. Фразеологизм *белая ворона* часто передается на английский язык посредством английского существительного *maverick*, ср.: *А член палаты представителей от Гавайев Тулси Габбард, ставшая белой вороной в Демократической партии, воздержалась при голосовании по обеим статьям.* – *And Representative Tulsi Gabbard of Hawaii, a Democratic presidential contender who has built her reputation as a **maverick** in her party, voted “present” on both articles.* Существительное *maverick* в английском языке придает контексту семантику инакомыслия и самобытности, которая характеризует фразеологизм *белая ворона*.

Сравним также переводы устойчивого выражения *на (всем) белом свете: И нет на всем белом свете девочки более живой, чем ты.* – *In the **whole wide world** there isn't a girl more alive than you.* Примечательно, что в английской языковой картине мира выделяются границы, масштаб, в то время как в русской языковой картине мира белый цвет, который в целом признается цветом невинности и чести, приобретает семантику гармоничности, правильности и развития.

Параллельный подкорпус предоставил возможность определить основные переводческие трансформации при переводе контекстов, содержащих прилагательное *черный*. Так, в основном своем значении, а именно относя читателя к одному из цветов спектра, самым близкими по семантике коррелятами является английское *black*, которое рассматривается как прямое соответствие, сравним высказывания: *В больших черных зрачках, окаймленных огненной радужницей, не то тонули, не то горели два грешника.* – *In each of the wide **black** pupils someone (a sinner, presumably) was drowning in a lake of fire* и *Я ступил на ее черный корпус, не больше чем на пару метров возвышавшийся над уровнем моря.* – *I stepped onto its **black** hull, just a few feet above the sea surface.*

Следует отметить, что перевод на метонимической основе имеет место быть при передаче фразеологизма *темная / черная полоса*. Эту тенденцию можно выявить в следующем предложении: *Даже исключив любую организационную неудачу или террористическую атаку, чемпионат по футболу завершится к середине июля, а в августе черная полоса снова может вернуться на круги своя.* – *Even barring any organizational setback or terrorist attack, the soccer championship will be over by mid-July, and August has frequently brought **bad luck** in the past.* Несмотря на отсутствие в английском предложении соответствующего фразеологизма, сочетание *bad luck* акцентирует заложенную в русском выражении семантику: *отрезок времени, наполненный бедами и трудностями*.

Наряду с этим, рассмотрим варианты перевода устойчивого сочетания *черная работа*, акцентирующего выполнение физически тяжелой и грязной работы.

В примере *в этой вымышленной стране повсюду росли леденцовые деревья, вымышленные певчие мыши делали всю черную работу.* – *This fictional land had lollipop trees growing everywhere, and singing mice that did **all of the chores*** переводчики также прибегают к использованию метонимии на

основе генерализации, когда неквалифицированный труд и сложная работа представлены как ряд обязанностей, необходимых к выполнению.

Перевод устойчивого сочетания *черный юмор* отмечается тремя основными соответствиями *dark joke*, *gallows humor* и *black humor*. Как было отмечено, английское словосочетание *black humor* представляется наиболее частотным: *Это чересчур черно даже для черного юмора, и тон этот неприемлем. – This is black-diamond-level black humor, and the tone is unsustainable.*

Сравним также метонимическую основу для перевода: *Земляне не допускают тебя и твою группу к своим большим установкам главным образом потому, что ты сам их на это провоцируешь, а не из-за каких-то черных замыслов. – The Earth-men keep you and your team from their large instruments much more because you goad them into it than out of any malice on their part.* В данном примере прилагательное *черный* в сочетании с существительным *замысел* представлен английский существительным *malice* (злой умысел). Ввиду того, что в семантику прилагательного *черный* включается символ всего тайного, зловещего и неблагоприятного, использование английского существительного *malice* кажется вполне справедливым.

Таким образом, результаты анализа высказываний позволили выявить самые частотные переводческие трансформации и трудности при переводе каждого прилагательного. Для всех прилагательных, характеризующих цвет, наиболее частотным способом является перевод с помощью прямого соответствия (*красный – red*, *желтый – yellow*, *черный – black*, *белый – white*). Это связано с тем, что поля цветов спектра в русском и английском языке совпадают и таким образом представляют собой полные совпадения, которые характеризуются сходными значениями.

Похожую ситуацию наблюдаем и при переводе терминологических единиц, где одним из частотных способов является прямое соответствие, с помощью терминологических соответствий, содержащих номинацию цвета (*желтая лихорадка – yellow fever*, *желтая пресса – yellow literature / tabloid*). Метонимия и разворачивание значения представляются самыми широко используемыми способами при переводе предложений, содержащих фразеологические единицы и устойчивые сочетания с компонентом цвета (*красная цена – the most I'd pay for / to be worth*).

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа – <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 15.06.2021)
2. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
3. Селиверстова О. Н. Эксперимент в семантике / О. Н. Селиверстова, О. А. Сулейманова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1988 – Т. 47 – № 5 – С. 431–443.
4. Сулейманова О. А. Принципы и методы лингвистических исследований: учеб. пособие / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, И. В. Тивьяева – М.: Языки Народов Мира; НВИ, 2020 – 352 с.
5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е изд., доработанное – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
6. Чалей О. В. Концептуализация вкусовых ощущений в естественном

языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. В. Чалей – М., 2017. – 201 с.

УДК 130.2

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ А. ДЕ КЮСТИНА КАК ВАРИАНТ КУЛЬТУРНОГО ПЕРЕВОДА

С. Л. Дунаева,

*ассистент кафедры философии, аспирант кафедры философии
ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина», Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье представлен культурно-исторический анализ путевых заметок Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», рассматриваемых как вариант культурного перевода. Опираясь на историю российско-французских отношений, с одной стороны, и на существующие исследования об авторе и содержании книги, с другой, автор статьи приходит к выводу, что де Кюстин видел свою задачу в приспособлении текста записок к сложившейся к тому времени во Франции традиции восприятия России и русских. Следуя этому замыслу, путешественник «перевел» реалии русской культуры на язык, понятный французскому обществу второй четверти девятнадцатого столетия, чтобы вписать свой текст в корпус французских сочинений подобного рода, а свое имя – в ряд значимых для французской литературы имен.

Ключевые слова: перевод, Астольф де Кюстин, российско-французские отношения, «Россия в 1839 году», русская культура, культурные стереотипы.

Summary. The article represents cultural-historical analysis of of travel essays “Russia in 1839” by Astolphe de Custine touted as variant of cultural translate. Based on the history of Russian-French relations, on the one hand, and on existing research on the author and the content of the book, on the other hand, the author of the article concludes that de Custine saw his task in adapting the text of the notes to the then established tradition in France of perception of Russia and the Russians. Following this plan, the traveler “translated” the realities of Russian culture into a language understandable to French society of the second quarter of the nineteenth century in order to fit his text into the corpus of French works of this kind, and his name into the series of significant names for French literature.

Key words: translation, Astolphe de Custine, Russian-French contacts, “Russia in 1839”, Russian culture, cultural stereotypes.

В 1839 году в Россию приехал французский путешественник Астольф де Кюстин (1790-1857)¹⁰. Цель поездки, на первый взгляд, не выходила за

¹⁰ Астольф Луи Леонор маркиз де Кюстин родился 18 марта 1790 года в Лотарингии. Его семья пострадала во время якобинского террора, и воспитанием занималась мать Дельфина де Кюстин. Ее сын не смог построить военную карьеру, получить образование и, имея склонность к гомосексуальным отношениям, не смог стать настоящим семьянином. Судьбоносным событием в жизни маркиза стал день 28 сентября 1824 года. Астольф был найден без сознания раздетым и избитым по дороге из Версаля. Выяснилось, что он стал жертвой нападения солдат, когда явился на интимное свидание с одним из их товарищей. Разразившейся скандал уничтожил репутацию де Кюстина, в результате чего он стал отверженным в обществе. Маркиз, пытаясь избавиться от своего статуса, начал писать стихи, драмы, романы, однако успеха они ему не присели. Только после публикации путевых заметок «Испания при Фердинанде VII» он получил признание и популярность. С публикацией книги о России де Кюстин приобрел всеобщую известность. За три года было продано 200 тысяч экземпляров его книги. Однако, для современников маркиз так и остался «автором

рамки обычного путешествия просвещенного француза в «страну варваров» и ознакомление с культурой и повседневной жизни России, которые он исходно воспринимал негативно и снисходительно. За проведенные в России месяцы Кюстин посетил Москву, Владимир, Нижний Новгород и Санкт-Петербург. На протяжении всего путешествия он вел путевые заметки, которые через четыре года переработал и опубликовал в виде книги под названием «Россия в 1839 году». Издание получило широкую огласку как во Франции, так и в России в силу ее резко агрессивной антироссийской направленности и представленной в ней необоснованной критики самой страны, ее жизненного уклада, нравов и обычаев ее жителей. Это породило недовольство русских [4, с. 6] и живой интерес как к изданию, так и к самой личности Кюстина, сохраняющийся до сегодняшнего дня, о чем свидетельствуют посвященные его запискам современные исследования [5, 2, 9].

Традиционно причину негативного характера книги усматривают в складе личности и политических взглядах автора, однако «Россию в 1839 году» Астольфа де Кюстина вполне возможно рассматривать как культурный перевод реалий чужой автору культуры на понятный ему и его соотечественникам язык и вписывание увиденного в бытовавший во Франции образ России.

Под переводом, рассматриваемым как явление лингвистическое, принято понимать «текст, переведенный с одного языка на другой» [7], но принятый в статье анализ основан на семиотическом понимании перевода как явления культуры, что существенно расширяет его границы. Автор статьи опирается на предложенное О. Р. Демидовой определение культурного перевода, понимаемого как «перенос смыслов, выраженных на одном языке культуры / языке одной культуры, с использованием другого языка культуры / языка другой культуры, имеющей задачей вписывание переводимого текста в иной культурно-языковой и семиотический дискурс» [1, с. 74]. Оригинальным текстом в статье является русская культура 1830-х гг., а культурно-языковым и семиотическим дискурсом, в который этот текст вписывается автором записок, образует культура Франции со сложившимся в ней стереотипическим негативным образом России, для чего был целый ряд геополитических и геокультурных причин.

В первой половине XIX века политические отношения России и Франции были достаточно сложными, поскольку обе страны стремились занять позицию лидера на международной арене. 1830 год, когда Николай I предпринял попытку организовать совместную русско-австро-прусскую интервенцию против Франции [3, с. 50], стал периодом очередного обострения отношений между двумя государствами. В следующее десятилетие французское общественное мнение было настроено против России, считая ее правителя – Николая I – грозным противником и одновременно сравнивая его «с Атиллой, а русских – с гуннами, готовыми заполнить Европу» [6, с. 42], и тем самым приравнивая ее к кочевому народу, чья культура не достигла высокого цивилизованного уровня.

Однако ненависть к России и русским были не единственной причиной одной единственной книги». Вскоре политические события (революция 1848 года, бонапартистский переворот 1851 года и Крымская война) отвели внимание читателей от Кюстина. Поэтому и смерть автора заметок в 1857 году осталась мало замеченной в Европе (см. подробнее – 8).

ной предложенной де Кюстином трактовки российской действительности. Де Кюстин был изгоем в собственной семье [9, с. 75], что повлияло на его общественно-политические взгляды. Кюстин, признавая невозможность восстановления отношений со своей семьей, стремился компенсировать отверженность заслугой перед обществом. Поэтому де Кюстин в заметках представляет себя защитником Франции, отстаивая ее европейское лидерство. Одним из способов этого стало изображение России как страны с неразвитой культурой и несуществующей нацией. В результате все увиденное за время российского путешествия он представил в определенной оптике: сквозь призму своего мировоззрения, основанного на франкофилии, с одной стороны, и русофобии – с другой.

Во вступительной статье к книге Кюстин утверждает: «Я никогда не забываю, что пишу прежде всего для Франции и почитаю своим долгом сообщать ей сведения важные и полезные» [4, с. 18]. Следовательно, свои наблюдения он переводит на привычный французскому обществу понятийный и семиотический язык, чтобы оправдать ожидания читателей, основанные на жестко закрепившейся в сознании французского общества традиции восприятия русских как дикого кочевого народа, чей культурный уровень культуры которого не сопоставим с уровнем высокоразвитой французской культуры.

Сквозной для всего текста является мысль о том, что Россия является частью Азии и в своем национальном сознании еще не установилась. Ср., напр.: «Однако ж в областях, прилегающих к столице, население некрасиво; собственно, его даже нельзя назвать русским, ибо здесь множество представителей финской расы» [4, с. 364]; «выражение глаз у русских<...> – плутовской взгляд азиатов, при встрече с которыми начинаешь думать, что ты не в России, а в Персии» [4, с. 129]. В действительности нация русских сформировалась в эпоху раннего средневековья, а знакомство с европейской культурой и воздействие последней на Россию начиная с периода правления Петра I только усилило национальную идею, что, среди прочего, выразилось в развитии общественной мысли.

Кроме того, Кюстин утверждает, что в России не существует оригинальной культуры, поскольку русская культура представляет всего лишь копию на оригинал европейской, ср.: «Пусть народ этот обратится к самому себе, прислушается к самому себе, прислушается к своему первородному гению <...> он откажется от копирования и станет производить на свет то, чего от него ожидают Господь и природа» [4, с. 222]. Несоответствие этого явно предвзятого мнения очевидна, если учесть тот уровень, которого к концу 1830-х гг. достигли русская наука, литература, живопись, архитектура и другие культурные формы. Значительно корректнее было бы говорить о том, что Франция русской культуры не знала и не стремилась ее узнать.

Наконец, в описании французского путешественника население России представлено смирившимися с общим порядком рабами («я тотчас поразился необычайной покорности, с какой они исполняют свою роль; они – своего рода сановные рабы» [4, с. 23]), Император – деспотом и рабовладельцем, самостоятельно определяющим судьбу и статус жителей («продвижение каждого отдельного человека в чине зависит, повторяю, единственно от воли императора» [4, с. 339]), Императрица – ничем не интересующейся женщиной

(«она ни во что не вмешивается, ничем не интересуется» 4, с. 156]). Очевидно, что Кюстин создал образ государства, подобного древневосточной деспотии. Однако, к первой половине девятнадцатого столетия Россия представляла собой сложное политическое устройство с выстроенной иерархией, сформировавшимися социально-экономическими отношениями и своими культурными традициями. Зависимое положение занимали крепостные крестьяне, но и они далеко не всегда являлись рабами в строгом смысле слова. Слуги входили в «дом» дворянина, в его семью, и для многих господ, как отмечает историк А. Шокарева, крестьянин был личностью [10, с. 82]. Император, безусловно, мог решать судьбу отдельных людей, при условии принятия прошения через специальный государственный орган – Комиссию прошений. В остальных случаях существовал установленный порядок, например, при получении дворянства люди руководствовались Табелью о рангах. Императрица в Российской империи – второе лицо в государстве, и по традиции, сложившейся со времени правления Екатерины II, в сферу ее деятельности входило управление благотворительными заведениями [8, с. 160–161].

В своем тексте Кюстин описывал недостатки политического устройства, несовершенства русских, выраженные во внешности, языке, досуге, обычаях и традициях. Очевидно, что он не стремился «разгадать русскую душу», как предполагает часть современных исследователей [2, с. 49]. Путевые заметки «Россия в 1839 году» – культурный перевод, сделанный де Кюстином для себя и для французского общества.

Заметки, без сомнения, не были рассчитаны на то, чтобы сформировать положительное представление о России за ее пределами. Вместе с тем, иное, позитивное содержание книги о стране, не являвшейся политической союзницей Франции, могло привести к абсолютному непониманию автора и неприятию его текста на родине, разрушив установившийся стереотип. Осуществленный де Кюстином культурный перевод был необходим и оказался востребован как инструмент поддержания внутриевропейского status quo рассматриваемого периода.

Список использованных источников

1. Демидова О.Р. Культурный перевод как пространство деконструкции // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы IV международной научно-практической конференции. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2020. – С. 74-80
2. Ермилова Г.Г. Маркиз де Кюстин о русских и России // Россия и Западная Европа: взаимовидение (литература, философия, культурология). Сборник научных статей участников Международной научной конференции. Иваново: ИВГУ, 2016. – С. 47-58.
3. История международных отношений и внешней политики России (1648-2010): учеб. пособие / А.С. Протопопов, В.М. Козьменко, М.А. Шпаковская, О.К. Петрович-Белкин. М.: Аспект пресс, 2018. – 448 с.
4. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. Пер. с фр. Под ред. В. Мильчиной; коммент В. Мильчиной и А. Осповата. Т. I / Пер. В. Мильчиной и И. Стаф. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 528 с.
5. Немцев Г.Г. Маркиз де Кюстин о русских и России // Наука и культура России. Самара: СамГУПС, 2012. – С. 28-31.
6. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова [Электронный ре-

сурс]: url: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=20276> (дата обращения: 14.01.2021)

7. Фруменкова Т.Г. Императрица Александра Федоровна (1798-1860) как покровительница благотворительных и воспитательных учреждений // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2013. – № 1. – С. 160-164.

8. Черкасов П. Кто вы, Астольф де Кюстин? // *Родина*. 2009. – № 3. – С. 73-77.

9. Шокарева А. Дворянская семья: культура общения: русское столичное дворянство первой половины XIX века. М.: НЛЮ, 2017. – 300 с.

УДК 811.111+82

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

О. В. Ермоленко,

кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

А. А. Мельник,

бакалавр, исторический факультет, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. На протяжении столетий перевод текстов исторической тематики является востребованным и значимым для профессиональных историков в частности и исторической науки в целом. По сей день сохраняется спрос на переводы различных летописей, свитков, манифестов, исторических рукописей и печатных текстов. Публикации исследователей последних десятилетий в основном ориентированы на рассмотрение особенностей перевода исторических реалий и исторических терминов (А. П. Миньяр-Белоручева, М. Е. Покровская, А. П. Бутова, А. А. Минаева, А. А. Шарко). Тем не менее, за последнее время количество лингвистических исследований по вопросам перевода текстов исторической направленности не столь велико, что обуславливает актуальность данного исследования. Цель работы – показать значимость семантики исторических реалий для перевода текстов исторической направленности и выявить особенности перевода исторических реалий и исторических документов как основной составляющей исторических текстов. Методы исследования: аналитический и сопоставительный метод. В качестве объекта исследования определены тексты исторической направленности, предметом исследования выступают лексические аспекты перевода текстов исторической направленности. Показано, что перевод специализированных исторических текстов является одним их специфических видов перевода, требующего владения как языковым материалом, так и специализированными профессиональными знаниями.

Ключевые слова: тексты исторической направленности, специализированная терминология, исторические реалии, исторические термины.

Summary. For centuries, the translation of historical texts has been in demand and significant for professional historians in particular and historical science in general. To this day, there is still a demand for translations of various chronicles, scrolls, manifestos, historical manuscripts and printed texts. The publications of

researchers of the last decades are mainly focused on the consideration of the peculiarities of the translation of historical realities and historical terms (A. P. Minyar-Belorucheva, M. E. Pokrovskaya, A. P. Butova, A. A. Minaeva, A. A. Sharko). Nevertheless, the number of linguistic studies on the translation of historical texts has not been so large recently, which determines the relevance of this study. The purpose of the work is to show the importance of the semantics of historical realities for the translation of historical texts and to identify the features of the translation of historical realities and historical documents as the main component of historical texts. Research methods: analytical and comparative method. Historical texts are identified as the object of research, the lexical aspects of the translation of historical texts are the subject of research. It is shown that the translation of specialized historical texts is one of their specific types of translation, requiring possession of both linguistic material and specialized professional knowledge.

Key words: historical texts, specialized terminology, historical realities, historical terms.

Проблемы перевода профессионально ориентированных текстов различной направленности сопряжены с рядом трудностей, поскольку переводчик должен владеть не только техникой перевода как таковой, но иметь определенные компетенции в области знаний, к которым относится переводимый текст и хорошо ориентироваться в данной сфере во избежание, в данном случае, искажения исторических реалий определенной эпохи исторического развития общества и формирования неверного представления о ходе истории. Тексты исторической направленности имеют профессионально-информативную ценность и когнитивную направленность.

К основным особенностям перевода текстов исторической направленности относят корректный перевод исторических реалий и исторических документов. К историческим реалиям относят слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для исторического развития одного народа и чуждые другому, передающие национальный и исторический колорит и не имеют зачастую эквивалентов в других языках. Как подчеркивает исследователь Л. Е. Ильина, «отличительными чертами реалии являются характер ее содержания (связь обозначаемого предмета с определенной страной, народностью, социальной общностью) и принадлежность ее к определенному периоду времени» [1]. Собственно, эти факторы, по мнению Л. Е. Ильиной, и являются определяющими в обеспечении адекватного перевода отдельных терминов определенного текста, уточнения значения с точки зрения терминосистем языка оригинала и языка перевода. Именно исторические реалии (имена национальных героев, фольклорные элементы, мифологические существа, обычаи, обряды, факты истории и др.) определяют национальное своеобразие и национальный колорит образа эпохи, что, собственно, и способствует воссозданию «прагматического потенциала текста оригинала без потери исторического колорита» [3].

Исторические источники приближают профессиональных историков к реальным событиям, их участникам, описываемой эпохе и представляют собой комплекс документов и предметов материальной культуры, отражающих как исторические события, так и исторический процесс; на основании исторических источников возможно воссоздание представлений о той или

иной исторической эпохе, выдвижение тех или иных исторических гипотез и причинно-следственных связей. Другими словами, под историческими источниками подразумеваются любые свидетельства и документы (предметы, рукописи, фрагменты текста или полноценные тексты и т.д.), способствующие адекватной интерпретации пошлого, формированию исторического мышления общества.

Переводчики исторических документов должны максимально точно придерживаться первоначального оригинала, избегая любого субъективизма. Источниковедческий материал выполняет функцию накопления, хранения и передачи социальной информации о прошлой действительности. Тем не менее, в последнее десятилетие исследователи в области перевода обращаются к терминам «форенизация» и «доместикация» в связи с проблемами «непрозрачного» перевода, когда речь идет о переводе исторического первоисточника согласно ценностям собственной культуры, культуры языка перевода. Ссылаясь на Ф. Шлейермахера и его определения, О. А. Крапивкина и А. Э. Синёв в работе «О культурных ценностях в переводе: доместикация vs. форенизация» [2] говорят о доместикации как об этноцентрическом редуцировании оригинального текста в соответствии с культурными ценностями языка перевода. «Каждый переведенный текст представляет собой сочетание данных стратегий, которые скорее дополняют друг друга, нежели вступают в конфликт. Переводчик не может избежать доместикации при переводе, так как текст, попадая в чужую культуру посредством перевода, так или иначе, становится феноменом данной культуры» [2].

На лексическом уровне научный исторический дискурс определяется специфическим терминологическим аппаратом, обилием исторических терминов. «Под историческими терминами понимаются лексические единицы, обозначающие категории и понятия методологии истории и понятия событийной истории. Последние запечатлели материальные и духовные достижения деятельности людей. Они несут в себе информацию о жизни общества в определенный отрезок исторической действительности, и служат средством исторического познания» [4, с. 47].

Исторический термин, как и любая терминологическая единица любой другой отрасли знаний, выступает как самостоятельная единица перевода, требующая своего решения на перевод. Переводчику необходимо определиться с выбором устоявшегося эквивалента, окказионального эквивалента, толкования термина. Отметим, что незначительное расхождение значений терминов различных языков может привести к созданию неверного представления об описываемом историческом событии определенной эпохи. Так, например, нормандское завоевание считается поворотным историческим событием не только всего XI в., но и всей истории Англии. После нормандского завоевания оказались прерваны тесные связи Англии с архаичным на тот период времени миром Скандинавии, представители английского двора стали устанавливать более прочные связи с западноевропейским миром, что проявится впоследствии в политической, социально-экономической, культурной сфере жизни Англии. Получили свое начало контакты с феодальной Францией, Испанией, Германией, Италией, что не могло не повлиять на дальнейшее форми-

рование английского языка и, соответственно, постепенное становление исторической терминологии. Например, английское слово могло употребляться в разговорной речи, а французское – в официальной (*e.g. come – arrive, speech – discourse*) или же языковая ситуация напрямую зависела от сословия, использовавшего ту или иную лексическую единицу (если речь заходила о сортах мяса и названиях животных, то названия животных, которых пасли крестьяне, именовались английскими словами, а готовое мясо, подаваемое феодалам, обозначалась уже французскими словами (*e.g. sheep – mutton, ox – beef, pig – pork*)), что не мог не учитывать переводчик более поздних периодов исторического развития Англии. Культурно-исторические события Англии XI в. не могли не оказать должного влияния на номенклатуру английских антропонимов и топонимов, поскольку «любая онимическая система включает в себя имена, отражающие определенный период исторического развития общества. Имена собственные – своеобразные памятники, в которых выражается история этноса, прослеживается специфика знаковой системы и динамика языковых закономерностей», – отмечает исследователь М. В. Соколова [5, с. 175], ссылаясь на мнение Е. С. Кубряковой.

Таким образом, выбор наиболее правильного и подходящего способа перевода исторических источников (реалий, документов, текстов исторической направленности) является важнейшей задачей переводчика. способствующей адекватной интерпретации пошлого, а так же формированию исторического мышления общества.

Список использованных источников

1. Ильина Л. Е. Исторические реалии как объект перевод (на примере произведения Ж. Каркопино) // Л.Е. Ильина // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. / URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=21703> (дата обращения: 06.02.2022).

2. Крапивкина О.А., Синёв А.Э. О культурных ценностях в переводе: доместикация vs. форенизация. Иркутск. – 2014. <https://s.sjes.esrae.ru/pdf/2014/3/6.pdf> (дата обращения: 30.01.2021).

3. Минаева А.А., Шаркова А.А. Особенности перевода исторических реалий и исторических терминов / <http://docplayer.com/78106277-Udk-81-25-81-373-46-94-osobennosti-perevoda-istoricheskikh-realiy-i-istoricheskikh-terminov-minaeva-a-a.html> (дата обращения: 07.02.2022).

4. Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Особенности перевода исторических терминов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2013. – Т. 10, № 2. – С. 47-53.

5. Соколова М.В. Влияние нормандского завоевания на систему личных имен английского языка / М.В. Соколова // *Lingva mobilis*. – № 3 (29), 2011. – С. 175-178.

УДК 811.112.2

**ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В СКАЗКЕ
В. ГАУФА “DIE GESCHICHTE VON KALIF STORCH”
И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ**

О.С. Ефимова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории
немецкого языка, факультет немецкого языка, Московский
государственный лингвистический университет, Москва*

Аннотация. В статье рассматриваются глагольно-именные словосочетания, которые встречаются в сказке В. Гауфа «Die Geschichte von Kalif Storch» («Калиф Аист»), даются основные характеристики этих конструкций, отличающие их от фразеологизмов и свободных словосочетаний. Также анализируются русские эквиваленты этих словосочетаний в тексте перевода с указанием видов трансформации.

Ключевые слова: глагольно-именные словосочетания, фразеологизмы, свободные словосочетания, авторская сказка, вариативность компонентов, переносное значение, промежуточное положение, функциональный глагол, частичная грамматическая трансформация, стилистическая окраска.

Summary. The article is devoted to verbal-nominal word-combinations, which occur in the fairy tail “Caliph Stork” by W. Hauff. The verbal-nominal word-combinations are marked by essential properties. These constructions have intermediate position between free combinations of words and set expressions. The Russian equivalents of the verbal-nominal word-combinations are under consideration. The article is concerned with the forms of translation transformations.

Key words: author’s fairy tail, verbal-nominal word-combination, free combination of words, set expression, variation of components, figurative meaning, functional verb, intermediate position, partial translation transformation, stylistic nuance.

В данной статье анализируются глагольно-именные конструкции, которые встречаются в сказке В. Гауфа «Die Geschichte von Kalif Storch» («Калиф Аист»), а также рассматриваются их интерпретации в русском переводе.

Хотя сказка традиционно является «повествовательным произведением устного народного творчества о вымышленных лицах и событиях (обычно с участием волшебных сил, колдунов и т. п.)», такое определение дает Большой Академический словарь русского языка [1, с. 620], однако сказки писались и конкретными людьми, которые черпали материал для своих произведений в народном творчестве, при этом дополняя его своей фантазией, создавая собственных персонажей и новые сюжетные линии.

К таким авторам относится В. Гауф. Сказка «Die Geschichte von Kalif Storch» вошла в цикл сказок «Die Karawane» и была опубликована в конце 1825 г.

Впервые эту сказку В. Гауф рассказал своим воспитанникам, когда он работал учителем в семье Хюгель в Штутгарте. В то время Гауф готовился занять должность профессора кафедры литературоведения в университете Тюбингена, тогда Гауф не только занимался научными изысканиями, но и сочинением сказок, это было его любимым занятием еще в подростковом возрасте, уже будучи юношей 13 лет В. Гауф придумывал и рассказывал сказки своим младшим братьям и сестрам. Опубликовать сказки В. Гауфа уговорила госпожа Хюгель,

женщина образованная и любящая литературу. [11, с. 429-430]

Язык сказки, структура предложений, их словарный состав характеризуются ясностью, простотой, за которыми скрывается глубокое содержание. Сказкам чужды сложные синтаксические конструкции, активное использование причастий, абстрактных понятий, однако определенные конструкции встречаются сравнительно часто. К ним относятся в том числе глагольно-именные словосочетания. Далее мы хотели бы подробнее рассмотреть, как используются эти словосочетания в сказке «Die Geschichte von Kalif Storch».

Глагольно-именные словосочетания имеют характерную черту, они «занимают промежуточное положение между свободными сочетаниями и фразеологическими единствами» [2, с. 221]. Свободные словосочетания проявляют характерные, присущие только им свойства. «В свободном словосочетании сохраняются самостоятельные лексические значения всех входящих в него знаменательных слов; синтаксическая связь его элементов является живой и продуктивной.» [5, с. 469].

Абсолютной противоположностью свободному словосочетанию является фразеологический оборот. «... фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде единица языка из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т.е. постоянная) по своему значению, составу и структуре.

Основным свойством фразеологического оборота, коренным образом отграничивающим его от свободного сочетания слов и в то же время сближающим его со словом является воспроизводимость. Фразеологизмы не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы.

Свойством воспроизводимости объясняются все остальные признаки, одинаково присущие словам и фразеологическим оборотам, прежде всего устойчивость в составе и структуре и целостность значения.» [9, с. 29]

Глагольно-именные словосочетания допускают определенную вариативность компонентов, если их основной компонент, глагол, употребляется в переносном значении, трансформация значения «наделяет» глагол способностью присоединять существительные определенной семантики. На это явление указывают как русисты, так и германисты.

М.Д. Степанова и И.И. Чернышева называют данные конструкции «phraseologisierte Verbindungen», они характеризуют их следующим образом: «Phraseologisierte Verbindungen sind feste (stehende) Wortkomplexe mit analytischer Bedeutung. Sie entstehen dann, wenn eine der Konstituenten mit übertragener Bedeutung mit Wörtern einer bestimmten semantischen Gruppe in Verbindung tritt. Von den phraseologischen Verbindungen unterscheiden sie sich durch eine serielle Verknüpfbarkeit der semantisch transformierten (übertragenen) Konstituente, z.B. *j-m Achtung, Anerkennung, Bewunderung, Lob, Verehrung, Beifall, Dank zollen*. ... Die Konstituente *zollen* erscheint in dieser seriellen Verbindung in der übertragenen Bedeutung.» [12, S. 213]

О.И. Москальская рассматривает глагольно-именные конструкции как устойчивые словосочетания, основную семантическую нагрузку в которых выполняет существительное, глагол же берет на себя «техническую» функцию, глаголы в данных конструкциях О.И. Москальская относит к функциональным глаголам «*Funktionsverben*», «*Funktionsverben verbinden sich mit*

Substantiven zu festen Wortverbindungen zur Umschreibung von Verbalbegriffen (einen Einfluss ausüben, Maßnahmen treffen). Das semantische Gewicht liegt auf dem Nomen, das Funktionsverb dient oft zur Überführung des Verbalbegriffes in eine andere strukturell-semantische Subklasse. Vgl. blicken – einen Blick werfen». [6, с. 58]

С. И. Ожегов связывает трансформацию значения в глагольно-именных словосочетаниях с исчезновением вещественных значений: «...утрата вещественных значений ведет к изменению форм сочетаемости. Так, многочисленные глаголы широкого семантического объема в процессе расширения возможностей сочетаемости утрачивают реально-вещественное содержание и начинают выполнять функции, приближающиеся к функциям вспомогательного глагола. Но и в этих случаях каждый из таких глаголов сочетается только с определенными разрядами существительных, завися в отношении сочетаемости от бывшего вещественного значения слов. ... Часто такие словосочетания имеют в качестве синонимов отдельные слова, однокоренные с существительным.» [8, с. 204-205]

На современном этапе тема глагольно-именных словосочетаний продолжает оставаться актуальной. В частности, А. В. Гутарова анализирует в своей статье глагольно-именные конструкции с глаголами с семантикой «получения-приобретения» и их соответствия в русском языке [4].

В данной статье нам хотелось бы остановиться на глагольно-именных словосочетаниях в сказке «Die Geschichte von Kalif Storch» и проанализировать их русские эквиваленты в тексте перевода. Рассмотрим далее конкретные конструкции, встречающиеся в тексте оригинала и найденные им соответствия.

«Dieser Mizra ist der Sohn meines Todfeindes, des mächtigen Zauberers Kaschnur, der mir in einer bösen Stunde *Rache schwur*.» [10, с. 24] – «Этот Мицра – сын моего смертельного врага, могучего волшебника Кашнура, который в один недобрый час *покаялся мне отомстить*.» [3, с. 63] Глагольно-именная конструкция в функции сказуемого в немецком предложении переводится глаголом с инфинитивом в функции дополнения. Пример частичной грамматической трансформации, при которой заменяются части речи. [7, с.40]

«Chasid *gab* der Bitte seines Dieners *Gehör*» [10, S. 24] - «Хасид *внял просьбе* своего слуги.» [3, с. 63] Словосочетанию *Gehör geben* найдено соответствие с глаголом *внять*, который относится к книжной лексике и имеет стилистическую окраску в отличие от глагола в оригинальном тексте.

«Als sie aber den Kalifen und seinen Wesir sah, der indes auch herbeigeschlichen war, *erhob sie ein lautes Freudengeschrei*.» [10, S. 26] – «Но, увидев калифа и его визиря, который между тем тоже поднялся сюда, она *подняла громкий радостный крик*.» [10, с. 64]

Грамматические конструкции в языке оригинала и в языке перевода совпадают. В русском языке глагол *поднять* может выступать в качестве функционального глагола, в сочетании с существительным он обозначает действие, называемое существительным: *поднять восстание, тревогу, крик, волнение*.

«Jener Zauberer Kaschnur, der euch verzauberte, hat auch mich *ins Unglück gestürzt*.» [10, S. 27] – «Тот самый Кашнур, который заколдовал вас, *вверг в беду и меня*.» [3, с. 64]

При полном сохранении грамматической конструкции при переводе меняется стилистическая окраска словосочетания, глагол *ввергнуть* относится не к нейтральной лексике, а к книжной. Пример стилистической модификации. [7, с. 212]

«Die Eule hatte geendet und wischte sich mit dem Flügel wieder die Augen aus, denn die Erzählung ihrer Leiden hatte ihr *die Tränen entlockt.*» [3, S. 27] – «Сова умолкла и снова вытерла глаза крылом, ибо рассказ о собственных страданиях *вызвал* у нее *слезы.*» [3, с. 65]

Глагольно-именному словосочетанию *j-m die Tränen entlocken* соответствует глагольно-именное словосочетание *вызвать слезы у кого-либо*, управление глаголов *entlocken* и *вызвать что-л.* не совпадает, наблюдается частичная грамматическая трансформация. [7, с. 40]

«Dort aber *erregte* die Ankunft des Kalifen *großes Erstaunen.*» [10, S. 31] – «Прибытие калифа *вызвало* там *большое удивление.*» [3, с. 67] Грамматическое оформление словосочетания *глагол + существ. в винительном падеже* в обоих языках совпадает.

Таким образом, можно заключить, что глагольно-именные конструкции в силу своей простоты и высокой продуктивности встречаются в том числе в литературных сказках.

В результате проведенного анализа использованных в сказке В. Гауфа «Die Geschichte von Kalif Storch» глагольно-именных словосочетаний и их соответствий в русском переводе можно сделать вывод, что в некоторых случаях русские эквиваленты получают иную стилистическую окраску, в отдельных случаях наблюдается частичная грамматическая трансформация. Также возможно полное сохранение грамматической конструкции при переводе.

Список использованных источников

1. Большой академический словарь русского языка. Т. 25/под. ред. Л. И. Балахонова. Москва: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2019. – 727 с.
2. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. – Изд. 5-е. – Москва: Р. Валент, 2012. – 406 с.
3. Гауф В. Сказки. Москва: Книжный дом, 1992. – 144 с.
4. Гутарова А. В., Немецкие аналитические глагольно-именные конструкции с глаголами с семантикой «получения/приобретения» и их соответствия в русском языке. [электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/viewer_images/14702860/f/1.png. (дата обращения 21.01.2022)
5. Лингвистический энциклопедический словарь/Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Большая Рос. энцикл., 2002. – 707 с.
6. Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
7. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. – 6-е изд. – Москва: Флинта, 2009. – 320 с.
8. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учеб. пособие для вузов. Москва: Высшая школа, 1974. – 352 с.
9. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие. – 6-е изд. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2012. – 272 с.
10. Hauff W. Märchen. Berlin: Der Kinderbuchverlag, 1981. – 447 S.

11. Kocialek A. Über Wilhelm Hauff und seine Märchen//Hauff W. Märchen. Berlin: Der Kinderbuchverlag, 1981. – 447 S.

12. Stepanova M. D., Černyševa I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: (Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.

УДК 81'25

SKILL SET ДЛЯ ПЕРЕВОДЧИКА ОТРАСЛЕВОГО ПЕРЕВОДА

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

А. Т. Козлова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье внимание сосредоточено на анализе комплекса необходимых знаний, умений и навыков, которыми должен обладать отраслевой переводчик на современном этапе. Выявлены причины возникновения переводческих вызовов, проанализированы основные пути оптимизации подготовки отраслевого переводчика в процессе совершенствования своих профессиональных компетенций.

Ключевые слова: комплекс знаний, умений и навыков, письменный перевод, устный перевод, отраслевой перевод, компетенция переводчика, инструменты переводчика.

Abstract. The article considers the analysis of a skill set for a special translator nowadays. The reasons of making translation or interpretation mistakes are identified. Basic ways of their overcoming by special training in the course of performing and improving professional competencies are analyzed.

Key words: skill set, translation, interpretation, industry discourse translation, translator's competence, translator's tools and techniques

В условиях происходящего сейчас процесса глобализации, а также развития процесса международной интеграции и обмена информацией, специалистам любой области наряду с традиционной подготовкой необходим инструмент, позволяющий результативно и эффективно обмениваться профессиональной информацией.

Уровень знаний и умений переводчика с каждым годом изменяется в геометрической прогрессии. Трудно представить себе успешного переводчика, который бы не знал, что для достижения успеха в процессе устного или письменного перевода ему достаточен тот набор знаний и умений, который он получил после получения профессионального образования в вузе.

Ни для кого не секрет, чтобы качественно переводить специальные тексты, нужны три составляющие: высокий уровень владения языком, с которого переводишь, на который переводишь и знать предмет, о котором говорится в оригинале. Однако этого мало, учитывая современные реалии

жизни. Дело в том, что, во-первых, технический прогресс неумолим. Все время появляются множество новинок, разработок в науке и технике в разных сферах деятельности, которые оснащены своей терминологией, и зачастую она переполнена неологизмами. Во-вторых, словарный состав той или иной предметной области еще и пополняется профессиональным сленгом, который зачастую не имеет пока письменной фиксации в словарях и глоссариях. В-третьих, информация о новинках стремительно распространяется через СМИ, социальные сети и т.д. Многие результаты передовой деятельности отраслей науки и техники публикуются в международных научных журналах (на английском языке) и нуждаются в качественном переводе. И здесь возникает справедливый вопрос: как переводчику оставаться востребованным и не утонуть в огромном море информации.

Целью данной статьи является проанализировать существующие вызовы в работе отраслевого переводчика, применение тех инструментов, которые необходимо знать и уметь пользоваться в ходе выполнения своей профессиональной деятельности.

Учитывая разработанную К. Райс [6] типологию переводимых текстов, где основным фактором, определяющим процесс перевода, выступает главная коммуникативная функция исходного текста, и существующие классификации типов перевода, предложенные Р. К. Миньяр-Белоручевым, П. И. Копаневым и Ф. Беер, А. Людскановым и А. Поповичем, Ж. Пелаж и др., а также согласно Международной стандартной классификации образования ЮНЕСКО (где выделяются восемь основных групп подготовки специалистов), можно сделать вывод о том, профессия и сфера деятельности переводчика как письменного, так и устного расширяется. Среди новых профессий можно отметить «переводчик-терминолог, переводчик-генералист (человек с широким образованием и кругом интересов), переводчик, специализирующийся в области информатики, технический переводчик, редактор, медиа-переводчик (субтитрирование), технический редактор, ответственный за документацию, руководитель проектов, локализатор программного обеспечения, веб-сайтов, видеоигр» [4; с. 90]. Также необходимо отметить, что переводчики могут специализироваться и в переводе определенных типов документов: договоров, патентов, каталогов и т.д., что повышает их конкурентоспособность на рынке труда.

Исходя из вышеизложенного, среди основных вызовов можно назвать следующие:

1) предметная область для перевода: от ее выбора зависит все, а главное – востребованность на рынке труда. Тематика переводов разнообразна: финансовый перевод (экономический перевод); медицинская тематика переводов (медицинский перевод); художественная тематика переводов (художественный перевод); техническая тематика переводов (технический перевод); юридическая тематика переводов (юридический перевод), нефтегазовая тематика (нефтегазовый перевод) и др.

Известно, что при освоении предметной области при устном, в частности переводе используют справочную литературу: энциклопедии, словари, учебники для школ, высших и средних учебных заведений, нормативную документацию. Многие переводчики идут дальше и изучают сайты компа-

ний, связанных с предстоящим устным переводом, учебные видеоматериалы, аудиоматериалы; переводческие форумы; электронные версии учебников и справочников, которые снабжены гиперссылками; сайты отраслевых мероприятий для специалистов данной предметной области; справочные онлайн-системы, отраслевые порталы, соответствующие данной предметной области; отраслевые блоги. В результате переводчик составляет глоссарий данной предметной области и пополняет ее состав по мере углубления и расширения знаний в данной конкретной сфере.

2) использование передовых информационных технологий в процессе работы над переводом как письменным, так и устным: Simple Concordance Program, MultiTerm Extract; PROMT Terminology Manager – PROMT TerM; Word Tabulator, SynchroTerm и др. [1];

3) обеспечение единообразия терминологической системы во всем тексте. Для этого необходимы знания управления терминологией, а именно для автоматизированного извлечения терминологии использовать соответствующие программы. «Под извлечением терминологии понимают создание терминологической базы на основе имеющейся документации. Для создания терминологической базы переводчикам помогают такие известные переводческие программы как Trados, Memsource, MemoQ» [1];

4) знания автоматизации, научно-технического редактирования и программного обеспечения необходимы для работы с документами различных форматов; создание базы переводов на основе ранее переведенных документов;

5) инструменты автоматической проверки контроля качества (обеспечения качества Translation Quality Assurance (TQA): Xbench, QADistiller, Verifika и др. «Естественно, чтобы просмотреть файлы с помощью подобной программы, перевод должен быть выполнен в CAT-программе» [5];

6) знать законодательную базу РФ, структуру трудового и управленческого законодательства;

7) постоянное повышение квалификации. Сегодня много переводческих компаний, университетов и успешных переводчиков предлагают свои курсы, семинары. Так, например, на сайте <https://translationrating.ru/training/> выложена вся интересующая информация. Выбор лишь стоит за областью ваших интересов. На сайте <https://www.cntiproggress.ru/seminarsforcolumn/default.aspx?column=17> можно узнать о повышении квалификации не только для переводчиков, но и преподавателям иностранных языков, сотрудникам международных компаний.

Что касается переводчиков, работающих над техническими текстами (другими словами, выполняющие перевод технической документации), то у них задача стоит очень непростая: перевод спецификаций, инструкций по эксплуатации и другие узкоспециализированные тексты, сертификаты, патенты и каталоги и т.д., но благодаря современным технологиям могут решить эти задачи с минимальными затратами, прибегнув к помощи специальных автоматических переводчиков, настроенных на перевод такой документации. При этом в технической литературе много описаний и примеров, формул, ссылок и сносок, чертежей и графиков, а также обороты и фразы, не используемые в привычном лексиконе. Вдобавок переводчик должен уметь корректно структурировать и подавать переведенный материал, ина-

че ошибка, допущенная при переводе, может привести к искажению смысла, неправильному обслуживанию и пониманию принципов работы устройства и возможной поломке оборудования.

Так, директор инженерной переводческой компании ИНТЕНТ, И. С. Шалыт в своей статье сделал попытку анализа основных положений стандарта EN 15038 и их сопоставления с практикой перевода специальной технической документации на русский язык (на основе опыта компании Интент). Он утверждает: «По мнению компании Интент предлагаемая стандартом EN 15038 технология не в состоянии обеспечить надлежащий перевод специальной технической документации. . . Но требования к исполнителям и качеству перевода гораздо жестче, а технология перевода – сложнее. . . И необходимость обучения исполнителей, и необходимость держать их в офисе, и более жесткие требования к качеству переводного текста, и более сложная технология выполнения перевода, включая необходимость создания и поддержания собственной переводческой инфраструктуры, значительно увеличивают стоимость выполнения перевода. Но это единственный известный нам способ получения инженерно-грамотного перевода специальной технической документации, соответствующего традициям изложения требуемой тематической области» [2; с. 19]

Стоит отметить, что и заказчики переводов предъявляют к переводчикам свои не менее жесткие требования. Однако, специалисты утверждают, что образование для технического переводчика, как не странно, не имеет никакого значения. Во-первых, он должен быть специалистом в нужном для работы языке, знать терминологию и разбираться в технических вопросах. И главное, о переводчике лучше всего говорит переведенный им текст! Во-вторых, опыт переводов в необходимой сфере. В-третьих, возможность работать в тандеме «инженер – лингвист»: когда лингвист-переводчик может обратиться к инженеру за консультацией по конкретным сложным терминам и специфическими выражениями, характерными для этой сферы.

В заключении необходимо еще раз подчеркнуть следующее:

1) понятие «универсальный» переводчик в прошлом, так как работодатель требует от переводчика не только высокого уровня владения языком, но и понимания тематики. Это называется специализацией; 2) наличие востребованных сегодня такого комплекса знаний, умений и навыков – номер один, если переводчик хочет быть востребованным на рынке труда; 3) отраслевой перевод – это кропотливая и ответственная работа, в которой необходимо постоянно совершенствоваться на протяжении всей переводческой карьеры.

Список использованных источников

1. Зеленцова М.Г., Козлова А.Т. Управление терминологий и переводческий процесс // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29-30 апреля 2021 г. – С. 100-106.

2. Шалыт И. С. Основные положения европейского стандарта EN 15038 на оказание переводческих услуг и перевод специальной технической документации на русский язык

3. Международная стандартная классификация образования МСКО 2011 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.asv.mgsu.ru/files/Docum/MetodObesp/%D0%9C%D0%A1%D0%9A%D0%9E-2011.pdf>.

4. Гавриленко Н. Н. Специальности отраслевого переводчика // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы : сборник научных трудов / под ред. Н. Н. Гавриленко. – Москва : РУДН, 2017. – 296 с. : ил. – (Вып. 13). С. 81-96
5. Reiss K. English Translation // “Text types, translation types and translation assessment”. – Chesterman (ed.), 1977. – P. 105-115.
6. Bastin G.L., Cormier M.C. Profession traducteur. – Montréal: Les Presses de l’Université de Montréal, 2016. – 67 p.
7. Gouadec D. Profession Traducteur. – Paris : La maison du Dictionnaire, 2009. – 359 p.
8. Masson J.-Y. Expérience du traducteur, expérience de la traduction // L’expérience de traduire / Sous la direction de Mohammed Jadir et Jean-Réné Ladmiral. – Paris : Honoré Champion, 2015. – P. 29-45.

УДК 81.25

COVID СЛЕНГ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ю. А. Ашакина,

обучающийся магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данное исследование посвящено всестороннему анализу роли Covid сленга, появившегося в период с 2019 по 2022 год. В статье анализируются основные трудности его перевода. Формирование и развитие сленга является непрерывным, особенно во время пандемии Covid-19 во всем мире. Появление новых слов или нахождение нового лексического значения уже зафиксированных слов в словарях также требует постоянного изучения и анализа. Исследование трудностей при переводе Covid сленга осуществлялось с помощью следующих подходов и методов: метод сплошной выборки и обработки данных, анализ и синтез, сопоставительный метод анализа.

Ключевые слова: Ковид-19, сленг, перевод, пандемия.

Summary. This study is focused on a comprehensive analysis of the role of the new Covid slang, which appeared in the period from 2019 to 2022. The article analyzes the main difficulties of this area of translation. The formation of slang is persistent, especially during the Covid-19 pandemic around the world. The appearance of new words or the finding a new lexical meaning of already fixed words in dictionaries also requires constant study and analysis. The study of this topic was carried out by means of the following approaches and methods: the method of continuous sampling and data processing, analysis and synthesis, the method of comparative analysis.

Key words: Covid-19, slang, translation, pandemic.

Во время кризиса COVID-19 в области здравоохранения термины сы-

грали важную роль в передаче информации от экспертов широкой общественности. В подавляющем большинстве случаев информация предоставляется на английском языке, учитывая его преобладание в институциональных и научных учреждениях [5].

В разговорном языке появляется огромное количество новых сленговых слов (неологизмов), которые как быстро входят в повседневную жизнь людей, так и могут быстро выйти из пользования. При переводе таких слов переводчик сталкивается с тем, что в словарях может еще не быть установленного общепринятого эквивалента в языке перевода. В русском языке появление сленга чаще всего обусловлено заимствованием слов из английского языка.

Сленг при переводе можно транскрибировать, объяснить или заменить эквивалентом, но сделать это часто бывает сложно из-за того, насколько сильно сленг варьируется в зависимости от возраста, местоположения, контекста и других факторов. При поиске эквивалентного слова следует проявлять осторожность, чтобы убедиться, что оно действительно соответствует. Необходима большая осторожность, так как малейшая ошибка может привести к изменению ощущения, связанного с текстом или речью. Неологизмы могут создавать проблемы при переводе. Их распространение связано с некоторыми из наиболее динамично развивающихся областей, таких как медицина, а также с политическими, экономическими или социальными изменениями, такими как продолжающийся кризис в области здравоохранения [1]. Это очень неформальный язык, который используется, особенно в речи определенных групп людей и которая иногда включает в себя слова, которые не являются вежливыми [4].

Пандемия коронавируса была неожиданной, но она уже оказала огромное влияние на весь мир. Учитывая, насколько COVID-19 изменил жизнь всего человечества, вполне уместно, что люди создали новый способ говорить об этом. Этот период ввел множество не только специализированных медицинских Covid терминов, но и новых сленговых понятий и фраз, которые не имели бы смысла всего пару месяцев назад.

Бен Циммер, председатель Комитета по новым словам Американского диалектного сообщества (*the New Words Committee at the American Dialect Society*) Американского общества диалектов и языковой обозреватель *The Wall Street Journal*, отслеживает «креативные находки», которые породил коронавирус. Циммер говорит о том, что «совершенно новые обстоятельства требуют совершенно нового словарного запаса, чтобы говорить об этом. Всякий раз, когда происходит важное событие, возникает приток новых терминов, поскольку люди пытаются найти новые способы самовыражения» [7]. Циммер уверен, что некоторые термины, такие как «covidiot» и «coronials», сохранятся и после пандемии.

В данной статье мы рассмотрим такие, отобранные из различных источников в интернете, сленговые слова и выражения как: *zumping*, *covidiot*, *COVID-15*, *coronacation*, *quarantini*, *zoombombing*, *coronials*, *sanny*, *iso* [2], [3], [7]. Далее на анализе данных терминов будет рассматриваться их способы перевода.

Термин «*zumping*» появился с помощью словослияния существительного «*zoom*» (название площадки для видеосвязи) и глагола «*dump*» (бросить человека, разорвать с ним отношения). Этот термин люди использу-

ют для описания разрыва отношения через Zoom, поскольку пары не могут встретиться лично, чтобы сделать это из-за социального дистанцирования. На данный момент в русском языке данное слово можно найти только в словаре англицизмов А. И. Дьякова, однако, полного эквивалента термина пока не существует. Термин «zumping» используется в большей степени в интернете, что делает неизбежным скорость его распространения и на русскоязычных платформах. Исходя из этого, самым удачным способом перевода может стать транскрипция «зампинг» (перевод выполнен нами) и, в случае необходимости, переводческий комментарий.

Слово «covidiot» является сленговым оскорблением для человека, который пренебрегает мерами безопасности или отказывается от рекомендаций общественного здравоохранения во время пандемии [2]. Данный термин был образован методом словослияния существительных «covid» и «idiot». Так как в русском языке данные термины имеют абсолютные эквиваленты, то и возможен перевод «ковидиот» (перевод выполнен нами) с сохранением структуры слова. Карими и Эфенди также подтверждают [3], что этот термин появился как имя нарицательное для тех, кто игнорирует призыв к социальному дистанцированию или пребывание дома некоторое время, для предотвращения распространения пандемии COVID-19.

«COVID-15» – это игра слов на основе «freshman 15» (первокурсник), что применимо к первокурсникам, потому что на первом курсе колледжа студенты обычно едят больше, чем обычно, и не так много тренируются, таким образом набирая вес (обычно около 15 фунтов). «COVID-15» описывает вес, который люди ожидают набрать, оставаясь весь день в помещении и переедая во время карантина [2]. В русском языке нет выражения «freshman 15» или его эквивалента, соответственно лучшим способом в случае «COVID-15» будет полное заимствование на языке оригинала, с дальнейшим комментарием.

Термин «coronation» представляет собой слияние слов «corona» и «vacation». Слово «corona» остается, а «vacation» сокращается до «cation». Данный термин применяем к длительным каникулам, связанным с нахождением дома, вызванным пандемией COVID-19 [2]. В русском языке существует уже широкоиспользуемый аналог «карантикулы», однако, данный термин нельзя назвать полным аналогом, так как относится исключительно к оплачиваемым нерабочим дням, перерыву занятий в учебных заведениях в связи с пандемией коронавирусной инфекции по приказу действующего президента Российской Федерации, Владимира Путина. Также строение слов разнится, «coronation» состоит из слов «corona» и «vacation», а «карантикулы» образовано путем слияния слов «карантин» и «каникулы», соответственно, первые морфемы слов не совпадают.

Термин «quarantini» представляет собой комбинацию слов «quarantine» и «martini». Первое слово «quarantine» сокращается до «quaran», в то время как второе слово «martini» сокращается до «tini». Это общий термин для любого напитка, употребляемого во время изоляции в домашних условиях. Перевод на русский возможен методом калькирования двух морфем «карантин» и «мартини» и дальнейшего сокращения и слияния до «карантини» (перевод выполнен нами).

Слово «zoombombing», которое означает вторжение в видеоконференцию [2]. Здесь присутствует словосложение существительных «zoom» и «bomb», а также добавление суффикса -ing. Ганнелл утверждает, что «zoombombing» - это когда посторонний человек присоединяется к собранию Zoom, обычно это делается в качестве шутки над участниками [3]. При переводе на русский язык следует транскрибировать данное слово «зумбомбинг», такой вариант уже широко используется в русскоязычном сообществе, так как это явление стало реалией последних лет.

Термин «coronials» представляет собой слияние слов «corona» и «millennials», где «corona» сокращается до «coro», а «millennials» сокращается до «nials». Термином «coronials» определяют поколение бэби-бума в конце 2020 года [2]. Путем калькирования слов «corona» (корона) и «millennials» (миллениалы), и последующего сокращения, в русском языке эквивалентом будет выступать слово «корониалы» (перевод выполнен нами).

Существуют также такие слова как «sanny» и «iso», образованные методом сокращения. Слово «sanny» происходит от handsanitizer (средство для дезинфекции рук). Этот процесс выполняется путем пропуска последнего слога «tizer». Слово «iso» происходит от «isolation». Этот процесс выполняется путем пропуска букв последнего слога «lation» после согласной «о» и сохранением только первого слога «iso» [3]. Слова «isolation» и «изоляция» являются заимствованиями из французского языка. Русскоязычные пользователи интернет площадок активно используют «изо», что является сокращением от слова «изоляция». Перевода слова «sanny» выявлено не было, однако, оно может быть переведено аналогичным способом. «Сани» (перевод выполнен нами) является сокращением слова «санитайзер» (заимствование из английского языка).

На основе данного исследования можно сделать вывод, что сленг – явление, которое претерпевает постоянное формирование, развитие и изменение. Все термины из области Covid сленга являются неологизмами, поэтому переводы большинства из них или ещё не были закреплены в словарях, или вовсе отсутствуют. Как показывает анализ, Covid сленг чаще образуется такими способами как словосложение, словослияние и сокращение. При переводе сленга необходимо обращать особое внимание на культурный фактор, для сохранения как лексической эквивалентности, так и эмоциональной.

Результаты данного исследования могут служить средством дополнительной информации в сфере Covid терминологии для медицинских работников, переводчиков и тех, кто интересуется сферой медицины. В период широкого использования Covid сленга людьми, данные материалы будут полезны и тем, кто не связан с данной сферой, ведь сленг составляет огромную часть повседневной жизни каждого человека.

Список использованных источников

1. Cierpich-Kozieł A. Koronarzeczywistość – o nowych złożeniach z członem korona- w dobie pandemii [Electronic Resource] – Mode access: URL: https://www.researchgate.net/publication/344249912_Koronarzeczywistosc_-_o_nowych_zlozeniach_z_czlonem_korona-_w_dobie_pandemii (дата обращения 10.01.2021).
2. Coleman K. The Coronavirus Slang Words Everyone Is Using During

Quarantine References [Electronic Resource] – Mode access: URL: <https://bestlifeonline.com/coronavirus-slang-words/> (дата обращения 10.01.2021).

3. Nur Fitria T. Word formation process of terms in COVID-19 pandemic [Electronic Resource] – Mode access: URL: https://www.academia.edu/45408906/Word_formation_process_of_terms_in_COVID_19_pandemic (дата обращения 10.01.2021).

4. Slang [Electronic Resource] – Mode access: URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/slang> (дата обращения 10.01.2021).

5. Tomaszewska A. Translating a pandemic: A corpus study of COVID-19 multi-word terminology in EU press releases [Electronic Resource] – Mode access: URL: https://www.academia.edu/49647752/Translating_a_pandemic_A_corpus_study_of_COVID_19_multi_word_terminology_in_EU_press_releases (дата обращения 10.01.2021).

6. Translating Slang and Cultural References [Electronic Resource] – Mode access: URL: https://transpanish.biz/translation_blog/translating-slang/ (дата обращения 10.01.2021).

7. Wylde K. Coronavirus Slang Is The New Language Of The Internet [Electronic Resource] – Mode access: URL: <https://www.bustle.com/p/coronavirus-slang-is-the-new-language-of-the-internet-22818176> (дата обращения 10.01.2021).

УДК 81'25

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: ФАНСАБ ИЛИ СУБТИТРЫ?

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. С. Васильев,

магистрант кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данная статья посвящена анализу субтитров в процессе аудиовизуального перевода киноленты с русского языка на английский язык и особенности их адекватной передачи. В статье рассматриваются основные виды АВП, а также специфика использования субтитров для перевода кинопродукции. Проводится анализ субтитров диалогов фильма «Любовь и голуби» 1984г. на предмет переводческих особенностей и сложностей. В процессе обработки материала был применен системный подход, а также метод сопоставительного анализа и индукции.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод (АВТ), субтитрирование, переводческие трансформации, адекватный перевод, фан-саб.

Summary. This article is devoted to audiovisual translation and its features. The article defines the AVT, discusses its main types, as well as the specifics of the translation of film products. The analysis of subtitles of dialogues of the film «Love and Doves» of 1984 is carried out for the subject of translation features and difficulties. In the process of processing the material, a systematic approach was applied, as well as the method of comparative analysis and induction.

Keywords: Audiovisual translation (AVT), subtitling, translation transformations, adequate translation, fan-sub

Современное общество не стоит на месте, развитие новых технологий позволяет создавать постоянно растущее количество аудиовизуального контента. С каждым годом возрастает число новых кинолент, сериалов и мультфильмов как на иностранных языках, так и на русском. Однако, остаются произведения классического кинематографа, требующие перевода, в результате чего, актуальность исследования аудиовизуального перевода в различных аспектах становится все больше.

«Мультимедийный перевод, иногда упоминается как **аудиовизуальный перевод**, является специализированной отраслью перевода, которая занимается переводом мультимодальных и мультимедийных текстов на другой язык и/или культуру и предполагает использование мультимедийной электронной системы в процессе перевода или передачи» [10]. Данный вид перевода охватывает как устоявшиеся, так и новые новаторские лингвистические и семиотические переводы, такие как дубляж, субтитры, войсвер, вольный перевод и «гоблинский» перевод, фан-саб и фан-даб.

«Наиболее распространенными видами АВП считаются субтитрование, дублирование (lip-sync) и перевод для закадрового озвучивания» [7, с. 89-104]. «Субтитрование является наиболее хорошо изученным видом АВП» [2, с. 87]. Под **субтитрами** понимается «текстовое сопровождение видеоряда, дублирующее или дополняющее звуковую дорожку» [9, с. 37-52].

«Понятие **субтитр** в словарях со специальной лексикой отображается как «надпись на нижней части кадра фильма, выступающая в качестве краткого перевода иноязычного диалога (или вообще текста) на язык, понятный зрителю» [5]. В связи с определенными причинами, такая техника перевода не нашла в нашей стране широкого применения (в основном в немногочисленных переводах фильмов, которые рассчитаны на глухих и слабослышащих зрителей). «В подтверждение этому факту служит отсутствие определения термина «субтитр» в двух последовательных изданиях достаточно обстоятельных словарей кино под редакцией С. Юткевича (1966 и 1986-1987 гг.)» [5].

«А **Fan-Sub** (сокращение от Fan-subtitled) – это версия иностранного фильма или иностранной телепрограммы, которая переведена фанатами (в отличие от официально лицензированного перевода, выполненного профессионалы) и с субтитрами на языке, обычно отличном от языка оригинала» [10].

Цель данной статьи является проведение анализа субтитров технического и лингвистического аспектов, и тех трудностей, которые возникают при работе над кинотекстом в целом, проведя сравнительный анализ фан-саба и субтитров в отношении определения качества передачи смыслового содержания диалогов фильма.

«Так как в процессе перевода аудиовизуального материала для последующего создания субтитров действует ряд ограничений, весь переводной материал подвергается компрессии и помещается в ограниченное количество строк и знаков, а также синхронизируется со сменой планов в кадре» [1, с. 47].

С технической точки зрения, при переводе с субтитрами вступают в противоречие устная и письменная формы представления вербальной кинемато-

графической информации. Данный тезис подтверждается анализом письменной транскрипции любого отдельного устного высказывания, что дает непосредственное представление об объеме работы, который предстоит проделать переводчику для обеспечения передачи его содержания в субтитрах.

Что же касается технического аспекта, то следует отметить следующее:

– текст субтитров необходимо расценивать не как реальный перевод, а как сокращенное изложение смысла реплик персонажей. Такой процесс естественным образом не позволяет зрителям в полной мере насладиться определенными нюансами диалога, оттенками юмора или иронии, большей части того, что являет собой аутентичность реального диалога, роль которых в настоящее время сложно подвергнуть сомнению;

– версия фильма с субтитрами сложна для восприятия и тем самым неграмотные или малограмотные зрители с меньшей долей вероятности изберут для себя подобный формат просмотра;

Каждое словарное определение данной техники перевода в кино отображает потребность в компрессии, так называемом «уплотнении» оригинальной звуковой дорожки текста для преобразования его в виде субтитров. Однако, стоит отметить что, в отличие от дублирования, целиком изменяющего исходный текст на текст перевода, перевод с субтитрами сохраняет оригинальную звуковую дорожку (голос, интонации, ритм), в противовес субтитрами занимается часть видеоряда. Исходя из этого и следует одно из основных технических ограничений – сведение к минимуму числа строк субтитров, появляющихся на экране, во избежание превращения просмотра киноленты в её «чтение».

«Для соблюдения пространственных критериев, специалистами по переводу с субтитрами используются две стратегии:

– составление двухстрочных субтитров, уменьшая тем самым их количество;
– написание субтитров в одну строку, что позволяет высвободить часть пространства кадра, но увеличивает количество субтитров.

Для одного полнометражного фильма требуется подготовить от девятист до тысячи субтитров» [4, с. 250]. Трехстрочные субтитры используются крайне редко, так как слишком загромаждают кадр, особенно в экстремальных случаях, когда оригинальная версия фильма уже содержит субтитры, например при использовании иностранного языка в исходном кинематографическом сообщении.

Обусловленные физиологическими особенностями восприятия информации, а также техническими особенностями воспроизведения аудио- и видеоматериалов, создание и размещение субтитров претерпевает ряд ограничений:

1. Субтитры располагаются снизу, посередине. Исключение составляют корейский, японский и китайский языки – субтитры на этих языках могут располагаться сбоку.

2. Длина субтитров должна быть не более двух строчек иначе они будут перекрывать картинку. Данное требование обусловлено размерами экрана, на котором идет просмотр. Это касается телефонов, планшетов и телевизоров, но не кинотеатров, где экран значительно больше. Кроме того, субтитры из двух строк должны восприниматься легко и быть примерно одинаковой длины.

3. Так как скорость чтения гораздо ниже скорости восприятия реплик

на слух, среднестатистическому зрителю крайне затруднительно прочесть более 40 знаков в одной строке. Из этого и следует ограничение на длину одной строки – не более 40 символов.

4. «Субтитры должны исчезать и появляться вместе с репликой героя. Синхронизация достигается благодаря программному обеспечению, например Aegisub или Subtitle Workshop. В функционал данных программ входит возможность форматировать текст, изменять его положение на экране, анализируя звук синхронизируя субтитр с речью персонажей, и т.п.» [8, с. 215].

5. Курсив используется для отображения интонационного выделения значимых слов в тексте субтитров. Так же немаловажно следовать пунктуационным правилам в субтитрах, особое внимание уделяется восклицательным знакам и многоточиям.

6. Переводчику в процессе работы над субтитрами, необходимо передать всю информацию, обладающую прагматическим значением, а именно ту, которая обладает наибольшей смысловой нагрузкой. Лучшим примером этому служат песни, которые в большинстве случаев не переводятся в процессе дубляжа. Текст песни приводится в субтитрах и нередко с пояснительными репликами (фоновые голоса, шум улицы, телевизора и т.п.)

«Основной задачей для переводчика аудиовизуального материала является донесение до зрителя художественно-эстетических достоинств оригинального произведения, и в то же время создание полноценного художественного текста на языке перевода. Для достижения данной цели, переводчик не ограничен в выборе средств, однако отдельные детали переводимого текста безвозвратно утрачиваются» [2, с. 87].

«Каждые отдельные субтитры обладают прагматическим потенциалом. Данное понятие подразумевает под собой результат выбора содержания сообщения, в совокупности со способом его лексического выражения и передачи. К прагматическому потенциалу текста следует относиться как к объективному понятию, так как оно определяется формой и содержанием сообщения, в то время как существует словно независимо от создателя текста, в степени равной зависимости прагматики текста от сути транслируемой информации и путей ее передачи. Таким образом данное понятие базируется на объективной основе собственной сущности, тем самым предоставляет возможность для восприятия и последующего анализа» [6, с. 147].

В качестве иллюстративного материала исследования были выбраны субтитры к киноленте «Любовь и голуби» 1984 г. в оригинале и в двух вариантах перевода. Были выбраны субтитры концерна «Мосфильм», а также фанатские субтитры высокого качества доступные в сети Интернет. На базе представленных ниже кинодиалогов осуществляется сопоставительный анализ субтитров, предоставленных концерном «Мосфильм», а также фан-сабов перевода данного фильма:

Оригинал	Субтитры «Мосфильм»	Фан-саб
Прилетел.. Ааа, ааа.. ха-ха-ха... харОша, харОша.. хы-хы-хы, хы-хы-хы.. хы	Beautiful. He's come for you. He's come.	Good, good, you've come back, good job

Как видно из приведенного примера в процессе перевода ставилась за-

дача передача информации в соответствии с смысловой нагрузкой целевого высказывания, а не его вербального выражения. В фан-сабе используется «good», что само по себе означает «хорошо» и является не лучшим эквивалентом в данной ситуации. Напротив, в субтитрах от концерна «Мосфильм» используется слово «beautiful» чем подчеркивается более точная передача семантики оригинала, так как герой Александра Михайлова обращался в кадре непосредственно к голубке.

Оригинал	Субтитры «Мосфильм»	Фан-саб
Я чуть за ворота, а он уже вон, нарисовался, он уже выпивает у меня тут, а?!	Soon as I left the house, - he found himself a place to drink	I just leave the yard and here he is at once, getting himself plastered!

Приведенный пример иллюстрирует несоответствие временных рамок в тексте фан-саба и оригинала, что может быть обосновано выбором переводчика сделанного в пользу нынешнего времени (Present Simple), вероятно подчеркивающее постоянство и привычность действий персонажа Сергея Юрского. Однако в субтитрах, выполненных «Мосфильм» наблюдается сохранение прошедшего времени как в оригинальной фразе героини Натальи Теняковой.

Оригинал	Субтитры «Мосфильм»	Фан-саб
-Аахх тыбыы... суучка ты... краа-шена. -Почему же крашенная? Это мой натуральный цвет.	- You dyed bitch! - Why dyed? Its my natural color.	- Oh you little bleached bitch! - What do you mean, bleached? This is my natural hair color!

Данный пример предоставляет возможность проследить семантическое преобразование фразы героини Нины Дорошиной в фан-сабе. Использованное слово «bleached» в отношении явно светлых волос героини Людмилы Гурченко выглядит более выигрышным с точки зрения как семантики так и длины фразы, что играет не последнюю роль в создании аутентичности перевода. Хотя слово «little» на первый взгляд кажется неуместным, используется для более мелодичного звучания фразы. В совокупности вариант фан-саба звучит более органично.

В заключение хотелось бы отметить, что в процессе анализа перевода фильма «Любовь и голуби» 1984 г. с русского на английский языки можно сделать вывод, что, и переводчикам-любителям, создавших фансаб, и переводчикам концерна «Мосфильм» пришлось преодолеть ряд препятствий связанных как с техническими аспектами перевода кинотекста, так и с рядом трудностей, связанных с физиологическими особенностями восприятия каждым зрителем.

Список использованных источников

1. Егорова Т. А. Субтитрование и дубляж. Определение, сравнение методик. Плюсы и минусы вестник науки и образования. – № 3(57). – Часть 1. – 2019. – с. 47.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 2002. – 157 с.
3. Основные понятия англоязычного переводоведения: Терминологический словарь-справочник / РАН. ИНИОН. Центр туманит, науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. Отв. ред. и сост. Раренко М.Б. – М., 2011. – С. 250.

4. Пасекова Н. В. Особенности перевода аудиовизуальных текстов (на материале перевода с английского на русский язык сериала «gossip girl») / Н. В. Пасекова, Ю. А. Варламова // Аллея науки. – 2018. – Т. 4. – № 10(26). – С. 30-34.
5. Современный словарь иностранных слов. – СПб. Дуэт, 1994. – 752 с.
6. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
7. Bartolomé A. I. H. & Cabrera G. M. ‘New trends in audiovisual translation: The latest challenging modes’. *Miscelánea: A Journal of English and American Studies* 31, 2005. 89 – 104 p.
8. Diaz-Cintas, J. Introduction The didactics of audiovisual translation // *The Didactics of Audiovisual Translation*/ed. Diaz-Cintas J. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2008. – 1-18 p.
9. Fodor I. 1976. *Film Dubbing: Phonetic, Semiotic, Esthetic and Psychological Aspects*. Hamburg: Helmut Buske. Díaz Cintas, J., and P. Muñoz. 2006. “Fansubs: Audiovisual Translation in an Amateur Environment.” *Jostrans* 6: 37-52.
10. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* / Mona Baker, Gabriela Saldanha. – 2019-09-20. – doi:10.4324/9781315678627

УДК 81'255

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЗАГЛАВИЙ ДОКУМЕНТОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

А. Н. Злобин,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода,
Факультет иностранных языков, Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарева, Саранск*

А. С. Тулунова,

*обучающийся специалитета, кафедра теории речи и перевода, факультет
иностраных языков, Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева, Саранск*

Аннотация. В статье рассматриваются трудности перевода документов, связанные с отсутствием в российской номенклатуре переводческих профессий такой профессии, как переводчик документов физических лиц. Наиболее значимыми из них являются проблемы перевода заглавий документов физических лиц, выявленные с помощью контент-анализа содержания переводческих форумов.

Ключевые слова: документы физических лиц; переводчик документов; заголовочная часть; проблемы перевода заглавий; переводческие форумы; контент-анализ.

Summary: The article deals with the problem of the difficulties of translating documents related to the absence of such a profession as a translator of documents of individuals in the Russian nomenclature of translation professions. The most significant of them are the problems of translating the titles of documents of individuals, identified through content analysis of the content of translation forums.

Keywords: documents of individuals; translator of documents; heading part; translation problems of titles; translation forums; content analysis.

Рассматриваемые в рамках настоящей статьи проблемы перевода заго-

ловочной части документов физических лиц находятся в русле транслатологии текста или теории перевода, ориентированной на текст, задачей которой является разработка транслатологии отдельных типов текста, в нашем случае документов физических лиц [1, с.49].

Как известно, документы физических лиц – это личная документация, например, паспорт, свидетельство о рождении, диплом, трудовая книжка, свидетельство о заключении брака и т.д. Перевод таких документов пользуется большим спросом, ведь всем, к примеру, может понадобиться заключить брачный договор с представителем другой страны или представить документы для лечения, учебы или работы за границей. Все эти сферы подразумевают наличие качественного перевода, и, как следствие, их легализацию в дальнейшем [7].

В каждой стране документы физических лиц обладают множеством специфических особенностей, и перед переводчиком встает проблема адекватной передачи содержания того или иного документа с одного языка на другой. Первостепенная задача, с которой необходимо справиться переводчику – перевод заголовочной части документа. Именно заглавие является наиболее важной частью, потому что именно оно позволяет идентифицировать документ. В заголовочной части указаны общие реквизиты, расположенные выше текста: информация об организации – авторе документа (герб или эмблема, наименование, справочные данные о ней, код организации, ИНН, КПП, ОГРН); первичные данные о документе (наименование документа, дата составления, регистрационный номер) [2, с. 92]. Их перевод требует серьезного и профессионального подхода от переводчика документов физических лиц.

Именно такой подход к переводу документов физических лиц практикуется в Германии. Здесь, в классификатор профессий, связанных с иностранным языком, профессия переводчика документов (*Urkundenübersetzer*) включена уже давно, так что переводом личных документов могут заниматься только специально подготовленные по этому профилю переводчики–профессионалы [8]. Деятельность переводчика документов физических лиц в ФРГ строго регламентирована положениями специального руководства, которое включает в себя рекомендации по переводу личных документов (*Richtlinien zur Urkundenübersetzung*). Данное руководство было разработано Федеральной ассоциацией устных и письменных переводчиков Германии (*BDÜ*) на федеральном уровне. Хотя оно и носит рекомендательный характер, тем не менее, благодаря ему гарантируется максимально возможная единообразная практика перевода в Германии с целью усиления мер обеспечения правовой безопасности [9].

В отличие от ФРГ в аналогичном российском классификаторе профессия переводчик документов отсутствует [4]. Это обусловлено, во–первых, известными экстралингвистическими (политическими) факторами. Так в эпоху «железного занавеса» в нашей стране потребность в переводчиках документов физических лиц была незначительной. В тот период иностранный язык, можно сказать, не существовал как реальное средство общения. Любая коммуникация с представителями иностранных государств была строго ограничена, поэтому нельзя было ни послушать их речь, ни погово-

речь с ними. Тем более запрещалось вести переписку или получать какие-либо иностранные документы, ведь любой письменный документ являлся бы свидетельством общения с иностранцами, и, как следствие, поводом к обвинению в государственной измене[6].

Однако с того времени ситуация сильно изменилась и в новых социальных условиях, в связи с активным включением России в процесс международной межкультурной коммуникации, профессия переводчика стала востребованной на рынке труда, хорошо оплачиваемой и престижной. Всю возрастающую потребность российского общества в переводчиках призвана была удовлетворить система высшего образования страны. В 1996 году вузы открыли новую специальность «Лингвист-переводчик» [5, с. 4], совершенно не уделяя внимания подготовке узкопрофильных специалистов, например, переводчиков документов. По окончании обучения выпускники подобных вузов берутся за любой перевод, зачастую совершенно не владея спецификой каждого из них, что и приводит, в том числе, и к низкому качеству перевода документов физических лиц. Такие «специалисты широкого профиля», как правило, используют гуляющие в Интернете шаблоны, поэтому выполненный по ним перевод документов является буквальным и его необходимо переделывать.

Таким образом, в связи с отсутствием в России такой жизненно необходимой подготовки узкопрофильных специалистов по переводу документов, возникает множество проблем, связанных, прежде всего, с переводом их заголовочной части. За их решением переводчики широкого профиля обращаются на переводческие форумы в Интернете. Посетив несколько популярных форумов, нетрудно убедиться в том, что спрос на профессиональное мнение по-настоящему велик. Однако для того, чтобы разобраться и понять, действительно ли подобные форумы могут служить средством решения проблем, связанных как с самим переводом документов физических лиц, так и их заглавий, необходимо провести контент-анализ содержания переводческих форумов. Рассмотрим сделанную нами выборку так называемых «хелпов». Например:

- «Fiktionsbescheinigung как то не получается на русском»
– может... Удостоверение фикции или фикционное удостоверение [3].
- –Saldenbestätigung фин. Пожалуйста, помогите перевести.
–подтверждение сальдо[3].
- –Прошу помощи в переводе словосочетания слова. «*Haushaltsbescheinigung*»
– Склоняюсь к варианту «*Удостоверение о состоянии домакинства*»[3].

Анализ приведенных выше хелпов показал, что они в большинстве своем бесполезны и даже вредны для межъязыкового оборота документов. Так, например, *Fiktionsbescheinigung* – это разрешение на временное проживание лица без гражданства, а не «удостоверение фикции». Ни о каком «*подтверждении сальдо*» [3] не может быть и речи, ведь *Saldenbestätigung* – это справка из банка о состоянии счёта.

Кроме того, посещая переводческие форумы, можно обнаружить и понять, что у «специалистов», которые дают советы по переводу, отсутствуют даже элементарные знания о специфике перевода документов физических

лиц. Например, на одном из таких форумов на просьбу о «хелпе» по переводу наименования такого немецкого документа, как «*Haushaltsbescheinigung*» предлагается вариант: «*Удостоверение о состоянии домакинства*», что показывает еще и незнание норм не только ПЯ, но и ИЯ, ведь такое наименование документа отсутствует даже в русском языке, не говоря уже о том, что *Haushaltsbescheinigung* – это справка о составе семьи.

Стоит, однако, отметить, что всё же в отдельных случаях на переводческих форумах можно найти и верный перевод наименований отдельных документов физических лиц. Например:

•« *Пожалуйста, помогите перевести выражение: Справка об отсутствии записи акта о заключении брака.*

–*Ehefähigkeitszeugnis = свидетельство о брачной правомочности.* [3]. К сожалению, количество «хелпов», содержащих верный перевод наименования документов невелико. Проведенный нами критический контент-анализ показал, что в целом коэффициент полезного действия таких переводческих форумов катастрофически низок.

Среди причин возникновения трудностей у переводчиков РФ, специализирующихся в сфере документов физических лиц, количественный и качественный (терминологический) разнобой, выявленный при рассмотрении номенклатуры немецких и российских документов физических лиц и незнание структуры документа физического лица, в частности реквизитов исследуемой нами заголовочной части. Именно путаница в наименованиях немецких и российских документов является основным препятствием на пути к качественному переводу.

В связи с изложенным выше, можно говорить о настоятельной необходимости проведения отдельного исследования, посвященного решению проблем перевода наименований документов физических лиц.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: уч. пос. для студ. филол. и лингв. ф-т. высш. уч. зав. М. : Изд. центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Злобин А. Н. Перевод документов физических лиц / *Urkundenübersetzung*. Немецкий язык. Саранск: Издатель Афанасьев В. С. , 2017. 232 с.
3. МУЛЬТИТРАН [Электронный ресурс] // МУЛЬТИТРАН URL: <https://www.multitran.com/m.exe> (дата обращения: 01.12.2021).
4. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов [Электронный ресурс] // ОКПДТР 2021 URL: <http://okpdtr.ru/> (дата обращения: 25.11.2021).
5. Прозорова М. И. Формирование профессионально важных качеств переводчика у студентов–лингвистов в процессе обучения в вузе. Калининград, 2004. 215 с.
6. Тер–Минасова С. Г. Преподавание иностранных языков в современной России. Что впереди? [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. 2014. №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavanie-inostrannyh-yazykov-v-sovremennoy-rossii-chto-vpered> (дата обращения 28.11.2021).
7. Умерова М. В. Особенности перевода документов и текстов официального характера [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

osobennosti-perevoda-dokumentov-i-tekstov-ofitsialnogo-haraktera/viewer
(дата обращения 02.12.2021)

8. BerufmitFremdsprache [Electronic Resource] // Beruf mit Fremdsprache
URL: <https://beruf-mit-fremdsprache.de/>. (дата обращения: 29.11.2021).

9. Richtlinien zur Urkundenübersetzung [Electronic Resource] // forditlak.hu
URL: <http://www.forditlak.hu/files/RichtlinienUrkundenuebersetzung.pdf> (дата-обращения: 26.11.2021).

УДК 81'25

К ПРОБЛЕМЕ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПЕРЕВОДА

А. Н. Злобин,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода,
факультет иностранных языков, «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», Саранск*

Аннотация: В статье обосновывается необходимость технологизации прагматической адаптации, т.е. изменений вносимых в текст перевода с целью достижения необходимой реакции со стороны конкретного рецептора перевода. Под технологизацией прагматической адаптации перевода мы понимаем ее рациональную организацию, которая характеризуется определенными признаками, релевантными для дидактики перевода.

Ключевые слова: прагматика, прагматическая адаптация, перевод, технологизация, технологизация прагматической адаптации.

Summary. The article makes the case for technologization of transcreation, that is, changes made in the translation for evoking the required response from a translation addressee. Technologization of transcreation means its rational organization, which is characterized by certain features that are relevant for translation didactics.

Key words: pragmatics, transcreation, translation, technologization, technologization of transcreation.

Внедрение новых информационных технологий создало единое информационно-коммуникативное пространство, ставшее сегодня, глобальным средством коммуникации. В качестве одной из его составляющих выступают газетно-журнальные публицистические тексты. В условиях глобальной коммуникации иноязычные газетно-журнальные тексты становятся объектом перевода.

Тема настоящей статьи находится в русле лингвистического переводоведения, ориентированного на конкретную пару языков, в нашем случае немецкий и русский. Оно занимается сопоставлением этих языков и описанием на их материале «отдельных трудностей перевода, связанных с проблемными языковыми явлениями, имеющими различия в принципах оформления в разных языках» [1, с. 49], среди которых и прагматика перевода. Прагматический уровень предполагает всеобъемлющее понимание экстралингвистической и лингвистической информации исходного текста (ИТ), поэтому прагматика рассматривается современными лингвистами как наиболее сложная и всеобъемлющая область исследования.

Как известно, прагматика это один из планов или аспектов изучения язы-

ка, который выделяет и исследует единицы языка в их отношении к его пользователям. В рамках нашего исследования мы обращаемся к прагматическому аспекту перевода, т.е. установке на получателя перевода. Вслед за профессором Л. Л. Нелюбиным прагматическая адаптация трактуется нами как «преобразование ИТ с учетом передачи его прагматического значения – специфического восприятия заключенной в нем информации различными получателями текста перевода / ПТ и достигается путем включения в ПТ дополнительных элементов, опущения элементов, избыточных с точки зрения получателя ПТ, а также путем применения семантических трансформаций» [7, с. 163].

Изучением проблем прагматики перевода и прагматической адаптации занимались многие специалисты по переводу. Лингвистические механизмы прагматической адаптации ПТ, связанные с изменением условий межъязыковой коммуникации, рассматриваются в отечественной лингвистике как правило в рамках переводоведческой научной парадигмы. При этом многие исследователи перевода отмечают, что для передачи прагматического компонента ИТ, а также для восполнения возможных семантических потерь, используется компенсация. Среди них особо выделим профессора В. Н. Комиссарова, подробно описавшего прагматику перевода и лишь в общих чертах саму процедуру прагматической адаптации. По мнению ученого, трудности исследования прагматического аспекта перевода объясняются тем, что «прагматика текста определяется не одним лишь прагматическим значением знаков, входящих в высказывание, а и фактической стороной информации, передаваемой в сообщении, социальным статусом и психологическими особенностями коммуникантов, степенью их непосредственной заинтересованности в сообщаемом, стремлением добиться при помощи коммуникативного акта каких-то практических результатов» [4, с. 105]. Зависимость качественных параметров перевода в той или иной сфере межъязыковой коммуникации от «экстралингвистических и прагмакультурных факторов» [2, с. 105] и отсутствие единого описания процедуры прагматической адаптации, делает необходимой попытку ее технологизации.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что проблема прагматической адаптации вызвана все возрастающим интересом к ней, поскольку она не должна осуществляться чисто интуитивно. Развитие образовательных процессов в современном обществе, обширный опыт теоретиков перевода, переводческих школ, результаты исследований в области дидактики перевода постоянно требуют обновления, обобщения и систематизации. Нам представляется, что одним из средств решения этой проблемы является технологический подход, применение понятия «технология» к сфере переводческого образования вообще, и к процессу перевода, а именно к прагматической адаптации, в частности.

Вслед за А. Д. Швейцером подчеркнем, что «прагматическая адаптация не сводится лишь к опущению избыточных элементов высказывания и введению в текст перевода дополнительных. Иногда она затрагивает смысловую структуру ИТ, требуя изменения соотношения темы и ремы, влечет за собой объединение предложений, требует компенсации опущенных элементов и внесения частичных изменений в его синтаксическую структуру. Для того чтобы ПТ воспринимался как и ИТ, необходимо в большинстве

случаев существенно переработать и отредактировать оригинал» [9, с. 250].

Представляется целесообразным отметить, что при решении различных переводческих проблем в рамках конкретных переводческих задач логическое мышление не всегда способно удовлетворить необходимость в преобразовании идей, что особенно актуально в условиях технологизации «как способа системной организации образовательной деятельности, основанного на рефлексии, стандартизации использования специализированного материально-технологического инструментария» [8]. Под технологизацией прагматической адаптации перевода мы понимаем ее рациональную организацию, которая характеризуется определенными признаками. Наиболее существенными для целей нашего исследования являются:

а) расчленение процесса прагматической адаптации на цепочку операций (этапы и фазы); б) однозначность выполнения этих операций (процедур).

Прагматическая адаптация как способ деятельности переводчика предполагает создание «эквивалентного, когерентного и понятного читателю инофона текста, предназначенного для полноправной замены оригинала» [3]. Прагматический анализ перевода публицистической статьи «Leinen los!» из немецкого журнала «Der Spiegel» [10] под названием «Школьная нагрузка как повод для тревоги» [11] направлен на выявление видов прагматической адаптации, использованных для создания его инофона.

На первом этапе осуществляется расчленение процесса прагматической адаптации ПТ на цепочку операций. На втором этапе прагматического анализа ПТ прослеживается однозначность выполнения этих операций и дается их характеристика по типам на основе типологии прагматической адаптации. Проанализированные нами примеры наглядно иллюстрируют расчленение процесса прагматической адаптации исходного текста на цепочку операций (лат. *operatio* «действие»), т.е. действий или их совокупности для достижения цели прагматической адаптации. Определение характера переводческих действий и операций производилось, прежде всего, с опорой на результаты сопоставления исходного и переводного текстов, экспликацию путей и приемов, с помощью которых переводчик приходит от ИТ к ПТ.

Действия переводчика анализируемого нами ИТ и его перевода на русский язык, связанные с воспроизведением содержания и структуры исходного текста, подразделяются нами на транслирующие и модифицирующие [6, с. 116]. Следует отметить, что прагматическая адаптация включает в себя модифицирующие действия, например: *добавление + опущение + замена*, цели которых конкретизированы в зависимости от того, на нейтрализацию какого «участка» лингвоэтнического барьера они направлены. Сами модифицирующие действия подразделяются на:

- **системно-нейтрализующие** (ИТ: «*Dort präsentiert er ein Brett, das aussieht, als könnte man damit ein Lagerfeuer starten: Helles, sprödes Holz, auf der Unterseite drehen sich vier verschlissene Kunststoffrollen*» (избыточность) - ПТ: «*Там он показывает, выдавшую виды доску для скейтборда*»);

- **нормативно-нейтрализующие** (ИТ: «*Stimpel prüft dann Referenzen, Lebenslauf. Und lädt zum Gespräch*» - ПТ: «*Но сначала Штимпель проверяет поданные ими документы – профессиональные резюме и характеристики с*

места работы и лишь только после этого приглашает их на собеседование»);

- **узуально-нейтрализирующие** (ИТ: «*Er sagt: „Und hier wieder raus.“*» – ПТ: «*Немудрено, что при такой нагрузке в одно ухо влетает, а из другого вылетает*»);

- **преинформационно-нейтрализирующие** (ИТ: «*Mit „Apollo 13“*» – ПТ: «*На космическом корабле «Аполлон 13»*»).

Наряду с ними выявлены также действия смешанного характера — **транслирующе-модифицирующие**.

Например: ИТ: «*1970 startete die Nasa ihre dritte bemannte Landemission zum Mond*» – ПТ: «*В 1970-ом году американское космическое ведомство «НАСА» направило третью пилотируемую миссию на Луну*».

Что касается однозначности выполнения операций и их характеристики по типам прагматической адаптации, то она является как

- **внутриязыковой**, например: «*im westfälischen Hamm*»; «*aus Kabul, Afghanistan*», так и

- **межъязыковой** ИТ: «*Heidrick und Struggles*» – ПТ: «*Рекрутинговая фирма по подбору персонала «Хайдрик энд Страглз»*»; ИТ: «*Pisa oder Iglu*» - «*Pisa*» (Программа международной оценки учащихся) или «*Iglu*» (Международное исследование качества чтения и понимания текста).

Необходимость адаптации оригинального текста для определенного лингво-культурного сообщества, учета особенностей восприятия прагматически маркированного слова получателем, а также воспроизведения прагматики оригинала ставит перед переводчиком и редактором переводного текста различные задачи – от сопоставления понятийных (денотативных) значений, стоящих за единицами текста, до анализа разницы коммуникативных норм и различий концептуальных систем, отраженных в прагматике ИТ и ПТ. Решение этих задач возможно лишь при наличии технологической составляющей переводческой компетенции, т.е. «совокупности переводческих ноу-хау, помогающих языковому посреднику преодолевать типичные «технические» трудности и решать разноплановые задачи, возникающие перед переводчиком по пути к достижению цели» [5, с. 5].

Составной частью переводческих ноу-хау является прагматическая адаптация текста перевода, технологизация которой позволяет конкретизировать, детализировать и преобразовать понимание теории перевода в необходимые начинающему переводчику знания и базовые умения практического плана.

Основной принцип для описания технологии прагматической адаптации ПТ заключается в последовательном расчленении ее действий и операций, сообразно тому, как принято описывать произведенный процесс в технологическом описании. Технологическая концепция трактует прагматическую адаптацию как универсальную технологию осуществления специфического способа человеческой деятельности, в нашем случае переводческой. В ней, как и во всякой любой другой, как правило, различают два аспекта: интеллектуальный, что должно быть достигнуто, и операциональный, как это должно быть достигнуто. Рассматриваемая нами прагматическая адаптация текста перевода является операциональной деятельностью, которая может быть технологизирована и формализована следующим образом.

ТЕХНОЛОГИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

Адаптация создаваемого переводного текста к новым лингвоэтническим условиям восприятия

Виды прагматической адаптации:

1. *Добавление* – пояснение названий разного рода географических и культурно-бытовых реалий.

2. *Опущение* – явление, прямо противоположное добавлению. При переводе опущению подвергаются чаще всего слова, являющиеся семантически избыточными, с точки зрения их смыслового содержания.

3. *Замена*.

а) *Генерализация* - замена слова с конкретным значением словом с более общим, но зато более понятным для носителя ИЯ значением.

б) *Конкретизация* - замена слова с общим значением словом или словами с более узким, конкретным значением, раскрывающими суть данного явления.

Типы прагматической адаптации:

внутриязыковая и межъязыковая

Модификация исходного текста и форм его выражения

Модифицирующие действия и операции

(конкретизированы в зависимости от того, на нейтрализацию какого «участка» лингвоэтнического барьера они направлены)

системно-нейтрализующие, нормативно-нейтрализующие, узуально-нейтрализующие, преинформационно-нейтрализующие

Действия смешанного характера

транслирующе-модифицирующие

В ходе анализа выборки примеров прагматической адаптации нашего ПТ были выявлены следующие **модифицирующие действия и операции:**

Добавление

Добавление + смысловое развитие + изменение синтаксической структуры

Конкретизация + смысловое развитие + идиоматизация + объединение предложений

Опущение + добавление + генерализация + объединение предложений

Добавление + изменение синтаксической структуры

Опущение + генерализация

Опущение + смысловое развитие + идиоматизация

Опущение + конкретизация + изменение синтаксической структуры

Добавление + опущение + замена

Добавление + изменение синтаксической структуры (перестановка) + опущение

Объединение + добавление + изменение синтаксической структуры

Нетрудно убедиться в том, что прагматическая адаптация не сводится лишь к добавлениям и опущениям. Для того чтобы ПТ воспринимался как и ИТ, переводчику необходимо задействовать весь арсенал модифицирующих действий и операций. Представленная нами технология прагматической адаптации текста перевода вносит в переводческую деятельность начинающих переводчиков определенную рациональную основу и гарантиру-

ет передачу ИТ в соответствии с прагматической нормой перевода.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: уч. пос. для студ. филол. и лингв. ф-т. высш. уч. зав. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Изд. Центр «Академия». – 2004. – 352 с.

2. Атабекова А. А. Профессионально-ориентированная культурно-прагматическая адаптация в юридическом переводе: к основаниям концепции [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. № 17 (271). Филология. Искусствоведение. Вып. 66. – (дата обращения 9.11.2021).

3. Евсева Т. В. Переводной художественный текст с комментарием: структурные, когнитивные и функционально – прагматические особенности [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. – <https://www.dissercat.com/content/perevodnoi-khudozhestvennyi-tekst-s-kommentariem-strukturnye-kognitivnye-i-funktsi> onalno-pra (дата обращения 9.11.2021).

4. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода: монография. Москва.: Международные отношения – 1980. – 167 с.

5. Латышев Л. К. Технология перевода. Уч. пос. по подготовке переводчиков (с нем. яз.). М.: НВИ-Тезаурус. – 2000. – 280 с.

6. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Изд. Центр «Академия». – 2003. – 192 с.

7. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. – 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука. – 2003. – 320 с.

8. Олешков М. Ю., Уваров В. М. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины. [Электронный ресурс]. М.: Компания Спутник+. – 2006. – https://www.studmed.ru/view/oleshkov-myu-uvarov-vm-sovremennyy-obrazovatelnyy-process-osnovnye-ponyatiya-i-terminy_986a33dc063.html (дата обращения 9.11.2021).

9. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод). М.: Воениздат. – 1973. – 280 с.

10. Leinen los! // «Der Spiegel» – 2016. – № 35. – Mode of access: URL: <https://www.spiegel.de/politik/leinen-los-a-ce8064e2-0002-0001-0000-000146501158>. (дата обращения 9.11.2021).

11. Школьная нагрузка как повод для тревоги [Электронный ресурс] // Language Bridge – <http://spr.fld.mrsu.ru/2019/03/shkolnaya-nagruzka-kak-povod-dlya-trevogi/> (дата обращения 9.11.2021).

УДК 80, 82

УДК 811.12

ПАРАДИГМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ЮРИЯ ИВАНОВИЧА МИНЕРАЛОВА*Н. Ф. Злобина,**доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии, историко-филологический факультет, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва*

Аннотация. В статье рассмотрены понятия: точность перевода, статус переводчика, интерференция индивидуальных стилей, парафразирование, поэтическая традиция, которые раскрываются Минераловым междисциплинарно, как с точки зрения межкультурной коммуникации, так и с позиций филологического анализа (лингвистического и литературоведческого). Выделена теоретико-диалектическая модель перевода, нацеленная на обучение профессионального переводчика.

Ключевые слова: художественный перевод, восприятие читателя, индивидуальный стиль, образ, менталитет, поэтическая традиция.

Summary. The article deals with the following concepts: the accuracy of translation, the status of a translator, the interference of individual styles, paraphrasing, poetic tradition, which are revealed by Mineralov interdisciplinary both from the point of view of intercultural communication and from the standpoint of philological analysis (linguistic and literary criticism). A theoretical-dialectical model of translation is singled out, aimed at training a professional translator.

Key words: literary translation, reader's perception, individual style, image, mentality, poetic tradition.

Переводоведение как самостоятельная теоретическая дисциплина развивает свою понятийную базу и системные принципы не только в форме фундаментальных исследований лингвистов, литературоведов, но и в рамках литературной критики и дискуссий всех участников. Свое профессиональное слово в области перевода как полноценной передачи художественного целого сказал профессор заведующий кафедрой славистики Литературного института им. М. Горького Юрий Иванович Минералов. Целостное и детальное изучение его переводческой концепции – дело будущего, сейчас же ограничимся лишь отдельными замечаниями и попытаемся охарактеризовать некоторые ключевые моменты взглядов на художественный перевод, которые исследователь отстаивал, включившись в дискуссию 70-х годов о сущности художественного перевода.

В 70-80-е годы XX столетия, как говорят специалисты, теория перевода устоялась [1], но дискуссии продолжались. Несмотря на то, что была признана мысль о неизбежности множества переводных версий, полемика о содержании понятия «точность перевода» в кругах поэтов практиков и их критиков не ослабевала.

Ю. И. Минералов в 1982 году отмечал, что «мы подозрительно много дискутируем по поводу основных и элементарных положений» [11, с. 248] в области перевода. Такое состояние умов закономерно вызывало вопрос: существует ли теория художественного перевода «как целостная система

доказанных и проверенных идей»? Причина такого положения в практике перевода, рассудил профессор, заключается в том, «что теория перевода постепенно замкнулась в кругу своих внутренних проблем и идей, обособившись от других частей литературоведения... и функционирует ныне как «закрытая» система» [11, с.249]

Как литературный критик и переводчик Ю. И. Минералов знал не понаслышке эти проблемы, понимал связь успешной переводческой деятельности со знанием теории речевой коммуникации и теории литературы. Разносторонняя специализация, видение междисциплинарных пересечений, филологическая выверенность подхода позволяла на высоком профессиональном уровне поднимать насущные вопросы переводоведения совокупно с литературоведческими проблемами, доходчиво разъяснять теорию и практику перевода в статьях [2, 3, 4, 5, 6] эстонского периода 1974-1978 годов. Исследование этой темы было продолжено Минераловым в критических разборах переводов в изданиях общесоюзного значения [7, 8, 9]. В более полной и систематизированной форме теоретические взгляды на перевод и образцы практики перевода были представлены в журнале «Дружба народов». В 1979 году вышла статья «Отойти, чтобы приблизиться» [10] и в 1982 году опубликован полновесный критический разбор «Хвост лисы» [11] с емкими теоретическими обобщениями и образцами перевода. Тонкий и всеобъемлющий анализ формирования и развития индивидуального стиля в рамках широкого историко-филологического процесса был представлен Минераловым в фундаментальном труде «Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность)» 1999 года.

Популярно-публицистический пафос работ Минералова заставляет обращать внимание на значимые компоненты языковой формы и содержания, а также на умение удержать их при переводе. Теоретико-переводческие универсалии такие как эквивалентность, адекватность, трансформация, переводимость и другие профессор облекал в плоть и кровь поэтического текста в собственных образцах перевода и удачных переводах коллег. В его критических статьях разрабатываются темы, связанные с понятием художественный образ, стилистическое мастерство, эстетическое мышление, эстетическое восприятие, перевод как эстетическое открытие, причины эстетической неудачи перевода. Почти во всех работах автор сосредоточен на выяснении соотношения художественности и точности перевода. Исследователь вводит понятие индивидуального стиля, различности «эстетических кодов разных литератур и эпох», утверждает важность перевода «не только с языка на язык, но и... из стиля в стиль» [10, с.264], который «может стать оригинальным произведением!» [10, с.265]. Он обращает внимание на разные системы художественных условностей национальных литератур, которые переводчик должен учитывать. Минералов критикует появляющиеся в переводческой практике работы, учитывающие это положение недостаточно.

С помощью примеров из истории литературы (поэзии Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Крылова, Жуковского, Державина, Боброва, Шевырева, Пушкина, Бальмонта, Брюсова, Маяковского и др.) он объяснял литературоведческие категории парафразиса, эпигонства, поэтической традиции и новаторства, историческую относительность литературной нормы.

Описываемые явления Минералов рассматривал как феномены стиля

в русле отечественной стилистики. Полноценность перевода видел в полной передаче содержания и функционально адекватной передаче всех средств стиля, но при этом указывал, что индивидуально-стилевое все-таки передается трафаретами другого языка. «Поэтический перевод – не просто перевод с эстонского языка на русский, но с языка исторически присущей эстонской литературе образно-ассоциативной системы на язык другой образно-ассоциативной системы – русской» [10, с. 261]. Минералов утверждал, что только на уровне текстового единства разрешается противоречие между теоретической невозможностью перевода и успешной переводческой практикой.

В качестве переводческих неудач автор перечислял следующее: «выпрямление» и в результате искажение сложных ассоциативных построений автора, лексическую скудость перевода, в результате чего перевод становится «тощ лексически». Присутствие «заношенных» и «трафаретных словосочетаний», использование «неверных и неряшливых словоупотреблений», внесение «неточного словоупотребления», «немотивированных архаизмов» [11, с. 252], а также имитация чужой ритмики – все это приводит к ущербному переводу.

Важные уровни удачного перевода отмечены автором на конкретном переводе Арви Сийг «Пес на окне». Анализ дан в рамках современной теории коммуникации, где есть понятно говорящий и слушающий, который может декодировать текст, так как он выполнен в известной для него традиции. Автор пояснял, что здесь «точно найден принцип подхода к поэтике переводимого произведения». Рифма, ритмика и «усиленное аллитерирование, и та же “лесенка” – все это вполне “к лицу” А. Сийгу. ...И все это понятно русскому читателю, ибо высказано на “языке” хорошо ему известной поэтической традиции. И об особенностях стилиевой системы А. Сийга читатель получает в итоге вполне правильное (а главное, целостное, не эклектическое!) представление» [11, с. 255].

В разделе «Приручение лисы» статьи «Хвост лисы» [11, с. 256–257] автор показал пример перевода и путей преодоления возможных стилистических, лексико-синтаксических трудностей и несоответствий менталитета разных народов. Учет объективной языковой основы при переводе и стилистический анализ подлинника-подстрочника Минералов считал важным залогом переводимости.

Ояр Вацietис «Костер». Подстрочный перевод. (Ояр Вацietис (1933-1983) лауреат Государственной премии Латвийской ССР, награжден почетным званием народный поэт Латвийской ССР (1977)).

На белом снегу горит рыжая лисица,
И стаял снег с моих перчаток,
И стаяли перчатки с моих рук,
И тянутся руки над рыжим пламенем,
К тебе – счастье, к тебе – мука,
К тебе – вновь, к тебе – наконец,
К тебе – (ты) вновь между чужими перчатками,
К тебе – лисице на белом снегу.

На примере перевода стиха Минералов показал собственную теоретико-диалектическую модель, нацеленную на обучение профессионального

переводчика. В данном переводе выделяются четыре этапа.

1 этап. Оценка филологической специфики текста его художественных планов и лирической темы. При компактности текста ассоциативность формирует три плана. Первый план: «зарисовка “зимний пейзаж с костром”». Второй план: «костер – как прыгающий красивый и коварный зверек с огненным мехом». Третий план: «диалектика жизни, диалектика любви» [9, с. 256].

2 этап. Выяснение сложностей в восприятии русского читателя. Автор отмечает, что лирические ассоциации с образом лисы у русских и латышей не совпадают, поэтому надо «сбить читателя с привычных ассоциативных “тропок”» [9, с. 257].

3 этап. Выбор стратегии перевода определяется коммуникативным заданием. Он считает, что «убрать лису нельзя, надо ее приручить». [9, с. 257]. Этот образ поможет перевести стихи в русскую поэтическую речь и сохранит близость к подлиннику нужно.

4 этап. Выбор тактики перевода. Автор заботится о передаче эмоциональной и эстетической составляющей содержания, чтобы полностью заблокировать все каналы передачи информации. Переводчик концентрирует внимание на передаче образов. Работая над первой строчкой автор решается «опустить прилагательное “белый”» снег, избыточный в этой ситуации эпитет, использует прилагательное «красный» вместо «рыжий» и меняет пол зверя. При этом автор понимает, что смена эпитета «добавила “ассоциативный привесок”»: ведь “красный” по-русски может значить “красивый”» [9, с. 257]

Автор отмечает причинно-следственную связь между образом лисы и стаявшим снегом на перчатках: «снег стаял оттого, что лиса не лиса, а костер, к которому поднесли руку» [9, с. 257]. Ассоциативность в стихе оправдывает пропуск этого логического звена, но автор решает его восстановить.

В итоге автор дает емкое пояснение понятию «точный перевод»: «“Точный” перевод на русский – это точно употребленные русские слова и образы, это вообще точное ощущение нашего языка и “языка” нашей поэтической традиции» [9, с. 257] Ядро, конденсат содержания в произведении парафразирующего художника «становится прообразом, проходя новую стадию своей типизации, смыслового обогащения» [13, с. 305]. Вот как звучит полный перевод этого стиха [12, с. 22].

КОСТЕР

(вариации на тему Ояра Ваццетиса)

Красный лис заплясал на снегу,

Приласкать меховое пламя...

И снежок мне с перчаток слизнул,

и перчатки стаяли с пальцев.

Его пляс – он судьбы моей пульс:

То счастье, то – исчадь,

То начало, то гаснет – ничто,

То разрыв. То вспыхнет – возврат.

И для всех, и для всех – тот же пляс!..

Красный зверь, переметчик и лис.

Исследования в области теории и практики художественного перевода осуществлялись профессором в рамках более широкой научной концепции,

захватывая области, связанные с внутренней формой слова и индивидуальным стилем, где он разрабатывал такие понятия как образ образа и другие сложные явления художественного творчества. Эти изыскания еще раз подтвердили мысль: «“Точность” подобия, в частности, недостижима именно потому, что другой индивидуальный стиль, другой семантический “универсум” – это уже совсем иная “фигура”, чем тот, который является объектом художественного парафразирования» [13, с. 298]. Эта мысль проверена автором неоднократно на примере творчества разных поэтов.

Работы Минералова в области перевода – это разработки, которые являются строительным материалом современной теории перевода, придают ей подлинную научность, используя междисциплинарный подход. Ученый много работал над разъяснением понятий точный и вольный перевод, ориентировал переводчика не на язык, а на конкретный текст, объяснял технику и стратегию перевода. Минералову близка динамическая исследовательская парадигма, концепция динамической эквивалентности, в которой учитывается ситуация перевода текста и реакции воспринимающего текст (реципиента). Минералов настаивал и укреплял представление о переводе как культурной миссии.

Список использованных источников

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 368 с.
2. Минералов Ю.И. Одна из граней таланта // Советская Эстония. Таллин: 1974 – № 246 (9427). – С.2.
3. Минералов Ю.И. Нарушая нормы. // Молодежь Эстонии. Таллин: 1975. – № 43(5942) – С. 3
4. Минералов Ю.И. Оставаться собой // Советская Эстония. Таллин: 1975. – № 128 (9614). – С. 2.
5. Минералов Ю.И. Перевод и художественность // Советская Эстония. Таллин: 1976. – № 184 (9974) – С. 2.
6. Минералов Ю.И. Постигая народную душу // Советская Эстония. Таллин: 1978. – № 146 (10544). – С. 2.
7. Минералов Ю.И. «Чужое вмиг почувствовать своим» // Литературная газета. М.: № 12. – 1976. – С.3.
8. Минералов Ю.И. И дышит немеркнувший сад // Литературная газета. – М.: № 48. – 1977 г. – С. 5.
9. Минералов Ю.И. «Смертный грех» литературности // Литературная газета. М.: № 50. – 1978. – С. 6.
10. Минералов Ю.И. Отойти, чтобы приблизиться // Дружба народов. М.: 1979 – № 3. – С.258-266.
11. Минералов Ю.И. Хвост лисы // Дружба народов. М.: 1982 – № 4. – С. 247-257.
12. Минералов Ю.И. Эмайыги. Книга стихов. Таллин: Издательство «Ээсти раамат». 1979. – 96 с.
13. Минералов Ю.И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность). М.: «Владос» 1999. – 360 с.

УДК 81'255

**ДОСТИЖЕНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ
ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*****Ю. П. Иванашко,****кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Амурский государственный университет, Благовещенск****Е. А. Процукович,****кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Амурский государственный университет, Благовещенск*

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема достижения переводческой эквивалентности при передаче прагматических значений. Авторы предлагают комплекс упражнений, направленных на приобретение и закрепление навыков перевода лексических единиц, обладающих особыми стилистическими характеристиками, эмоциональной окраской, идиоматикой, культурной или метафорической коннотацией.

Ключевые слова: прагматическое значение, регистр, стилистическая характеристика слова, эмоциональная окраска, ИЯ (исходный язык), ПЯ (язык перевода), эквивалентность перевода, типы упражнений

Summary. The paper focuses upon the translation equivalence of pragmatic meanings in a source and a target language. The authors provide the set of activities aiming at the translation techniques acquisition and training which facilitate the communicative equivalence of stylistic, emotional, idiomatic, cultural and metaphoric lexical unit features.

Key words: pragmatic meaning, register, word style, emotional colouring, target language, source language, translation equivalence, task types

В настоящей статье представлены методические рекомендации по обучению студентов направления подготовки 45.04.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика» навыкам передачи прагматических значений лексических единиц при осуществлении письменного перевода с английского языка на русский и наоборот.

Кратко рассмотрим понятие «прагматическое значение» и его основные компоненты. Итак, прагматическое значение – это значение, которое вытекает из отношения между знаком и человеком или человеческим сообществом, пользующимся этим знаком. Знак закрепляет за собой субъективное (или эмоциональное) отношение людей к единицам языка, а через них и к самим предметам и явлениям, обозначаемым этим знаком и вошедшим в качестве постоянного компонента в его семантическую структуру [1, с. 106].

В теории перевода в группу прагматических значений слов включают их стилистические характеристики, регистр и эмоциональную окраску. В ходе практических занятий особое внимание также уделяется способам передачи средствами ПЯ метафорических единиц, фразеологических единств, культурных коннотаций и реалий ИЯ.

Говоря о роли прагматических значений в процессе перевода, необходимо отметить, что при сопоставлении лексических единиц языков оригинала и перевода переводчик гораздо чаще сталкивается с расхождениями этих значений, чем с их сходством. Нередко лексические единицы двух языков имеют

совпадающие референциальные значения, однако расходятся в отношении прагматики, то есть отличаются друг от друга с точки зрения эмоциональной окраски, регистра или стилистической характеристики. В связи с этим неминуемы потери при передаче прагматических значений при переводе, что приводит к замене эмоционально маркированных слов нейтральными.

Несмотря на наличие случаев несовпадения прагматических значений языков оригинала и перевода, необходимо приложить максимум усилий для поиска наиболее подходящего соответствия, которое позволит свести к минимуму возможные потери. Для достижения этой цели необходимо уделять большое внимание данным явлениям на стадии обучения студентов аспектам перевода. Ниже приведены фрагменты упражнений, которые используют авторы настоящей статьи при работе в группах студентов, изучающих практический курс письменного перевода.

На этапе знакомства с лексикой, несущей прагматические значения, студентам предлагается выполнить «предпереводческие» упражнения, направленные на выработку навыков подбора в одном языке ряда синонимов, относящихся к разным регистрам, обладающих не одинаковыми стилистическими характеристиками или эмоциональной окраской. Такие упражнения, при условии их выполнения на регулярной основе и в достаточном количестве, позволяют расширить не только словарный запас, но и лингвистический кругозор студентов.

Ниже предложены задания на подбор рядов слов, обладающих одинаковым референциальным значением, но принадлежащих разным регистрам (упр. 1, 2).

Упражнение 1. Подберите к предложенным ниже словам (в нейтральном регистре) аналогичные по значению, но относящиеся к другим регистрам (фамильярный, непринуждённый, формальный, возвышенный). Отметьте регистр для каждого слова.

Пример: работать (нейтр.) – вкалывать (непринужд.) – впахивать (фамильярн.) – осуществлять трудовую деятельность (форм.).

1. Есть / принимать пищу; 2. бежать; 3. сумка; 4. смотреть; 5. потерпеть неудачу; 6. глаза; 7. весёлый; 8. писать; 9. учить; 10. варить [2, с. 61-62].

Упражнение 2. Подберите к предложенным ниже словам (в нейтральном регистре) аналогичные по значению, но относящиеся к другим регистрам (фамильярный, непринуждённый, формальный, возвышенный). Отметьте регистр для каждого слова.

1. to play; 2. nervous; 3. nice; 4. light (лёгкий); 5. to leave; 6. child; 7. to cry; 8. old; 9. to sit; 10. person [2, с. 62].

На втором этапе вводятся задания на перевод прагматически направленной лексики в рамках узкого контекста (см. упр. 3, 4). Перед тем, как приступить к выполнению перевода всего предложения, студенты должны подобрать к выделенному в нём слову возможные соответствия на ПЯ, оценить их с точки зрения стилистической характеристики, эмоциональной окраски и регистра. При осуществлении перевода предложения необходимо выбрать максимально близкий по стилистико-эмоциональному значению вариант, а в случае отсутствия такового, обратиться к нейтральному в прагматическом отношении слову.

Упражнение 3. Переведите предложения на русский язык, обращая

внимание на регистр выделенных слов.

1. It takes a lot more **guts** for a woman to resign than for a man.
2. Don't be so **grumpy** and cynical about it.
3. When you were at the Home Office, I was your **sidekick**.
4. She was going to have a **bash** at swimming the Channel.
5. My cat had a particular **yen** for sweetbreads [3].

Упражнение 4. Переведите предложения на английский язык, обращая внимание на регистр слов.

1. Эти старые **кошёлки** – «телезвезды» – всеми силами стараются вернуть себе популярность.
2. Трудно что-нибудь представить **кошмарнее** танцплощадки тех лет.
3. Она выпускала гулять своего черного **кудратого** пуделя Муфку и частенько вступала с бабушкой в религиозные диспуты.
4. Как бы стремительно не кидался заключённый, **вертух** успевает поддать ему по **кумполу**.
5. А вот наш **лоботряс** Владимир ни до чего не дослужился.
6. Слушай, Димка, когда ты был маленьким, я заступался за тебя и никому не давал тебя **лупить** [4].

На заключительном этапе обучения передаче прагматических значений ИЯ средствами ПЯ студенты осуществляют перевод отрывков современной художественной литературы, публицистики и публикаций СМИ. Работая с такими материалами, студенты учатся достигать переводческой эквивалентности на всех уровнях языка с учётом узкого и широкого контекстов. Обращение к современным текстам в свою очередь способствует более активному пополнению лексического запаса переводчика.

Отдельным блоком в рамках темы, посвящённой прагматике в переводе, рассматриваются метафорические конструкции, фразеологические единицы, культурные коннотации и реалии.

При работе с метафорой большое внимание уделяется рассмотрению различий признаков предметов и явлений, подвергающихся сравнению, уподоблению или аналогии в ИЯ и ПЯ. Будущий переводчик обязательно должен иметь чёткое представление о культурных различиях двух языков, проявляющихся в полном или частичном несоответствии метафорических смыслов, заложенных в лексике. Для демонстрации и освоения смысловых различий метафор в русском и английском языках студентам предлагаются различные типы заданий, направленные на сравнение метафорических конструкций, посвящённых одинаковым явлениям, имеющих несовпадающую коннотацию в ИЯ и ПЯ (см. упр. 5, 6).

Упражнение 5. Ознакомьтесь с англоязычными зоометафорами *cat / dog*. Какова коннотация данных метафор? Дополните список метафорами русского языка, связанными с этими животными.

1) cat

- enough to make a cat laugh – и мёртвого может рассмешить;
- that cat won't jump – этот номер не пройдёт;
- to grin like a Cheshire cat – (постоянно) бессмысленно улыбаться во весь рот, ухмыляться; осклабиться;
- to lead a cat and dog life/quarrel like cats & dogs – жить как кошка с со-

бакой (особ. о супругах); постоянно ссориться, враждовать;

– to let the cat out of the bag – выболтать секрет;

– to turn cat in the pan – стать перебежчиком.

2) dog

- dog's life – собачья жизнь;

- top dog – хозяин положения; господствующая, победившая сторона;

- attack dog – свирепый критик, цепной пёс;

- watch dog – ведущий наблюдение;

- dead dog – ни на что не годный, никчёмный человек;

- to put on the dog – важничать; держать себя высокомерно;

- dog-and-pony show – цирк; шоу;

- the black dog is on one's back (the black dog is on one's back (have the black dog on one's back)) – хандрить, находиться в состоянии уныния;

- dogs of war – бедствия, ужасы войны;

- sick as a dog – плохо себя чувствующий;

- to go to the dogs – гибнуть; разоряться;

- to throw to the dogs – выбросить за негодностью;

- every dog has his day – будет и на нашей улице праздник;

- to help a lame dog over a stile – помочь кому-либо в беде;

- dog on it! – проклятие!;

- my dogs are rooped out – у меня ноги гудят [2, с. 65-66].

Упражнение 6. Какие качества заложены в нижеприведённых словах в метафорическом смысле? Определите их значения, используя идиоматический словарь.

1. Canary; 2. cow; 3. crow; 4. monkey; 5. bat; 6. calf; 7. eagle; 8. owl; 9. goat; 10. chicken [2, с. 67].

Далее, по аналогии работы с регистром или эмоциональной окраской, студенты выполняют упражнения на перевод целых предложений или отрывков текстов, содержащих метафоры (см. упр. 7, 8).

Упражнение 7. Переведите предложения на русский язык. Возможно ли сохранить метафорический смысл во всех представленных случаях?

1. His head was spinning with ideas.

2. Her home was a prison.

3. She has a heart of gold.

4. It is raining cats and dogs.

5. You had better pull your socks up [3].

Упражнение 8. Прочтите отрывки из произведений русских писателей, обращая внимание на выделенные метафорические обороты. Подберите к ним английские соответствия, сохранив по возможности метафорический смысл.

1. И может быть — на мой **закат печальный** | **блеснёт любовь улыбку прощальной** (А. С. Пушкин).

2. В лесу **родилась ёлочка**, в лесу она росла.

3. Она поёт — и **звуки тают**,

Как поцелуи на устах,

Глядит — и **небеса играют**

В её **божественных глазах** (М. Лермонтов).

4. Нам дорога твоя отвага, **огнём душа твоя полна**. (М. Ю. Лермонтов)

5. **Пора золотая** была, да сокрылась (А. Кольцов).

6. **Осень жизни**, как и осень года, надо благодарно принимать (Э. Рязанов).

7. **Луна будет улыбаться** весь вечер (А. Чехов).

8. **Тоска** необъятная **жрала** его, и безымянный червь точил его сердце (Н. Гоголь) [2, с. 68-69].

Структура заданий на приобретение и усвоение навыков работы с фразеологией, культурными коннотациями и реалиями соответствует упражнениям, продемонстрированным выше.

В заключении необходимо сказать, что умение передавать прагматические значения лексических единиц ИЯ средствами ПЯ является чрезвычайно важным для переводчика, так как в них заложены смыслы не менее значимые, чем референциальные – без них текст теряет не только свой культурный колорит, но и нередко общий замысел. Комплекс упражнений, представленный авторами, позволит студентам развить и усовершенствовать навыки перевода лексики, обладающей особыми стилистическими характеристиками, эмоциональной окраской, идиоматикой, культурной или метафорической коннотацией. Сохранение прагматики исходного текста обеспечит достижение переводчиком его главной цели – коммуникативной равноценности текстов ИЯ и ПЯ.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода Изд. 5-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 240 с.

2. Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Практический курс перевода [Электронный ресурс]: учеб. пособие для студентов языковых (45.03.03; 45.04.03) и неязыковых направлений подготовки. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2021. – 215 с. – http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/AmurSU_Edition/11651.pdf

3. Словарь американских идиом: 8000 единиц / Оформление А. Лурье. – СПб.: Издательство «Лань», 1997. – 467 с.

4. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135 с.

УДК 81'42

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ KIDULTS: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

В. Н. Карпухина,

доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, Барнаул

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода с английского языка на русский текстов для kidults, или взрослых читателей детской литературы. Литература такого рода зачастую возникает в рамках современного политкорректного дискурса. В частности, в ней поднимаются проблемы феминистского дискурса или дискурса «здорового образа жизни», ранее не

свойственные для традиционной детской литературы. Одной из основных переводческих проблем при передаче литературы подобного рода с английского языка на русский является проблема, связанная с терминологическими лакунами русскоязычного политкорректного дискурса. Для ее решения переводчики используют стратегии прагматической адаптации политкорректных терминов, их элиминации или «культурного трансфера».

Ключевые слова: детская литература, kidults, перевод, политкорректный дискурс.

Summary. The paper considers the problems of translation from English into Russian of texts for kidults, or adult readers of children's literature. Literature of this kind often arises within the framework of the contemporary politically correct discourse. In particular, it raises the problems of the feminist discourse or the discourse of a "healthy lifestyle", which had not appeared in the traditional children's literature before. One of the main translation problems in the transfer of literature of this kind from English into Russian is the problem of the terminological lacunae of the Russian-language politically correct discourse. To solve it, the translators use the strategies of pragmatic adaptation of the politically correct terminology, its elimination, or a "cultural transfer."

Key words: children's literature, kidults, translation, politically correct discourse.

Современная детская литература – та ее часть, которая в англоязычной традиции называется литературой для kidults, взрослых читателей детских книг [4, с. 71], – на сегодняшний день успешно входит в область функционирования политически корректного дискурса. В литературе подобного рода поднимаются проблемы феминистского дискурса или дискурса «здорового образа жизни», ранее не свойственные для традиционной детской литературы. Новые аксиологические установки политически корректного дискурса существенно влияют на ключевые характеристики современной детской литературы (в частности, на ее языковые характеристики). С.Г. Тер-Минасова полагает: «Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и / или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.» [5, с. 215] (см. также: [3, с. 156; 7]).

Объект исследования в статье – переводные тексты англоязычной литературы для kidults, предмет исследования – проблемы, с которыми сталкиваются переводчики данных текстов в рамках политически корректного дискурса.

Материал нашего исследования – «Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times» Дж. Ф. Гарнера [6] и несколько переводов данных сказок на русский язык, выполненные С. Сивко (под редакцией А. Олексенко), С. Г. Тер-Минасовой и А. Г. Гурочкиной.

Одна из основных проблем, возникающих при переводе новейшей литературы для kidults, – отсутствие точных и закрепленных в русском языке эквивалентов английской политкорректной лексики (например, идеологических речевых штампов). В частности, «Политически корректные сказки на сон грядущий» американского писателя и журналиста Джеймса Финна Гар-

нера до сих пор полностью не переведены с английского языка на русский, имеется лишь несколько фрагментарных переводов (подробнее см.: [3]). Даже ключевую фразу из авторского предисловия к этой книге достаточно сложно перевести на русский язык: *If, through omission or commission, I have inadvertently displayed any sexist, racist, culturalist, nationalist, regionalist, ageist, lookist, ableist, sizeist, speciesist, intellectualist, socioeconomicist, ethnocentrist, phallocentrist, heteropatriarchalist, or other type of bias as yet unnamed, I apologize and encourage your suggestions for rectification* [6]. Дж. Ф. Гарнер, нарочито извиняясь перед читателями за то, что он, возможно, по своему упущению или намеренно, оказался предвзятым в определенных аспектах, предлагает будущим читателям «внести свои предложения по исправлению» его политкорректных сказок. Часть перечисленных Гарнером возможных «аспектов предвзятости» уже получила в русском языке свою «узуальную прописку»: не так давно вошли в употребление лексемы *сексист*, *лукист*; в активный вокабуляр давно входят лексемы *расист*, *националист*, *этноцентрист*. Грамматические характеристики некоторых лексем в русском языке из списка «проявлений непolitкорректного поведения» могут быть связаны с ограничениями на частеречную принадлежность лексемы или ее словообразовательную структуру: *фаллоцентрический*, но не *фаллоцентрист*; *эйджизм*, *эйблизм*, но не *эйджист*, *эйблист*. Возможен подбор частичного эквивалента для лексемы *regionalist* – *сепаратист*. Однако для большинства англоязычных «политкорректных» лексем с четко выраженной негативной оценкой в коннотации (*culturalist, ableist, sizeist, speciesist, intellectualist, socioeconomicist, heteropatriarchalist*) в русском языке эквивалентов пока нет.

Лакунарность русскоязычного политкорректного дискурса не позволяет, например, С. Сивко адекватно перевести следующий фрагмент пародийно переписанной Дж. Ф. Гарнером «Красной Шапочки»: *«Bursting in here like a Neanderthal, trusting your weapon to do your thinking for you!» she exclaimed. «Sexist! Speciesist!»* [6, p. 8–9]. – *«Ворвался сюда как неандерталец, тыкает тут своим оружием! Что вы себе думаете, я спрашиваю? – воскликнула Красная Шапочка. – Сексуально озабоченный, алчный придурок!»* (пер. С. Сивко) [1]. Даже наличие в русском языке уже ассимилировавшегося заимствования *сексист* не дает возможности переводчику использовать данную лексему, поскольку стереотипные представления о персонаже – Красной Шапочке – как о ребенке накладывают некоторые ограничения на использование этого идеологического штампа феминистского дискурса. Необходимый комический эффект в тексте перевода создается опосредованно, с помощью перифразы (*сексуально озабоченный*). Лексема *speciesist* ‘индивид, ставящий человека и его потребности выше всех остальных существ на Земле’, не получает адекватного перевода и пока еще требует обширного переводческого комментария для русскоязычного читателя.

Безэквивалентная грамматическая единица феминистского дискурса *wotup*, заменившая традиционную форму множественного числа *women*, не передана в переводе на русский язык текста Гарнера. Как следствие этого, в переводе С. Сивко мы видим переводческую ошибку: *How dare you assume that wotup and wolves can't solve their own problems without a man's help!»* [6, p. 8–9]. – *«Да как ты смел подумать, что женщины и волки не могут решить своих*

проблем без вмешательства **человека!**» (пер. С. Сивко) [1]. Феминистский пафос речи Красной Шапочки в англоязычном тексте подразумевает решение проблем без помощи *мужчины*, переводчик же этого не передает.

Дискурсивные формулы из дискурса «здорового образа жизни» пародируются в зачине сказки «The Three Little Pigs»: *Once there were three little pigs who lived together in mutual respect and in harmony with their environment. Using materials that were indigenous to the area, they each built a beautiful house* [6]. Этот фрагмент текста в переводах на русский язык передан тремя переводчиками текста Гарнера по-разному: *Жили-были когда-то три поросенка. Они совместно проживали во взаимном уважении и в гармонии с окружающей средой. Используя экологически чистые материалы, характерные для той местности, каждый из них построил себе по красивому домику* (пер. С. Сивко) [1]; *Жили-были однажды три поросенка, которые жили в атмосфере взаимоуважения и гармонии с окружающим миром* (пер. А.Г. Гурочкиной [2]); *Жили-были три поросенка, во взаимном понимании и полной гармонии с окружающей средой. Используя природные материалы своего края, каждый из них построил себе по чудному домику* (пер. С.Г. Тер-Минасовой [5]). Стоит отметить, что лишь в первом из переводов, выполненном С. Сивко, и отчасти в переводе С.Г. Тер-Минасовой можно увидеть абсолютно адекватную передачу дискурсивных формул русскоязычного политкорректного дискурса «здорового образа жизни» (*окружающая среда, экологически чистые материалы*). В остальных фрагментах переводов представлены лишь частичные эквиваленты дискурсивных формул (*окружающий мир, природные материалы своего края*), что существенно уменьшает комический эффект зачина гарнеровской сказки «Три поросенка». Ирония Гарнера сводит пафос «экологически ориентированного» фрагмента политкорректного дискурса к «пустой» дискурсивной формуле, переводчики его непolitкорректных сказок на русский язык эту иронию передают лишь частично.

Таким образом, переводческая проблематика постмодернистского дискурса новейшей литературы для *kidults* связана с отсутствием детально разработанного языкового инструментария в сфере политкорректной лексики в русском языке. Следствием этого является применение переводчиками с английского языка на русский компенсаторных стратегий прагматической адаптации и «культурного трансфера» текста оригинала. Это происходит, например, когда при передаче на русский язык блестящего пародийного текста Дж. Ф. Гарнера «Политически корректные сказки на сон грядущий» в качестве компенсаторных переводческих средств для заполнения терминологических лакун политически корректной лексики переводчиками используются либо эмоционально-экспрессивные перифразы, либо пародируемые идеологические клише русского политического дискурса.

Список использованных источников

1. Гарнер Дж. Ф. Политически корректные сказки на ночь [Электронный ресурс]. URL: <https://q-lab.livejournal.com/1464.html#cutid1> (дата обращения 30.01.2022).

2. Гурочкина А.Г. Политкорректная сказка как трансформированный комический текст // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 777–786.

3. Карпухина В.Н. Современная детская литература в политически корректном дискурсе: лингвоаксиологический аспект // Сибирский филологический журнал. – 2019. – №4. – С. 155–167.

4. Петрова С. А. Современная русская детская литература: миф или реальность? // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2018. – Т. 23. – № 1. – С. 66–78.

5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс]. М., 2000 URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/Index.php (дата обращения 30.01.2022).

6. Garner J.F. Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times [Electronic resource]. New Jersey, 1994. URL: <https://bbs.pku.edu.cn/attach/85/31/8531ff112a962431/politically%20correct%20bedtime%20stories.pdf> (дата обращения 30.01.2022).

7. Wikström P. No one is “pro-politically correct”: Positive construals of political correctness in Twitter conversations // Nordic Journal of English Studies. – 2016. – № 15(2). – P. 159–170.

УДК 130.2

ИДЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО ПЕРЕВОДА: ОБРАЗ ЖЕНСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В 1920-Х ГОДАХ

С. А. Козлова,

обучающийся бакалавриата, кафедра философии, факультет философии, культурологии и искусств, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация. Идеология неразрывно связана с культурным переводом. Цель работы: показать, как именно осуществляется эта связь. Данная взаимосвязь рассмотрена на примере образа женственности в советской литературе в 1920-х годах. В работе использованы семиотический, герменевтический, описательный и сопоставительный методы. Автор приходит к выводу, что несмотря на сильную зависимость идеологии от политической обстановки в стране, успешная её интеграция в общественную жизнь возможна только благодаря культурному переводу.

Ключевые слова: идеология, культурный перевод, коммунизм, образ женственности, женщина, мужественность.

Summary. Ideology is inextricably linked with cultural translation. The purpose of the work: to show exactly how this connection is carried out. This relationship is considered on the example of the image of femininity in Soviet literature in the 1920s. Semiotic, hermeneutic, descriptive and comparative methods are used in the work.

Key words: ideology, cultural translation, communism, image of femininity, woman, masculinity.

Идеология в широком смысле слова трактуется как мировоззрение, совокупность взглядов и идей. Но в современном мире внимание акцентируется на политическом аспекте этого понятия. Политическая идеология – это «определённый этический набор идеалов, принципов, доктрин, мифов или символов определённого общественного движения, института, социального класса или же большой группы, которые объясняют, как общество должно

быть устроено и предлагают некоторые политические и культурные проекты определённого общественного порядка» [4, с. 157]. Идеология определяет цели политики, формирует направления политической деятельности и осуществляет выбор средств её реализации.

Понятие идеологии непосредственно связано с таким понятием как культурный перевод. Под культурным переводом понимается «перенос смыслов, выраженных на одном языке культуры/языке одной культуры, с использованием другого языка культуры/языка другой культуры, имеющей задачей вписывание переводимого текста в иной культурно-языковой и семиотический дискурс. <...>. Перенос определенной культурно-языковой информации из одного ментального и мировоззренческого пространства в другое» [2, с. 74].

Взаимосвязь идеологии и культурного перевода раскрывается на двух уровнях. Первый – более частный и конкретный: здесь культурный перевод выступает как инструмент идеологии. Идеология, интерпретируя знаки и символы, исходя из собственных установок, тем самым манипулирует обществом, давая ему только выгодное ей понимание проблемы. Информация может искажаться или же полностью меняться в угоду идеологии. Также создаются знаки и символы, положительно отличающие эту идеологию от прочих и используемые для её обозначения.

На втором уровне идеология мыслится уже в рамках культурного перевода. Идеология, являясь сама по себе мировоззрением, не существует вне процесса перевода: без него идея не может создаться (ведь любая идеология возникает как реакция на происходящие в мире события), распространиться (культурный перевод обеспечивает коммуникацию между людьми), укрепиться и взаимодействовать с другими политическими течениями (культурный перевод обеспечивает диалог между культурами). Идеология представляется как многосторонний процесс перевода, участниками которого являются её основоположники, теоретики, последователи, массы, на которые можно влиять, конкуренты, научные исследователи и многие другие. Причём у данного перевода нет временных рамок, он бесконечен.

Рассмотреть идеологию как объект культурного перевода можно на примере женственности в советской литературе в 1920-х годах.

В России в это время пришедшие к власти большевики еще не укрепили свое положение в стране, заканчивается Гражданская война, сменяется экономическая политика государства, меняются порядки во внутренней и внешней политике. Государственной идеологией провозглашается коммунизм. Коммунизм – «общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства, при которой ставится целью построение бесклассового общества, полное социальное равенство всех членов общества и осуществление принципа “От каждого по способностям, каждому по потребностям“» [5, с. 378].

Данный период, 1920-е годы, – это время появления не только новой страны, но и нового человека. Так же это время можно назвать двойственным. Начало 1920-х – это время окончания Гражданской войны, гибели старого государства и время формирования нового. Перед правительством стоит задача не только создать новый образ человека/государства/страны, но и искоренить старый, показать все его недостатки. Конец же 1920-х – время

уже укрепленного положения утвердившейся советской власти, начальный период единоличной диктатуры. С изменением времени и положения дел в стране меняются и потребности государства в человеке, в его качествах. И, несомненно, художественная культура стала одним из способов влияния на массы и формирования нужного образа нового человека.

Перед рассмотрением образа женственности в советской литературе, стоит различить такие понятия, как женщина и женственность. Первое обозначает биологический фактор – пол. Второе же понятие является социально сконструированным, оно обозначает то, каким женщину видит общество, какие черты ей приписывает, и выполнение каких стереотипных функций будет требовать от неё. Именно на понимании женственности как приписываемых женщине качеств будет строиться дальнейшее рассмотрение идеологии как культурного перевода.

Женский образ начала 1920-х годов можно встретить в произведениях Н. А. Островского (Тая в романе “Как закалялась сталь”), Ф.В. Гладкова (Даша в романе “Цемент”), В.В. Вишневского (Комиссар в “Оптимистической трагедии”) и др.

Более подробно остановимся на повести А.М. Коллонтай «Василиса Малыгина». В данной повести отразится женский вопрос, поднимаемой женщиной, пламенно верующей в новую идеологию.

Повесть раскрывает главную героиню – Василису Малыгину – через её чувственную сторону. Читателю не дают подробностей её работы, не посвящают в детство героини, акцентируется внимание лишь на том, что вызывает у самой Василисы Малыгиной яркий эмоциональный отклик – это её партийная деятельность и её любовный интерес – Владимир. Её личная жизнь является главным сюжетом этой повести.

Главная героиня так представлена в повести: «Волосы после тифа обстрижены и выются; издали похожа на мальчика, плоскогрудая, в косоворотке и потертом кожаном кушачке» [3]. Можно заметить сразу, что исконно типичных, присущих здоровой женщине, характеристик, таких как длинная коса и пышная грудь, главная героиня уже лишена. Более того – своим внешним видом и своими повадками она напоминает мальчонку, на чем часто акцентируется внимание в повести. Но, стоит отметить, она – не мужчина, а мальчик, кто-то кто стремится быть мужчиной, быть с ним на равных, но тот, кто еще не приобрел нужных черт.

Василиса Малыгина самоотверженно трудится ради будущего общества и яростно верит в идеи коммунизма. Для нее «любимый» неизменно должен быть «товарищем», соратником и единомышленником. Именно в общем деле она чувствует наибольшую близость с любимым человеком.

Рассмотрим, какие же идеологические установки отразились в этой новой героине. В первую очередь, она точно идентифицирует себя с коммунизмом, с большевистской партией, она – часть группы. Она видит и оценивает этот мир сквозь коммунистические идеи. Ценности партии становятся главными ценностями и в её жизни.

Далее – её дело отвечает потребностям сообщества. Её работа отодвигает личную жизнь на второй план. Более того – деятельность может заглушить внутреннюю боль и вновь заставить почувствовать себя живой и

нужной. Семья же для большевички не так важна: ради идей коммунизма она может покинуть мать, не разделяющую взгляды дочери, а дети и муж – это не то, что заставит её чувствовать себя счастливой.

На первый взгляд, можно сказать, что повесть имеет конкретного адресата – женщину: ведь только она поймет главную героиню, только она сможет разделить её взгляды и чувства, только женщина узнает свою жизнь в судьбе Василисы Малыгиной. Но если женщине повесть будет диктовать пример должного поведения настоящей «большевички», то мужчину произведение будет оповещать о новом положении женщины в обществе. Повесть будет доносить до мужчины мысль о том, что женщина может быть ему «товарищем» и также может внести важный вклад в общее дело, но он не должен бояться потерять свои лидерские позиции, ведь она ему – не соперник, поскольку женщина все так же эмоциональна, доверчива, добра, немстительна. Хоть она и горит тем же делом, что и мужчина, но в этой новой роли она скорее забавна, поэтому и не должна вызывать серьёзных опасений.

Пришедшей власти для укрепления своего режима и построения нового государства будет важен каждый человек. Поэтому женщина-революционерка-коммунистка должна приобрести в себе некоторые черты мужественности, такие как, например, способность к ораторскому искусству или же полная отдача своему делу и своей работе. Черты традиционной женственности – привлекательность, мягкость, любовь – переносятся на второй план или же становятся олицетворением «недолжного» поведения. Чтобы мужчина воспринимал женщину как равную себе, как «товарища», ей нужно пытаться быть мужчиной.

Второе произведение, характеризующее уже конец 1920-х годов, – повесть А.Н. Толстого «Гадюка».

Сюжет повести охватывает жизнь Ольги Вячеславовны Зотовой с 1918 по 1928 годы. Она была участницей и жертвой Гражданской войны. Война забрала у неё семью и любимого человека. Но она и воспитала и закалила её. Ольга Зотова стала героиней, принесшей важную победу, и человеком, верящим в идеи коммунизма. Но её героизм, её жертвы через пять лет стали никому не нужны. Её не воспринимают как женщину, и из-за этого она не может обрести своего счастья и внутреннего спокойствия. Её закаленный войной характер и грозный внешний вид отпугивает всех, поэтому важный борец за коммунистические идеи в годы гражданской войны в конце 1920-х годов остаётся один, не вписавшись в новое общество.

В семейной политике в конце 1920-х годов происходит смена приоритетов и принципов: если раньше коммунистическая партия ратовала за свободные отношения, отходила от принятых ранее взаимоотношений мужчины и женщины в семье, то во второй половине десятилетия она вновь возвращается к традиционным семейным ценностям. Связаны эти изменения были как с восстановленным единоличным правлением в стране, так и с необходимостью восполнить потери населения после кровопролитной Гражданской войны.

Поэтому государство конца 1920-х годов возвращает женщине принятую стереотипную женственность. Женщина этого времени должна следить за домом, заботиться о муже и детях, безвозмездно любить, одеваться

элегантно и по моде, быть невинной, доброй и ласковой, при этом верить в идеи коммунизма и отдаваться своей работе – и тогда она будет полноценной счастливой женщиной, вписывающейся в общественные стандарты и отвечающей государственным потребностям.

Хоть качества, которые требовались от женщины в начале 1920-х и в конце десятилетия, сильно различаются, но можно проследить и общие черты, составившие основу новому типу женственности: женщине-коммунистке. Новой женщине позволяют не только заботиться о своей семье, но и работать на благо целого общества.

То, можно сделать вывод, что понятие идеологии неотделимо от понятия культурного перевода: оно обеспечивает взаимодействие идеологии с обществом и без него говорить о существовании идеологии невозможно. Также следует отметить, что политические силы, оказывающие влияние на идеологию, также оказываются встроены в общественную жизнь во многом благодаря культурному переводу. И именно благодаря ему находят свое отражение в культуре страны.

Список используемых источников.

1. Бородина А., Бородин Д. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-х - 30-х годах // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2000. – С. 45–51.

2. Демидова О.Р. Культурный перевод как пространство деконструкции // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы IV международной научно-практической конференции. – Симферополь: Издательство Типография «Ариал», 2020. – С. 74–80.

3. Коллонтай А.М. Василиса Малыгина [Электронный ресурс] // Lib.ru/Классика. URL: http://az.lib.ru/k/kollontaj_a_m/text_0050.shtml (дата обращения: 20.01.2022)

4. Мельник В. А. Политические идеологии: учебное пособие – Минск: Высшая школа, 2009. – 400 с.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.

6. Толстой А.Н. Гадюка [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексей Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1538/index.html> (дата обращения: 19.01.2022)

УДК 371.66:811.111

РУССКИЕ ОШИБКИ В АНГЛИЙСКОМ ТЕКСТЕ

И. В. Кочкарева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые типичные ошибки русскоязычных авторов, пишущих научные статьи на английском языке. В центре внимания автора ошибки, связанные не с низким уровнем владения английским языком, а с незнанием стиливых особенностей англоязычного научного текста. Анализируются также ошибки, вызванные языковой интерференцией. Даются рекомендации по обучению будущих переводчи-

ков и магистрантов неязыковых специальностей, изучающих дисциплину «Письменная иноязычная коммуникация в профессиональной сфере».

Ключевые слова: типичные ошибки; языковая интерференция; стилистические особенности; научная статья; коммуникативная культура; письменная коммуникация

Summary. The article is focused on some typical errors made by Russian-speaking authors who write research articles in the English language. The author focuses on errors caused not by poor knowledge of the English language, but by ignorance of the stylistic features of the English-language scientific text, as well as by linguistic interference. Recommendations are given on the training of future translators and Master students of non-linguistic faculties studying the discipline «Written foreign language communication in professional sphere».

Key words: typical errors; linguistic interference; stylistic peculiarities; research article; communicative culture; written communication

В последнее время процесс глобализации затронул многие сферы нашей жизни. Не обошел он и сферу научной деятельности. Ученые разных стран мира все активнее обмениваются своими открытиями и достижениями. Процесс письменной коммуникации в профессиональной сфере идет очень интенсивно. Главенствующую роль в нем на современном этапе играет английский язык как язык международного общения. Публикации в научных журналах, входящих в такие авторитетные системы цитирования, как Scopus и Web of Science, стали неотъемлемой частью научной деятельности наших соотечественников. При этом на первый план выходит умение создавать научные тексты, соответствующие канонам, существующим в англоязычной коммуникативной культуре. К сожалению, нередки случаи, когда редакторы международных научных журналов не принимают к печати статьи, написанные русскоязычными авторами. В качестве причины отказа указывается недостаточно высокий уровень владения английским языком и, как следствие, несоответствие стилю научного изложения, принятому в подобных печатных изданиях. В последнее время появился целый ряд учебных пособий, целью которых является обучение молодых исследователей написанию статей на английском языке в соответствии с требованиями международных научных журналов. (См., например, [1; 4; 5]). Тем не менее, на наш взгляд, в пособиях такого рода недостаточно внимания уделяется сопоставительному анализу особенностей письменной научной коммуникации в русскоязычной и англоязычной культурах. В данной статье мы рассмотрим наиболее распространенные ошибки, которые допускаются русскоязычными авторами при создании научных статей на английском языке.

Чаще всего эти ошибки бывают вызваны языковой интерференцией. Интерференция, то есть воздействие системы одного (родного) языка на другой (изученный), может стать причиной неверного выбора синтаксических структур, порядка слов, ошибок в пунктуации, нарушения лексической сочетаемости и многого другого. Как метко указывает Н. К. Гарбовский, «в силу интерференции фонетически, лексически, грамматически и даже интонационно правильная речь на иностранном языке *покрыта налетом чужого*. В ней не оказывается того, что должно было бы быть в речи носителя, и, напротив, может возникнуть то, чего в речи носителя языка

скорее всего не было бы» (курсив наш) [2, с.317]. Задача преподавателя состоит в том, чтобы помочь учащимся избавиться от этого «налета чужого».

Начнем с заголовков. Как показывает анализ заголовков статей, опубликованных в отечественных журналах на русском языке, русскоязычные авторы часто используют слишком многословные, громоздкие формулировки. Названия статей перегружены словами-пустышками типа «К вопросу о ...», «Актуальные проблемы ...», «К вопросу о проблеме ...», «О роли ...», «Использование ...», «Подходы к трактовке ...», «Проблема ...», «Некоторые особенности ...» и тому подобными малоинформативными оборотами. При буквальном переводе таких заголовков нередко возникают сложности, вызванные несопадением объемов значения слов в русском и английском языках. Так, например, русскоязычные авторы довольно часто используют в заголовках слово «проблема», не ведая о том, что английское слово *problem* означает «затруднение, неприятность, беда». Как справедливо отмечает И. В. Зубанова, «по-английски не нужно называть словом *problem* то, что мы собираемся всего лишь обсуждать или рассматривать, а только то, что нас смущает, тревожит, пугает, что требует решения, а не разговоров» [3, с. 31]. Словами-заменителями русской «проблемы» в разных контекстах могут быть *question, matter, issue, subject of discussion* («вопрос», «тема», «предмет для рассмотрения / изучения»). Но при этом нужно иметь в виду, что носители английского языка не рекомендуют злоупотреблять подобными существительными при формулировании названий научных статей. Так, Мэттьюз и соавторы подчеркивают: «Cut trivial phrases (*Notes on..., A Study of ...*)» [11, с.66]. Похожие рекомендации находим в работах Хэгган [10, pp.293–317], Соулера [12, pp. 90–102] и других авторов [1; 8; 9; 13].

Другой сложностью при формулировании заголовков является то, что в русскоязычных статьях авторы часто используют довольно длинные номинативные цепочки взаимоподчиненных генетивов. Как указывают авторы пособия «Грамматика перевода», обороты с несогласованным определением в родительном падеже чрезвычайно распространены в русском языке и характерны для письменного стиля речи [6, с.144]. Англоязычные авторы настоятельно рекомендуют избегать подобных формулировок. Так, в работе Мэттьюз и соавторов находим следующую рекомендацию: «Do not stack nouns and adjectives together without the prepositions that clarify their meaning» [11, p.66]. Авторы приводят пример неудачной формулировки: «A Study of Chipmunk Muscle Tissue Ion Channel Amino Acid Activation Parameters» и предлагают заменить ее на более понятный вариант: «Amino Acid Activation of Ion Channels in Chipmunk Muscle Tissue» [там же].

Преподаватель должен сообщить учащимся, что номинативные цепочки – не единственный способ формулировки заголовков в англоязычных журналах. Сравнение англоязычных заголовков позволило выявить четыре основных структурных типа: 1) заголовок в виде номинативной группы (the nominal-group construction), 2) заголовок в виде предложения (the full-sentence construction), 3) заголовок, состоящий из двух частей, разделенных двоеточием (the compound construction) и 4) заголовок в виде вопроса (the question construction) [12, pp. 95–97]. Формулируя название своей статьи, следует изучить требования конкретного журнала, в котором автор соби-

рается опубликовать свой труд. Желательно также проанализировать последние выпуски журнала, обращая внимание на предпочтения редакции в отношении заголовков.

Для русскоязычных научных статей характерно частое использование номинативных групп, содержащих конструкции с определением в родительном падеже. Перевод таких конструкций представляет определенную сложность для неопытных переводчиков, которые часто злоупотребляют предлогом *of*. В результате данный предлог встречается в текстах переводов с русского на английский язык гораздо чаще, чем в оригинальных английских текстах. Поэтому при переводе на английский язык следует избегать переизбытка предлога *of* и стараться находить другие синтаксические средства. Так, некоторым сочетаниям с существительным в родительном падеже в английском языке соответствует атрибутивное сочетание: *выброс углекислого газа – carbon dioxide emission; программа обогащения урана – uranium enrichment programme*. Во-вторых, при переводе можно употребить герундиальный оборот: *применение непопулярных мер – administering some unpopular measures*. Далее, можно использовать притяжательный падеж: *визит президента – the president's visit*. Кроме того, оборотам, включающим определение в родительном падеже с субъектным значением, могут соответствовать в английском языке сочетания с предлогом *by*: *решение правительства – the decision by the government*. Следует также отметить, что начинающие переводчики часто используют предлог *of* там, где носители английского языка употребляют совсем другие предлоги: *центр исследований – a centre for research; представитель организации – a spokesperson for the organization; помощник президента – an aide to the President; профессор университета – a professor at the university* и так далее [6, с. 144–152]. Таким образом, при создании научного текста на английском языке необходимо избавляться от цепочек взаимоподчиненных генетивов, характерных для научных текстов на русском языке.

Следует также учитывать особенности стиля изложения, имеющие национально обусловленный, культурно-конвенциональный характер. С. В. Тюленев подчеркивает, что «отход от академичности изложения неодинаков в разных культурно-языковых сообществах. В русском языке автор научно-технического текста имеет меньше свободы, в то время как в англоязычной традиции отход от академичности присутствует в большей степени» [7, с. 222]. Это проявляется, например, в широком использовании местоимения первого лица единственного числа при указании на авторство в англоязычных научных статьях (*In my work, I consider ...*). Что касается русскоязычных текстов, то в них автор крайне редко упоминает себя в качестве субъекта действия, выраженного подлежащим. Он может себе позволить лишь употребление так называемого ритуального «мы», да и то нечасто. Писать научную статью от первого лица в русскоязычной культуре не принято. Это может создать у читателя неправильное впечатление об авторе и его этическом облике как ученого [7, с. 223]. Русскоязычный автор, пишущий на английском языке, должен отойти от этой традиции и следовать англоязычным канонам.

Поскольку степень «безличности» изложения в русском языке намного

выше, чем в английском языке, авторы русскоязычных статей широко используют пассивные глагольные конструкции, безличные и неопределенно-личные обороты. Напротив, в англоязычной культуре приветствуется более широкое использование активного залога, что позволяет сделать описание экспериментов, рассуждений, изложение процесса прихода к тем или иным выводам менее безличным. Автор тем самым как бы берет на себя ответственность за изложенное в статье. Как отмечает А. Уолворк, использование активного залога в научном тексте предпочтительнее, поскольку позволяет ясно понять, в чем состоит конкретный вклад в науку данных авторов статьи [13, p.111]. Схожие рекомендации даются в работах других англоязычных авторов [8; 10]. Таким образом, русские ученые, пишущие на английском языке, должны снижать количество употреблений пассивного залога, особенно в тексте аннотаций.

К сожалению, рамки одной статьи не позволяют рассмотреть все типичные ошибки русскоязычных авторов при написании статей на английском языке. Другими «проблемными зонами» являются использование скрытого и открытого отрицания, номинализация и глаголизация, подбор лексики (сильных и слабых глаголов), хеджирование и так далее. Как видим, русские «ошибки» в английском научном тексте могут быть вызваны целым рядом причин: незнанием особенностей научного стиля в англоязычной культуре; языковой интерференцией; недостаточным уровнем владения английским языком; буквальным переводом. Думается, что в учебные планы подготовки переводчиков и магистрантов неязыковых специальностей необходимо включать дисциплину «Письменная коммуникация на иностранном (английском) языке». Это позволит более подробно и конкретно рассмотреть особенности научного текста на английском языке, обратить внимание учащихся на возможные ошибки при создании таких текстов и тем самым предотвратить их появление.

Список использованных источников

1. Базанова Е., Сучкова С. *How to Write a Research Article: Textbook for Early-Career Researchers*. М.: Наука, 2020. – 224 с.
2. Гарбовский Н. К. *Теория перевода: Учебник*. – М.: Изд-во Моск. Унта, 2004. – 544 с.
3. Зубанова И. В. Английский с «русским акцентом», или Несколько слов о коллективном бессознательном и русских медведях // Точка сборки, или Нелегкий труд стрекозы. Статьи об устном переводе. – М.: Р.Валент, 2019. – С. 21–39.
4. Михельсон Т. Н., Успенская Н. В. *Как писать по-английски научные статьи, рефераты и рецензии*. – СПб: Специальная литература, 1995. – 167 с.
5. Попова Н. Г., Коптяева Н. Н. *Академическое письмо: статьи IMRAD*. Учебное пособие для аспирантов и научных сотрудников естественнонаучных специальностей. – Екатеринбург: ИФ и ПУРО РАН, 2015. – 160 с.
6. Салье Т. Е., Воскресенская И. Н. *Грамматика перевода с английского языка на русский и с русского языка на английский: учеб. пособие / Т. Е. Салье, И. Н. Воскресенская*. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2018. – 178 с.
7. Тюленев С. В. *Теория перевода: Учебное пособие*. – М.: Гардарики,

2004. – 336 с.

8. Anthony L. Characteristic Features of Research Article Titles in Computer Science // IEEE Transactions on Professional Communication. Vol. 44, 2001. – pp.187–194.

9. Cargill M., O'Connor P. Writing Scientific Research Articles: Strategy and Steps, UK, London, 2009. – 173 p.

10. Haggan M. Research Paper Titles in Literature, Linguistics and Science: Dimensions of Attractions // Journal of Pragmatics, Vol. 36 (2), 2004, pp.293–317.

11. Matthews J. R., Matthews R. W., Bowen J. M. Successful Scientific Writing: a Step-by-Step Guide for the Biological and Medical Sciences. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 124 p.

12. Soler V. Writing Titles in Science: An exploratory Study // English for Specific Purposes. Vol. 26, 2007, pp. 90–102.

13. Wallwork A. English for Writing Research Papers. Second edition. Pisa: Springer International Publishing, 2016. – 384 p.

УДК 811

ОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СОЗДАНИЯ НЕТРОПЕЙЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В ПЕРЕВОДАХ ИРВИНА ЯЛОМА

Н. В. Кривошапова

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, филологический факультет Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы взаимодействия фигур нетропейческой образности с онимами. В своем творчестве И. Ялом уделяет особое внимание нетропейческой образности, мотивируя это тем, что система нетропов больше и глубже тропейческой и способна взаимодействовать с другими языковыми средствами на равных. Больше всего в текстах найдено именно нетропейческих фигур, поскольку автор, чтобы донести до читателя свои мысли, многократно употребляет определенные ключевые слова и выражения. Мы обнаружили антиклимакс, антитезу, бессоюзие, гиперболу, климакс, многосоюзие, параллелизм, парцелляцию, риторические вопросы, восклицания, обращения.

Ключевые слова: нетропейческая образность, оним, ономастикон, бессоюзие, многосоюзие, гиперболу, параллелизм.

Summary. Onyms as elements of creating non-tropeic imagery in the translation of Irwin Yalom. The article discusses the interaction of figures of non-tropeic imagery with onyms. In his work, I. Yalom pays special attention to non-tropeic imagery, motivating this by the fact that the system of non-tropes is larger and deeper than the tropeic one and is able to interact with other linguistic means on an equal footing. Most of all, non-tropeic figures are found in the texts, since the author repeatedly uses certain keywords and expressions to convey his thoughts to the reader. We found anti-climax, antithesis, non-union, hyperbole, climax, multi-union, parallelism, parcellation, rhetorical questions, exclamations, appeals.

Keywords: non-tropeic imagery, onym, onomasticon, non-union, multi-

union, hyperbole, parallelism.

Ирвин Ялом – американский психолог и психотерапевт, доктор медицинских наук, профессор психиатрии Стэнфордского университета, писатель и философ. Является представителем экзистенциальной психологии – одного из направлений современной глубинной психологии. Автор нескольких романов о профессиональной деятельности психотерапевтов и истории психотерапии [1, с. 128-130].

Целью намеренного употребления средств нетропеической образности считается убеждение читателя в определенных своих идеях и мыслях, попытка заставить читателя беспрекословно поверить в то, о чем говорит автор, даже если есть искажение фактов или художественный вымысел.

Употребление онимов в тексте перевода обусловлено их смысловой нагрузкой и уместностью. Полифункциональность имен собственных раскрывается в градации, антитезе, бессоюзии и многосоюзии, гиперболе, климаксе и антиклимаксе, при параллелизме, парцелляции, риторических восклицаниях.

Например:

Антиклимакс

«Бенто впустил Якоба и Франку в дом, где жили они с Габриелем, и проводил их в свой кабинет через маленькую гостиную, чье скудное убранство выдавало отсутствие женской руки: только простая деревянная скамья и стул, соломенная метла в углу и камин с ручными мехами» [3].

В данном примере используется средство создания нетропеической образности – градация, точнее антиклимакс, при котором следующие друг за другом члены теряют в значимости и весомости. Так, в предложении говорится об убранстве гостиной Бенто, то есть в целом оно скудное, а затем более детально описывается интерьер. Используется этот прием для того, чтоб читатель подробнее смог почувствовать атмосферу в доме Бенто.

Благодаря именам собственным конструируется нетропеическое средство.

«Они были великими! – внезапно перебивает Альфред. – Пока не смешались с неполноценными расами – с мерзкими евреями, с неграми, с азиатами» [3].

В этом примере также употребляется антиклимакс. Автор показывает этим приемом читателю пренебрежение и даже ненависть Альфреда к неполноценным, по его мнению, расам. Затем уточняет, что это евреи, негры и азиаты.

«Альфред прямо расцвел, увидев, что они стоят в том же порядке, в каком он оставил их много лет назад: первой — его любимая «Страдания молодого Вертера», затем – «Дэвид Копперфилд», а потом все остальные – в порядке убывающей значимости» [3].

Еще один пример антиклимакса, так как в предложении его части представляют ряд нисходящих по силе выражений. Автор показывает читателю восторг Альфреда от того, что книги стоят в привычном для него порядке, а затем перечисляет, в каком именно.

Оним *Альфред* иноязычного происхождения и близок по звучанию к имени *Адольф*. То, что озвучивает герой романа Ирвина Ялома, аллюзия на программные речи Адольфа Гитлера о чистоте расы и титульной нации.

Оним воскрешает в сознании читателя определённые фоновые знания.

Антитеза

«Одно дело – говорить так о враче, добром человеке, что усердно трудится в избранной им профессии, и совсем другое – называть плодом мутации гения, который, вполне возможно, изменил ход истории» [3].

В этом примере употреблено такое средство нетропеической образности как антитеза. Это оборот, в котором для усиления выразительности резко противопоставлены прямо противоположные понятия – слова и дела. Автор перевода употребляет этот оборот, основанный на противопоставлении сравнимых образов, эпизодов, картин, чтоб показать читателю ненавистное отношение Альфреда Розенберга к представителям еврейской нации, несмотря на их гениальность. Автор использует эту стилистическую фигуру для наиболее точной передачи чувства и усиления выразительности речи.

Оним отсутствует, но подразумевается.

Бессоюзиe

«Но прежде всего, Габриель, вспомни о том, что мы – отдельные души, разные люди» [3].

В этом примере автор использовал такой прием как бессоюзие. Благодаря тому, что в рамках одного отрезка речи оказывается сосредоточено несколько образов, текст приобретает динамичность, насыщенность. Речь идёт о пропуске союзов, подразумевающихся в тексте, но неиспользованных. В сознании читателя формируется цельная картина, богатая деталями и красками. Благодаря ониму *Габриель* в роли обращения автор апеллирует, используя синекдоху, ко всем людям, не только к отдельно взятому герою или читателю своих произведений.

Оним усиливает бессоюзие.

Гипербола

«Я ничуть не сомневаюсь, что и Гете, и Спиноза в эту самую минуту улетучиваются из его головы и больше никогда ее не потревожат...» [3].

Здесь мы видим гиперболу «улетучиваются из его головы». Она используется в данном примере для того, чтоб привлечь внимание читателя, как быстро и бесповоротно забывается информация, даже *Гете* и *Спиноза* – основа основ европейской философии и литературы, если она человеку неинтересна.

Употребление онимов придают гиперболе дополнительный смысл, появляется новый оттенок значения высказывания: ‘безвозвратная потеря основ образованности и начитанности, интеллектуального потенциала, своих корней’.

Климакс

«Розенберг, вы разочаровали меня – всех нас – своими убогими рассуждениями во вчерашней речи» [3].

Здесь также пример градации интонационно-синтаксического ряда, члены которого расположены в порядке возрастающей значимости «*вы разочаровали меня – всех нас*». Оним *Розенберг* специально используется автором, так как строение фамилии позволяет ее отнести одновременно к немецким и еврейским фамилиям, состоит из двух немецких слов: *Rosen* – «роза» и *Berg* – «гора», переводится как «гора роз». Первые еврейские фамилии в Германии по именованию места проживания появились в больших еврейских общинах в конце средних веков и только у богатых евреев,

кого считали мудрецами и знатоками Торы. *Розенберг* – это еще и топоним. Герой Ялома с такой фамилией – полукровка, полуеврей, полунемец, чем и вызывает соответствующее к себе отношение.

Оним объясняет суть нетропеической фигуры.

Многосоюзи

«Подумай о двух вещах: первое, я тебе ничем не угрожаю. Я даю обещание никогда не повторять сказанного тобою. Более того, я тоже во многом сомневаюсь. Могу даже разделять некоторые твои чувства. И, второе, в Голландии никакой опасности нет, здесь нет инквизиции. Ни в этой лавке, ни в этой общине, ни в этом городе, ни даже в этой стране» [3].

Здесь автор также использует многосоюзи в виде союза «ни» для привлечения внимания читателя, заставляя остановить взгляд на ситуации и задуматься над образами. В данном примере есть также парцелляция.

Особенность такой конструкции в том, что отдельные части не считаются самостоятельными и не воспринимаются по отдельности, хоть и формально являются самостоятельными предложениями: *«И, второе, в Голландии никакой опасности нет, здесь нет инквизиции. Ни в этой лавке, ни в этой общине, ни в этом городе, ни даже в этой стране»*. Этим приемом автор привлекает внимание читателя к моменту, заставляя глаз, а вместе с ним и сознание, плавно скользящее по тексту, споткнуться, остановиться, испытать некоторое недоумение. И человек серьезнее, вдумчивее вчитывается в строки.

Замедляя речь вынужденными паузами, многосоюзи подчёркивает роль каждого из слов, создавая единство перечисления и усиливая выразительность речи [4].

Топоним Голландия – семантическое ядро фигуры, ее ключевое слово.

Параллелизм

«Они молчали – как молчали и все покойные, все те, кто заснул вечным сном, убаюканные этой самой кроватью: их мать Ханна, которая умерла 20 лет назад, когда Бенто еще не исполнилось шести лет; старший брат Исаак – шесть лет назад; мачеха Эстер – три года назад; отец и сестра Мириам – всего два года назад» [3].

В данном примере из средств создания нетропеической образности употребляется синтаксический параллелизм, так как эти предложения строятся по одной схеме, один и тот же порядок членов предложения. Здесь даже полный синтаксический параллелизм. Характерен тем, что в его составе две и более синтаксические единицы имеют равное количество одинаково расположенных компонентов.

Сочетание имени нарицательного и собственного *«мать Ханна»*, *«брат Исаак»*, *«мачеха Эстер»*, образуя синтаксический синкретизм, либо являясь подлежащим, либо сочетанием приложения и подлежащего усиливает внимание читателя на том, что герой остался совсем один, что потерял всех родственников одинаково – все умерли. И не сразу, а постепенно.

Антропонимы нужны для построения фигуры.

Парцелляция

«Так, значит, Эпштейн – это еврейская фамилия? Все Эпштейны – евреи, вы это хотите сказать? Или 50 процентов? Или только некоторые?»

Или, может быть, один на тысячу? Что показали вам ваши научные изыскания?» [3].

Предложение делится на несколько отдельных, но не самостоятельных частей. Одна из них главная или базовая, она содержит основную мысль предложения, и нередко в большей степени похожа на полноценное предложение: *«Все Эпитейны – евреи, вы это хотите сказать?»*. Остальные части по отдельности не воспринимаются: *«Или 50 процентов? Или только некоторые? Или, может быть, один на тысячу? Что показали вам ваши научные изыскания?»*.

Разделив этим приемом предложение на отдельные части, автор заостряет внимание читателя на каждом вопросе детальнее. Может возникнуть впечатление, что человек словно смакует действие или событие, каждый его момент, каждую деталь.

Повторение онима позволяет сохранить семантические связи между частями фигуры, чтобы парцелляция воспринималась как единое целое.

Оним скрепляет нетропеическое средство.

Риторическое восклицание

«Как?! – ахнул Яков. – Моисей ведь написал Тору, ее первые Пять книг, гораздо раньше, чем две тысячи лет назад!» [3].

В данном примере автор использует такой прием нетропеической образности как восклицание. Это прием передачи кульминации чувств: Яков возмущен и его эмоции ярко переданы. Данное предложение оканчивается восклицательным знаком.

Онимы – прецедентные феномены.

Исследование переводов произведений Ирвина Ялома показало, что автор и переводчик стремятся к лаконичности изложения, искренности как альтернативе постмодернистскому взгляду на словесное искусство, когда чтение превращается в трудоемкую дешифровку тех или иных культурных кодов.

Онимы занимают у Ялома определенную нишу, их много, но достаточно. Функционал ономастикона строго обозначен. Автор намеренно пользуется именами для усиления нетропеической образности. Искусство переводчика позволяет сохранить неповторимый стиль писателя, точно передать суть и замысел авторского текста.

А сам Ялом, понимая, что его романы будут читать во всем мире, насыщает текст только теми именами собственными, которые будут понятны любому читателю.

У Ирвина Ялома благодаря онимам конструируются нетропеические средства. Иногда оним отсутствует, но подразумевается, объясняет суть нетропеической фигуры, являясь семантическим ядром фигуры, ее ключевым словом. Оним актуализирует в сознании читателя определённые фоновые знания, превращаясь в прецедентный феномен.

«Романы для граждан всего мира» И. Ялома в своем жанровом и стилистическом разнообразии – это попытка найти, сохранить человечность и индивидуальность в эпоху глобализации, оставаясь наполненными глубоким смыслом и художественным мастерством [2].

Список использованных источников

1. Кривошапова Н. В. Употребление лексем с христианской семантикой

в переводах произведений Ирвина Ялома / Н. В. Кривошапова // С любовью к Слову: Сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования, Арзамас, 09–10 февраля 2021 года / Отв. редактор О.В. Никифорова. – Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2021. – С. 128-130.

2. Скарлош С. Как научиться любить. Ирвин Ялом о неврозах, смысле жизни, своей маме и Всевышнем // Русский Репортер. – 2012. – № 45 (274) (15 ноября).

3. Ялом И. Публикации. [Электронный ресурс]. – URL: <http://hpsy.ru/authors/x113.htm> (дата обращения 15.02.2022).

4. Psychoanalysis | Библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://psychoanalysis.pro/lib.html> (дата обращения 15.02.2022).

УДК 81'25

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРЕВОДАХ И РАСПОЗНАВАНИИ РЕЧИ

И. П. Кузнецова,

*кандидат социологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва*

Аннотация. В данной статье рассматриваются возможности и перспективы использования искусственного интеллекта в процессе письменного перевода иностранных текстов. В статье акцентируется внимание на применение различных переводческих программ для анализа текстов. Исследовательский интерес вызывают современные информационные технологии для распознавания речи, совершенствования переводческих программ, мобильных приложений и активное внедрение интерактивных средств в процесс обучения.

Ключевые слова: иностранные языки, перевод, анализ текста, распознавание речи, искусственный интеллект

Summary. This article examines the possibilities and prospects of using artificial intelligence in the translation process of foreign texts. The article focuses on the application of different translation software the text analysis. Of research interest are modern information technologies for speech recognition, improvements in translation software, mobile applications and the active introduction of various interactive tools in the studying process.

Key words: foreign languages, translation, text analysis, speech recognition, artificial intelligence.

За последнее десятилетие наблюдается интенсивность появления все новых информационных технологий, которые активно и успешно внедряются в повседневную жизнь и профессиональную деятельность. Появляются различные направления в прикладной лингвистике, связанные тесным образом с искусственным интеллектом, компьютерными информационны-

ми технологиями. Понятие «искусственный интеллект» трактуется довольно широко, как способность информационной компьютерной системы выполнять интеллектуальные функции присущие человеческому разуму. Искусственный интеллект – свойство сложных систем способных проходить этапы кодирования информационных потоков; сохранение и применение больших массивов информации; предоставление оптимальных результатов выполнения той или иной задачи.

Сегодня искусственный интеллект затрагивает почти каждую сферу человеческой жизнедеятельности. Появление искусственного интеллекта (англ. *artificial intelligence*) в качестве нового научного направления началось в середине прошлого столетия. Одним из перспективных и быстро развивающихся можно назвать машинный перевод с одного иностранного языка на другой. История машинного перевода начинается с семантико-синтаксического перевода слов и словосочетаний, хотя необходимо отметить, что словосочетания использовались в меньшей степени. В дальнейшем стало больше уделяться внимания фразеологическому и статистическому машинному переводу текстов [1, с. 64-80]. Среди популярных и широко известных программ для распознавания и машинного перевода текстов, например: DeepL Translate, Google Translate, Free Translation, Trados и других стали появляться инновационные системы, основанные на нейронном машинном переводе. Одной из перспективных моделей можно назвать Nematus, усовершенствованную сотрудниками Эдинбургского университета и способную обеспечить высокую точность перевода, обладающую большим количеством опций и удобством использования. Следующая модель – Seq2Seq (*sequence to sequence, attention*), разработана в Гарвардском университете и предназначена в основном для качественного перевода небольших текстов. Open NMT использует условно языковое моделирование перевода и является полноценным источником для обучения и развертывания нейронных моделей машинного перевода, включает несколько различных версий специализированного перевода для определенных целей, быстрого перевода сложных предложений. В том числе данная модель предназначена для использования на мобильных устройствах, способна генерировать слово и связанные с ним признаки, например, отдельные падежные формы. Перевод, основанный на нейронных сетях это современная новая методология машинного перевода, который значительно улучшился по сравнению с прежними системами машинного перевода на основе правил и статистики [3, с. 67].

Некоторые зарубежные исследователи в области искусственного интеллекта отмечают, что рекуррентные нейронные сети делают возможным запоминание нейронной сетью прошлых слов в тексте последовательно и тем самым оказывают положительное влияние на качество перевода [2, с. 58]. Успешное применение в дальнейшем искусственного интеллекта позволит создавать переводы текстов с учетом стилистических особенностей, профессиональной лексики до получения наилучшего результата. В настоящее время зарождается новое поколение автоматического распознавания речи.

Американская компания IBM занимается исследованиями и внедрением программных продуктов для распознавания речи. Via Voice – программа, работающая на нескольких иностранных языках способна подстроиться

под определенного пользователя, под тембр голоса, интонацию, учитывает индивидуальные особенности звучания голоса, позволяет вводить информацию с голоса в текстовые редакторы. IBM Voice Type Dictation поддерживает ввод речи до ста слов в минуту, переводит речь пользователя в текст, распознает иностранные языки. Voice Note (Speech recognition platform) – сервис распознавания речи и преобразование голоса в текст, работает в качестве приложения для браузера Google Chrome. В качестве успешного применения искусственного интеллекта в области распознавания алгоритмов устной речи можно назвать программу Switchboard от компании Microsoft. Инновационное программное обеспечение компании Intel Voice Express Professional использует запатентованную технологию Chip Coder для записи естественных аналогов человеческой речи без цифрового синтеза.

Нейронные сети на основе машинного обучения в дальнейшем смогут распознавать и проверять терминологию в иностранных языках с богатыми морфологическими данными; обеспечивать автоматическое обнаружение ошибок и исправление в переводах; редактировать и корректировать качество переводов на основе искусственного интеллекта. Становится очевидным, что искусственный интеллект является междисциплинарной областью исследования, находит свое применение в различных областях знаний и начинает довольно успешно демонстрировать инновационные разработки в машинном переводе с помощью нейронных сетей, открывая перспективы взаимодействия и полноценного сотрудничества со специалистами, как в области лингвистики, так и в области компьютерных технологий.

Список использованных источников

1. Колин К.К., Хорошилов А.А., Никитин Ю.В., Пшеничный С.И., Хорошилов А.А. Искусственный интеллект в технологиях машинного перевода// Социальные новации и социальные науки. Москва: ИНИОН РАН. 2021. – № 2. – с. 64-80.
2. Хобсон Л., Ханнес Х., Коул Х. Обработка естественного языка в действии. – Санкт-Петербург. Питер. 2020. – 576 с.
3. Rico Sennrich, Orhan Firat, Kyunghyun Cho, Alexandra Birch and others. Nematus: a Toolkit for Neural Machine Translation. Conference Proceedings of the Software Demonstrations of the 15th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics. April 2017.

УДК 81'255.4:811.112.2:811.161.1

**СТИХОТВОРЕНИЕ Г. ГЕЙНЕ
«EIN TRAUM, GAR SELTSAMSCHAUERLICH»
(«ЗЛОВЕЩИЙ ГРЕЗИЛСЯ МНЕ СОН») В ПЕРЕВОДЕ М. Л. МИХАЙЛОВА**

А.В. Кузьмина

*преподаватель кафедры зарубежной литературы
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк*

Аннотация. В работе проводится компаративный анализ стихотворения Г. Гейне «Ein Traum, gar seltsam schauerlich» («Зловещий грезился мне сон») и ее интерпретации М.Л. Михайловым. В работе проанализированы роль и функции языковых средств разных уровней в выражении идейно-тематического содержания стихотворения, выявлены переводческие удачи и потери. Отмечено внимание переводчика к фонетическим особенностям подлинника, подчеркнута его точность в передаче ритма и метра произведения. Михайлов уменьшает роль фольклорного начала, вводит в стихотворение реалии русской культуры, а также вносит изменения в образ главного героя.

Ключевые слова: перевод, готическая поэзия, компаративный анализ, поэтика, Гейне.

Summary. The work is aimed at the comparative analysis of the poem «Ein Traum, gar seltsam schauerlich» by H. Heine and its interpretation by M.L. Mikhailov. In the article the functions of linguistic means of different levels of expressing the conception of the poem have been analyzed; translator's accomplishments and losses have been pointed out. It has been found out that the translator tried to be quite precise in the transference of phonetic stylistic devices and metrical structure of the poem. Mikhailov reduced the number of folkloric words and phrases, included realities of Russian culture and made a few changes in the image of the main character.

Key-words: translation/interpretation, gothic poetry, comparative analysis, poetics, Heine.

Несмотря на то, что Генрих Гейне известен как первый критик романтизма, в его ранних произведениях ощущается влияние романтической традиции и увлечение готической поэтикой. Как отмечает А.И. Дейч, цикл «Сновидения» из «Книги песен» особенно «близок к традиционному жанру «кладбищенской» лирики немецких романтиков» с их «нездоровым влечением к тайне смерти, к царству мертвых» [3, с. 42]. Особенно отчетливо элементы готической поэтики проявились во втором стихотворении из цикла «Сновидения» – «Ein Traum, gar seltsam schauerlich» («Очень зловещий сон»), написанном в 1817 г.

В нем лирический герой видит живописный сад с яркими цветами и звонко щебечущими птицами, но насладиться красотами природы герою не удастся: его одиночество прерывает появление девушки, которая стирает в водоеме белую рубашку. Расспросив таинственную незнакомку, он узнает, что та готовит ему погребальный саван. Далее герой оказывается в дремучем лесу, где снова встречает ту же девушку: теперь она рубит доски для его гроба. В третий раз он встречает ее на мрачном голом поле, где она

роет ему могилу. Внезапно мрачное наваждение рассеивается и герой просыпается. По замечанию Моники Темпиан, сама композиция стихотворения напоминает структуру реального сновидения, для которого характерны резкие перемены места действия, внезапный переход от одного ощущения в его противоположность и пассивность погруженного в сон человека, который не знает, что с ним случится и кто ему встретится [7, с. 45].

Насколько нам известно, на русский язык стихотворение переводилось трижды: М.Л. Михайловым, В.А. Зоргенфреем, Т.И. Сильман. Хронологически первый перевод принадлежит поэту, переводчику, политическому деятелю М.Л. Михайлову (1829-1865). Характеризуя переводческую манеру Михайлова, В.Л. Коровин отмечает, что с его именем «связано начало нового этапа в развитии стихотворного перевода в России, когда стала цениться точность в передаче характерных черт поэтической формы (метрика, строфика, рифмовка) оригинала» [5]. Хотя переводческое наследие Михайлова довольно обширно – он переводил П.Ж. Беранже, И.В. Гете, Ф. Шиллера, Л. Уланда, Р. Бернса, Ш. Петефи и др., поэзия Гейне занимает в нем особое место. Переводы из Гейне составляют почти треть дошедшего до нас творчества знаменитого переводчика. Н.В. Шелгунов, друг и соратник переводчика, писал: «...любимым его поэтом был Гейне, – конечно, потому, что у Михайлова был тот же душевный склад, те же переходы от серьезного настроения к внезапной иронии или шутке и тот же острый, тонкий ум, умевший схватывать оттенки мыслей и чувств» [Цит. по: 4, с. 162].

Свой перевод стихотворения Гейне «Ein Traum, gar seltsam schauerlich» Михайлов озаглавил как «Зловещий грезился мне сон» и опубликовал его в «Современнике» в 1858 г.

С версификационной точки зрения перевод Михайлова достаточно близок к оригиналу. Как в немецком, так и в русском тексте большинство строк написаны четырехстопным ямбом, а песни девушки передаются четырехстопным хореем, часто встречающимся в народной поэзии. Стихи соединены самой простой и распространенной попарной рифмовкой, однако у Михайлова в двух строфах (№ 12 и 21) она меняется на перекрестную. В подлиннике все рифмы мужские, что придает стихотворению энергичное звучание; в русском варианте в двух последних стихах присутствует женская рифма, которая является не самым удачным вариантом для финала, поскольку привносит ощущение незавершенности.

Как указывает А.И. Дейч, во всем цикле «Сновидения» Гейне добивался «наибольшего приближения к содержанию и форме старинной песни», поэтому его стихотворение отличает «подлинно народная лексика», «обилие уменьшительных форм существительных (Vögelein, Wänglein, Äuglein, Wasserlein и т. д.) и нарочито примитивная синтаксическая структура фраз, попарная рифмовка стиха с использованием неточных рифм – созвучий, свойственных фольклорной поэзии в различных ее видах» [3, с. 46]. Переводчик также стремится приблизить стихотворение к фольклору – но уже к русскому. Для этого Михайлов прибегает к народно-поэтической лексике (*молвил, люб*), повторам (*«Заступ, заступ! глубже рой»*), глагольным рифмам и параллельным конструкциям (*Она и моет и поёт – / И песнью за сердце берёт: / «Ты плещи, волна, плещи! / Холст мой белый полощи!»*).

Встречаются в переводе и слова-реалии, присущие русской культуре: так, девушка роет для героя могилу «в сажень глубиной»; кроме того, она не стирает рубашку, а белит холст, как это делали на Руси в старину.

Однако в прочтении Михайлова стихотворение все-таки больше всего походит на авторскую балладу, а не на народную песню. Наряду с фольклорной лексикой Михайлов активно задействует архаизмы и книжные слова: *стан, очи, поют любовь, курится аромат, томился взор*. Налет книжности также придают балладе строчные и строфические переносы (анжабеманы): «Неземным // В ней было все...», «...как дым / Исчезло все», «Я недвижим // Стою в лесу...», «Тоской томим // Гляжу...», «Для тебя / Могилу рою».

Для каждого из трех эпизодов сновидения Гейне выбирает отдельные декорации. Первый эпизод описывается на фоне райского сада, залитого ярким солнечным светом. Как указывает Моника Темпиан, в этот отрывок отличается особенно выразительной звукописью: «Для создания образа романтического сада Гейне применяет светлые гласные *e* и *i* (*Viel Balsamduft aus Kräutern rinnt, Die Lüfte wehen lieb und lind; Und Alles schimmert, Alles lacht*), в то время как темные гласные (*a – o – u*) используются для описания встречи с прекрасной девушкой (*wunderschöne, süße Maid*)» [7, с. 45]. В свою очередь Михайлов передает красоту цветущей и благоухающей природы с помощью сонорных согласных: (*аллеей, любовь, льют, лист, головки, снилось, веселых, голоса, негой*).

Моника Темпиан делает акцент на том, что пейзаж, изображенный в этом эпизоде, условен: это не живая природа, а «сценические декорации» [7, с. 45]. Не случайно цветы, которыми любителю рассказчик, «разукрашены в яркие тона» (*Die Blumen lustig bunt bemalt*). Немецкая исследовательница обращает внимание на синтаксическую организацию строк, в которых описывается идиллический сад: «Глаголы этих параллельно построенных предложений являются непереходными, и благодаря своему пассивному характеру они не вносят динамику в изображение» [7, с. 45] (*Die Sonne roth von Gold umstrahlt, / Die Blumen lustig bunt bemalt. / [...]Und Alles schimmert, Alles lacht, /Und zeigt mir freundlich seine Pracht.*). Русский поэт создает ощущение искусственности и условности этого идиллического пейзажа, включая в описание большое количество общепозитивных штампов: *веселые пташки, негой дышит, небеса горят, поют любовь*. Интересно, что у Михайлова речь идет прежде всего о рукотворном пейзаже: в нем проложены «*пышные аллеи*», отсутствующие в подлиннике. Еще одно изменение переводчик внес в описание водоема, расположенного посреди сада. Если у Гейне это мраморная чаша с водой, то у Михайлова мы видим, скорее, большой пруд, в котором могут образовываться волны.

Следующий эпизод сновидения разворачивается на фоне густого леса. В культуре Германии лес занимает особое место; со времен романтизма лес считали «колыбелью немецкого народа». До XVIII же века лес воспринимался прежде всего как опасная и враждебная среда. Это убеждение отразилось в немецких сказках (таких как «Гензель и Гретель», «Бременские музыканты»). Враждебен лес и к герою гейневского сновидения – не случайно он описывает лес как «темный, дикий», «с деревьями касающимися неба» («*In einem düstern, wilden Wald*»,

«*Die Bäume ragten himmelan*»). Интересно, что в стихотворении Гейне речь идет именно о дубовом лесе. Возможно, это связано с тем, что во многих европейских культурах дуб символизировал мужскую силу, мужество. В таком случае рубка дубового дерева может восприниматься как элемент «ворожения на смерть». Приближая описание леса к русской народной традиции, Михайлов использует фольклорные эпитеты (*дремучий лес, могучий дуб*). Несколько нарушена логика в строке «*Беги заросшею тропой*»: если лесная тропинка действительно заросла, то бежать по ней не получится.

С каждым эпизодом ландшафт, окружающий героя, становится все более и более мрачным. Последняя сцена сновидения разыгрывается на фоне блеклой и голой вересковой пустоши (*Heide*). В переводе же встречаем более знакомую русскому читателю – и самому переводчику – бескрайнюю степь. Михайлов расширяет и драматизирует описание степи за счет включения дополнительных метафор и эпитетов: «*Гляжу — чернеет степь кругом, / Как опалённая огнём, / Мертва, бесплодна...*».

В образе девушки, чарующей и манящей, но несущей смерть лирическому герою, парадоксальным образом соединились прекрасное и ужасное, любовь и смерть, Эрос и Танатос. Очевидно, этот образ был заимствован из немецкого фольклора и является предвестником будущей «Лорелеи». А.И. Дейч также указывает на связь стихотворения с неразделенной любовью Гейне к кузине Амалии: «В образе девушки, несущей ему гибель, Гейне воплощает недостижимую мечту о любви» [3, с. 45].

С каждым эпизодом образ девушки-посланницы Смерти становится все более жутким. Если в начале герой воспринимает ее святой («*Heil'genbild*», у Михайлова же она «*неземная*»), то в последнем эпизоде она «*прекрасна и страшна*» одновременно («*Sie war so schön und doch ein Grau'n*»). «Трудовые песни» которые исполняет незнакомка, являются своеобразными заклинаниями, призывающими смерть на героя. При этом в своих заговорах она обращается практически ко всем стихиям (кроме огня): стихия воды (водоём), стихия металла (топор), стихия земли (могила). Инфернальность в образе девушки усиливается благодаря фонетическому обрамлению ее речи: она насыщена шипящими и свистящими согласными, что делает ее песни похожими на змеиное шипение: «*Rinne, rinne, Wässerlein, / Wasche, wasche Hemde rein*», «*Spaten, Spaten, scharf und breit, / Schaufle Grube tief und weit*». Михайлов также передает змеиную речь девушки, но лишь в первой ее песне: «*Ты плещи, волна, плещи! / Холст мой белый полощи!*»

В.И. Грешных отмечает, что Гейне «воспроизводит атмосферу предчувствия, конца, краткости жизни, то есть атмосферу быстротечного времени. В этом контексте и слова девушки-призрака из второй картины звучат весьма категорично: “*Die Zeit ist karg ...*” (“*Время на исходе*”)» [2, с. 41]. Действительно, у Гейне девушка во всех трех картинах сама торопится закончить свои мрачные приготовления и постоянно намекает лирическому герою на скорый и, казалось бы, неотвратимый финал («*Die schöne Maid, die sputet sich...*» «*Zimmre hurtig Eichenschrank*»). В переводе эта торопливость уходит из действий девушки; Михайлов оставляет лишь ее намек на то, что «*близок срок*».

Заканчивается стихотворение довольно парадоксально: объятый страхом, лирический герой падает в могилу, вырытую для него таинственной

девушкой, и внезапно просыпается. Такое сочетание смешного и ужасного нередко встречается в народной поэзии. Еще одним источником для такого решения, по словам Моники Темпиан, мог стать собственный жизненный опыт Гейне, поскольку внезапное пробуждение от испуга часто случается после падения в кошмарном сне [7, с. 49]. Анализируя финал стихотворения, П.Г. Клуссман прежде всего обращает внимание на то, что среди этого нагромождения ужасов и готической фантастики Гейне всегда держится земной реальности: «Вместо романтических фантазий о счастье и спасении, сон заканчивается пробуждением и освобождением от иллюзий» [Цит. по: 7, с. 49].

Гейне и Михайлов несколько по-разному изображают финал стихотворения. В подлиннике лирический герой безучастен перед лицом неизвестного, он лишь пассивный зритель своего ночного кошмара. «Могила разверзлась» перед ним («*Da öffnet sich die Grube weit*»), и он «свалился в могильный мрак» («*Und in die dunkle Grabesnacht Stürzt' ich hinein*»). У Михайлова герой более активен, им движет любопытство перед неизвестным, причем это чувство оказывается сильнее страха смерти. Он говорит о себе: «*Но мне хотелось заглянуть / В свою могилу*». Ужас от лицезрения могилы тоже передается по-разному: немецкий поэт задействует лишь тактильные ощущения (мороз по коже), а Михайлов привлекает зрительные и слуховые ассоциации: «*В ушах раздался страшный гул, / В очах померкло...*».

В целом, несмотря на уменьшение роли фольклорного начала, а также отдельные смысловые неточности, интерпретацию М.Л. Михайлова можно назвать достаточно удачной: переводчику удалось верно воспроизвести дух подлинника, внезапную смену настроений и роковой образ девушки-посланницы смерти. Даже через полтора столетия перевод Михайлова не потерял своей эстетической ценности.

Список использованных источников

1. Гейне Г. «Зловещий грезился мне сон...» (Пер. М. Михайлова) // Генрих Гейне. Полное собрание сочинений: В 12-ти тт. / Под общ. ред. Н.Я. Берковского, И.К. Луппола. – Т.1. – М.: Худож. лит., 1938. – С. 6-9.
2. Грешных В.И. Ранний Гейне: опыт осмысления романтизма // Художественное мышление в литературе XIX–XX веков. – Калининград, 1994. – Вып. 2. – С. 46-54.
3. Дейч А.И. Поэтический мир Генриха Гейне. – М.: Худож. лит., 1963. – 446 с.
4. Еголин А.М. Михайлов // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т. VIII. Литература шестидесятих годов. Ч. 2. – 1956. – С. 161-181.
5. Коровин В.Л. Михайлов Михаил Ларионович // Большая Российская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://w.histrf.ru/articles/article/show/mikhailov_mikhail_larionovich_illarionovich
6. Heine Heinrich. Ein Traum , gar seltsam schauerlich // *Poetische Werke von H. Heine* [Elektronische Ressource]. – Hoffmann und Campe, 1861. – S. 4-8. – URL: <https://books.google.com.ua/books?id=P0gTAAAYAAJ>
7. *Tempian Monica*: „Ein Traum, gar seltsam schauerlich Romantikerbschaft und Experimentalpsychologie in der Traumdichtung Heinrich Heines. – Göttingen: Wallstein, 2005. – 206 S.

УДК 811.12

**СООТВЕТСТВИЯ В ПЕРЕВОДЕ И ИХ ВЕРИФИКАЦИЯ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ****И. А. Лекомцева,***кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург***Е. К. Вьюнова,***кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и перевода, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург***А. Х. Абдульманова,***кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии и перевода, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Аннотация. Целью данной статьи является анализ переводческих соответствий и их верификация с использованием корпусных методов. Современные сопоставительные исследования отличает ориентированность на изучение закономерностей функционирования языковых единиц в речи с учетом функционально-стилистических особенностей. Слова могут выполнять роль межъязыковых соответствий, но не являются равноценными переводческими соответствиями, поскольку у данных слов разные традиции употребления и функционирования в речи, что может быть доказано результатами корпусного исследования. Тем не менее, при переводе зачастую используются именно коммуникативно неравноценные соответствия. Можно заключить, что такие исследования могут внести вклад в развитие переводоведческих исследований с точки зрения переосмысления базовых категорий: переводческая норма, переводческие соответствия, перевод как речевая деятельность, а также в качестве практических руководств для переводчиков.

Ключевые слова: переводческие соответствия, межъязыковые соответствия, переводческие ошибки, корпусные исследования, сопоставительные исследования

Summary. The purpose of this article is to analyze translation correspondences and their verification using corpus methods. Modern comparative studies focus on studying the patterns of usage of linguistic units in speech, taking into account functional and stylistic features. This approach is based on corpus research methods. Words can be interlanguage correspondences, yet they are not equivalent translation correspondences, as they have different traditions of use and patterns of usage in speech, which can be proved by the results of corpus research. Nevertheless, when translating, communicatively unequal correspondences are used. As a result, such studies can contribute to the development of translation studies in terms of rethinking the basic categories: translation norms, translation correspondences, translation as speech production and practical guidelines for translators.

Key words: translation correspondences, interlanguage correspondences,

translation errors, corpus studies, comparative studies.

Одной из фундаментальных категорий теории перевода является категория эквивалентности, которую можно определить как «специфическое отношение между текстами, позволяющим считать один текст переводом другого» [5, с. 26]. Даже беглый анализ литературы по переводоведению покажет, что существует значительное количество разных подходов к определению сущности этого отношения между текстами, а также оценке качества этого отношения [4]. Если в основу определения категории эквивалентности как специфического отношения между исходным текстом и текстом перевода взять лингвистический подход, суть которого заключается в установлении соответствий на различных языковых уровнях, то проблема определения эквивалентности можно рассмотреть именно с точки зрения межъязыковых и переводческих соответствий.

Понятие «межъязыковые соответствия» можно определить как сходные по семантике единицы двух языков [11, с. 34]. Межъязыковые соответствия представляют собой системные, устойчивые, регулярные соответствия между двумя языками. Такие устойчивые, регулярные соответствия могут быть коммуникативно равноценными переводческими соответствиями в одном случае, тем не менее, не являются гарантом установления эквивалентных отношений в решении другой переводческой задачи. На другом полюсе переводческих решений находятся нерегулярные, единичные, окказиональные соответствия, которые не поддаются обобщению, и лингвистическая теория перевода не всегда учитывает их в своих построениях.

Анализ практического материала показывает, что на практике доминирует тенденция к использованию устойчивых системных соответствий, основанных на данных двуязычных словарей. Верификация таких соответствий не вызывает, как правило, больших трудностей – можно всегда обратиться к двуязычным словарям или толковым словарям и провести сопоставительный семный анализ. Такие соответствия могут быть корректными преимущественно с точки зрения системных отношений между языками при сопоставительных исследованиях, однако при переводе мы имеем дело не с языками как системами, а с речевыми произведениями, то есть с текстами. Важно знать закономерности употребления языковых единиц в речи в сопоставительном аспекте. Иными словами, при переводе первостепенную важность представляет умение определять соответствия не столько между языковыми системами, сколько между употреблениями языковых единиц в речи [12, с. 8]. Верификация таких соответствий представляет большие трудности, поскольку необходимо верифицировать правильность использования языковых единиц в речи, т.е. акцент смещается с работы двуязычными или толковыми словарями на работу с текстами. Зачастую при верификации переводческих решений можно услышать такие фразы, как «не звучит», «так не говорят» и т.п. Однако таким утверждениям свойственна определенная доля субъективности. Выявить и объективно проанализировать закономерности использования языковых единиц в речи в сопоставительном аспекте стало возможно благодаря инкорпорированию в сопоставительно-переводческие исследования методов корпусной лингвистики.

Цель данной статьи заключается в анализе и верификации переводче-

ских соответствий с точки зрения их эквивалентности, равенства, в аспекте установления коммуникативно равноценных соответствий при переводе. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что полученные результаты могут быть использованы как в теории перевода, т.е. в уточнении таких базовых категорий переводоведения, как переводческие соответствия, переводческая норма, оценка качества перевода, так и в практике перевода как практические рекомендации в работе переводчика.

Для решения данной цели необходимо решить основные две задачи: определить соотношение между переводческими соответствиями на уровне системы языка и на уровне их использования в речи. В статье используются следующие методы исследования: метод семного анализа, метод корпусного анализа лексических единиц и сопоставительный метод. Анализ был проведен по следующей схеме: во-первых, проведен сопоставительный анализ переводческих соответствий с точки зрения системных отношений с помощью метода семного анализа лексических единиц на основе данных толковых словарей; во-вторых, проведен сопоставительный анализ переводческих соответствий с точки зрения закономерностей их употребления в речи на основе данных корпусного исследования. С помощью корпусного подхода можно определить следующее: какие значения ассоциируются со словом; какова частотность слова относительно других близких к нему слов; какие слова обычно встречаются со словом и каково распределение этих сочетаемостных последовательностей в разных регистрах; как распределены смыслы и типы использования слова [7, с. 138].

В качестве примера для анализа возьмем следующее предложение:

A giraffe's legs are taller than most grown-up people. Its long neck adds even more to its height [2, стр. 15].

Ноги этого длинного существа длиннее, чем у взрослого человека, а продолговатая шея добавляет ему еще больше роста [8, с. 15].

Соответствие *to add to* / *добавлять* действительно может являться устойчивым межъязыковым соответствием, что подтверждается данными двуязычных словарей. Так, электронный словарь Мультитран дает следующие русские соответствия английскому глаголу *to add to*: *добавлять, приумножить, пристроить, прибавить, усилить* [9].

Рассмотрим словарные дефиниции английского глагола *to add to* и его соответствия в русском языке *добавлять*. *To add to* – (add to something) *Be joined to something so as to increase its size, number, or amount*. Синонимами могут быть следующие глаголы: *to increase, to magnify, to amplify, to augment, to intensify, to heighten, to deepen, to enhance, to boost, to inflate, to escalate* [3]. Сравнив дефиниции данных слов-синонимов, можно прийти к выводу, что общей семой является сема [make or become more + attribute]. Иными словами, глагол *to add to* можно отнести к классу глаголов-каузативов со значением увеличить какой-либо признак объекта.

Обратимся к словарному значению глагола *добавлять*: 1. *Прибавлять к уже имеющемуся что-либо, недостающее, дополнять до необходимого, нужного количества, объема и т.п. // Присоединять дополнительно что-либо к чему-либо // Увеличивать количество чего-либо*. 2. *Говорить или писать в дополнение к сказанному, написанному* [6]. Согласно Словарю синонимов рус-

ского языка, синонимами русского глагола *добавлять* могут быть следующие глаголы: *дополнять, включать, прилагать, прибавлять, надбавлять, причислять, присовокуплять, приобщать, присоединять, инкорпорировать, складывать, суммировать, вводить, вливать, подключать*. Можно заключить, что все эти глаголы имеют в своем значении сему [увеличивать количество].

Анализ словарных дефиниций показывает, что данные слова могут быть частичными устойчивыми межъязыковыми соответствиями: можно выделить общие семы – *join / присоединить; to increase its number, amount / увеличить количество чего-либо*. Данные межъязыковые соответствия являются частичными соответствиями, такое отношение неполной эквивалентности можно назвать включением.

Сравним корпусные данные, т.е. как эти слова используются в разных ситуациях, как они применяются в контекстах и какова их сочетаемость. Согласно British National Corpus (BNCWeb at Lancaster University), глагол *to add to* в значении *to make or become more + attribute* может сочетаться со следующими именами существительными (частотными правыми коллокатами на расстоянии двух или трех слов): *problems* (частотность (observed collocate frequency) (30), *confusion* (20), *costs* (15), *understanding* (15), *misery* (13), *effect* (10), *troubles* (9), *pleasure* (9), *burden* (9), *enjoyment* (9), *sense* (9), *value* (8), *power* (8), *difficulties* (8), *worries* (8), *pressure* (8), *height* (1). Анализ сочетаемостных возможностей глагола *to add to* показывает, что для данного глагола более характерны отрицательные коннотации, хотя не исключены положительные и нейтральные. Если посмотреть на распределение данных коллокатов по регистрам, то корпусные данные показывают, что наиболее часто данные коллокаты используются в следующих контекстах употребления: *written; derived text type: non-academic prose; text type: books and periodicals; text domain: informative: world affairs* (частотность на 1 млн слов: 0.03) [1]. Можно сказать, что в нашем примере можно наблюдать соположение двух значений: глагола *to add* и глагола *to add to*, создавая в некотором роде юмористический эффект.

Обратимся к Национальному корпусу русского языка. Воспользуемся возможностью лексико-грамматического поиска. Зададим поиск со следующими параметрами: укажем искомую лексему *добавлять* на расстоянии от 1 до 5 слов до следующего искомого слова, т.е. *рост*. В результате имеем следующие совпадения: есть одно вхождение употребления глагола *добавлять* и дополнения, выраженного существительным *рост*: *В тугом кителе, с ленточками трех орденов Красного Знамени, в туго натянутых на ноги, сиявших сапогах, с чуть-чуть высоковатыми, добавлявшими ему роста каблуками, был он без единой сединки — черноволос, черноус и на диво свеж для своих не таких уж молодых лет*. [Константин Симонов. Так называемая личная жизнь / Мы не увидимся с тобой... (1978)] [10]. Добавить *рост* живому существу может какой-то внешний объект, а не его часть. Значение [усилить какой-либо признак объекта] не типично для русского глагола *добавлять*. Можно заключить, что сочетание *шея добавляет роста* не типично, окказионально для русского языка и является результатом нарушения нормы сочетаемости слов. Иными словами, нарушение лексической сочетаемости в данном случае представляет собой речевую

ошибку, а не стилистический прием.

Таким образом, в данной статье был проведен анализ и верификация переводческих соответствий с точки зрения установления коммуникативно равноценных соответствий. Зачастую переводческие решения не являются прагматически равнозначными решениями, поскольку при переводе учитываются отношения между единицами двух языков на уровне системы языка без учета закономерностей их использования в речи. Перспективным видится направление дальнейшей интеграции сопоставительных исследований, в фокусе которых находится изучение функционирования языковых единиц в речи, и корпусных методов исследования.

Список использованных источников

1. British National Corpus. URL: <http://bncweb.lancs.ac.uk/cgi-bin/bncXML/BNCquery.pl?theQuery=search&urlTest=yes> (дата доступа: 13.09.2021)
2. Catherine D. Hughes. National Geographic Little Kids First Big Book of Animals. Washington D.C., 2010. – 128 p.
3. Oxford English Dictionary. URL: <https://lexico.com> (дата доступа: 13.09.2021)
4. Рум А. Exploring translation theories. London: Routledge, 2017. – P. 192.
5. Алексеева И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
6. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. – URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата доступа: 13.09.2021)
7. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика / В. П. Захаров. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2020. – 234 с.
8. Хьюз Кэтрин. Животные. Моя первая энциклопедия / К. Хьюз. – М.: Эксмодетство, 2020. – 128 с.
9. Многоязычный словарь Мультитран. URL: <https://www.multitran.com/> (дата доступа: 13.09.2021)
10. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата доступа: 13.09.2021)
11. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 288 с.
12. Швейцер А. Д. Контрастивная стилистика / А. Д. Швейцер. – М.: РАН ИЯ, 1993. – 189 с.

УДК 811.12

О ВЫБОРЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

И. А. Лекомцева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема выбора языковых средств при переводе с точки зрения идиоматичности их использования в принимающем языке. При таком подходе особую важность представляет знание закономерностей использования языковых единиц в речи, а также

их соотношения в разных языках. Выявление таких закономерностей стало возможно благодаря использованию корпусных методов при переводе. Цель данной статьи – рассмотреть возможности корпусных методов исследования для выбора языковых средств выражения заданного в оригинале смысла (т.е. инварианта перевода) в языке перевода. В результате, был представлен алгоритм использования корпусных методов при переводе с целью нахождения идиоматичных, регулярных, типичных способов выражения инварианта перевода на языке перевода.

Ключевые слова: теория и практика перевода, выбор языковых средств при переводе, адекватность перевода, эквивалентность перевода, идиоматичность языковых средств, закономерности использования языковых средств в речи, сопоставительные исследования, корпусные методы

Summary. This article discusses the problem of choosing language means in translation from the point of view of their idiomatic use in the target language. In this regard, of particular importance are patterns of using linguistic units in speech and their relationships in different languages. We can reveal such patterns by using corpus methods in translation. The purpose of this article is to consider the possibilities of corpus research methods for choosing linguistic means of expressing the original meaning (i.e., the translation invariant) in the target language. As a result, an algorithm for using corpus methods in translation was presented in order to find idiomatic, regular, typical ways of expressing the translation invariant in the target language.

Key words: theory and practice of translation, choice of language means in translation, translation adequacy, translation equivalence, idiomatic nature of language means, patterns of using language means in speech, comparative studies, corpus methods.

Выбор средств в языке перевода, наиболее адекватно выражающих заданный в оригинале смысл, представляет собой главную творческую проблему перевода. В каждом языке сложились свои, наиболее типичные способы выражения заданного коммуникативного смысла, которые можно отнести к области идиоматичности речи. Знание соответствующих устоявшихся, общепринятых средств выражения заданного смысла в языке оригинала и перевода, и их соответствий является важнейшим условием адекватности перевода [1, с.11].

В теории перевода данный вопрос достаточно разработан в отношении передачи устойчивых единиц речи (например, англ. *Fragile!* и русск. «Осторожно, стекло!») или фразеологических единиц (например, англ. *An early bird catches the worm* и русск. Кто рано встает, тому Бог подает!). Однако в меньшей степени был разработан вопрос выбора языковых средств с точки зрения идиоматичности речи при выборе языковых средств выражения заданного в оригинале смысла на языке перевода.

При таком подходе необходимо принимать во внимание два аспекта: во-первых, семантический инвариант при переводе и, во-вторых, средства выражения данного инварианта в языке перевода, которые бы являлись типичными, регулярными, идиоматичными средствами выражения данного инварианта, т.е. логико-семантической категории.

Анализ материала показывает, что при переводе доминируют ошибки, связанные именно с неточным выбором языковых средств в языке перевода:

смысловая и/или логическая точность сохранена, а ошибки происходят на этапе выбора языковых средств в языке перевода, которые нарушают узус и норму языка перевода [2, 3].

Условием достижения адекватности перевода является, как было сказано ранее, знание соответствующих средств выражения заданного смысла в языке оригинала и перевода, а также их соответствий на уровне использования языковых средств в речи. Иными словами, необходимо знание закономерностей употребления языковых средств в различных коммуникативных сферах и ситуациях общения в сопоставительном аспекте. Главным материалом для анализа является язык, зафиксированный в речевых произведениях: при переводе фокус смещается с работы с двуязычными или толковыми словарями на работу с текстами.

Продуктивным направлением представляется инкорпорирование корпусных методов исследования в теорию и практику перевода. Выявление закономерностей использования языковых средств в речи в двух языках не представляется возможным без использования корпуса текстов как подобранной и обработанной по определённым правилам совокупности текстов в качестве базы для исследования языка.

Цель данной статьи – рассмотреть возможности корпусных методов исследования для выбора языковых средств выражения заданного в оригинале смысла (т.е. инварианта перевода) в языке перевода. Цель статьи определяет методы исследования: корпусные методы и сопоставительно-переводческий метод.

Цели и методы определяют методологию проведения настоящего исследования. Для достижения поставленной цели нами был взят текст на перевод с русского языка на английский язык. Данный текст представляет собой информационный буклет о деятельности университета. Для данного жанра текста характерно использование идиоматичных языковых средств выражения, речевых стереотипов. Было использовано программное обеспечение Sketch Engine. С помощью этого программного обеспечения был составлен корпус текстов по данной тематике данного функционального стиля. Корпус английских оригинальных текстов был составлен по трем ключевым словам/словосочетаниям: *university strategic plan; facts and figures; about the university; university structure; university history*. Далее были использованы функции поиска слов в контексте (Concordance), представленных в виде KWIC (Key Words in Context), и поиска ключевых слов (Keywords). По результатам поиска слова в контексте были определены наиболее частотные коллокации тех или иных слов, а в результате поиска по ключевым словам и словосочетаниям были определены наиболее частотные фразы, концепты в нашем корпусе текстов, а также идиоматичные языковые способы их выражения.

Приведем пример. При переводе предложения *Любой университет – это люди* можно выделить инвариант «люди – это основа университета». Зададим поиск в нашем корпусе по ключевым словам *основа/foundation* и *люди/people*. В результате, можно найти фразу *People are the foundation of the university*.

Преобразования могут затрагивать не только лексический аспект выбора языковых средств, но и синтаксический аспект. Приведем пример.

Возьмем на перевод следующие предложения: *В 1998–2010 годах — декан факультета искусств. В 2006–2008 годах совмещал должности первого проректора с обязанностями декана.* По результатам поиска по ключевым словам можно сконструировать следующую фразу: *From 1998 to 2010, he was the Dean of the Faculty of Arts, also serving as the Senior Vice-Rector for several of those years (from 2006 to 2008).*

Итак, с помощью корпусных методов исследований можно выбрать идиоматичные средства выражения заданного в оригинале смысла в языке перевода, что является залогом установления адекватных отношений при переводе.

Список использованных источников

1. Рябцева Н. К. Переводоведение в России и за рубежом. Часть 2: Анализ эмпирического материала (Translation studies in Russia and beyond. Part 2: A case study) [Электронный ресурс] / Н. К. Рябцева. – Режим доступа: <http://www.iling-ran.ru/riabtseva/translationstudies2.pdf>.
2. Лекомцева И. А., Наговицына И. А. Коммуникативная неравноценность межъязыковых соответствий при переводе / И. А. Лекомцева, И. А. Наговицына // Научный диалог, 2018. – № 2. – С. 97-106.
3. Лекомцева И. А. О «третьем языке» в переводе / И. А. Лекомцева // Многоязычие в образовательном пространстве. – Ижевск: Издательство «Удмуртский государственный университет», 2016. – № 8. – С. 101-106.

УДК 81'25

ХРОНОТОПИЧЕСКИЕ И ОБРАЗНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТАХ ТРИЛОГИИ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

Т. А. Логунова,

старший лаборант кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук (филиал), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Евпатория

И. Б. Каменская,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук (филиал), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Евпатория

Аннотация. В статье рассматриваются хромотопические и образные параметры художественной картины мира в оригинальном и переводном текстах Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» с последующими их семантическим и лингвостилистическим анализом.

Ключевые слова. Хромотоп, художественная картина мира, переводческая эквивалентность.

Summary. The article deals with chronotopic and figurative parameters of the artistic world-view in the original and translated texts of J. R. R. Tolkien's "The Lord of the Rings" with their subsequent semantic and lingua-stylistic analysis.

Key words: chronotope, artistic world-view, translation equivalence.

Одним из отличительных особенностей фэнтези является двоемирие. В Средиземье имеется ряд параллельных миров: Призрачный мир, который

полностью покорен властью Темного Властелина, и лес Кветлориэн, который можно рассматривать как самостоятельный мир, так как в нем функционируют другие законы времени и пространства. Отдельными свойствами параллельного мира (деформация пространства и времени) отличаются Раздол (эльфийский город-цитадель) и жильё Тома Бомбадила.

Когда Том рассказывает хоббитам легенды о сотворении мира, время словно исчезает, и сама история будто оживает: «Том все брел и брел в прошлое, под древними звездами звучал его напев – были тогда эльфы, а больше никого не было. Миновало ли утро, настал ли вечер, прошел ли день или много дней – этого Фродо не понимал: усталость, и голод словно бы отступили перед его изумлением» [1, с. 94]. В оригинальном тексте данная цитата звучит как «...*and still on and back Tom went singing out into ancient starlight, when only the Elf-sires were awake. Whether the morning and evening of one day or of many days had passed Frodo could not tell. He didn't feel either hungry or tired, only filled with wonder*» [5, с. 120]. Как видно в данном примере, перевод на русский язык был выполнен с помощью приема добавления в некоторых случаях, например, «*and still on and back*» – «Том все брел и брел в прошлое». В оригинале текста не находим соответствия лексеме «*прошлое*». Также используется метод опущения, как в случае с «*Elf-sires*». В. Муравьев и А. Кистяковский при переводе оставили лишь слово «эльфы», опустив при этом слово «*sire*» – «*государь*». Еще одним приемом, которым пользуются указанные переводчики, является лексическая замена. Согласно оригиналу текста, Фродо «*didn't feel either hungry or tired, only filled with wonder*», но слово «*fill*» зачастую используется в значении «*наполнять, переполнять*», в то время как переводчики употребили слово «*отступить*».

Время в романе трилогии Дж. Р. Р. Толкина организовано согласно линейно-циклической модели, что характеризуется сочетанием историзма и мифа о «вечном возвращении». Присутствие исторического и мифологического времени в произведении основано на возможности действовать как расчлененно, так и нерасчлененно. Таким образом, особенности непосредственно мифологического времени в произведении можно выявить при изображении леса Кветлориэн, где время нацелено на идеальное прошлое, когда мир только начинал формироваться: «...время там не старит, а целит...» [1, с. 382]. При переводе данного отрывка переводчики пользовались переводческой трансформацией генерализации, поскольку оригинал звучит как «...*days bring healing not decay*». Лексическая замена лексемы «*days*» (дни) на слово «*время*», что придает высказыванию более обобщенное, торжественное звучание.

Изменение исторических эпох неразрывно связано с циклическостью мифологического времени. В конце каждой Эпохи происходит борьба добра и зла, что подразумевает собой окончание временного цикла. В широком смысле, победа светлых сил означает воспроизведение мифа о сотворении, а в узком смысле – повторение подвигов предков, сражающихся с темными силами. Победа также обозначала наступление новой Эпохи, начало формирования мира Средиземья с помощью нового цикла: «Если же Кольцо будет уничтожено, то Саурон сгинет – и сгинет столь бесследно, что до конца времён, должно быть, не восстанет. Ибо он утратит всю силу, ... он пребудет во тьме

кромешной безобразным исчадием мрака... И великое зло исчезнет из мира. Неминуемо явится в мир иное зло...» [1, с. 110]. Оригинал этого отрывка звучит как «*If it is destroyed, then he will fall; and his fall will be so low that none can foresee his arising ever again. For he will lose the best part of the strength <...>becoming a mere spirit of malice that gnaws itself in the shadows <...>And so a great evil of this world will be removed. Other evils there are that may come*» [5, с. 203]. В данном случае переводчики использовали прием опущения в отрывке «*none can foresee*», который можно перевести как «никто не сможет предвидеть». Во фрагменте «*he will lose the best part of his strength*» переводчики решили сделать замену, употребив вариантное переводческое соответствие «*всю силу*». Такой перевод нельзя назвать достаточно адекватным, поскольку в данной цитате содержится предсказание на будущее в виде появления нового зла. Следовательно, нельзя указать на абсолютное исчезновение Саурона и его последователей, сделав акцент на «*всю силу*».

Из описанных выше особенностей хронотопа романа следует, что он нацелен в будущее. Кроме того, в романе присутствует обрядовое время, которое искажает будничное, земное время и прорывается в сакральное, вечное: «... они возложили Боромира на погребальную ладью. Серая скатка – эльфийский плащ с капюшоном – стала его изголовьем. Они причесали его длинные темные волосы: расчесанные пряди ровно легли ему на плечи» [1, с. 280]. Оригинальная версия этого отрывка звучит как «*Now they laid Boromir in the middle of the boat that was to bear him away. The grey hood and elven-cloak they folded and placed beneath his head. They combed his long dark hair and arrayed it upon his shoulders*» [5, с. 198]. Методом опущения переводчики воспользовались в случае с «...*that was to bear him away*». Эту часть можно было бы перевести как «...*что унесла бы его вниз по реке*», хотя все равно имел бы место метод добавления, потому что без добавления получилось бы «...*что унесла его прочь*», и это было бы неприемлемо. В случае с «...*arrayed it upon his shoulder*» вариант перевода как «...расчесанные пряди легли ему на плечи» является наиболее подходящим, поскольку слово «*array*» имеет значения «*одевать, украшать*», но так как данные варианты значений не подходят, то остается использовать прием добавления.

Огромной значимостью в произведении наделены предсказания, которые, безусловно, объединены с прогностическим временем [4, с. 45]. Предсказания отображают характерные взаимоотношения с временным циклом. Вероятность понимать и знать будущее отвергает теорию линейного времени, в соответствии с которой время однонаправленно и необратимо [там же]. Почти все без исключения предсказания в произведении имеют эсхатологический оттенок и являются звеном происходящего развития мира после завершения Третьей Эпохи: «Предначальная Эпоха миновала... Средняя тоже подходит к концу. Начинается совершенно новая эпоха. Годы эльфов на земле сочтены; наступает время Большого Народа...» [1, с. 301]. В оригинале данный отрывок звучит как «*The Elder Days are gone. The Middle Days are passing. The Younger days are beginning. The time of Elves is over, but our time is at hand: the World of Men, which we must rule*» [5, с. 458]. В данном случае имеет место лексическая замена с генерализацией значения слова: «*Days*» и «*Эпоха*». Использовать прямой перевод здесь не следует, так как потеря-

ется то ощущение историчности и событийности произведения, которое в оригинале передано с помощью капитализации и формы множественного числа. Синонимичное, но все же с дополнительным оттенком значения, переводческое соответствие было и у выражения «*at hand*». Данное выражение переводится как «рядом, вскоре», а переводчики воспользовались более категоричным вариантом «сочтены». Таким образом, здесь можно наблюдать изменение хронотопического течения времени.

Безрадостно звучит предсказание эльфа Элронда о том, что с исчезновением Кольца Всевластья «... чудесная магия нынешнего мира сохранится лишь в сказочных преданиях о прошлом...» [1, с. 194]. Ярким примером переводческого добавления является перевод для отрывка «...*and many fair things will fade and be forgotten*» [5, с. 215]. Здесь можно было бы воспользоваться приемом прямого перевода, и тогда предложение выглядело бы как «...и множество прекрасного было бы стерто и забыто». Здесь лишь можно предположить, что переводчики стремились сделать звучание текста перевода более художественным, поэтому и воспользовались приемом добавления.

Ретроспективное время прослеживается при смене точек зрения либо при смене повествователя [3]. Так, в первой главе «Долгожданное угощение» Бильбо пропадает на глазах абсолютно у всех, и автор рассказывает, как реагируют посетители на его пропажу. Далее происходит возвращение во времени, и та же самая ситуация передается с точки зрения Бильбо. Переключение точек зрения – одна из главных нарративных особенностей романа «Властелин Колец». Оно применяется с целью формирования безграничной, целостной картины мира в романе: «Он взглянул на юг, ведь к югу он вышел из логова Шелоб. На западе близился к полудню четырнадцатый мартовский день, и Арагорн вел черную армаду от Пеларгира, Мери ехал с мустангримцами по Каменоломной долине, в Минас-Тирите бушевали пожары, и Пипин испугался безумного взора Денэтора» [1, с. 397]. В оригинале этот отрывок звучит как «...*but he was in fact now facing southwards, as he came back to Shelob's tunnel, not west. Out westward in the world it was drawing to noon upon the fourteenth day of March in the Shire-reckoning, and even now Aragorn was leading the black fleet from Pelargir, and Merry was riding with the Rohhirim down the Stonewain Valley, while in Minas Tirith flames were rising and Pippin watched the madness growing in the eyes of Denethor*» [5, с. 458]. В данном случае можно наблюдать сохранение ретроспективного времени в переводном тексте. Перевод выполнен на максимальном уровне переводческой эквивалентности, и в данном случае хронотоп не был изменен.

Существует десять самых известных вариантов перевода романа «Властелин Колец», хотя ни один из них не признан наиболее точным и удачным. Однако самым известным и популярным является перевод В. Муравьева и А. Кистяковского.

В своем «Руководстве по переводу имен собственных» [2] Дж. Р. Р. Толкин указывает на особенности перевода некоторых имен и названий на лубой язык, а также на их происхождение и значение. Для описания этих особенностей писатель в качестве основного примера применяет имена хоббитов, поскольку имена героев несут в себе характеристику этих персонажей, их внешности и иногда предпочтений. В своей работе автор выказывает надежду на понимание переводчиков при работе с текстами, так как писатель

хотел сохранить отношение персонажей к Средиземью с помощью употребления скандинавских, английских, немецких и других имен и фамилий.

Довольно интересный перевод был дан кличке коня Гэндальфа, которого в оригинале звали взятым из основанного на древнеанглийском языке роханского языка словом *Scaedu-faex*, что переводится как «*scaedu*» – «серый» и «*faex*» – «волосы». Для того чтобы адекватно перевести это слово, необходимо обращаться к германским корням и окончаниям, однако переводчики обратились к приему компенсации и связали кличку коня с понятным для русского писателя словом «свет», из чего вышел «Светозар».

Итак, можно сделать вывод, что роману Дж. Р. Р. Толкина присуще несколько временных рамок, которые помогают читателю смотреть на мир и на происходящие события с разных точек зрения с помощью образов главных героев. Благодаря семантическому и лингвостилистическому анализу хронотопического и образного особенностей текста перевода произведения «Властелин Колец» было выявлено, что, несмотря на частое использование приемов опущения, добавления и замены в тексте переводчиками, основные особенности хронотопа и построения образов в тексте перевода были сохранены. Основное правило перевода – компромиссность, в особенности на грамматическом и фонетическом уровнях текста. Тем не менее, при наличии десяти основных переводов романа «Властелин Колец» видно, что переводчики руководствовались больше своими предпочтениями, чем советами писателя.

Список использованных источников

1. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец: трилогия / Дж. Р. Р. Толкин. – Москва : АСТ, 2020. – 745 с.
2. Толкин Дж. Р. Р. Руководство по переводу имен собственных из «Властелина Колец» [Электронный ресурс] / Дж. Р. Р. Толкин. – 1975. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/guide/guide.shtml#>
3. Яковлева Е. А. Проблема единства научной, религиозной и философской картин мира [Электронный ресурс] / Е. А. Яковлева. – 2006. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-edinstva-nauchnoy-religioznoy-i-filosofskoy-kartin-mira>.
4. Foster R. The Complete Guide to Middle Earth / R. Foster. – New York: Ballantine, 1975. – 592 p.
5. Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings / J. R. R. Tolkien. – New York: HarperCollins, 2009. – 903 p.

УДК 811.12

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ****М. Ю. Лукинова,***кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь***А. А. Андреева,***Обучающийся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению способов перевода экономических терминов. Пристальное внимание уделяется лексическим и лексико-семантическим трансформациям, с помощью которых можно добиться адекватного перевода и эквивалентности.

Ключевые слова: термин, переводческая трансформация, экономический текст.

Summary. This article is devoted to the study of ways how to translate economic terms. A special attention is paid to the analysis of lexical, lexical and semantic transformations in order to provide adequate translation and equivalence.

Key words: term, translation transformation, economic text.

Важнейшей проблемой достижения адекватности и эквивалентности перевода экономических текстов является передача исходного содержания текста с помощью терминосистемы переводящего языка. Языковые различия становятся причиной больших трудностей при переводе экономических текстов, включая их терминологию. Поэтому возникает необходимость исследования переводческих трансформаций, применяемых при переводе экономических терминов.

А. В. Суперанская даёт следующее определение термину: «Термин – это специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях. Термин – это словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний. Термин – это основной понятийный элемент языка для специальных целей» [5, с. 14].

Для терминологии свойственно стремление к однозначности, поэтому многие английские термины имеют постоянные лексические соответствия в русском языке, например, *debt* – долг, *expenses* – расходы. Но периодически возникают ситуации в которых мы не можем использовать данные соответствия в связи с их отсутствием либо же исходя из контекста. Поэтому возникает необходимость применения переводческих трансформаций.

Исследователи выделяют следующие наиболее распространенные способы перевода терминов:

- 1) выявление лексического соответствия в языке перевода;
- 2) транскрипция;
- 3) транслитерация;
- 4) калькирование;
- 5) семантический эквивалент или функциональный аналог;

- б) заимствование;
- 7) экспликация [2, с. 45-49].

Выявление лексического соответствия в языке перевода является наиболее распространённым способом перевода [4, с. 27]. Исходя из анализа журнальных статей на экономическую тематику было зафиксировано, что 54% были переведены словарными соответствиями, а 46% иным способом. Например, *depositor* – вкладчик, *mortgage* – ипотека и тд.

Далее будут рассмотрены примеры различных способов перевода на примере статьи на экономическую тематику из газеты CNBC.

Среди наиболее распространённых приемов перевода экономических терминов отмечают лексические трансформации, а именно калькирование, транскрибирование и транслитерацию.

При калькировании перевод слова осуществляется по частям как и в словосочетании с последующим соединением частей [1, с. 38]. В процессе перевода возможна перестановка компонентов, добавление предлога или замена части речи, например замена первого компонента на прилагательное. Например, *investment credit* – инвестиционный кредит, *real-estate credit* – ипотечный кредит.

“Hyperinflation is going to change everything,” Dorsey tweeted Friday night – «гиперинфляция всё изменит», - написал Дорси в пятницу вечером [7]. Термин «*hyperinflation*» был переведён с применением калькирования.

Транскрипция представляет собой пофонемное воспроизведение английского слова с помощью русских букв, транслитерация же побуквенное воспроизведение английского слова с помощью русского алфавита [1, с. 37]. Данные способы перевода часто применяются при переводе имён собственных, а именно наименований фирм, корпораций и других организаций.

Jones told CNBC earlier in the week that he owns some bitcoin and sees it as a good inflation hedge – ранее на этой неделе Джонс сказал CNBC, что у него есть биткойны и он видит в этом хорошую защиту от инфляции [7]. Английский термин «*bitcoin*» имеет два способа перевода как биткойн и биткойн, где первый вариант написания является транслитерацией, а второй вариант – транскрипцией.

Семантическая эквивалент или функциональный аналог предполагает использование существующих русских слов, полностью или частично отражающих значение английского термина [4, с. 47]. Например, для английского терминологического словосочетания «*capital productivity*» существует русский аналог фондоотдача.

Заимствование является элементом, пришедшим из терминосистемы чужого языка. Английские заимствования образуют значительную группу экономических терминов русского языка. Ярким примером тому является английский термин «*marketing*», который используется в российской экономической терминологии повсеместно. Подобно ему, также распространены следующие термины: *export*, *import*, *business*, *sponsor*, *broker*, *management* и тд.

Billionaire investor Paul Tudor Jones has called for a period of rising inflation – миллиардер и инвестор Пол Тюдор Джонс призывает о надвигающемся периоде роста инфляции [7]. Термин «*investor*» является заимствованием из английской экономической терминосистемы.

Способ перевода как экспликация или описательный перевод используется в случае, когда невозможно найти подходящий эквивалент в ПЯ. В такой ситуации мы предоставляем объяснение. К примеру, словосочетание «door-to-door» в экономических текстах может быть переведено как услуга перевозки груза от продавца к покупателю.

The tweet comes with consumer price inflation running near a 30-year high in the U.S. and growing concern that the problem could be worse than policymakers have anticipated - Твит сопровождается информацией об инфляции потребительских цен, которые приближаются к своему 30-летнему пику в США, и растущей обеспокоенностью о проблеме, которая может оказаться хуже, чем предполагали сотрудники директивных органов [7]. Английский термин «policymakers» был переведён с помощью экспликации как сотрудники директивных органов.

Помимо вышеперечисленных способов при переводе экономических текстов часто задействованы и другие лексико-семантические трансформации, с помощью которых переводчик может добиться адекватного перевода.

Как отмечает Л. С. Бархударов, переводческие трансформации, являясь межъязыковыми преобразованиями, необходимы для передачи максимальной эквивалентности перевода при всех семантических расхождениях ПЯ и ИЯ.

К подобным переводческим трансформациям принято относить:

- 1) Замена (лексическая и грамматическая);
- 2) Перестановка;
- 3) Добавление;
- 4) Опускание.

Наиболее распространённым приёмом перевода считается замена, на неё приходится практически половина трансформаций, приемы перестановки и добавления используются с одинаковой периодичностью, а приём опущения при переводе экономических терминов встречается крайне редко.

Замена как переводческая трансформация подразделяется на лексическую контекстуальную замену, где происходит замещение одной лексической единицы в ИЯ на другую единицу в ПЯ, и на грамматическую замену формы слова, которая отображается в замене части речи или числа.

В терминологическом словосочетании также возможна перестановка компонентов, в некоторых случаях с добавлением предлога. Такие переводческие трансформации как лексическое добавление и опущение означают добавление или изъятие лексической единицы соответственно. Лексическое добавление необходимо для полноты предложения и более глубокого понимания сути, опущение же уменьшает нагроможденность текста.

Jones told CNBC earlier in the week that he owns some bitcoin and sees it as a good inflation hedge - ранее на этой неделе Джонс сказал CNBC, что у него есть биткойны и он видит в этом хорошую защиту от инфляции [7]. Несмотря на то, что терминологическое словосочетание «inflation hedge» имеет словарное соответствие инфляционный хедж, однако при переводе мы наблюдаем лексическую контекстуальную замену термина «hedge», а также перестановку компонентов с добавлением предлога.

For context, the Labor Department's consumer price index (CPI), which is a commonly used measure for inflation, has increased by 5.4% over the past 12 months

– в целом, индекс потребительских цен Министерства труда (ИПЦ), который обычно используется для измерения инфляции, вырос на 5,4 % за последние 12 месяцев. При переводе терминологического словосочетания «consumer price index» произошла грамматическая замена формы слова (замена числа из единственного на множественное) и перестановка компонента.

The highest U.S. inflation rate of the past century came in the period just after World War II, when inflation jumped by nearly 20% in 1947 amid post-war supply shortages - Самый высокий уровень инфляции в США за последнее столетие пришелся на период сразу после Второй мировой войны, когда инфляция подскочила почти на 20 % в 1947 году на фоне послевоенной нехватки поставок продовольствия. Для более глубокого понимания деталей в словосочетании «post-war supply shortages» была добавлена лексическая единица «продовольствия». Помимо этого можно отметить грамматическую замену формы слова (замена числа) и перестановку компонентов.

As CNBC previously noted, Dorsey is a well-known advocate for cryptocurrency, namely bitcoin. Square also owns some bitcoin, and has tentative plans to mine the cryptocurrency - как ранее отмечал CNBC, Дорси является известным сторонником криптовалюты, а именно биткойна. Square также владеет некоторым количеством биткойнов и имеет предварительные планы по добыче криптовалюты [7]. Глагольное терминологическое словосочетание «to mine the cryptocurrency» переводится с применением грамматической замены формы слова, а именно части речи. В данном контексте используется вариант замены глагола на существительное.

That's the highest annual rate increase in the U.S. since 2008, but it's still far below the threshold for hyperinflation – это самый высокий годовой прирост ставок в США с 2008 года, но он все еще намного ниже порога гиперинфляции. При переводе словосочетания «the threshold for hyperinflation» отметим опущение предлога «for».

Таким образом, адекватный перевод, в свою очередь, требует от переводчика умения производить разнообразные межъязыковые преобразования, то есть переводческие трансформации. Также следует отметить главное правило экономического перевода на английский язык: переведенный текст должен быть идентичен оригиналу и максимально точно адаптирован для оптимального восприятия целевой аудиторией.

Список использованных источников

1. CNBC Newspaper [Electronic Resource]. – URL: <https://www.cnbc.com/world/?region=world>

2. Зеленцова М. Г. Особенности терминологической номинации в англоязычном экономическом дискурсе: от понимания к переводу / М. Г. Зеленцова, А. Т. Козлова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 г. – С. 129-134.

3. Зеленцова М. Г. Фразеология и идиоматика англоязычного экономического дискурса: проблемы перевода / М. Г. Зеленцова, А. Т. Козлова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции, Симферополь, 25–27 апреля 2019 г. – С. 124-129.

4. Мисуно Е. А. Письменный перевод специальных текстов: учебное

пособие / Е.А. Мисуно, И.В. Баценко, А.В. Вдовичев, С.А. Игнатова - М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 256 с.

5. Мисуно Е. А. Перевод с английского языка: практикум : учеб.пособие / Е.А Мисуно, И.В. Шаблыгина. – Минск: Аверсэв, 2009. – 255 с.

6. Норец М.В., Норец Н.К. The notion "Mechanism" in contemporary economics / М.В. Норец, Н.К. Норец // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – Выпуск 3 (44). – Симферополь, 2018. – С. 131-134.

7. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. - 248 с. УДК 811.111

УДК 811.111

УЧЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНТА

А.В. Лучникова,

Старший преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации, ф СИЯЛ Пермского Государственного Научно-Исследовательского Университета, Пермь

Аннотация. В статье автор рассматривает возможные пути решения проблемы преподавания иностранного языка в вузе, связанные с разными способами восприятия информации у разных студентов. Рекомендуются индивидуальные подходы и предлагаются разные задания для каждого типа личности с учетом их индивидуальных особенностей. Обсуждаются некоторые практические шаги решения этой проблемы, учитывая условия дистанционного обучения.

Ключевые слова: онлайн обучение, дистанционное обучение иностранным языкам, индивидуальные особенности, модальность, аудиалы, визуалы, кинестетики.

Summary. The author considers possible ways to solve the university foreign language teaching problem related to different ways of perceiving information by students. Special approaches and tasks are suggested for each type of a person taking into consideration their individual characteristics. Some practical steps to solve this problem are proposed, taking into account the conditions of distance learning.

Key words: online education, distant learning, individual peculiarities, modality, auditory learner, visual learner, kinesthetic learner.

Освоение иностранного языка – это комплексный процесс, включающий в себя совершенствование лингвистических способностей, развитие речевых умений и обогащение личности. В настоящее время в области методики преподавания иностранных языков происходят интересные изменения – уход от общего к частному, работа и в группе, и отдельно с каждым, педагог для всех, и для одного. В наше время преподавание строится с учетом личных качеств обучающихся: их целей, их мотивации, веры в себя и собственные силы, индивидуальных особенностей мышления.

При переходе на дистантное обучение преподаватели встретились с проблемой понижения интереса студентов к изучению иностранного языка, и, как следствие, со снижением мотивации к процессу обучения. Вернуть им желание изучать язык – наша цель.

Надо понимать, что невзирая на такую необычную форму обучения, его основу должны составлять дидактические положения: объективность, научность; связь теории с практикой; последовательность, систематичность; доступность; наглядность и разнообразие методов; сознательность и активность обучаемых; прочность усвоения знаний, умений и навыков. Для дистанционного обучения Е. С. Полат выделяет особые принципы:

1. Принцип коммуникативности и интерактивности. Формирование интерактивного взаимодействия между участниками. [4, с. 323]

2. Принцип доступности. Полный и открытый доступ к получению информации и средствам дистанционного обучения для каждого.

3. Принцип гибкости и создания положительного эмоционального фона. Индивидуальный подход с учетом способностей и темпа обучения.

4. Принцип педагогической целесообразности применения средств новых информационных технологий. Применение информационных технологий в процессе дистантного обучения должно соответствовать целям обучения и способствовать их достижению [4, с. 325].

Хочется обратить особое внимание на пункт 3 – принцип гибкости. Об индивидуальном подходе есть немало практических советов. Возможно, это то самое, что поможет преподавателям нейтрализовать недостатки удалённой системы обучения. Принцип гибкости соотносится с учётом особенностей восприятия обучающегося. При этом разрабатываются методики, смысл которых – передавать максимум информации более приемлемым для восприятия способом. В основном, методисты делают акцент на один канал восприятия. Примером могут служить созданные для этого аудио курсы, визуальные словари, учебные фильмы, карты, игры и т.д.

В принципе, обучение иностранным языкам (не важно, on или off line) без учета индивидуальных особенностей студентов, будет иметь низкую эффективность. Педагог должен быть осведомлён об индивидуальных возможностях студента воспринимать информацию от органов чувств, что подразумевают модальности восприятия или репрезентативные системы. Термин модальность (от англ. Modality) в психологии означает «принадлежность к определенной сенсорной системе и используется для обозначения, характеристики или классификации ощущений, сигналов, информации, и т.д.» [5, с. 267] Основные каналы – это зрение, слух, ощущения, вкус и запах, но визуальный, аудиальный и кинестетический каналы самые важные. Согласно науке психологии, людей можно поделить на аудиалов, визуалов и кинестетиков. Есть более глубокое деление, т.к. внутри себя мы воспроизводим информацию уже при помощи 4 репрезентативных систем, добавляя сюда еще и дигитальную. С учетом логического или дискретного способа (формулы, схемы и т.п.), получаем группу дигиталов или же дискретов, но это спорно. Логическое мышление лучше отнести не к органам чувств, а к способу обработки информации. Поэтому для введения новой информации будем работать только с 3 модальностями. [5, с.342]

Наблюдая за студентами, можно отнести их к определенным типам личностей по речи, мимике, жестам, позам, а значит, определив организацию их мышления и особенности их памяти, выбрать наиболее подходящие для этой группы людей способы обучения.

Понятно, что термины «визуал», «аудиал» или «кинестетик» относительны, т.к. нет человека конкретно одного типа, не говоря уже о целой группе, мы понимаем здесь лишь ведущую модальность, и поэтому не стоит с задором фанатика проводить кучу тестов, тратить время пар, количество которых ограничено. Но первые занятия в триместре важны для определения репрезентативных систем у студентов ваших групп. Период трансляции требует временного отключения от реальности, что приводит к появлению пробелов, выявляемых при тестировании. Особенно это видно при удаленном обучении. Преподаватель просто не осознает, что студент выпал из процесса и витает в облаках или отключился. На моих парах бывало такое, что студент уходил из Зума, когда терял связь с реальностью и не успевал за информацией. Но надо понимать, что учет этого принципа не предполагает работу со студентом индивидуально. Наша задача сократить пробелы в усвоении материала, повысить мотивацию к изучению языка, хотя бы в рамках программы вуза.

Несмотря на то, что обучение в ВУЗе коллективное, оно осмысливается как система – отправитель информации (преподаватель) и получатель (студент). И модальность преподавателя может не совпадать с модальностью группы. Поразительный эффект получается, когда способ передачи информации отправителя (преподавателя) совпадает с ведущей модальностью получателя (студента). Тогда материал усваивается отлично. А когда преподаватель переключается на другую модальность, студент вынужден перерабатывать информацию обратно в своей модальности. Начиная со школы, люди привыкают к удобному способу запоминания и используют его. Объясняя материал устно, преподаватель устанавливает контакт лишь с предпочитающими аудиальный способ. Но, объясняя материал с использованием зрения, слуха, кинестетического канала, то есть, с помощью устных объяснений, аудио- и видеозаписей, доски, ролевых игр, он задействует все 3 модальности, что поможет студентам развивать вторичные модальности и лучше запомнить сведения в независимости, предпочитают ли они одну модальность или все три. Так у каждого человека появляется шанс усвоить большую часть посыла преподавателя [5, с. 347-348].

Что делать **аудиалам**, чтобы освоить иностранный язык? – преподаватель может использовать музыку. Например, во время изучения пассивных конструкций типа «Fur Elise was composed by Beethoven», я наряду с текстом на доске включаю эту самую музыку, и те дети, которые «слушают», реагируют именно на нее, те, которые «смотрят», реагируют на текст.

Визуалы любят читать. Они пишут конспекты, делают записи во время пары. Просите их рисовать mind-map или график. С этим они справятся хорошо. Сам преподаватель тоже должен использовать картинки и видеоматериалы. Опять же при работе с пассивом при введении предложения типа «The masterpiece Sunflowers was painted by Van Gogh», я демонстрирую эту картину классу и наблюдаю за тем, как студенты реагируют. Визуалы внимательно смотрят и даже иногда зарисовывают в тетрадь.

Известно, что лучшая техника обучения для **кинестетиков** – Learning by doing – то есть конкретное действие при обучении. Кинестетики запоминают слова или грамматику, если сразу есть возможность применить это на

практике. Предложите разыграть диалоги, поискать примеры, подобрать ассоциации. Если у вас на паре грамматическая тема, можно предложить примеры, где это используется. При изучении пассивного залога можно дать им соединить картинки изобретений и произведений искусств с их авторами (online puzzle). Также это могут быть тексты и фильмы. Пассив я предлагаю на материале фильма о Гарри Поттере.

Нельзя забывать о свободе выбора видов учебной деятельности. Например, преподаватель дает задание, основываясь на: а) чтении материала, б) обсуждении его или дискуссии, и большинство студентов предпочтут делать то, что соответствует их модальности восприятия. А студентов с мульти-модальностью нужно мотивировать к усвоению материала, давая ему возможность самому выбрать целесообразное задание [1, с 114]. Во время пары надо давать визуалу возможность говорить, так как он торопится, не успевая за меняющимися в его сознании образами, а звук в зуме может чуть отставать, и преподаватель начинает сам говорить. А если при этом студент прячется в зуме за черным квадратом, преподаватель может не уследить за желанием или возможностью студента высказаться. В этом у аудиала есть преимущество – они редко смотрят прямо в глаза, поворачиваются как бы ухом. Поэтому онлайн платформы работают на них. Студент может с комфортом устроиться у монитора, но качество звука должно быть хорошим, и преподаватель должен четко проговаривать материал, иначе студент потеряется. Кинестетику важно почувствовать материал, он может уйти в себя, погрузиться для осознания нового, а зрительный контакт необязателен. Эти студенты тоже могут прятаться за квадратами. (я прошу их поднимать руку, если им нужно выйти из зума на минутку)

И так, суммируем виды деятельности, ускоряющие овладение иностранным языком с учетом ведущей модальности восприятия:

- делать акцент на наглядные пособия: книги, видео, графики, картинки, фотографии. Использовать фильмы с субтитрами, презентации, диктанты (для студента-визуала),

- использовать коммуникативное взаимодействие: обсуждать, слушать аудио, играть в ролевые игры, демонстрировать наглядность, все важные моменты произносить вслух. Повторять трудные слова и выражения по несколько раз (для аудиала)

- дать возможность студенту изложить его своими словами, при этом преподаватель не должен забывать разрешать студенту покидать «класс» на 2-3 минутки в качестве зарядки (кинестетику).

Есть виды деятельности, общие для нескольких модальностей. **Cooperative Learning.** Студенты в группах по 4-5 человек (в Зуме делим на сессионные залы) работают над материалом, который делится на блоки. Каждый находит материал к своему блоку. Затем эксперты по этому блоку из разных групп обмениваются информацией, после чего они делятся этой информацией в своей группе. Потом отчитываются всей командой.

Learning Together. Студенты в группах по 3-5 человек получают задание, которое является частью одной темы. По мнению разработчиков данного метода, внимание должно быть уделено формированию групп с учетом психологических особенностей каждого члена и разработке спец задач

для каждой группы [3, с.115].

Такое деление обучающихся на типы по ведущей модальности восприятия и основанные на этом методы изложения материала и проверки его усвоения требуют затрат времени и усилий со стороны преподавателя, особенно во время дистанционного обучения. Но это нужно, так как позволяет значительно повысить эффективность процесса обучения иностранному языку. Учет психологического компонента обучения способствует установлению благоприятной психологической атмосферы; развитию дальнейшей коммуникации в рамках позитивного эмоционального и творческого состояния, а также повышению мотивации к дальнейшему изучению иностранного языка в сфере профессиональной деятельности, что особенно важно в реалиях современности.

Список использованных источников

1. Гладкая О. С. Адаптация способов преподавания иностранного языка к стилям восприятия информации обучающихся. Текст научной статьи по специальности «Науки об образовании» / О. С. Гладкая. – file:///C:/Users/the_s/Desktop/статья%202021%20осень/adaptatsiya-sposobov-prepodavaniya-inostrannogo-yazyka-k-stilyam-voxpriyatiya-informatsii-obuchayuschihся.pdf [Электронный ресурс. Дата обращения 11.12.2021]

2. Большой психологический словарь. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. / Под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. – 2003. – <https://spbguga.ru/files/03-5-01-005.pdf> [Электронный ресурс. Дата обращения 12.12.2021]

3. Евсеев Д., Евсеева И. Метод проектов в сфере дистанционного обучения / Д. Евсеев, И. Евсеева. – Общество «Знание» России, 2000 – http://jurnal.znanie.org/n3/st_metod_proektov.html [Электронный ресурс. Дата обращения 12.12.2021]

4. Полат Е. С. Теория и практика дистанционного обучения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Е. С. Полат. – М.: Издательский центр «Академия». – 2004. – 416 с.

5. Чибисова Е. Ю. Обучение иностранному языку с учетом модальностей восприятия студентов / Е. Ю. Чибисова. – Московский государственный строительный университет, г. Москва – file:///C:/Users/the_s/Desktop/статья%202021%20осень/obuchenie-inostrannomu-yazyku-s-uchetom-modalnostey-voxpriyatiya-studentov.pdf [Электронный ресурс. Дата обращения 11.12.2021]

УДК 811.111'255.4:811.111'373.43

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. ГРИНА «БУМАЖНЫЕ ГОРОДА»)**

Г. И. Лушникова,

доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Ялта

Т. Ю. Осадчая,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингводидактики и зарубежной филологии, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. Целью статьи является определение способов передачи формы и содержания английских окказионализмов на языке перевода (русском). Основной метод исследования – сопоставительный анализ оригинала и перевода произведения. Материалом послужил роман современного американского писателя Дж. Грина «Бумажные города». Проведенное исследование позволяет заключить, что в переводе встречается несколько вариантов передачи окказионализмов на русский язык: сохранение формы и содержания, сохранение смысла высказывания при отсутствии окказиональной формы, опущение окказионализма. Анализ также показал, что если окказионализмы не передаются на языке перевода, их основные функции – привлечение внимания, экспрессивность, создание образности, юмористического эффекта – тоже не сохраняются, что приводит к частичному или полному изменению общего стиля произведения.

Ключевые слова: художественный перевод, окказионализм, языковая игра, словотворчество, эквивалентность.

Summary. The purpose of the article is to identify ways to render the form and meaning of English occasional words in the target language (Russian). The main research method is a comparative analysis of the original work and its translation. The material for the study is the novel «Paper Towns» by a contemporary American writer J. Green. The research allows us to conclude that in the translation there can be found several options of rendering occasional words into Russian: recreating the form and meaning, recreating only the meaning, omission of the occasional word. The analysis has also proved that if occasional words are not rendered in the target language, their main functions – attracting readers' attention, expressiveness, creating imagery, a humorous effect – are also not preserved, which leads to a partial or complete change in the overall style of the work.

Key words: literary translation, an occasional word, language game, word creation, equivalence.

Как известно, окказионализмы – это слова, незафиксированные в словарном составе того или иного языка, образованные по словообразовательным моделям данного языка, используемые только в условиях определенного контекста. Вслед за Л. Н. Луньковой в качестве окказионализма мы рассматриваем «любую лексему или фразему (по терминологии М.Я. Блоха), соотносимую с новым единичным референтом» [2, с. 44].

Существует несколько терминов для обозначения данного явления, наи-

более распространенные из них в английском языке: *nonce words, occasional words, neologisms*. Во всех терминах подчеркивается, что эти слова произносятся «по случаю», в этом смысле русский термин *окказионализмы* и его английский эквивалент *occasional words* представляются наиболее удачными (см. значение слова *occasional*: *случающийся иногда, нерегулярный* [6]).

Основными функциями окказионализмов являются привлечение внимания, создание образности, краткости высказывания, юмористического эффекта. Образование окказионализмов, как и любой другой вид языковой игры, предполагает наличие творческого потенциала у их создателя и, соответственно, требует определенных усилий воспринимающей стороны для их декодирования. Это особенно важно, если речь идет о восприятии иноязычного для реципиента текста, так как в данном случае необходимы определенные лингвистические и экстралингвистические фоновые знания.

Поскольку «связь формы и содержания для окказиональных слов носит билатеральный характер: необычность (нестандартность) содержания определяется необычностью (нестандартностью) формы, и наоборот» [4, с. 46], переводчики, сталкиваясь с необходимостью передать окказионализмы на другой язык, в большей степени, чем в других случаях вынуждены решать вопрос, сохранять ли форму такой лексической единицы, или концентрироваться на ее содержании, ибо сохранение того и другого в большинстве случаев труднодостижимо. По справедливому замечанию А. И. Некрасовой, «при переводе авторского окказионализма, переводчик сам часто вынужден прибегнуть к своего рода словотворчеству, создавая так называемый переводческий окказионализм» [3, с. 192].

Материалом для настоящего исследования послужил ряд окказионализмов романа Дж. Грина «Бумажные города» / J. Green «Paper Towns» (2008) [5]. Главные герои этого романа подростки, которым, как известно, свойственно использовать в речи наряду с разговорной и (некоторым из них) сниженной лексикой приемы языковой игры. Примеров окказионализмов в данном произведении достаточно много, рассмотрим некоторые из них в сопоставлении с переводом на русский язык, выполненным Ю.Л. Федоровой в 2013 году [1].

Ведущей темой романа является тема юношеской любви, о которой повествует главный герой романа, он описывает свои чувства к подруге по имени Марго (Margo), неслучайно несколько окказионализмов образованы на основе ее имени.

You can't divorce Margo the person from Margo the body. You can't see one without seeing the other. You looked at Margo's eyes and you saw both their blueness and their Margo-ness. (Здесь и далее выделено нами – Г. Л., Т. О.).

Ведь личность Марго неотделима от тела Марго. Невозможно видеть только что-то одно. Например, ты смотришь в ее глаза и видишь их синеву, а в синеве – саму Марго.

В переводе очень красиво и достаточно точно передан смысл высказывания, хотя форма окказионализма **Margo-ness** не передана, однако такое отступление от формальной стороны не нарушает соответствие перевода оригиналу.

“Q!”, he shouted over the music. *“How good does this feel?”* And I knew

*exactly what Ben meant: he meant listening to the Mountain Goats with your friends in a car that runs on a Wednesday morning in May on the way to Margo and whatever **Margotastic** prize came with finding her.*

– Кью! – проорал он, перекрикивая музыку. – Ну, как тебе все это?

Я знал, что Бен имеет в виду: слушать «Маунтин гоутс» с друзьями в тачке, несущейся майским утром в среду навстречу Марго и маргофигенному призу, который полагается тому, кто ее отыщет.

В данном примере передано и значение, и форма окказионализма, причем использован такой способ словообразования, как аффиксация, что соответствует оригиналу. Кроме того, в переводе суффикс имеет разговорную стилистическую окраску, что соответствует общему стилю произведения.

*This image seemed too sad to be true – it all struck me as so lonely and so very **unMargo**.*

Какой-то слишком печальный получился образ, он не мог оказаться верным – в нем сквозило страшное одиночество, это было совершенно не в духе Марго.

Вариант перевода *не в духе Марго*, на наш взгляд, является удачным решением переводчика, так как точно передает содержание высказывания, хотя, так же, как и в первом примере, окказиональная форма слова оригинала не сохранена. Относительно нескольких окказионализмов, содержащих имя главной героини произведения, можно утверждать, что их основная функция в переводе сохранена, иногда она передается при помощи окказионализма, образованного средствами русского языка, иногда иными средствами, а именно повтором имени в составе характерных для русского языка словосочетаний: *сама Марго, не в духе Марго*.

*“Thank you, Annoying **McMaster Grammician**.” “Grammarian”, I said.*

– Спасибо большое, Занудный МакПрофессор Филоматики.

– Филологии.

В этом примере в оригинале используется антономасия – *McMaster Grammician*, окказионализм *Grammician* в данном случае демонстрирует типичную для Марго черту – насмешливое отношение к употреблению научных терминов. В переводе использованы то же стилистическое средство и такой же способ образования окказионализма, что и в оригинале, причем подвергшееся трансформации слово *Grammarian* передано одним из возможных его вариантов (словарные значения слова *Grammarian*: *грамматист, филолог, грамматик*).

*But thinking about the grass and all the different ways you can see it made me think about all the ways I’d seen and **mis-seen** Margo.*

Но, размышляя о траве, о том, сколько всего в ней можно увидеть, я задумался о том, как я смотрел на Марго и чего недосмотрел.

Этот перевод также представляется удачным с точки зрения передачи смысла высказывания. Хотя в переводе окказионализм отсутствует, окказиональное слово *mis-seen* переведено нормативным словом русского языка *недосмотрел*. Здесь следует отметить, что переводчик сохранил стилистическое средство, используемое в оригинале – морфологический повтор: в оригинале *seen and mis-seen*, в переводе *смотрел и недосмотрел*.

*And all day long, it was hard not to walk around thinking about the **lastness***

of it all.

И очень сложно было не думать о том, какое все последнее-препоследнее <...>.

В этом примере в переводе окказионализм отсутствует, переводчик использовал вполне адекватную замену, передав значение окказионализма *lastness* лексической единицей *последнее-препоследнее*, повтор корневой морфемы выполняет экспрессивную функцию, сходную с функцией окказионализма в оригинале.

*“Anyway I’ll email it to you. It’s **nerd-tastic**.”*

– Да, я понимаю. Я тебе пришлю. Крайне занимательная вещь.

Этот пример относится к редким для данного переводчика случаям неудачного перевода и не потому, что окказионализм оригинала не сохранен в переводе, а в плане передачи денотативного и коннотативного значений высказывания. Слово *nerd*, входящее в состав окказионализма *nerd-tastic*, имеет значения *зубри-ла, заучка, заумник, зануда* и обладает отрицательной оценочной коннотацией, поэтому вариант перевода *крайне занимательная вещь* является неточным.

*“I just grabbed the first shirts I saw, bro.” “**Don’t bro** me right now,” Radar says, but he’s shaking his head and laughing.*

– Старик, я схватил первое, что под руку подвернулось.

– Ты меня больше стариком не называй, – отвечает Радар, но сам трясется от хохота.

В этом примере окказионализм образован при помощи транспозиции сокращенного имени существительного *bro* в глагол. Перевод не содержит окказионализма, но смысл высказывания передан точно, однако разговорная стилистическая окраска не сохранена.

*And as paralyzing and upsetting as all **the never agains** were, the final leaving felt perfect. Pure. The most distilled possible form of liberation.*

Все эти «я больше никогда не» меня буквально парализовали, и, уйдя из школы, я вдруг почувствовал себя просто прекрасно. Я стал чист. Это была свобода без каких-либо примесей.

Здесь встречается такой тип окказионализма, как голофразис, когда имеет место транспозиция фразы в форму слова (существительного), субстантивация фразы. Перевод буквальный, используется такой же способ, что и в оригинале, с той лишь разницей, что в качестве графического маркера добавлены кавычки.

*...but then **a Margo idea** popped into my head just after dinner, so I took a break from practicing Ovid translations and logged onto IM.*

Так что почти всю ночь и все воскресенье я занимался, но после ужина мне в голову пришла новая мысль про Марго, так что я отвлекся от перевода Овидия и вышел в сеть.

В приведенном примере имя собственное используется в качестве прилагательного, что также можно рассматривать как окказиональное употребление. Данная структура не сохранена в переводе, для ее передачи использовано традиционное для русского языка выражение *мысль про Марго*.

Сопоставительный анализ рассмотренных в статье и других окказионализмов романа Дж. Грина «Бумажные города» позволяет сделать некоторые выводы. Основными способами образования окказионализмов в этом

произведении являются аффиксация и транспозиция частей речи. Из приведенных в статье десяти примеров семь построены по типу аффиксации, остальные три – по принципу частеречной транспозиции. В переводе встречается несколько вариантов передачи данных лексических образований. В редких случаях сохраняется и форма и содержание окказионализма, в большинстве случаев имеет место сохранение смысла высказывания при отсутствии окказиональной формы, встретились также немногочисленные примеры, когда эквивалентность ни на смысловом, ни на формальном уровне не сохранена. Проведенный анализ подтверждает мысль о том, что примеры языковой игры, к которой относятся окказионализмы, представляют собой определенные трудности для перевода с одного языка на другой по причине несовпадения морфологических структур разных языков. Особенно трудным оказывается передача формальной стороны данных лексических единиц, что ведет к полной или частичной утрате их основных функций – привлечения внимания, создания образности, экспрессивности и юмористического эффекта.

Список использованных источников

1. Грин Дж. Бумажные города / Дж. Грин. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 336 с.
2. Лунькова Л. Н. Специфика функционирования окказионализмов в оригинале и переводе художественного текста / Л. Н. Лунькова // Иностранные языки в высшей школе. – 2016. – № 3 (38). – С. 43–47.
3. Некрасова А. И. Особенности перевода авторских окказионализмов в романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» / А. И. Некрасова // Ученые заметки ТОГУ. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 190-196.
4. Нестерова Н. М., Наугольных Е. А., Поздеева Е. В. Окказиональное слово как результат авторского словотворчества: границы переводимости / Н. М. Нестерова, Е. А. Наугольных, Е. В. Поздеева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – №4 (42). – С. 44–58.
5. Green J. Paper Towns / J. Green. – New York: Penguin Putnam Inc, 2011. – 305 p.
6. McIntosh C. Cambridge Learner's Dictionary English-Russian / C. McIntosh. – Cambridge: Cambridge ELT, 2011. – 1084 p.

УДК 81'255.4

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИЧНЫХ ИМЕН В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Р. ДАЛЯ «CHARLIE AND THE CHOCOLATE FACTORY»)

Н. В. Макарова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», Воронеж

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности детской литературы, которые вызывают сложности перевода, в частности, юмористической составляющей, представленной в семантике личных имен.

Ключевые слова: детская литература, комическое, языковая игра.

Summary. The article discusses some features of children's literature that cause translation difficulties, in particular, the humorous component presented in the semantics of personal names.

Key words: children's literature, comic, language game.

Роальд Даль - один из самых горячо любимых английскими и американскими детьми писателей XX века. Самая продаваемая сегодня в мире английская писательница Джоан Ролинг у себя на родине занимает лишь четвертое место по популярности среди детских авторов. По данным опроса, проведенного недавно британским развлекательным телеканалом ITV3, создательницу Гарри Поттера оставили позади автор «Хроник Нарнии» Клайв Льюис (второе место) и Джеймс Барри, придумавший Питера Пэна (третье место). Согласно этому же опросу, самый читаемый сегодня в Великобритании детский писатель – мастер черного юмора Роалд Даль [1]. Книги Р. Даля вышли далеко за пределы Великобритании и Америки благодаря переводам.

Перевод художественного произведения – всегда очень сложная и ответственная задача, особенно, если это произведение для детей и если это произведение содержит юмор. Детские произведения обладают своей спецификой, что проявляется не только в тематике и сюжете, но и в особенностях их языка. Язык детской литературы, как правило, образный, эмоциональный, наиболее соответствует особенностям мировосприятия и мышления ребёнка. Ведь для детской читательской аудитории характерны недостаток знаний о мире, иная, чем у взрослых, система ценностей, меньший уровень языковой компетенции. Кроме того, языковая специфика произведений для детей обусловлена заложенной в них воспитательной функцией и наличием юмористической составляющей.

Главная героиня одноименной повести Р. Даля Матильда, пятилетняя девочка, на вопрос своей учительницы о содержании детской литературы – *“Do you think that all children's books ought to have funny bits in them?”* Miss Honey asked – дает уверенный и аргументированный ответ: *“I do”* Matilda said. *“Children are not so serious as grown-ups and they love to laugh.”* [4, с. 15] «Ты думаешь, что все детские книжки должны быть смешными?» - спросила мисс Хани. «Конечно», - сказала Матильда. «Дети не такие серьезные, как взрослые, и они любят посмеяться» (здесь и далее перевод наш).

Наличие юмористической составляющей значительно осложняет задачу переводчика, поскольку юмор – это «многомерный, динамичный, национально-культурно обусловленный феномен, актуализирующий на языковом уровне парадоксальное восприятие. Национально-специфические особенности юмора кодируются в языке с помощью различных языковых средств – знаков, репрезентирующих концепты лингвокультурного кода нации» [2, с. 5]. Способность заметить эти знаки и суметь их декодировать – важные характеристики хорошего переводчика.

Предметом настоящей статьи являются лингвостилистические средства реализации юмора в именах персонажей повести-сказки Р. Даля «Чарли и шоколадная фабрика» и особенности их перевода. С. Ю. Капкова, изучавшая особенности перевода личных имен в произведении Дж. Ролинг «Гарри Поттер и тайная комната», пишет: «Ономастика художественного произведения «говорит», но что именно и как она говорит, можно понять

по-разному, так же как читающие по-разному истолковывают одно и то же произведение» [3, с.75].

В основе сюжета повести-сказки лежит история пятерых детей, выигравших экскурсию на шоколадную фабрику. Сказка обладает чертами драматического произведения и начинается с представления действующих лиц, включающего имена персонажей (имена и фамилии) и их характеристики:

«AUGUSTUS GLOOP A greedy boy
 VERUCA SALT A girl who is spoiled by her parents
 VIOLET BEAUREGARDE A girl who chews gum all day long
 MIKE TEAVEE A boy who does nothing but watch television
 And
 CHARLIE BUCKET The hero» [5, с. 5].

Детское сознание всегда находит юмористическую составляющую в именах людей, окружающих их, и автор, следуя особенностям детского мировосприятия, наделяет своих героев говорящими именами.

Характеристики, которые Р. Даль дает своим героям, достаточно нейтральны: «жадный мальчик», «девочка, избалованная своими родителями», «девочка, которая постоянно жует резинку», «мальчик, который с утра до ночи смотрит телевизор», «главный герой», и они в той или иной степени свойственны каждому ребенку. Индивидуальности спрятаны в именах собственных: фамилиях мальчиков и именах девочек. Автор «кодирует», прячет героя за его именем, используя языковую игру. Процесс декодирования приносит читателю большое удовольствие и помогает глубже понять поступки героя и фабулу самого произведения.

Так, *Augustus Gloop* – обладатель «говорящей» фамилии. Значение лексемы *gloop* – *a thick wet substance that looks, tastes or feels unpleasant* (густая скользкая субстанция, которая имеет неприятный внешний вид, вкус и неприятна на ощупь), актуализированное в фамилии человека, приобретает яркую экспрессивно-комическую составляющую и характеризует носителя этой фамилии как крайне неприятного персонажа, а не просто жадного мальчика.

Имя *Veruca* /və'ru:kə/ по фонетическому звучанию совпадает с лексемой *verruca* – *a small hard spot like a wart on the bottom of the foot* (небольшой нарост, похожий на бородавку, на нижней части стопы). Ни одна девочка не хотела бы, чтобы ее сравнивали с бородавкой, даже самой незаметной, спрятанной на нижней части стопы. Однако, при внешней привлекательности у героини есть один очень серьезный недостаток: она слишком избалована родителями, и этот недостаток становится очевидным для всех окружающих. Не случайно хозяин фабрики Willy Wonka, впервые увидев девочку, пренебрегает всеми правилами вежливости и прямо заявляет о неприятном значении ее имени: «*I always thought that a veruca was a sort of wart that you got on the sole of your foot!*»

Языковая игра, основанная на сходстве фонетического звучания, делает «говорящей» фамилию еще одного персонажа – мальчика, который поглощен просмотром телевизионных программ. *Teavee* /ti:'vi:/ и аббревиатура TV являются омофонами. *TV* – *television* (телевидение, телевизор). Данный компонент значения, «закодированный» в имени героя, не только подчеркивает чрезмерную увлеченность персонажа телевидением, но и соз-

дает комический эффект.

У героини *Violet Beauregarde* говорящим является имя. *Violet* [*ˈvaɪələɪt*] означает женское имя Виолетта и фиолетовый цвет – *between blue and purple in colour*. В создании комического эффекта задействована языковая игра, в которой используются свойства омонимов, при этом значение «фиолетовый цвет» актуализируется лишь в ходе повествования, когда Виолетта без разрешения попробовала экспериментальный образец жевательной резинки и превратилась в огромный фиолетовый шар – гигантскую чернику.

Прием говорящего имени используется и в отношении единственного «хорошего» ребенка в сказке – CHARLIE BUCKET – в списке действующих лиц его имя отделено от остальных участников повествования союзом *And*.

Bucket 1) *an open container with a handle, used for carrying or holding liquids, sand, etc.*; 2) *a large container that is part of a crane or digger and is used for lifting things*. На протяжении всего повествования в значении его фамилии актуальным остается компонент «ведро», а точнее, такие коннотации как «простой», «незаметный», «не привлекательный», которые и создают комический эффект. И только в конце сказки, когда Чарли, благодаря своей доброте и воспитанности, становится владельцем шоколадной фабрики и отправляется в полет на волшебном лифтолете в чудесный мир вместе с влачившими до этого жалкое состояние родственниками, комический эффект рассеивается. Чарли становится настоящим героем – *hero – a person who is admired by many people for doing something brave or good* – а не просто одним из главных персонажей. В его фамилии актуализируется второе значение лексемы – *большой контейнер, который является частью крана или экскаватора и используется для подъема вещей*.

Как видим, имплицитная информация, спрятанная в именах собственных, является не только экспрессивным средством, но и напрямую связана с сюжетной линией.

В русском переводе, автором которого явился 14-летний подросток Михаил Барон, при всех его достоинствах такое «панорамное» изображение героев отсутствует. В его изложении они представлены следующим образом:

«АВГУСТ ГЛУП – жадный мальчик,
 ВЕРУКА СОЛТ – девочка, избалованная родителями,
 ВИОЛЕТТА БЬЮРГАРД – девочка, которая постоянно жует резинку,
 МАЙК ТИВИ – мальчик, который с утра до ночи смотрит телевизор,
 ЧАРЛИ БАКЕТ – главный герой этой повести»

В решении дилеммы «перевод-транскрипция» в отношении личных имен переводчик склоняется к более простому варианту, и, по-видимому, в данном случае единственно правильному, поскольку ни один из возможных переводных эквивалентов не дает возможностей для языковой игры, лежащей в основе создания комического эффекта. Здесь границы выставляет язык, его национально-культурное своеобразие, преодолеть которое не всегда удается даже самому талантливому переводчику.

Список использованных источников

1. Берновская Е. Выше Поттера / Е. Берновская. – URL: gennadij.pavlenko.name/Вокруг_и_около_психологии/archives/3088 (дата обращения: 23.01.2022).
2. Вержинская И. В. Лингвокультурологический анализ британской

и американской юмористической фэнтези (на материале произведений Т. Пратчетта и Ш. Тэппер): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Вержинская. – Челябинск, 2012. – 22с.

3. Капкова С. Ю. Перевод личных имен и реалий в произведении Дж. Ролинг “Гарри Поттер и тайная комната” / С. Ю. Капкова // [Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация.](#) – 2004. – №1. – С. 75-78.

4. Dahl R. Matilda / R. Dahl. – Puffin Books. – 2007. – 198p.

5. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory / R. Dahl. - Puffin Books. – 2007. – 178p.

УДК 378.016

ОВЛАДЕНИЕ ТЕРМИНАМИ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

С. Н. Макеева,

*кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
английской филологии, институт иностранных языков,
Московский городской педагогический университет, Москва*

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования терминологической компетенции в области преподавания иностранных языков, формируемой в процессе профессиональной подготовки. Проанализированы ситуации профессионального общения преподавателя иностранного языка. Особое внимание уделено овладению англоязычными терминами в ходе профессионально направленного изучения иностранного языка.

Ключевые слова: термин, терминологическая компетенция, межкультурная коммуникация, подготовка учителя, методика обучения, иностранный язык

Abstract. The paper examines terminological competence in the field of teaching foreign languages and its role in teacher training. It analyzes some typical situations where EFL teachers communicate. Special attention is paid to mastering TEFL terms in the course of professionally oriented English teaching.

Key words: terms, terminological competence, intercultural communication, teacher training, methodology of teaching, foreign languages

Среди специалистов в области профессиональной коммуникации общепринятым является мнение, высказанное известным лингвистом Р. А. Будаговым, относительно значимости разносторонней и проводимой на постоянной основе терминологической работы. Оно гласит: «Если сознательно не заниматься терминами, ученые, в конце концов, перестанут понимать друг друга» [2, с. 43]. Это утверждение соотносится не только с проблемами управления терминологической деятельностью, упорядочивания активно развивающейся новой специальной лексики и повышения качества проводимых исследований, число которых в последнее время невелико (она составляет 4% в соответствии с «Диаграммой распределения фокусов лингвистических исследований с 2005 г. по н.в.» [4, с. 105]). Данное высказывание подчеркивает необходимость унификации терминов, приведения их к единой системе, единообразию, то есть в соответствие тем требованиям,

которые предъявляются к термину на понятийно-содержательном и лингвистическом уровнях.

Косвенным образом способствовать непосредственной терминологической работе призван поиск путей решить проблему формирования у выпускников университетов терминологической компетенции как на родном, так и на иностранном языке, так как именно термины обеспечивают возможность адекватного и успешного общения специалистов конкретной области науки или сферы профессиональной деятельности. Термин является важнейшим орудием профессионального мышления ученого и специалиста, инструментом научного познания действительности, ведь, как отмечают исследователи, «удачные термины могут способствовать развитию науки, а неудачные – тормозить развитие научных знаний» [3, с. 52]. Термин – неотъемлемая часть профессионального тезауруса личности, которая «характеризуется наличием интегративной системы терминов, знаний, а также ценностных отношений к этой сфере и ко всему миру в целом» [1, с. 39].

В данной статье предпринимается попытка показать значимость решения данного вопроса применительно к подготовке к осуществлению профессиональной межкультурной коммуникации специалистов в области преподавания иностранных языков.

Понимание сущности профессиональной коммуникации как «общения в определенной профессиональной сфере, в основе которого лежат знания, связанные с профессиональной деятельностью на рабочем месте, что обеспечивает сближение референциальных рамок коммуникантов» [9, с. 176] позволяет сделать вывод о том, что в процессе профессиональной коммуникации имеется основа для достижения взаимопонимания специалистов, а именно общие знания. Однако учет межкультурного аспекта коммуникации, то есть рассмотрение ее в ракурсе общения между представителями различных культур на межличностном уровне, а также в малых и больших группах, означает необходимость преодоления возможных помех коммуникации, что достигается посредством учета межкультурной специфики профессиональной коммуникации. Отметим, например, особенность общения преподавателей английского языка: статус английского языка как языка межкультурного общения в условиях его глобального распространения порой не только не упрощает коммуникацию, но создает дополнительные трудности в условиях существования многочисленных вариантов английского языка и социокультурных условий обучения ему.

Профессиональное межкультурная коммуникация преподавателя иностранного языка может осуществляться как непосредственно, так и опосредованно, как на родном, так и на иностранном языке.

Назовем наиболее распространенные ситуации общения, в которых преподаватель иностранного языка реализует профессиональное общение:

- чтение профессиональной научной литературы по проблемам его преподавания, представленной в виде печатного или цифрового текста;
- восприятие на слух докладов, выступлений на профессиональные темы (в том числе аудио-видео трансляций);
- фиксация своего профессионального опыта и научного поиска в письменном виде (написание статей, заполнение профессиональной документации);

- выступления на конференциях, семинарах и т. д. с докладами;
- участие в дискуссиях на профессиональные темы, устное и письменное общение с коллегами (переписка, сообщества, блоги и т. д.);
- перевод, аннотирование, реферирование и другие способы осуществления медиации;
- выполнение роли медиатора при передаче знаний обучающимся.

Точность и объективность профессиональной коммуникации достигается благодаря использованию терминов, то есть специальной лексической единицы, предназначенной для наименования определенного понятия. Отметим, что требования к идеальному термину многочисленны, наиболее распространенными являются: содержательная точность, стилистическая нейтральность, однозначность, отсутствие синонимов, системность.

Таким образом, термины – важнейшая составляющая профессиональной речи учителя иностранного языка, позволяющая добиться точности и адекватности профессиональных контактов профессионалов в области преподавания иностранных языков, взаимопонимания с коллегами. Владение терминами учитель демонстрирует и на уроке, корректно подбирая термины, адекватные решаемой профессиональной задаче и демонстрируя владение понятийно-терминологическим аппаратом. Способность усложнять и упрощать речь, не теряя содержательного аспекта – важное качество дидактической речи учителя на уроке, являющейся средством осуществления педагогической деятельности.

Не вызывает сомнения тот факт, что в процессе профессиональной подготовки у специалиста в области преподавания иностранных языков должна быть сформирована способность и готовность корректно и точно использовать термины в процессе профессионального и научного общения, то есть терминологическая компетенция. Отметим, что в научной литературе вопрос о статусе данного термина остается дискуссионным. Можно встретить такие термины, как терминологическая культура, понятийно-терминологическая культура, терминологическая грамотность, понятийная компетентность и т. д. Следует обозначить определенную иерархию в развитии способности и готовности преподавателя иностранного языка корректно и точно использовать термины: терминологическая осведомленность, терминологическая грамотность, терминологическая компетенция, терминологическая культура.

Мы полагаем, что содержание терминологической компетенции выпускника включает:

- понимание особенностей терминов как специальных лексических единиц;
- знание специфики терминов методической науки и динамику развития терминологии данной области знания (а именно субъективность гуманитарного знания, социокультурная обусловленность методической науки и др. [7]);
- оперирование общепрофессиональными, профессиональными и узкопрофессиональными терминами;
- владение методами работы с терминосоздающими, терминоиспользующими и терминофиксирующими текстами;
- способность устранять проблемы, возникающие в процессе професси-

онального межкультурного общения на иностранном языке (см., например, подход к описанию культурно маркированных терминов в глоссарии [10]);

- толерантность применительно к особенностям функционирования терминов методической науки в речи;

- гибкость в общении с коллегами на профессиональные темы.

Формирование терминологической компетенции учителя иностранного языка осуществляется как в ходе освоения теоретических курсов (перспективным в данном отношении можно считать использование различного рода терминологических задач [5]), так и в процессе профессионально направленного преподавания иностранного языка [6].

В ходе профессионально направленного обучения иностранному языку овладение терминами должно строиться в соответствии с общепринятыми методами: ознакомление – тренировка – применение. Не отрицая значимости каждого из названных этапов, остановимся на некоторых существенных особенностях этапа семантизации терминов. Внимание к этому этапу обусловлено тем, что владение термином предполагает его свободное и точное употребление в сфере научного и профессионального общения, поэтому обучающемуся должна быть предоставлена полная и адекватная информация о термине. При этом следует учитывать ряд факторов.

Во-первых, семантизация термина посредством перевода зачастую приводит к неверному толкованию терминов, поэтому правомерно использовать дефиницию, которая должна точно выражать суть терминируемого понятия, находить его место в логико-понятийной системе. Критерием овладения понятием является способность определить место термина в системе понятий и определить его существенные признаки.

Кроме того, на данном этапе важно обращать внимание на явления многозначности и синонимии, которые свойственны терминологии методики как науки относительно молодой, гуманитарной, социокультурно обусловленной.

Важен также еще один фактор. Особенностью англоязычной терминологии в сравнении с русскоязычной является вольное образование терминов в ситуации «здесь и сейчас», особая модальность, «динамичность, открытость и нестрогость зарубежного терминологического аппарата» [8, с. 14], что ставит вопрос о точном отборе терминологического минимума, требует ознакомления студентов с данной спецификой функционирования терминов в англоязычной научной литературе.

Пристальное внимание должно быть уделено также этапу применения, то есть использованию терминов в речи в ходе продуцирования различного типа монологов, разыгрывания диалогов, ролевых и деловых игр, участия в учебных конференциях, написания тезисов, аннотаций, выполнения проектной работы, то есть при воссоздании ситуаций, моделирующих профессиональное межкультурное общение преподавателей.

Таким образом, формирование терминологической компетенции у специалистов в области преподавания иностранных языков является сложной и многоаспектной задачей, успешное решение которой будет способствовать повышению качества профессиональной подготовки учителей. Она может быть решена при условии, что сам студент понимает значимость точности как коммуникативном качестве научной речи, осознает роль терминов в языке науки.

Список использованных источников

1. Абдулмянова И. Р. Формирование профессионального тезауруса личности как цель профессионального образования / И. Р. Абдулмянов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 2(92). – С. 36-39.
2. Будагов Р. А. Терминология и семиотика / Р. А. Будагов // Вестник МГУ. – 1972. – № 5. – С. 27-68.
3. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. Полисемия в общеупотребительной и специальной лексике / С. В. Гринев-Гриневич, Э. А. Сорокина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 51-64.
4. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия: монография / Отв. ред. О. А. Сулейманова. Москва: URSS, 2018. – 318 с.
5. Игна Я. Д. Развитие терминологической культуры учителя иностранного языка в процессе профессиональной подготовки: автореферат дис. ... канд. пед. Наук / Я. Д. Игна. – Томск, 2020. – 24 с.
6. Макеева С. Н. Learn to Read by Reading and Teaching: пособие по профессионально направленному обучению английскому языку / С. Н. Макеева. – М.: Языки Народов Мира, 2016. – 96 с.
7. Макеева С. Н. К вопросу об учебном словаре англоязычных методических терминов / С. Н. Макеева // Традиции и инновации в лингвистике и литературоведении – учебный словарь: межкафедральный сборник научных статей / Науч. ред. К. М. Баранова, О. Г. Чупрына. – М.: МГОУ, 2018. – С. 89-96.
8. Савчиц А. С. Методика составления учебного двуязычного словаря-гlossария лингводидактических терминов: автореферат дис. ... канд. пед. Наук / А. С. Савчиц. – М., 2015. – 24 с.
9. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович; ред. М. Г. Лебедько, З. Г. Прошиной. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 632 с.
10. Professional communication: ELT: практикум профессионального общения / Н. В. Языкова, В. А. Гончарова, О. О. Корзун и др. / Отв. ред.: Н. В. Языкова, С. Н. Макеева. – М.: МГПУ: НВИ: Языки Народов Мира, 2020. – 163 с.

УДК 811,11

**КОНТРАСТИВНАЯ ТОПОНИМИКА
КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА***М. С. Медведева,**кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону*

Аннотация. Статья посвящена контрастивной топонимике как переводческой проблеме. Топонимика – это отдельная самостоятельная наука, но в то же время подвид имен собственных, обозначающая названия различных географических объектов и имеющая свой предмет, объект и методы исследования. Контрастивная топонимика является одним из довольных молодых направлений исследования настолько же юной науки контрастив-

ной лингвистики, возникшая в результате переводческой необходимости передать топонимы с одного языка на другой и зафиксировать их в лексикографических словарях для нужд будущего поколения людей, заинтересованных в практическом и теоретическом изучении языков.

Ключевые слова: перевод, контрастивная топонимика, имена собственные, топонимы, метафора, фразеологизмы

Summary. The article is devoted to contrastive toponymy as a translation problem. Toponymy is a separate independent science, but at the same time a subspecies of proper names, denoting the names of various geographical objects and having its own subject, object and research methods. Contrastive toponymy is one of the contented young areas of research in the equally young science of contrastive linguistics, which arose as a result of the translation need to transfer toponyms from one language to another and fix them in lexicographic dictionaries for the needs of the future generation of people interested in practical and theoretical study of languages.

Key words: translation, contrastive toponymy, proper names, toponyms, metaphor, phraseological units

Контрастивная топонимика является ветвью сравнительно молодой науки – контрастивной лингвистики, которая отделилась от сопоставительного языкознания и оформилась в отдельную науку примерно 25 лет назад.

Контрастивная топонимика получила импульс к развитию из-за актуальности данной тематики в наше время, особенно в связи с глобализацией, стучащей в каждую дверь почти каждой страны мира и, следовательно, способствующей широкому развитию международных контактов и обмену опытом в доминирующих сферах жизни [1, с. 18].

В отличие от сопоставительной лингвистики, которая изучает языки скорее с целью их воссоздания или реконструкции, контрастивная сравнивает языки из сугубо практических соображений, а именно для усовершенствования методов и повышения результативности преподавания языков. Она изучает языковые контрастивы и языковые универсалии.

Возникновение контрастивной лингвистики как науки нередко связывают с выходом книги Р. Ладо «Linguistics across Cultures» (1957). Другие ученые, внесшие свой вклад в исследования этой науки – Н. Хомский и З. Хэррис [2, с. 16].

Из представителей русской школы, занимавшихся данной отраслью науки, можно выделить следующих выдающихся ученых-лингвистов: Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов, А. И. Смирницкий, В. Н. Ярцева, В. Д. Аракин.

Становление контрастивной топонимики стало возможным благодаря развитию перевода и переводческой науки, научному сравнению и сопоставлению языков, лексикографии, практическому и теоретическому изучению иностранных языков и межъязыковым контактам.

Развитие перевода и переводческой науки выявило недостатки знаний в способах перевода топонимов и осознало потребность в сопоставлении пары или более языков с целью создания специальных двуязычных словарей, содержащих названия топонимов в пределах одной территории или всего мира [5, с. 121]. Лексикография помогла справиться с этой задачей и создала двуязычные и многоязычные словари на основе сравнения топоним-

мического пласта лексики разных стран и народов.

Таким образом, она помогла и облегчила жизнь многих людей, занимающихся практическим и теоретическим изучением иностранных языков, и, возможно, вовлеченных в межъязыковые контакты.

На сегодняшний день, контрастивная топонимика все также, как и прежде, продолжает развиваться, продолжают создаваться все новые словари, так как жизнь, особенно в наш век, не стоит на месте и каждую минуту в какой-либо точке света строится новое здание, новая улица, а то и целые города.

Проблема перевода имен собственных, в частности топонимов, требует особого внимания, так как ошибки при их переводе могут привести к неточностям и дезинформации, а иногда и к судебному иску, если вы сделали ошибку в переводе официального документа. Перевод топонимов представляет собой сложную задачу, которая заключается и в полной и точной передаче национальной специфики слова, и в сохранении его звуковой составляющей [3, с. 127].

На сегодняшний день, существует две основные противоборствующие тенденции перевода топонимов: транслитерация и транскрипция.

Транслитерация (от лат. *littera*-буква) – это буквенная имитация исходной формы слова. *Chichester, Tschitschester* – Чичестер; *Schwarzwald* – Шварцвальд, (нем. и англ.) *Berlin* – Берлин; *Der Main, The Mayn River* – река Майн; (нем. и англ.) *Dresden* – Дрезден. Транслитерация является обратимым процессом, т.е. структура слова может быть снова воссоздана на языке оригинала, из которого она была взята. В прежние времена, в особенности в XVIII веке, переводчики, в основном, пользовались транслитерацией для передачи топонимов. Нередко, это приводило к довольно комичным результатам: *Die City of Hawkesbury, The City of Hawkesbury* – город Гавкесбури; (нем. и англ.) *Warwick* – Варвик. Поэтому, с течением времени ученые начали склоняться к транскрипции, как гораздо более правильному способу передачи имен собственных.

Транскрипция (от лат. *scribere*-писать) – это передача звуковой формы слова из одного языка на другой с использованием письменности только языка-приемника. *Der Balchaschsee* – оз. Балхаш; (нем. и англ.) *Doha* – Доха; *Duschanbe, Dushanbe* – Душанбе; (нем. и англ.) *Gdynia* – Гдыня; (нем. и англ.) *Georgetown* – Джорджтаун; (нем. и англ.) *Freetown* – Фритаун; *Fidschi, Fiji* – Фиджи; (нем. и англ.) *Delhi* – Дели; *Das Fichtelgebirge* – Фихтельгебирге (горы). В отличие от транслитерации, транскрипция представляет собой необратимый процесс, так как, по транскрибированным словам, чей целью является только передача звуковой оболочки, сложно восстановить первоначальное их написание на языке оригинала. Например, вышеупомянутый топоним – *Delhi*: при транскрипции на русский язык мы теряем букву /h/ [7, с. 111].

Еще одним способом передачи топонимов является калькирование – перевод лексической единицы оригинального языка путем замещения ее составляющих компонентов соответствующими лексическими единицами в языке перевода. *Der Panamakanal, The Panama Canal* – Панамский канал; *Ostpreußen, East Prussia* – Восточная Пруссия; *Salomoninseln, Solomon Islands* – Соломоновы острова; *Das Gelbe Meer, The Yellow Sea* – Желтое море; *Vereinigtes Königreich von Großbritannien und Nordirland, The United*

Kingdom of Great Britain and Northern Ireland – Объединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Очень часто калькирование сопровождается различными трансформациями (морфологическими, синтаксическими и т.д.) – например, изменением порядка калькируемых элементов. Кроме того, этот способ может сочетаться с транскрипцией и транслитерацией. Die Republik Südafrika, the Republic of South Africa – Южно-Африканская Республика; Der Pfälzer Wald, The Palatinate Forest – Пфальцский лес, Nordrhein-Westfalen, North Rhine-Westphalia – Северный Рейн- Вестфалия; Oberpfalz, The Upper Palatinate – Верхний Пфальц; Saks-Fifth Avenue – Сакс на Пятой Авеню [4, с. 5].

Некоторые топонимы не могут переданы ни какими способами, так как имеют традиционные, зафиксированные в словарях соответствия. Eifel, The Eifel – горы Эйфель; Der Hindukush, The Hindu Kush – Гиндукуш (горная система); Helgoland, Heligoland – остров Гельтголанд; Uckermünde, Ueckermünde – город Юккермюнде; Der Harz, The Harz – Гарц (горная цепь); (нем. и англ.) Eisenach – Эйсенах.

Немаловажным фактом при переводе топонимов является понятие благозвучия. Например, топоним (нем. и англ.) Staten Island ['stat(ə)n 'aɪlənd] на первый взгляд не представляет никаких сложностей при переводе, так, как и при транслитерации, и при транскрипции мы получаем один и тот же результат – Статен Айленд. Однако, «Статен» слишком странно звучит на русском, поскольку ассоциируется со словом «статный». Поэтому переводчику, вопреки всем правилам, следует передать этот топоним как «Стейтен-Айленд», потому что так он звучит намного благозвучнее и по-английски для русского слуха [6, с. 4].

Новейшие тенденции в переводе топонимов – это использование транскрипции вместо транслитерации и даже замена русских предлогов на английские. К примеру, родина Шекспира до конца прошлого века называлась Стратфорд-на-Авоне, в первую половину нашего века – Стратфорд-на-Эвоне, а в последних атласах и картах – Стратфорд он Эйвон.

Итак, на основе приведённых примеров можно сделать вывод, что при передаче топонимов используется транскрипция, транслитерация и калькирование. Однако, также необходимо знать и помнить установившиеся традиции и учитывать их при переводе, чтобы не совершить ошибку и выбрать, насколько возможно, полноценный вариант перевода.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Контрастивная топонимика / И. С. Алексеева, Ю. В. Иванова-Бучатская. – Санкт-Петербург: Союз, 2006. – 112 с.
2. Байрамова Л. К. Введение в контрастивную лингвистику / Л. К. Байрамова – Казань, 2005. – С. 16.
3. Басик С. Н. Общая топонимика/ С. Н. Басик – Минск: БГУ, 2006. – 200 с.
4. Гак Г. В. О контрастивной лингвистике / Г. В. Гак – Москва: 1989. – С. 5-17.
5. Дудникова Л. В., Шевченко М. С. Особенности функционирования интернациональной лексики в научном дискурсе / Л. В. Дудникова, М. С. Шевченко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 5 (138). – С. 120-123.
6. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов – Москва: Издательство ЛКИ, 2011. – 184 с.
7. Евсеева О. С. Вопрос о классификации топонимов русско-белорус-

ского приграничья / О. С. Евсеева – Москва: Вестник МГОУ, 2014. – С. 4.

УДК 81. 255

ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА В ОБЕСПЕЧЕНИИ МНОГОЯЗЫЧИЯ «ИНТЕРНЕТА ДЛЯ ВСЕХ»

В. А. Митягина,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода и лингвистики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, Волгоград

Аннотация. В статье рассматривается проблема многоязычия контента социокоммуникативно значимых ресурсов Интернета как условия равенства в обеспечении «информации для всех». В качестве аргументации предпринимается сравнение фрагментов перевода, выполненного по канонам коммуникативно-прагматической концепции, и автоматизированного перевода.

Ключевые слова: многоязычие, перевод, информация, прагматика получателя, автоматизированный перевод

Summary. The article deals with the issue of multilingualism of the content of socially and communicatively significant Internet resources as a condition of equality in providing “information for everyone”. The argumentation is based on the comparison of fragments of translation performed in accordance with the communicative and pragmatic conception canons and automated translation.

Key words: multilingualism, translation, information, recipient pragmatics, automated translation

Многоязычие стало девизом обществ, претендующих на развитие в 21 веке: в 2003 году Генеральной ассамблеей ООН была принята «Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству», согласно которой государственные, частные, общественные структуры обязаны принимать меры для обеспечения доступа к информационным ресурсам и реализации интернет-коммуникации на всех актуальных для общества языках [3]. Данную рекомендацию дополняет программа ЮНЕСКО «Информация для всех», она активно развивается в России в рамках серии конференций, однако даже в итоговых документах форума 2021 года нет решения, направленного на обеспечение доступа к информации без языковых барьеров [2]. Наряду с неравенством возможностей, связанных с «разноязычием» аудитории, следует указать и на проблему цифрового неравенства: более половины населения планеты не имеет доступа к интернету по экономическим, политическим и прочим причинам [9]. Появление таких инициатив, как проект всемирного экономического форума «Интернет для всех», который ориентирован как на обеспечение глобального доступа к Интернету, так и на создание локально-ориентированного контента и информационной инфраструктуры [8, Р. 4], весьма положительно воздействуют на изменение ситуации с обеспечением «информации для всех». Отметим также значимый для осмысления проблем создания в Интернете «безбарьерной» языковой среды статистический проект W3Techs австрийской компании Q-Success Web-based Services, фиксирующий разные аспекты ис-

пользования веб-технологий [5]: анализ контента сайтов показал, что языки Интернета и суперцентральные языки [7, Р. 4] совпадают на две трети. В ТОП-12 языков Интернет-коммуникации присутствуют только 8 из выделенных А. де Свааном языков: английский (63,6% контента), русский (6,9%), испанский (3,6%), французский (2,5%), немецкий (2,0%), японский (1,9%), китайский (1,3%), арабский (1,3%). На малайском, португальском, суахили и хинди контент сайтов создан контент менее 1 процента сайтов, в отличие от турецкого (3,9%), персидского (3,5%), вьетнамского (1,9%). Тот факт, что 8 языков «обслуживают» больше 90% контента сайтов, как и позиции не вошедших в ТОП-12 4 суперцентральных языков (на каждом из них говорят более 100 миллионов человек), свидетельствует в пользу многоязычия и его преимуществ. Как отмечают В. М. Смокотин и Г. И. Петрова, «многоязычие не только не препятствует общению людей разных языков и культур, но, напротив, является способом языковой организации культурного и языкового разнообразия мира» [4, с. 137].

Безусловным достижением становления Интернета как глобального коммуникативного пространства является автоматический перевод контента сервисами браузеров, но социокультурная глобализация, ориентированная на возможности, потребности и комфорт получателя текста, не возможна без трансфера контента, осуществляемого или, как минимум, редактируемого переводчиком.

Безусловной значимостью на актуальном этапе обладают тексты, информирующие о разных путях преодоления пандемии COVID-19, в частности, о вакцинации, и их лингвопрагматическая адекватность становится важным фактором достижения социокоммуникативного эффекта. На наш взгляд, одним из удачных вариантов создания многоязычного контента является просветительский информационный раздел о вакцинации на портале Института имени Роберта Коха (нем. Robert-Koch-Institut, RKI) – федерального института Германии по изучению инфекционных заболеваний и непереносимых болезней. Основанный в 1891 году как научный отдел Прусского королевского института инфекционных заболеваний и на протяжении полутора десятков лет руководимый своим основателем Р. Кохом, институт видит в качестве одной из основных задач выполнение функции «антенны» в системе раннего предупреждения возможных рисков для здоровья общества [<https://www.rki.de>].

Информационная листовка о вакцинации «Aufklärungsmerkblatt Zur Schutzimpfung gegen COVID-19 (Corona Virus Disease 2019)» [6]/ «Информационный лист для вакцинации против COVID-19 (коронавирусное заболевание 2019 г.)» [10] предлагается, кроме вариантов на немецком и «легком» немецком языке, на 23 языках – основных языках Европы и распространенных языках мигрантов. Отметим, что в листовках на всех языках присутствует текст немецкоязычного оригинала (мелким шрифтом, в постпозиции) – таким образом использована возможность приближения к реалиям и языку страны пребывания, учитывается и поддерживается формирующаяся билингвальность получателя текста.

Высокое качество перевода свидетельствует о стремлении достичь максимального воздействия. Сравним фрагменты текста оригинала, тек-

ста предлагаемого сайтом RKI перевода на русский язык и текста перевода, выполненного нами с помощью веб-сервиса Google-переводчик (translate.google.com). Данный сервис автоматического перевода доступен для 108 языков, английский язык выступает в качестве языка-пилота.

Оригинал https://www.rki.de/DE/Content/Infekt/Impfen/Materialien/COVID-19-Aufklaerungsbogen-Tab.html	Перевод на сайте https://www.rki.de/DE/Content/Infekt/Impfen/Materialien/COVID-19-Aufklaerungsbogen-Tab.html	Перевод с помощью сервиса https://translate.google.com/
<p>Was sind die Symptome von COVID-19? <i>Zu den häufigen Krankheitszeichen von COVID-19 zählen</i> trockener Husten, Fieber, Atemnot sowie ein vorübergehender Verlust des Geruchs- und Geschmackssinnes. <i>Auch ein allgemeines Krankheitsgefühl mit Kopf- und Gliederschmerzen, Halsschmerzen und Schnupfen wird beschrieben. Seltener wird über Magen-Darm-Beschwerden, Bindehautentzündung und Lymphknotenschwellungen berichtet.</i></p>	<p>Что представляют собой симптомы COVID-19? <i>Часто общими симптомами COVID-19 являются сухой кашель, высокая температура, одышка и временная потеря обоняния и вкусовых ощущений. Больные жалуются также на общее недомогание с головной болью и болью в конечностях, болью в горле и насморком. Реже пациенты сообщают о желудочно-кишечных симптомах, конъюнктивите (воспалении слизистой оболочки глаз) и лимфаденопатии (отеках лимфатических узлов).</i></p>	<p>Каковы симптомы COVID-19? <i>Общие симптомы COVID-19 включают сухой кашель, лихорадку, одышку и временную потерю обоняния и вкуса. Описано также общее недомогание с головной болью и ломотой в теле, болью в горле и насморком. Желудочно-кишечные жалобы, конъюнктивит и увеличение лимфатических узлов отмечаются реже.</i></p>

Отметим, что в переводе, предложенном RKI, имеет место четкое следование узусу русского языка и конвенциям популярного медицинского дискурса: переводчик отказывается от перевода-подстановки в пользу дискурсивных формул: *Что представляют собой симптомы...*, *Часто общими симптомами COVID-19 являются*. Имеет место и отказ от пассивных конструкций в пользу активного залога, персонификация субъекта: *Больные жалуются, пациенты сообщают*. Текст отличается четким следованием жанрово-стилистической норме и почти соответствует требованиям русскоязычного просветительского медицинского дискурса – к сожалению, *отеки лимфатических узлов* представляют собой совсем другое заболевание, и эта ошибка, конечно, сказывается на прагматическом эффекте.

Текст от Google-переводчика позволяет проследить влияние английского как языка глобальной коммуникации, буквально «цементирующего» грамматические структуры:

Was sind die Symptome von COVID-19? / What are the symptoms of COVID-19? / Каковы симптомы COVID-19?

Zu den häufigen Krankheitszeichen von COVID-19 zählen... / Common symptoms of COVID-19 include... / Общие симптомы COVID-19 включают...

В тексте на сайте Института имени Роберта Коха *häufige Krankheitszeichen* (дословно: *частые симптомы*) выражены с помощью приема перераспределения значения как *часто общими симптомами*, а автоматизированный вариант оставляет только *общие симптомы*, потому что имел место промежуточный

этап с *common symptoms*. Отметим также, что автоматизированный перевод использовал вариант *лихорадка* вместо *высокая температура* – видимо, словарь программы-переводчика не имеет пометы «устар.» для номинации *лихорадка*.

Таким образом, анализ даже очень небольшого фрагмента текста многоязычного контента позволяет утверждать, что перевод, выполненный человеком, учитывает требования дискурса в большей степени, поскольку представляет собой результат применения ставшей в этом аспекте еще более актуальной коммуникативно-прагматической концепции перевода. Учет потребностей ситуации, горизонта ожидания, возможностей получателей задает необходимые преобразования и позволяет избежать слепого копирования грамматической «схемы» исходного текста, и передать «мысль мыслью». Многоязычные ресурсы социокоммуникативной направленности становятся одним из условий инклюзивного развития, и качество перевода становится экзистенциально значимым для аудитории, потому что предлагаемый контент – это слово, обращенное к каждому в Интернете для всех.

Список использованных источников

1. Информационный лист Для вакцинации против COVID-19 (коронавирусное заболевание 2019 г.)/ Выпуск 1 Версия 017 (по состоянию на 9 декабря 2021г.) [Электронный ресурс]// https://www.rki.de/DE/Content/Infekt/Impfen/Materialien/Downloads-COVID-19/Aufklaerungsbogen-Russisch.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения 19.01.2022)
2. Программа «Информация для всех» [Электронный ресурс] // <http://www.ifapcom.ru/ru/355/356/> (дата обращения 19.01.2022)
3. Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству» [Электронный ресурс] // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml (дата обращения 19.01.2022)
4. Смокотин В. М., Петрова Г. И. Многоязычие как способ языковой организации культурного и языкового разнообразия мира// Язык и культура: сборник статей XXXI Международной научной конференция (11–14 октября 2021 г.) / отв. ред. С. К. Гураль. – Томск: Издательство Томского государственного университета. – 2021. – С. 137-149.
5. «Usage statistics of content languages for websites» [Электронный ресурс]// https://w3techs.com/technologies/overview/content_language (дата обращения 19.01.2022)
6. Aufklärungsmerkblatt Zur Schutzimpfung gegen COVID-19 (Corona Virus Disease 2019)/ Ausgabe 1 Version 017 (Stand 9. Dezember 2021) [Электронный ресурс]// https://www.rki.de/DE/Content/Infekt/Impfen/Materialien/Downloads-COVID-19/Aufklaerungsbogen-de.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения 19.01.2022)
7. de Swaan A. Words of the World: The Global Language System. Cambridge, UK: Polity Press. – 2001. – P.4.
8. Geissbauer, R., Schrauf, S., Coch, V., Kuge, S. (2014) Industry 4.0-Opportunities and Challenges of the Industrial Internet [Электронный ресурс]// <https://www.pwc.nl/en/assets/documents/pwc-industrie-4-0.pdf> (дата обращения 19.01.2022)
9. Internet for All: A project of The World Economic Forum's Digital Economy and Society System. [Электронный ресурс]// http://www3.weforum.org/docs/WEF_Internet_for_All_4_pager.pdf (дата обращения 19.01.2022)

УДК 81'255.2

**СПОСОБЫ СОХРАНЕНИЯ ЭСТЕТИКИ И ПРАГМАТИКИ
СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА****Л. М. ОЛКОТТ «МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ»***Д. Н. Михайлина,**обучающийся специалитета, кафедра теории и практики перевода,**Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь*

Аннотация. В статье рассматриваются способы сохранения эстетического потенциала стилистических средств в англо-русском переводе художественного текста. Материалом исследования послужили переводы романа Л. М. Олкотт «Маленькие женщины», выполненные И. М. Бессмертной (2017) и А. В. Устиновой и А. Д. Ивановым (2002). В работе рассматривается роль стилистических средств в художественном тексте, а также приводится анализ переводческих приемов. Переводческие решения трактуются с опорой на труды И. С. Алексеевой, Л. С. Бархударова и В. Н. Комиссарова. В ходе лингвостилистического анализа было установлено, что наиболее продуктивными средствами выразительности в рассматриваемом тексте являются: эпитет, сравнение и метафора. Перевод указанных единиц требовал применения таких переводческих трансформаций, как грамматическая замена, экспликация и калькирование.

Ключевые слова: художественный текст, стилистический прием, выразительное средство, перевод экспрессивных средств.

Summary. The article discusses ways to preserve the aesthetic potential of stylistic means in the Russian-English translation of a literary text. The material for this study was the translations of the novel by L. M. Olcott "Little Women", made by the Bessmertniy I. M. (2017) and Ustinova A. V. and Ivanov A. D. (2002). The article examines the role of stylistic means in a literary text, and provides an analysis of translation techniques. Translation decisions are interpreted based on the works of I. S. Alekseeva, L. S. Barkhudarov and V. N. Komissarov. In the course of linguistic-stylistic analysis, it was found that the most frequent stylistic means in the text under consideration are epithet, comparison and metaphor. The translation of these means required the use of translation transformations such as grammar change, explication and replication.

Key words: literary text, stylistic device, expressive mean, translation of expressive means.

Художественный текст немислим без использования стилистических приемов, которые выступают в качестве вербализаторов эстетической информации и проходят сквозь все уровни языка. Средства речевой выразительности подразделяются на лексические, фонетические (звуковые), синтаксические, фразеологические и направлены на усиление выразительности образов изображаемых предметов или явлений. Цель исследования состоит в рассмотрении специфики сохранения эстетического и прагматического потенциала стилистических приемов в художественном тексте. Эмпирическим материалом исследования послужил роман Л. М. Олкотт «Маленькие женщины» в англо-русских переводах, выполненных Бессмертной И. М. (2017) и Устиновой А. В. и Ивановым А. Д. (2002).

В данном романе речь идет о жизни семьи Марч, которые воспитывают четырех дочерей. Л. М. Олкотт воссоздает свой образ в образе одной из сестер – Джозефины Марч. Исходя из этого, данный роман можно охарактеризовать как автобиографическую историю. В ходе создания художественных портретов героев, Л. М. Олкотт использовала большое количество средств словесной образности, что придало данному роману особое волшебство и эстетичность, которые притягивают интерес читателей уже много лет. Реципиентом данного произведения может выступать любая гендерная и возрастная группа.

Как было отмечено выше, эстетика и экспрессивность в художественном тексте выступают в качестве средства, способного привлечь интерес читателей. Т. В. Марченко пишет о том, что «в отношении художественного перевода первостепенной задачей является анализ эстетической позиции автора оригинала и истолкование заложенных им смыслов» [5, с. 183]. В связи с этим, можно сделать вывод о том, что в ходе перевода художественного текста сохранение эстетического и прагматического потенциала стилистических приемов может выступать в качестве главной доминанты перевода. Для того, чтобы успешно перевести стилистическое средство, необходимо точно передать прагматическое содержание высказывания. Г. Г. Почепцов определяет термин «прагматика художественного текста» как «совокупность интенций автора, выраженных при помощи различных языковых средств в авторской и персональной речи в целях воздействия на читателя и рассчитанных на углубленную интерпретацию читателем данных средств» [8, с. 8].

В ходе написания текста художественного произведения писатели прибегают к употреблению средств создания прагматического потенциала. Рассмотрим классификацию данных средств, предложенную Е. В. Дорджиевой. На лексическом уровне ученый выделяет такие средства создания прагматического потенциала, как: прием смещения стилей, диалектные вкрапления, прагматическая коннотация, прилагательные эмоционального состояния и метафора. На синтаксическом уровне прагматического потенциала в тексте художественного произведения автор рассматривает общие вопросы с прямым порядком слов, эллиптические, неполные предложения и обрывы, а также лексико-семантические, синтаксические повторы, параллельные конструкции и эллиптические повторы, которые усиливают прагматику текста [2, с. 10-14].

В ходе исследования нами были выделены такие стилистические приемы, как эпитет, сравнение, метафора, олицетворение, метонимия, повтор и другие. В ходе перевода стилистических приемов переводчику необходимо использовать переводческие трансформации, что вызвано тем, что коммуникативная функция стилистических единиц в английском и русском языках не одинакова. Мы разделяем мысль Т. В. Марченко о том, что «интенциональная редукция субдоминантных сем – при потенциальной возможности их воспроизведения – неизменно ведет к «редукции» эстетической ценности контекста и текста в целом» [4, с. 189].

Среди **лексических трансформаций**, наиболее часто применяемым в процессе перевода, нами были выделены: калькирование и лексико-семантические замены: конкретизация, генерализация. Калькирование – это прием перевода лексических единиц оригинала путем замены ее состав-

ных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) – их лексическими соответствиями в языке перевода [3, с. 247]. Например:

She sang like a little lark about her work, never was too tired for Marmee and the girls...- Делая какую-нибудь работу по дому, она распевала, **словно жаворонок**, никогда не отказывалась играть на рояле, если ее просили Марми или сестры... (Перевод Устиновой А. В. и Иванова А. Д.).

В данном примере автор романа использует сравнение в характерологической функции. При переводе данного стилистического приема автор перевода применяет калькирование, а также опущение лексемы (little). Употребление данного приема вызвано тем, что в русском языке есть устоявшееся словосочетание, которое полностью соответствует по смыслу исходному, автору удалось сохранить данный стилистический прием в процессе перевода. Рассмотрим другой вариант перевода:

Работая, Бет распевала, словно маленький жаворонок. Она никогда не бывала слишком уставшей для мамочки и сестер... (Перевод Бессмертной И. М).

В данном варианте перевода удалось сохранить стилистический прием и избежать экспрессивных потерь путем применения калькирования. Рассмотрим следующий пример:

... Jo hurried to this quiet place, and curling herself up in the easy chair, devoured poetry, romance, history, travels, and pictures like a regular bookworm. – ...Джо спешила в эту тихую комнату и, свернувшись калачиком в глубоком кресле, буквально пожирала книги стихов, романы, исторические произведения, книги о путешествиях и о картинах, точно настоящий книжный червь. (Перевод Бессмертной И. М)

Автор использует стертую метафору для описания характера, увлеченной главной героини романа, которая любит читать книги. В данном контексте метафора выступает в характерологической функции, с точностью передавая такую черту характера героини романа, как любовь к книгам. При переводе данного стилистического приема автор использовал прием калькирования, а именно заменил его фразеологическим аналогом, который полностью соответствует по смыслу исходному фразеологизму и основывается на том же общеизвестном художественном образе. Рассмотрим иной вариант перевода, предложенный Устиновой А. В. и Ивановым А. Д.:

...Джо спешила в это тихое убежище, казавшееся ей настоящим зачарованным царством. Забравшись с ногами в глубокое мягкое кресло, Джо принималась читать. Она поглощала все подряд – стихи, романы, исторические труды, записки путешественников. Уставая от чтения, девочка принималась разглядывать иллюстрации. Словом, день ото дня страсть к книгам все больше завладевала ею (Перевод Устиновой А. В. и Иванова А. Д.).

Переводчик выражает мысль автора произведения при помощи иной метафоры, иного образа, применив приемы добавления и членения предложения. Экспрессивные и прагматические потери в данном случае неизбежны.

Грамматическая замена является одной из самых распространенных видов переводческих трансформаций, к тому же она также отличается многообразием разновидностей. Л. С. Бархударов выделяет большое количество типов грамматической замены, среди которых замена частей речи является одной из самых часто встречающихся [1, с. 95]. Рассмотрим пример данной

трансформации:

«Glad to find you so merry, my girls,» said a cheery voice at the door, and actors and audience turned to welcome a tall, motherly lady with a ‘can I help you’ look about her which was truly delightful. – Очень рада, что вам так весело, девочки мои, – раздался от двери радостный голос, и актеры и зрители повернулись в ту сторону, с восторгом приветствуя высокую даму с матерински добрым лицом, которому было свойственно выражение «чем-я-могу-вам-помочь?», что придавало ему особое очарование (Перевод Бессмертной И. М.).

Автор использует фразовый эпитет для описания характера мамы героинь, которая всегда готова прийти на помощь девочкам. В данном случае эпитет выступает в положительной оценочно-характерологической функции. В ходе перевода данного фразового эпитета автор перевода использует такую трансформацию, при которой эпитет представляют в виде фразы, заключённой в кавычки, что по-прежнему позволяет говорить о конструкции как об определении, то есть переводчику удалось избежать экспрессивных и прагматических потерь. Рассмотрим иной вариант перевода:

– Рада, что вы так веселитесь, девочки! – раздался голос матери. Актеры и зрители, которых воплощала Бет, тут же повернулись к двери. Там стояла добродушная женщина, от которой веяло любовью и готовностью прийти на помощь каждому, кто в этом нуждается. (Перевод Устиновой А. В. и Иванова А. Д.)

В данном варианте перевода авторы переводят голофразис путем применения трансформации, именуемой экспликацией, то есть прибегает к описательному переводу. Такой перевод обусловлен расхождениями в строе английского и русского языков, а именно тем, что в русском языке фразовые эпитеты не могут функционировать. Переводчику не удалось избежать экспрессивных потерь.

В результате проведенного нами исследования мы пришли к выводу о том, что наиболее продуктивными стилистическими приемами в книге Л. М. Олкотт «Маленькие женщины» выступают метафора, эпитет и сравнение. Данные стилистические средства в большинстве случаев используются автором в характерологической и оценочной функциях. Перевод данных стилистических средств ставит перед переводчиком особые задачи. Переводчику необходимо обладать навыком верного употребления переводческих трансформаций, а также языковым и стилистическим чутьем для осуществления успешной интерпретации данных единиц.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения. – 1975. – 240 с.
2. Доржиева Е. В. Языковые средства создания прагматического потенциала английского художественного текста: автореф. дисс. ... канд. филол. Наук / Е. В. Доржиева. – Пятигорск, 2005. – 18 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк. – 1990. – 253 с.
4. Марченко Т. В. Литературный текст и интерпретационная позиция переводчика: в поисках адекватного решения / Т. В. Марченко // Гуманитар-

ные и юридические исследования. – 2017. – № 2. – С. 186-191.

5. Марченко Т. В. Сохранение образных доминант как один из критериев перевода поэтического текста / Т. В. Марченко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 2. – С. 182-188.

6. Олкотт Л. Маленькие женщины / Л. Олкотт. пер. с англ. И. Бессмертной. – М.: Азбука, 2017. – 416 с.

7. Олкотт Л. Маленькие женщины / Л. Олкотт. пер. с англ. А. Устиновой и др. М.: ЭНАС-КНИГА, 2002. – 320 с.

8. Почепцов Г. Г. Прагматика текста / Г. Г. Почепцов // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств: сб. науч. тр. – Калинин: КГУ, 1980. – С. 5-10.

9. Alcott L. Little Women / L. Alcott. – London: Wordsworth. – 1993. – 224 p.

УДК 81'253

THE INTEGRATION OF CAI TOOLS IN INTERPRETER TRAINING: COMPUTER ASSISTED INTERPRETATION SYSTEM (CASSIS)

М. В. Михайловская,

старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Настоящее исследование рассматривает особенности системы оптимизации устного перевода CASSIS и перспективы ее интеграции в процесс подготовки переводческих кадров. CASSIS не только распознает и транскрибирует звучащую речь, фильтруя посторонний шум, но и автоматически размещает заранее составленный терминологический глоссарий рядом с записанным исходным текстом. Данная система прошла апробацию на Факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова, открыв перспективы для проведения научных исследований в области интеграции современных систем оптимизации устного перевода в процесс обучения будущих переводчиков.

Ключевые слова: синхронный перевод, ИКТ, подготовка устных переводчиков, инструменты CAI, система оптимизации устного перевода, CASSIS.

Summary. This contribution pinpoints the functionalities of CASSIS and explores the potential of its incorporation in interpreter training. Not only does CASSIS recognize and transcribe the spoken text, filtering noise out, but also places a terminology database next to the transcribed source text. The integration of CAI tools in interpreter training undeniably represents a promising area of research.

Key words: simultaneous interpreting, ICT, interpreter training, CAI tools, computer assisted interpretation system, CASSIS.

During the past decades, Information and Communication Technology has literally penetrated all spheres of human life, and language service industry is no exception. A real breakthrough in technologies could not go unnoticed for professional translators who felt compelled to explore the possibilities of artificial intelligence (AI) and find efficient ways of developing software, such as Computer Aided Translation (CAT) tools, to enhance productivity and quality of their performance.

It is noteworthy that a CAT tool is a computer programme that assists in

translating text documents faster and easier through its four main functions. Firstly, such tools split the text to be translated into numerous segments to render the translation process more convenient and time-saving. Secondly, the translation of each segment is saved along with the source text. Source text and its translated version are treated as a translation unit. The quality control function embedded in the programme allows to navigate through the text and find the segments that need to be double-checked or revised. Thirdly, a CAT tool saves each translation unit in a database, which is referred to as translation memory (TM). These translation units can be re-used for any other text of similar type. The fourth function of a CAT tool is the automatic look-up in existing terminology databases coupled with automatic insertion of the search results.

Apart from the aforementioned functions, the translation software may include text search tools, concordance tools, statistical tools, alignment tools and quality checking through automatic watch list, which contribute to producing a consistent and coherent translation. The use of CAT tools seems to have become so ubiquitous that it is hard to imagine any high-quality translation to be carried out without the translator's resorting to them.

Evidently, professional conference interpreting has also undergone some drastic changes due to recent technological advances. Moreover, the ongoing Covid-19 pandemic has altered the way interpreting is performed, triggering the spread of remote simultaneous interpreting (RSI). However, RSI-related issues are not the focus of the present research and merit separate consideration.

After the emergence of numerous CAT tools, it became abundantly clear that computer-assisted interpreting software or CAI tools needed to be developed to help interpreters optimize their performance. In 2018, Ortiz and Cavallo carried out a detailed review of available CAI tools and classified their use in three types: a) training; b) preparation for the interpreting assignment; c) the actual interpreting phase [2].

From the perspective of manifold functionalities, CAI tools can also be categorized into three groups, namely: a) terminology management tools (Intragloss, InterpretBank, Interplex); b) speech recognition tools, designed to convert human speech signals into a sequence of words, or voice-to-text applications (Voice Dictation for Pages, Voice Pro, AudioNote); c) note-taking applications (Nebo 3.0, Notability, Evernote, BambooPages).

Moreover, Fantinuoli proposes to differentiate technologies «depending on the level at which they interact with the interpreter and the interpreting task», singling out two groups: a) process-oriented technologies that comprise terminology management systems, knowledge extraction software, corpus analysis tools and the like; b) setting-oriented technologies that include ICT tools and software «accompanying» the interpreting process proper, such as booth consoles, remote interpreting devices, training platforms, etc. [1, p. 155].

The ever-increasing use of technology in professional interpreting necessitated further ICT integration into interpreter training. Therefore, the mid-1990s saw the emergence of a new field of Interpreting Studies which was labelled as «Computer Assisted Interpreter Training». The impetus behind CAIT is «to exploit the multimedia capabilities of ICT to enhance the teaching and learning of interpreting in various ways» [3]. Basically, CAIT relies on three major approaches: a)

the implementation of digital speech banks or repositories that provide students with relevant materials for classroom use or self-study; b) “intelligent” training platforms that generate various exercises and incorporate new utilities to increase interaction between the computer and users as well as to situate learning in more realistic contexts; c) Virtual Learning Environments, designed to make the teaching and learning of interpreting more immersive by applying aspects of simulation technology, similar to the one used in computer games [ibid.].

However, the present study focuses on the functionalities of CASSIS or Computer Assisted Interpreter System, the testing and evaluation of which we were entrusted with, as well as explores the potential of its incorporation in interpreter training. CASSIS was worked out by is a Budapest-based company which, alongside offering routine linguistic services (translation, interpretation, DTP), specialises in developing ICT supported interpreting services, a brand-new field in this market segment. CASSIS, a cloud-based programme, incorporates all the benefits of MT, CAT tools and speech recognition systems as well as encompasses the latest artificial intelligence developments. The system not only recognizes and transcribes the spoken text, filtering noise out, but also places a terminology database next to the transcribed source text. Therefore, the interpreter can carry out simultaneous interpretation with text, resorting to the glossary whenever s/he needs to look up a specific term. CASSIS is supposed to considerably enhance the performance of the interpreter and quality of the rendition, substantially reducing the cognitive workload. Undoubtedly, it displays huge potential for becoming an indispensable tool for a simultaneous interpreter. As Kata Hajos, one of the system’s developers, points out, «We designed the model using the modern technology in order to improve the human performance, which can be used in numerous and various fields as real time support for consecutive and simultaneous interpreting, training, transcription etc.»

Not requesting any installation, this programme proves to be easy-to-use. For the error-free operation of CASSIS, the following hardware and software requirements should be observed: a) the Internet connection with a download speed of at least 8 Mbps; b) Windows 10 or latest version operating system; c) Chrome browser d) built-in or external sound card; e) password provided by the manufacturer.

In this paper we would like to share our experience of integrating CASSIS in the university interpreter training course. FFLAS’s fifth- and sixth-year students took part in the experiment, whose aim was to incorporate CASSIS in the Conference Interpreting course and glean the feedback about its possible benefits and imperfections. The system was expected to help develop and test the following skills: a) preparation for the interpreting assignment; b) glossary compilation; c) and most importantly, simultaneous with text. Upon completion of the course, a survey was conducted amongst the students involved in the aforementioned experiment. The student survey elicited a wide variety of views regarding the usability of CASSIS and its capacity to decrease the interpreter’s cognitive load, thus improving the overall quality of rendition. That said, some clear shortcomings of the systems can be identified. For instance, most students indicated some technicalities or rather technical limitations (the facts that CASSIS is a web-based platform that requires stable Internet connection and can only operate through Chrome browser are one of them), the system’s insensitivity to various accents and tempo

of speech. Though the tool has definitely improved the students' interpreting accuracy, its impact on fluency is mixed. About 70 % of the respondents considered the use of CASSIS in simultaneous interpreting to be somewhat unnatural, finding it a time-consuming and distracting activity.

It would be fair to conclude that although some CAI tools including CASSIS seem to be largely immature for use in interpreter training and novice interpreters turn out to have been experiencing extra cognitive difficulties while using them, we would like to hold hope that in the near future CAI tools will offer more advantages than disadvantages for trainees to embrace and benefit from. Undoubtedly, universities offering courses in conference interpreting should aspire to smoothly integrate CAIT in their curricula, introducing budding interpreters to the concept of computer-aided interpreting. The integration of CAI tools in interpreter training, which at the moment lacks sufficient empirical investigations, undeniably represents a promising area of research.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Fantinuoli C. Computer-assisted interpreting: challenges and future perspectives. In *Trends in E-Tools and Resources for Translators and Interpreters*. Koninklijke Brill Nv, Leiden. 2018. P. 153–174/
2. Ortiz L. & Cavallo P. Computer-Assisted Interpreting Tools (CAI) and options for automation with Automatic Speech Recognition. *TradTerm*, 2018. Vol. 32. P. 9–31.
3. Sandrelli, Annalisa and De Manuel Jerez, Jesus. The Impact of Information and Communication Technology (ICT) on Interpreter Training. In *The Interpreter and Translator Trainer (ITT)*. 2007. 1. No.2. P. 269–303.

УДК 811.581.11

АНГЛИЦИЗМЫ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

А. В. Морозова,

студентка четвертого курса кафедры философии факультета философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация: В данной статье рассматриваются понятия «заимствование» и «англицизм». Рассказывается о заимствованиях в японском языке, об истории их возникновения и их функциях; рассматривается явление гайрайго и васэй-эйго, а также их влияние на культурное взаимодействие японской и западной культур.

Ключевые слова: заимствование, гайрайго, васэй-эйго, японский язык, английский язык, англицизм.

Summary. In this article the author analyzes the concepts of «borrowing» and «anglicism». It tells about borrowings in the Japanese language, about the history of their origin and their functions. In this article the phenomenon of gairaigo and wasei-eigo are viewed as well as their influence on the cultural interaction of Japanese and Western cultures.

Key words. Borrowing, gairaigo, wasei-eigo, japanese language, english language, anglicism.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре термину «заимствование» дается следующее определение: «Заимствование – это элемент чужого

языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [3].

В словаре лингвистических определений Ж. Марузо заимствованием называется деятельность, в следствие которой один язык усваивает элемент другого языка, как сам заимствованный компонент [2].

В роли заимствования могут выступать не только слова, но также значения (синтаксические кальки), словообразовательные и синтаксические модели.

Японский язык включает в себя большое количество заимствованных слов. С древнейших времен это были заимствования из корейского и китайского языков, но по мере того, как Япония становилась все более открытой, к ним добавились заимствования из португальского, голландского, французского, немецкого, русского и английского.

Первичные заимствования из европейских языков относят к XVI веку. Это были слова преимущественно из португальского и голландского языков. В основном это были названия предметов, ранее неизвестных в Японии, к примеру: *samboja* – カボチャ (*kabocha*) тыква, *biscoito* – ビスケット (*bisuketto*) печенье, *alcohol* – アルコール (*arukoru*) алкоголь, *kompas* – コンパス (*konpasu*) компас.

Эти слова не имеют японских аналогов, поэтому могут писаться иероглифами, подбираемыми по звучанию, реже — по смыслу.

В начале XVII века феодальная власть Японии вводит запрет на контакты с иностранными государствами. Таким образом процесс коммуникации прерывается, а любые заимствования, причем не только языковые, но и культурные, становятся невозможны. Японское государство становится закрытым до насильственного «открытия» страны Соединенными Штатами Америки в 1854 году.

В 1868 году проводится Реставрация Мэйдзи («Просвещённое правление»), известная также как Обновление Мэйдзи и Революция Мэйдзи. Реставрация Мэйдзи – это комплекс политических, военных и социально-экономических реформ в Японии 1868-1889 годов, направленных на слом японского традиционного образа жизни и ускоренное внедрение в стране достижений западной цивилизации во всех сферах жизни японцев. Реставрация Мэйдзи стала закономерным следствием того, что в период «закрытости» Япония сильно отстала от остального мира, особенно в сферах науки и техники. Чтобы сократить отставание в развитии со странами всего остального мира, требовалось освоить знания Запада, что являлось невозможным без знания языков.

Изучение иностранных языков (немецкого, английского, французского) стало одной из главных задач Реставрации Мэйдзи [4].

В послевоенное время позиции английского языка в Японии упрочнялись также присутствием в ней американцев. В это время заимствования происходят преимущественно из американского английского, и на данный момент встречаются в речи чаще других.

В этот период иностранные языки в Японии рассматривались исключительно как средство преодоления технического и научного отставания, а не как средство межличностного общения [4].

Для обозначения заимствованных слов в японском языке существует

особый термин – гайрайго, что дословно означает «слова, пришедшие извне».

Гайрайго – это особый класс лексики в японском языке, объединяющий заимствования из других языков, за исключением китайского. Гайрайго записываются только катаканой. Большая часть такой лексики появилась устным путем, вместе с теми или иными реалиями, отсутствовавшими до этого в японской культуре [2].

Вопрос количественного использования современных гайрайго в японском языке хорошо изучен как в Японии, так и на Западе.

На Западе для обозначения «японского английского» используются различные термины: *Japanized English* (японизированный английский), *Japanglish*, *Japlish* (*Japanese English*), *Janglish*, *Engrish*, *Engurish*, *Wasei Eigo* (*English Made in Japan*).

В результате многочисленных исследований было выявлено, что гайрайго мало в официальных документах, газетной информации (особенно касающейся Японии), гуманитарных науках; их число незначительно в политической, религиозной, юридической лексике и в абстрактной лексике в целом. Гораздо более заметна роль гайрайго в сфере техники и естественных наук [1].

В терминологии менеджмента, маркетинга и среди торговых терминов гайрайго составляют больше половины всех используемых слов. В области компьютерных технологий гайрайго используется больше всего. Также исключительно велик процент гайрайго во всей сфере массового потребления, где он за последние десятилетия постоянно растет. Сферы спорта, эстрадной музыки, кулинарии, моды и т.д. (исключая разве что области национальной культуры, вроде кимоно, юката, сашими и т.д.) почти целиком обслуживаются гайрайго. Огромное их количество содержится в молодежных журналах, в туристической рекламе [1].

Гайрайго – в основном слова с конкретным значением, поэтому их подавляющее большинство относится к существительным. Слов иных частей речи среди них мало. Современные гайрайго конца двадцатого века и начала двадцать первого почти целиком заимствованы из американского варианта английского языка.

Можно выделить несколько структурных моделей англицизмов [2].

Составные слова, в которых происходит замена одного из компонентов. В результате этого получаются новые слова на основе английских, употребляемые только в Японии. Может изменяться одна из частей слова, к примеру: *order made* (англ. *custom made* – сделанный заказ), *hotcake* (англ. *pancake*), *mass communication* (англ. *mass media*); порядок слов, к примеру: *season off* (англ. *off-season*).

Составные слова, которые в английском языке могут быть объяснены только описательно, поскольку точных соответствий для них не существует: *free size* (англ. *one size fits all*), *pair-look* (англ. *the same outfit*), *paper driver* (человек, имеющий водительские права, но редко садящийся за руль).

Упрощенные слова: *salary man* (англ. *salaried worker*), *soft cream* (англ. *soft serve ice cream*), *classic music* (англ. *classical music*).

Сокращенные слова: *anime* (англ. *animated cartoon*), *apart* (англ. *apartment*), *mass pro* (англ. *mass production*).

Аббревиатуры, не характерные для английского языка: *CM* (англ. *commercial*), *DM* (англ. *direct mail*), *BGM* (англ. *back ground music*).

Некоторые англицизмы в Японии употребляются в неправильном для них значении в английском языке. К примеру, слово boom в Японии имеет значение слова fad, то есть понимается как увлечение, мода на что-либо. Слово smart употребляется в значении стройный, тонкий. Изменяется не только семантика слов, но и коннотация. Слово naïve в Японии имеет положительный окрас, и по значению близко к английскому ingenuous.

На основе гайрайго в Японии возникло другое явление – васэй-эйго.

Васэй-эйго – это японские псевдоанглицизмы. Такие конструкции состоят из слов английского происхождения, которые, однако, не существуют в английском, но используются в японском. Хорошим примером служит английское слово desk (яп. デスク desuku), которое в английском означает «письменный стол», а в японском часто используется в отношении людей, работающих за столом [2].

Иногда два английских слова совмещают так, что они образуют новое понятие, к примеру famicom, гибрид английского family и computer, что означает «игровая приставка».

Многие заимствованные слова прочно закрепились в японском языке, обрели там свое место и роль. Но, несмотря на это, многие люди, особенно старшего поколения, заимствования не принимают и отказываются использовать и учить их.

Ещё в 1919 году японский политический деятель Китта Икки писал, что английский язык крайне вреден для японской культуры, поэтому необходимо избавиться от всех англоязычных заимствований [2].

Однако постоянные жалобы японцев, особенно старшего поколения, на доминирование гайрайго, не отражают преобладающее общественное мнение. Предпринимаемые иногда, особенно в официальной сфере и на телевидении, меры по ограничению гайрайго могут самое большее лишь замедлить процесс их экспансии.

Гайрайго ассоциируется с современностью и престижностью, а более традиционные слова – с отсталостью и бедностью. К примеру, современный фотоаппарат – это camera, а другое слово, которое использовалось для него ранее, syasinki, ассоциируется со старыми моделями, которые использовались еще в фотоателье. Хотя и то, и то означает «фотоаппарат».

Вместе с тем очень многие японцы плохо знают или вовсе не знают значительную часть из гайрайго, с которыми сталкиваются, особенно в рекламе и журналах для молодежи. В действительности оказывается, что японцы, особенно молодые, не особенно и интересуются точным значением того или иного слова. Важен прежде всего его «имидж», ощущение «элитности», закрепляемое в написании катаканой или латиницей. Особенно это относится к рекламе на английском языке, которая благодаря факту наличия английского языка сразу вызывает ощущение качества продаваемого продукта.

При всей распространенности гайрайго, однако, нельзя сказать, что американизация японского приводит к более широкому распространению английского. При большом числе гайрайго в японском и престижности английского языка как такового уровень владения им в Японии невысок.

Английский язык входит в школьную программу всех средних и старших школ Японии, экзамен по нему входит в число обязательных экзаменов

для поступления в университет, но абсолютное большинство японцев не знают язык даже на уровне простого разговора с иностранцем.

Среди причин этого указывают на низкое качество преподавания, устарелую методику, формальный характер экзаменов и другое, но главной причиной является отсутствие мотивации. В японских школах английский язык – это один из самых непопулярных предметов. Связано это с тем, что большинство учеников не знают, зачем изучать язык, который не понадобится им в дальнейшем. Единственная веская причина для японца учить английский язык – поступление в вуз, однако даже после этого, при устройстве на работу, если специальность не связана с выездом за границу и взаимодействием с иностранцами, незнание английского языка совершенно никак не отражается на жизни [1].

Большинство японцев, которым приходится ежедневно встречаться с большим объемом «японизированного английского» воспринимают его как настоящий английский язык. Люди привыкли к этому явлению и часто даже не представляют, что означают те или иные надписи. Широкое распространение гайрайго затрудняет изучение японцами настоящего английского языка и не способствует межкультурному общению, скорее, наоборот, поскольку итоговый вариант смешения японского и английского языков плохо понимают как японцы, так и англоговорящие.

Список использованных источников

1. Алпатов В. М. Зачем японцам гайрайго? [Электронный ресурс] // Ассоциация японоведов в России. – http://www.ru-jp.org/yaponovedy_alpatov_01r.htm (дата обращения: 13.01.2022).
2. Бузов А. А. Особенности функционирования англицизмов в японском языке. [Электронный ресурс] // Белгород. – 2018. – <https://nauchkor.ru/uploads/documents/5c1a52767966e104f6f85290.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).
3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим – 2010. – 486 с.
4. Козлова А. В., Ибатуллина Д. Г. Процесс и результат ассимиляции англо-американских заимствований в японском языке. [Электронный ресурс] // Modern oriental studies. – 2019. – №3. – <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-i-rezultat-assimilyatsii-anglo-amerikanskih-zaimstvovaniy-v-yaponskom-yazyke/viewer> (дата обращения: 12.01.2022).

УДК 821.111

**ОТРАЖЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ
ВИРДЖИНИИ ВУЛФ В РАССКАЗЕ «THE NEW DRESS»****О. А. Москаленко,***к.филол.н., доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт
общественных наук и международных отношений,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь***А. В. Петривная,***обучающаяся специалитета, кафедра «Теория и практика перевода»,
Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО
«Севастопольский государственный университет», Севастополь*

Аннотация. Авторы проводят лингвостилистический анализ рассказа В. Вулф «The New Dress», определяя на его примере, как в малой прозе британской писательницы реализуются традиционные для ее творчества эстетические принципы: рефлексия героев, связь «потока сознания» с внешним хронотопом, сочетание субъективности и универсализма. В качестве основных символов, иллюстрирующих психологический конфликт героини, выделены желтый цвет, зеркало, муха.

Ключевые слова: поток сознания, британская литература, эстетический, модернизм, символ, малая проза

Summary. Upon the basis of linguistic and stylistic analysis of W. Woolf's short story «The New Dress», authors show how the British writer's short prose implements her traditional aesthetic principles: characters' reflection, connection of the stream of consciousness with the external chronotope, the combination of subjectivity and universalism. As the main symbols illustrating the psychological conflict of the main character, «yellow colour», «a mirror», «a fly» are highlighted.

Key words: stream of consciousness, British literature, aesthetic, modernism, symbol, short story

Из 46 новелл Вирджинии Вулф только 18 были опубликованы при ее жизни, и, хотя сейчас читатель получил возможность познакомиться со всей палитрой творчества писательницы, ее новеллистика до сих пор остается на втором плане. Следует отметить, что в последние 20 лет новеллы британской писательницы вызывают интерес не только зарубежных литературоведов, но и отечественных: назовем кандидатскую диссертацию О. Жуковской «Поэтика малой художественной прозы Вирджинии Вулф» (2008) [2]. В статье «Эстетические принципы Вирджинии Вулф» М.А. Кравцова выделила три ключевые черты крупной прозы Вулф: рефлексия героев в виде «потока сознания»; целостность произведений, достигаемая за счет привязки «потока сознания» к хронотопу внешних событий; сочетание субъективности и универсальности восприятия [3] – считаем, что эти эстетические принципы могут быть применены и к произведениям малой формы с поправкой на особенности жанра, а также особый статус рассказа «The New Dress», который, согласно изначальной задумке, должен был стать одной из глав романа «Миссис Дэллоуэй».

Основой произведений В. Вулф (и рассказа «The New Dress» в частности) является «тонко нюансированный психологизм» [3, с. 47], воплощён-

ный в технике «потока сознания»: целью является отражение мимолётных и иногда противоречивых мыслей и чувств, специфических ассоциативных цепочек и реакций. Писательница выступает всезнающим автором, показывает внешние события через переживания ключевого персонажа и объединяет эти уровни. Рассказ «The New Dress» относится к психологическому типу как на идейно-тематическом уровне, так и на уровне композиции: развитие действия связано не с событиями внешнего мира и поступками персонажей, а с тем, как главная героиня Мейбл Уоринг оценивает поведение окружающих, собственное прошлое и настоящее. Так, например, эмоциональной кульминацией рассказа можно считать момент, когда Мейбл решает покинуть приём у Дэллоуэв. Несмотря на заикленность, мысли главной героини под воздействием обстоятельств выстраиваются в логичное решение явного внутреннего конфликта (между желанием жить так, как ей кажется правильным, и стыдом, боязнью осуждения, привычкой действовать «как все»). Можно сказать, что конфликты развиваются по спирали: одни и те же ассоциации и образы соответствуют противоположным взглядам на ситуацию, и на очередном витке происходит развитие персонажа. В итоге Мейбл Уоринг решается поступить в соответствии с собственными ценностями. Однако фраза, которую она повторяет, покидая прием («“Lies, lies, lies!” <...> “Right in the saucer!”» [4]), плотно кутаясь в старую китайскую накидку, которую носила уже двадцать лет, говорит о нерешенном конфликте, о вопросе: сможет ли Мейбл Уоринг на самом деле изменить свою жизнь?

Кроме того, в технике «потока сознания» Вирджиния Вулф точно повторяет естественный поток речи как во внутренних монологах героини, так и в описании обстановки. Внутренняя речь воссоздается как на лексическом и грамматическом, так и на фонетическом уровне: данные приёмы также повторяют её специфический ритм. Также в цепочках эпитетов дважды встречаются элементы звукописи: «numb, chill, frozen, dumb» (фонетически близкие слова и рифма на звук [m] создают эффект безысходности, тупика), «dowdy, decrepit, horribly dingy old fly» (аллитерация на звук [d] может одновременно отсылать к жужжанию мухи и делать речь отрывистой за счёт пауз на данном звуке в начале слова) [4].

Ещё одним ключевым эстетическим принципом является целостность, которая в данном случае обеспечивается через сквозные образы и детали. Выделим три основных образа-символа: самого платья, зеркала и мухи. Каждый из них по-своему помогает раскрыть проблематику рассказа и показывает разные уровни взаимодействия главной героини с внешним миром и уровни её самовосприятия, несмотря на внешне слабую связь между ними.

Жёлтое платье можно рассматривать как попытку Мейбл Уоринг выразить свою индивидуальность, подавленную неуверенностью в себе и зависимостью от общественного мнения. История его создания – первый эпизод, показывающий истинный характер Мейбл. Идея наряда взята из книги парижской моды времён Империи; такой стиль казался героине утончённым и отвечал её представлениям о прекрасном, поэтому сам процесс его подготовки и взаимодействие со швеёй мисс Милан приносили ей удовольствие. Мейбл Уоринг оценивает швею как «more real, much kinder» в сравнении с гостями миссис Дэллоуэй, сочувствует проблемам и чувствует признатель-

ность за воплощение в жизнь её идеи. В этот момент Мейбл Уоринг чувствует себя по-настоящему счастливой: «Suffused with light, she sprang into existence. Rid of cares and wrinkles, what she had dreamed of herself was there – a beautiful woman <...> there looked at her, <...> mysteriously smiling, charming girl, the core of herself, the soul of herself; and it was not vanity only» [4]. Однако в современную ей эпоху такой наряд уже считался слишком вычурным, и потому героиня начинает сомневаться в его уместности и рефлексировать по поводу того, достойна ли она выражать свои вкусы и привлекать внимание окружающих [4].

Выбор цвета также неслучаен. Творчество Вулф относится к модернистскому направлению; в её художественной реальности элементы действительности актуализируют внутренний мир персонажей через их эмоции и впечатления. По мнению исследователей, «желтый цвет ассоциируется с ощущением неадекватности, смущения, <...> усиливает чувство изоляции, унижения Мейбл, которая видит свое отражение в зеркале в виде желтой точки (the yellow button)» [1, с. 239]. Собеседницу героиня также представляет как точку-отражение, при этом через метонимию подчёркивая отчуждённость и неприязнь к формальностям и лжи: «and it was amazing to think how much humiliation and agony and self-loathing and effort and passionate ups and downs of feeling were contained in a thing the size of a threepenny bit. And what was still odder, this thing, this Mabel Waring, was separate, quite disconnected» [4]. Это подтверждают и сопутствующие эпитеты с негативной эмоциональной окраской: «pale yellow, idiotically old-fashioned silk dress». Среди «нормальных» гостей Мейбл чувствует себя посмешищем; одновременно сохраняется отсылка к швейной мастерской, но на этот раз героиня ассоциирует себя с неживым объектом, манекеном: «She felt like a dressmaker's dummy standing there, for young people to stick pins» [4].

Мотив зеркала и отражения традиционен для импрессионизма, элементы которого также прослеживаются в творчестве В. Вулф; с ним тесно связан мотив рамки, который подчёркивает «дискретность процесса восприятия, невозможность увидеть предметы и явления во всей целостности» [1, с. 236]. Как уже было упомянуто, в мастерской мисс Милан Мейбл Уоринг видела себя такой, какой хотела быть. Во второй части зеркало персонафицируется («a looking-glass hung and looked» [4]) и воплощает возможное осуждение со стороны окружающих, из-за чего героиня пытается отстраниться и от собственного «я», и от общественного мнения.

Муха является сквозным образом-символом рассказа. Изначально образ мухи, пытающейся выбраться из блюда с молоком, Мейбл приводит, чтобы охарактеризовать бессмысленность жизни представителей её социального круга, каждый из которых старается «выбраться», выделиться среди других; эта метафора должна была помочь ей достойно выдержать приём. Однако затем она приходит к выводу, что единственная «муха» – это она сама: невзрачная, не имеющая возможности показать себя. Других же она называет «прекрасными насекомыми», пусть и сохраняя корень «fly»: «She saw herself like that – she was a fly, but the others were dragonflies, butterflies, beautiful insects, dancing, fluttering, skimming, while she alone dragged herself up out of the saucer» [4]. С одной стороны, героиня осознаёт фальшивость

этого социального круга; с другой – чувствует эмоциональный дискомфорт, так как из-за относительной бедности не может встать наравне с окружением или устроить жизнь по собственному усмотрению. Важной деталью выступают крылья, намокшие в молоке и прилипшие друг к другу. Изначально крылья – распространённый поэтический символ, однако в данном контексте, где они относятся к мухе, традиционно воспринимаемой как нечто неприятное, значение переосмысливается. В отношении представителей высшего общества этот символ может означать ограниченность взглядов и однотипность; в отношении главной героини – невозможность «расправить крылья» и стать свободной. При этом последнее упоминание крыльев уже отделено от образа блюда с молоком, однако и в этом случае сохраняется связь с принятыми условностями (в данном случае – проявление притворного участия): «Ah, it was tragic, this greed, this clamour of human beings, like a row of cormorants, barking and flapping their wings for sympathy – it was tragic, could one have felt it and not merely pretended to feel it!» [4]. Символ блюда, из которого не могут выбраться мухи, также показывает обречённость героини и существующие ограничения: как внешние, так и внутренние.

В творчестве Вулф сочетаются *субъективизм и универсальные идеи*: «Изображая мимолетные впечатления и чувственные нюансы, она [Вирджиния Вулф] истолковывает их как подлинную реальность, присущую каждому человеку» [1, с. 49]. В данном рассказе писательница через заикленность главной героини на определённых образах и деталях, её отношение к внешнему виду и поведение (например, слабый и дрожащий говор, «мысли вслух», ожидание похвалы и одновременно ощущение, что все остальные гости насмеются над ней) раскрывает общечеловеческие проблемы: отчуждённости от общества и «закрытости» в собственном внутреннем мире, самооценки и самовыражения, несоответствия мечты и реальности, зависимости от социальных стандартов и финансового положения, незащитности перед обстоятельствами.

Как мы видим, малая проза Вирджинии Вулф в полной мере реализует присущие ее произведениям крупной формы эстетические принципы, создавая эффект не меньшей эмоционально-психологической напряженности и прорисовки характеров и конфликтов.

Список использованных источников

1. Белозерова Н. В. Средства вербализации живописного начала в малой прозе Вирджинии Вулф // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – №4(137). – С. 236–241.
2. Жуковская О.И. Поэтика малой художественной прозы Вирджинии Вулф: дисс. ... кандидата филол. наук. Нижний Новгород, 2008. – 24 с.
3. Кравцова М. А. Эстетические принципы Вирджинии Вулф // Культура народов Причерноморья. – 2008. – №140. – С. 46–50.
4. Woolf V. The New Dress [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://keever.us/newdress.pdf> (дата обращения 29.01.2022).

УДК 811.1

**ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛЕНГА
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЫ)****Я. Ф. Мохаммади,***обучающийся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь*

Аннотация. В данной статье нами проведен комплексный анализ сленга на материале текстов песен современных российских исполнителей, осуществлен их перевод на английский язык, выявлены некоторые транслатологические особенности передачи русских сленговых единиц на английский язык.

Ключевые слова: транслатологические особенности, сленг, перевод сленга, коммуникативно-прагматические особенности сленга.

Summary. This article provides a comprehensive analysis of slang based on the lyrics of songs by modern Russian singers, translated into English. Some translational features of the transfer of Russian slang units into English. Are identified.

Key words: translational features, slang, slang translation, communicative and pragmatic features of slang.

Сленг является одним из самых интересных феноменов языка, который, по мнению многих лингвистов, можно отнести к социальным диалектам. Сленг проистекает из конфликтов в ценностях, иногда поверхностных, но часто фундаментальных. Его появление всегда связано с культурными, социально-политическими и историческими событиями, происходящими в различных слоях общества, особенно это отражается в молодежной среде. Рассмотрим определение сленга, которое чаще всего приводится в отечественном языкознании: «Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [6, с. 54].

При переводе сленговой лексики исходного языка необходимо обращаться к лексикографическим источникам для того, чтобы найти максимально возможный эквивалент такой лексики в языке перевода, при этом необходимо учитывать контекст, чтобы подобрать оптимальное соответствие сленговой единице в оригинале. Многие переводчики сталкиваются с трудностями при переводе сленгизмов, так как зачастую сленговые единицы не имеют эквивалента в языке перевода. В такой ситуации переводчик может использовать необходимый приемный перевод: прямой (буквальный) и непрямой (трансформационный).

Л. С. Бархударов придерживается мнения, что при передаче сленга на другие языки используются те же способы перевода, что и для перевода литературной лексики. В случае с передачей сленгизмов к приемам буквального перевода следует прибегать лишь в редких случаях и только тогда, когда значение слова понятно читателям без специальных комментариев.

Гораздо чаще обращаются к непрямым способам перевода или переводческим трансформациям 1, с. 210]

В качестве источника материала для исследования мы используем тексты песен «90» (Монеточка), Плак-Плак и Марш (Icereak), Панелька (Husky), Любимый цвет (Noize MC), а также их переводы, выполненные автором исследования.

Таблица 1

Анализ текстов перевода песен

Текст оригинала	Текст перевода	Переводческая трансформация
Монеточка «90»		
<i>Бензином водку мешали, глушили литрами</i>	<i>They used to mix petrol with vodka, boozed it up a lot</i>	Описательный перевод
<i>П***или тачки, дисками банчили</i>	<i>They were hijacking wheels, selling discs</i>	Эвфемистический перевод, описательный перевод
<i>Понавесили крестов на корешей</i>	<i>They'd hang crosses on their yaks</i>	Конкретизация
<i>Вполне достаточно рассказов от деда и бати</i>	<i>Quite enough stories from gramps and daddy</i>	Компенсация
<i>Патриотические рожки корчили</i>	<i>They cut their patriotic conk</i>	Смысловое развитие
<i>Но это fuckin' trend, а значит всё окей</i>	<i>But it's fuckin' trend, means it's okay</i>	Транскрибирование
Icereak «Плак-Плак»		
<i>Я всю жизнь, как паинька, по правилам жила</i>	<i>All my life, pulling no tricks, I lived by the rules</i>	Смысловое развитие
Icereak «Марш»		
<i>Он не стреляет, стоит тут для понта</i>	<i>He does not shoot, stands here for a show-off</i>	Калькирование
Husky «Панелька»		
<i>Вынырнуть в колыбельку И вращать по-маленьку в панельку</i>	<i>To dive into the home To grow into a little ghetto- panel-home</i>	Смысловое развитие
<i>Жрать слез маминых в поварешке</i>	<i>To lap up mom's tears with a ladle</i>	Описательный перевод
<i>Солнце тает в окне, как харчок золота</i>	<i>The sun melts in the window like a loogie of gold</i>	Описательный перевод
<i>Набитое панельное брюхо</i>	<i>Ghetto-panel-home's guts are full</i>	Смысловое развитие
<i>Панельного неба краюха</i>	<i>Marginal part of ghetto- panel-home's sky</i>	Смысловое развитие
<i>Давиться полторахой на коробке</i>	<i>To hit the bottle on a box</i>	Смысловое развитие
<i>В день, когда по-особому пёрло</i>	<i>In a day when I was so high</i>	Конкретизация
<i>Голова гудит, в голове гундит пуля-паранойя</i>	<i>Really bad headache, everything is screwed up, paranoid-bullet</i>	Смысловое развитие
<i>И квасить, квасить: до белки, до бесовства</i>	<i>To drink like a fish: to the clanks, to the devilry</i>	Смысловое развитие

<i>Noize MC «Любимый цвет»</i>		
<i>У меня есть три футболки, две гитары, пара кед И песенка где-то под сорокет На болванке в рюкзаке</i>	<i>I have three t-shirts, two guitars, pair of sneakers About forty songs On a mixtape in my backpack</i>	Описательный перевод
<i>И подпишу там, в уголке, Свой дурацкий псевдоним на иностранном языке</i>	<i>And I will sign there, in the corner, My dumb pseudonym in a foreign language</i>	Дисфемистический перевод
<i>В наш загородный дом, Что пока что не готов, но он будет, сто пудов</i>	<i>To our vacation home, Which is not yet ready, but it will be, shtoops</i>	Описательный перевод
<i>И будут впуск с раскладушками в однушках</i>	<i>And we'll have parties with cots in bedsitters</i>	Смысловое развитие
<i>Получается понса, как Антонов или Лоза</i>	<i>It seems like pops like Antonov and Loza</i>	Транскрибирование
<i>Наивняк, детский сад, будто мне 17 лет</i>	<i>Childlike! How mature! I'm like 17!</i>	Калькирование, Описательный перевод

Рассмотрим пример из вышеупомянутой Таблицы 1, из песни «90» певицы Монеточки:

*Понавесили крестов на **корешей***

В данном примере мы перевели слово «**корешей**» как «*yaks*». Само по себе слово «**кореш**» означает «*близкий друг, приятель*». В данной композиции исполнитель поет о своих представлениях об эпохе лихих 90-х в России, в том числе она часто упоминает бандитские разборки, «малиновые пиджаки», лютые банды. Исходя из данного контекста, «**кореша**» указывают на «*приятелей*» в воровских кругах. Мы обратились к лексикографическим источникам, чтобы найти оптимальный перевод слова «**кореш**». В английском криминальном жаргоне употребляют слово «*yak*», обозначающее более узкое значение слова «*приятель, друг*». Таким образом, в данном случае мы прибегли к конкретизации, что на наш взгляд является оптимальным вариантом.

В другом примере из песни Плак-Плак мы прибегли к смысловому развитию:

*Я всю жизнь, как **паинька**, по правилам жила*

В данном случае можно было перевести «**паинька**» как «*good girl*», но при этом мы бы утратили эмоциональную окраску, присущую песне, которая повествует о домашнем насилии. Поэтому мы прибегли к трансформации, чтобы данная сленговая единица на языке перевода более точно была соотнесена с той ситуацией, о которой поет группа:

*All my life, **pulling no tricks**, I lived by the rules*

Словосочетание «**pulling no tricks**» можно дословно перевести как «*без трюков*», что в данном контексте является удачным вариантом перевода.

В рассмотренных песнях нами были выявлены 25 сленговые единицы. При переводе с русского языка на английский мы использовали переводческие трансформации с целью сохранения коммуникативно-прагматического потенциала: описательный перевод – 28%, эвфемистический перевод – 4%, конкретизация – 8%, компенсация – 4%, смысловое развитие – 36%, транскрибирование – 8%, калькирование – 8%, дисфемистический перевод – 4%. Таким образом, чаще всего мы использовали смысловое развитие – 36% и описательный перевод – 28%.

При переводе сленговой лексики в песенной культуре часто используются переводческие трансформации, такие как конкретизация, генерализация, калькирование и др. Описательный перевод и смысловое развитие встречаются в большинстве примеров, что подтверждает выполненный нами анализ в Таблице 1. Лексические единицы, выражающие отрицательную оценку, могут переводиться при помощи приёмов эвфемизации и дисфемизации.

При переводе сленговых единиц следует использовать разграниченный подход, при котором учитываются различные особенности: возрастные, гендерные, социальные и персональные. Сложность перевода данной лексики также заключается в том, чтобы найти такие аналоги, которые были бы семантически и стилистически соотнесены с единицами в оригинале, а также они должны быть знакомы и понятны реципиентам, на которых рассчитан перевод. Необходимо помнить тот факт, что в формировании сленговой лексики участвуют образные средства, например метафора, поэтому и перевод должен соотноситься с образом. Таким образом вышеперечисленные особенности являются важным критерием для успешного перевода сленга.

Список использованных источников

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения. – 1975. – 240 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва: Высшая школа. – 1990. – 253 с.
3. Словарь АБВУД Lingvo. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.lingvo.ru>
4. Словарь МультиТран. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.multitrans.ru>
5. Сервис потокового аудио Spotify. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.spotify.com>
6. Хомяков В.А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия. Москва: ЛИБРОКОМ. – 2009. – 102 с.

УДК 81'255.2

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ В ПЕРЕВОДАХ А. С. ПУШКИНА

М. Н. Николаева,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва

Аннотация. Статья посвящена анализу двух стихотворных переводов, выполненных А. С. Пушкиным. Отмечается значимость подобных переводов для русской литературы и взаимообогащения культур.

Ключевые слова: английская поэзия, подлинник, перевод, переводчик, А. С. Пушкин, поэма, шотландская народная баллада.

Summary. The article is devoted to the analysis of two poetic translations made by A. S. Pushkin. The importance of such translations for Russian literature and the mutual enrichment of cultures is noted.

Key words: English poetry, the original, translation, translator, A. S. Pushkin, poem, Scottish folk ballad.

Английское поэтическое слово завоевало популярность в России только во второй половине XIX в. Причинами такого позднего знакомства с английской поэзией являются не только отсутствие живого непосредственного общения между русскими поэтами и англичанами – ценителями русской поэзии, приезжавшими или жившими в Москве и Санкт-Петербурге в то время; недостаточное знание английского языка и различий между культурами русских и англичан, сколько наличие противоположных эстетических позиций. Английская поэзия имела истоки и традиции, отличные от русской, она прошла многовековой путь развития и в конце XVI–начале XVII веков достигла своего расцвета.

Впервые интерес к английскому поэтическому слову появился в конце XVII века с углублением процесса европеизации и обновления русской культуры в целом. «XVIII век в России – период усиленной переводческой деятельности. В эту эпоху за несколько десятилетий русское переводческое искусство прошло трудную, но универсальную школу мастерства» [1, с. 493–494]. Стоит заметить, что переводы были прозаическими и делались они лишь с прозаических оригиналов. Стихотворные переводы появились значительно позже.

Распространение английской поэзии в России по сравнению с другими западноевропейскими литературами происходило в иных условиях. Во-первых, доля английской литературы была незначительной в России, во-вторых, английская литература, и в особенности поэзия, переводилась не с подлинников, а через посредство французских и немецких переводов. Переводчиков прозы с английского языка было недостаточно, а переводчиков английской поэзии просто не существовало.

Перевод поэтических произведений является сложным творческим процессом. Высказывания многих известных людей о переводе поэзии служат этому подтверждением. Французский философ-просветитель, поэт, прозаик, историк и публицист Вольтер (1694–1778) считал, что поэзию, как и музыку переводить невозможно. Сергей Аверинцев (1937–2004), филолог, философ, литературовед, переводчик и поэт, утверждал, что для перевода одного стихотворения нужно знать творчество всего поэта [2].

Как отмечают многие переводчики, «судьба стихотворения, написанного на чужом для читателя языке, почти всецело находится в руках переводчика. Одновременно передать своеобразие оригинала, сохранить дух и время произведения и, балансируя между точностью и красотой перевода, не удариться ни в какую крайность – крайне сложно» [6].

Трудность в переводе стихотворных произведений связана прежде всего со спецификой поэтического текста, который «отличается от прозаического текста внешней организацией, проявляющейся в наличии ритма, метрического размера строки и рифмы» [4, с. 133]; скрупулезностью «авторского выбора языковых единиц, средств и приемов для выражения замысла и/или эмоционального состояния» [5, с. 77].

Переводческая деятельность А. С. Пушкина была для него одним из видов творчества. Он прибегал к разным способам работы с подлинником – от вольного переложения, переходящего иногда в пародию, до достаточно точного перевода, передача прозы стихами, включение в переводное

произведение оригинальных вставок и др. Все это показывало, что поэт ставил себе задачу не только воссоздать конкретный оригинал, но и творчески его переработать.

Как писал русский критик В. Белинский, «в лирическом жанре переводчик не должен заслонять собою переводимого автора, его творческая индивидуальность должна подчиняться задаче истинного воплощения оригинала; переводчик и переводимый автор – разные люди. Но для того, чтобы в переводе был передан “дух” оригинала, необходимо некое соответствие таланта переводчика этому “духу”» [цит. по: 3, с. 101–102].

П. Ф. Офенбах, биограф А. С. Пушкина, отмечал, что «глубокая восприимчивость Пушкина позволяла ему глубоко проникать в чужую культуру, передавать поэзию чужого мира и чужого языка <...> в соответствии с законами своего собственного языка и собственного сознания» [8, с. 160].

Перейдем к рассмотрению двух стихотворных переводов с английского языка, выполненных А. С. Пушкиным, фрагмента из поэмы Роберта Саути (Robert Southey) «*Madoc in Wales*» («Мэдок в Уэльсе», у Пушкина «Мэдок», 1821) и шотландской народной средневековой баллады «*The Twa Corbies*» («Два ворона», у Пушкина «Ворон к ворону летит», 1828).

Отрывок из поэмы «*Madoc in Wales*» [1, с. 300–303] А. С. Пушкин перевел достаточно точно (начальные стихи – строка в строку). Он сохранил рассматриваемый в поэме исторический сюжет, взятый из Англо-саксонской хроники и повествующий о том, что «около 1170 г. Мэдок, один из принцев Северного Уэльса (*Уаллов*, как прочел Пушкин), отказавшись от борьбы за престол, отплыл на запад в поисках новой страны для поселения. Он нашел ее и, оставив часть людей на материке, вернулся в Уэльс за новыми поселенцами (именно с этого момента начинается поэма); после его отплытия о нем ничего не было слышно» [9, с. 620].

Поэма «*Madoc in Wales*» Р. Саути написана белым стихом с использованием нерифмованного пятистопного ямба. Она представляет собой стилизацию под средневековую лирику, которой не свойственно деление на строфы. В переводе А. С. Пушкина сохранена стихотворная форма подлинника: неделимый на строфы белый стих с нерифмованным пятистопным ямбом.

Содержание перевода адекватно содержанию подлинника. Пушкину удалось передать образ смешанных чувств, овладевших героем, таких как страх, связанный с опасностью утонуть в океане, предвкушение радости от встречи с родиной, неподдельная благодарность богу-спасителю за помощь в благополучном возвращении. Можно отметить почти зеркальное воспроизведение грамматической структуры, пунктуационного и графического оформления английских строк в русском переводе, где у Саути инверсия, у Пушкина тоже инверсия «*Fair blows the wind – Попутный веет ветер*»; идентичное использование стилистических приемов, например, метафоры: «*Scatters the ocean spray – и пред кормой / Морская пена раздаётся*»; аллитерации и ономапопеи: «*Sung in the shrouds, and swift the steady bark / Rashed roaring through the waves – Звучит меж вервий, и корабль надежный / Бежит, шумя меж волн*». Пушкин смог мастерски передать стилистические приемы, содержащиеся в подлиннике.

Перевод шотландской баллады «*The Twa Corbies*» [1, с. 26–27] в отли-

чие от перевода поэмы «Мёдок» представляет собой творческую переработку французского перевода подлинника. Существует мнение, что эта шотландская баллада была взята А. С. Пушкиным из французского перевода сборника баллад Вальтера Скотта в 1826 году. А. С. Пушкин переложил на русский язык только первую половину этой баллады. В 1828 году она впервые появилась в альманахе «Северные цветы на 1829 год» (СПб, 1828. С.31–32) под названием «Два ворона». Годом спустя в сборнике «Стихотворения» (1829) эта баллада озаглавлена А. С. Пушкиным как «Шотландская песня».

У Пушкина сложилось твердое убеждение, что «климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий, привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [10]. Знание этих особенностей было необходимо поэту для решения собственных творческих задач.

Шотландская народная баллада «The Twa Corbies», вероятно, была создана в среднеанглийский период, то есть к XII–XIV вв., на что указывают грамматические формы и орфография многих слов (например, *gowden* (совр. *gold* – золотой), окончание *-en* у прилагательных конце XIV века исчезает в связи с распадом системы падежей и склонения; *dyke* = *dike* (совр. *ditch* – канава, овраг); *tane* = *one*, один и др.).

В этой балладе передан разговор двух воронов. Один из них заметил в овраге недавно убитого рыцаря (*a new slain knight*). О смерти этого рыцаря, как говорится в балладе, известно только его охотничьему соколу (*his hawk*), его верной гончей охотничьей собаке (*his hound*) и его прекрасной даме сердца (*lady fair*). Мы можем предположить, что рыцарь мог быть убит во время охоты его соперником, проявляющим интерес к даме сердца рыцаря, возможно, даже его приятелем, или наемным убийцей. Несколько известных исторических фактов говорят о том, что убийство во время охоты соперника в корыстных мотивах, было характерно для средневековой Англии.

Как повествует баллада, сокола и гончую собаку убитого рыцаря уже взяли на охоту другие люди, а у его дамы сердца появился новый поклонник. Два ворона думают, что рыцарь послужит им хорошим обедом – один извлечет у рыцаря сердце, другой – выклюет у мертвого глаза, а русые волосы и кости они отнесут в свое гнездо. Родственники, возможно, будут печалиться о гибели этого рыцаря и невозможности найти и предать его тело земле. Только два ворона знают, где был убит рыцарь, и что его истлевшие останки разнесет ветер. Настроение этой баллады довольно печальное.

В шотландской балладе средневековый колорит передан с помощью лингвокультурных единиц «рыцарь», «дама сердца», «охотничий сокол», «гончая собака». В пушкинском переводе баллада имеет похожее содержание, но по жанру она больше напоминает русскую былинку. А. С. Пушкин искусно ввел русский народный элемент. Английский «рыцарь» – у Пушкина это *богатырь*, герой русских былин, совершающий героические подвиги; «дама сердца» – это *хозяйка молодая*. Вместо «гончей собаки» введена *кобылка воронья*. Богатырь лежит не в «овраге», а *в чистом поле под ракитой*. Поэт использует лексику, имеющую стиливую окрашенность, например, *проведать* относится к просторечной лексике [7, с. 595], *отобедать* маркируется в словаре как «устаревшее»

[там же, с. 466], *недруг* – как «высокий стиль» [там же, с. 396].

«Ворон к ворону летит» Пушкина можно лишь условно назвать переводом. Поэт только частично позаимствовал сюжет английской баллады, основываясь на трех из пяти строф подлинника, творчески переработал его и создал свое произведение, допускающее неоднозначную интерпретацию содержания и, как следствие, извлечение разного смысла и формирование разных оценок поступков *прекрасной дамы* и *хозяйки молодой*.

Для перевода баллады А. С. Пушкин использовал другую в отличие от подлинника строфику. Шотландская баллада сочинена четырехстопным ямбом с спондеями в 1-й и 4-й строфах, в качестве организующего элемента использованы смежная **aa bb**, мужская и антиграмматическая рифмы – *duke* – *knight*; *there* – *fair*; *gane* – *hame*; *mate* – *sweet* и др. У Пушкина стихотворный перевод написан четырехстопным хореем с пиррихиями в 1-й, 3-й и 4-й строфах, использованы смежная рифма, преимущественно грамматическая; в каждой строфе в 1-й и 2-й строках – мужская рифма, а 3-й и 4-й – женская: **aa bb** (*летит* – *кричит*, *отобедать* – *проведать* и т.д.).

Таким образом, выполняя стихотворные переводы произведений иностранных поэтов, в том числе английских, А. С. Пушкин демонстрировал свой талант переводчика и поэта. Этими стихотворными переводами он знакомил публику с творчеством зарубежных поэтов, тем самым обогащал русскую литературу, расширяя ее границы и возможности. Характеризуя переводчиков, А. С. Пушкин образно называл их почтовыми лошадьми просвещения [2], тем самым подчеркивая важную роль переводчика в области освоения мирового культурного наследия.

Список использованных источников

1. Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века). Сборник. Сост. М. П. Алексеев, В. В. Захаров, Б. Б. Томашевский. – М.: Прогресс. – 1981. – 684 с.
2. Афоризмы и цитаты про переводы [Электронный ресурс] // <http://city.su/aforizmu-i-city-pro-perevody> (дата обращения: 29.01.2022).
3. Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. – Л.: Наука: Ленинградское отделение. – 1985. – 299 с.
4. Николаева М. Н.: Лингвокультурные единицы и анализ поэтического текста (на примере произведений современных британских поэтов) // Формирование профессиональных компетенций в высшем образовании в XXI веке: Материалы Междунар. научно-практ. конференции, Электросталь, 20 марта 2009 года. – Электросталь: «Новый гуманитарный институт». – 2009. – С. 129–139.
5. Николаева М. Н. Поэтический текст как коммуникативно-прагматическое образование (на примере стихотворений Шеймаса Хини) // Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «XIV Виноградовские чтения»: в 3 томах, Москва, 16-17 октября 2015 года. – М.: МГПУ. – 2016. – С. 76–85.
6. Одно стихотворение – и множество разных переводов [Электронный ресурс] // <https://books-labyrinth.livejournal.com/45726.html> (дата обращения: 29.01.2022)
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.:

АЗЪ. – 1995. – 928 с.

8. Офенбах П. Ф. Всё о Пушкине. – СПб.: Издательский дом А. Громова. – 1997. – 320 с.

9. Поэзия английского романтизма: Пер. с англ. – М.: Худож. лит. – 1975. – 670 с. (Б-ка всемирной литературы; Т. 125. Серия вторая. Литература XIX в.).

10. Пушкин А. С. О народности в литературе // Собрание сочинений в 10 томах. – М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 6. Критика и публицистика [Электронный ресурс] // <https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/0996.htm> (дата обращения: 29.01.2022)

УДК 81'42: 821.162.1-1

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В ПОЛЬСКОЙ ЛИРИКЕ XX В.

М. А. Новикова,

д.филол.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье исследуется недостаточно знакомый отечественному читателю период в истории польской поэзии XX века, а именно годы Сопrotивления нацизму (1939-44). Рассматривается творчество почти неизвестного в советскую пору поэта-священника о. Яна Твардовского (1915-2006), участника Варшавского восстания (1944).

Ключевые слова. Польша, поэзия, религиозный дискурс, антифашистское Сопrotивление (1939-44), Варшавское восстание (1944), о. Ян Твардовский (1915-2006).

Resume. The paper investigates the underestimated period in the Polish poetic history of the XXth century – the antiNazi Resistance (1939-1944). Special attention is focused upon Fr. Jan Twardowski (1915-2006), a clergyman and a poet, a member of the Warsaw uprising (1944).

Key words. Poland, poetry, religious discourse, the antiNazi Resistance (1939-44), the Warsaw uprising (1944), Fr. Jan Twardowski (1915-2006).

Предлагаемое сообщение посвящено и теме, и автору, и литературному периоду, мало пока освоенным отечественной филологией и книгоиздательством. Речь идёт о европейской (в частности, польской) поэзии XX века, периода Сопrotивления нацизму (1939-1944). Рассматривается творчество практически не известного в «советскую» пору поэта-священника о. Яна Твардовского (1915-2006), участника Варшавского восстания (1944). Введение этой сложной и интересной фигуры в современный научный и читательский обиход является целью данной работы. Задачи её 1) проследить эволюцию этого поэта от экспериментов 1920-х гг. до поздней строгой лирики 1960-х-1970-х; 2) проанализировать этический месидж, религиозно-философский контент и поэтику этой лирики. В Приложении впервые даётся русский перевод одного из самых значительных текстов автора.

В 1918 году Польша вновь обрела государственность. Новые исторические надежды дали толчок новым направлениям в польской литературе. Ян Твардовский (далее ЯТ) вошёл в группу «Скамандр»: одно из наименее формализованных тогдашних авангардных объединений. Состав «Скамандра»

был весьма незаурядным (К. Вежиньский, Я. Ивашкевич, Я. Лехонь, А. Слонимский, Ю. Тувим). Впрочем, дальше каждый из них пойдёт собственным путём. Скоро нелегко будет представить, что лидер Союза писателей ПНР Ярослав Ивашкевич и священник (с 1948 г.), духовник одного из женских благотворительных орденов Польши (с 1960 г.) Ян Твардовский оба когда-то были «скамандритами» [1, с. 45, сл.; 6, с. 276-277; 7, т. 1, с. 81].

Что же объединяло эту группу? Этически – сочувствие к «простому человеку» (Ю. Тувим); поэтологически – отказ от неоромантического стиля их предшественников, группы «Молодая Польша»: польского аналога русских символических групп Серебряного века. Клич «скамандритов» – «Поэзия! На улицу!». Правда, «громким», «уличным» поэтом ЯТ не стал. Зато он широко открыл своё творчество голосам и судьбам людей не просто скромных, социально обойденных, но даже (с обывательской точки зрения) физически «неполноценных» (см. Приложение).

Следующий хронологически (хотя первый по значимости) историко-литературный контекст, в котором формировалась поэзия ЯТ, – это литература польского Сопротивления (1939-1944) [2; 3, с. 412; 5]. Она также вызвала к жизни писателей очень разных (К.К. Бачиньский, Т. Боровский, Т. Гайца, З. Строньский и др.). К концу 1930-х, предчувствуя вторжение нацистов, ряд поэтов уехали в эмиграцию (В. Василевская, Е. Путрамент, ещё раньше Б. Ясеньский и др. – в СССР; В. Броневский – сначала в Израиль, потом, как и Ю. Тувим, – в США, и т.д.). В отличие от них, т.н. «драматическое» (корректное было бы сказать – трагическое) поколение поэтов-варшавян, будущих участников и летописцев Варшавского восстания (1944), в эмиграцию не уезжали. Свои стихи они создавали в условиях и предвоенного катастрофизма («синдрома-1939»), и последующей оккупации, и разгрома Восстания, когда число погибших оказалось (по формуле ЯТ) «бессчётным».

Сам ЯТ смог увидеть события Восстания объёмно: и их героику, и их иллюзии («Песнь о Варшавском восстании»). Такая оценка вызвала в Польше неоднозначную реакцию. Не менее суровые духовные испытания ожидали ЯТ в «мирные» послевоенные годы, когда он стал сначала духовником благотворительного ордена, специализировавшегося на уходе за тяжело больными, в т.ч. за «умственно отсталыми» детьми, а затем и учителем в школе для этих детей. Свой опыт он отразил в одном из самых известных его текстов – стихотворении «Моим ученикам» (1951, ред. 1986).

По композиции – текст имитирует одновременно школьный журнал и медицинскую карту больного. Автор сообщает имена (лишь имена) своих подопечных, а дальше даёт краткую характеристику их физического состояния и учебного поведения. Из восьмерых детей, упомянутых ЯТ, один без ноги, другая с ногами, но искривлёнными; один заика и горбун, другой с постоянно разинутым ртом (из которого, как легко вообразить, течёт слюна); один перманентно сопливый, другой почти безносый; один с руками, которые сводит судорога, другой с головой, раздутой от водянки мозга. Что не мешает Войтеку воровать у «пан-отца» зонтик, а Павлусе подсовывать в классный журнал лягушек.

Чему же служит жёсткость (если не жестокость) этих портретных деталей? Почему детей ЯТ невозможно ни сентиментально жалеть, ни сенти-

ментально ими умиляться? И похожи ли эти особенности этики автора на «деэстетизацию поэзии», в чем обвиняли «скамандритов» на родине в 1920-е гг., – или на «разоблачение буржуазной морали сытых и равнодушных», за что хвалили тех же поэтов в СССР? Ответ может дать жанрологический анализ привлеченного нами текста.

Европейская духовная поэзия ещё со времен Средневековья знает такой жанровый подвид, как Рождественские песнопения. На Востоке Европы их именовали колядками, в Британии – carols, в Германии – Fastnacht-зонгами, во Франции – нозлями и т.п. Эту жанровую модель ЯТ использует, чтобы решительно её трансформировать.

Начинают Рождественские славянские колядки с адресации к хозяевам дома. ЯТ обращается к тем, у кого своего дома нет, кто не хозяин никому и ничему. В колядках адресатов называют «князем» и «княгиней», ибо дом их – метонимия всего «белого света». В тексте ЯТ адресаты не имеют фамилий, ибо у них нет своего рода, а подлинными их именами являются либо «детские», уменьшительные именные формы (Зося, Павлуня, Янко), либо медицинские диагнозы-прозвища (заика, горбун, кривоножка и т.п.). Но обращается к ним поэт на языке родства, семьи, любви. И даже ключевое слово «дурак» (бытовое именование «умственно отсталых») превращается в ласковую семейную адресацию «дурачок».

Так детдом (или спецшкола) делаются Вифлеемскими яслями, где находится сам Младенец Христос, дети становятся празднично-жертвенным Ягнёнком, Агнцем, а священник-учитель (I лицо, рассказчик, «авторский» герой) берёт на себя роль волхвов, пришедших Агнцу поклониться (и перед Ним исповедаться).

У стихотворения обнаруживаются две кульминации: негативная – и позитивная. Негативная – крик, который учитель читает на лицах своей паствы: «Никто нас не нанял...». Крик отсылает читателя к библейской притче про Хозяина виноградника (Мф., XX, 1-16). Тот нанимает рабочих, кого с утра, кого к вечеру, но всем даёт одинаковую плату. Богословы толкуют этот сюжет как обещание свыше: у Бога никто не будет отвергнут. Жизненная реальность детей-«дурачков» и того, как обходился с ними нацистский режим, ставит автора и его читателей перед вопросом: а не обманывает ли человека эта притча?

Преодолевая жестокость истории, текст ЯТ утверждает: дети-«дурачки» не просто полноценны – они для нас сверхценны. И ценны они не классовым «обличительством», не экзистенциалистской демонстрацией «ужасов жизни». Отношением к ним испытывается мера человечности любого человека. Без любви к ним «гаснут свечи», т.е. теряется контакт с Небом, поскольку сам Бог и его жертва (мотив «Агнца») превратились бы для людей в абстракцию (ср. просветительскую идею «Высшего разума»), а вера стала бы бесчеловечной. В этом и заключена вторая этико-философская кульминация, она же развязка стихотворения.

Вместо заключения. Лирика о Яна Твардовского долгое время оставалась terra incognita для читателей Восточной Европы за «железным занавесом». Действовала негласная цензура на духовную поэзию. Ныне этот барьер в основном снят [4, с. 644, 646-647]. Остался другой барьер: чита-

тельского восприятия, ещё не приученного ни к такой этике, ни к такой поэзии. Тем важнее, на наш взгляд, продолжать и углублять знакомство с подобной литературой, восполняя лакуны исследовательские, а отсюда переводческие и читательские.

Список использованных источников

1. Живов Марк. Юлиан Тувим: Жизнь и творчество. М., 1963.
2. Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы. 1939-1945. М., 1972.
3. Наркирьер Ф.С. Сопротивления литература // Лит. энциклопед. словарь. М., 1987. – С. 412.
4. Стріха, Максим. Улюблені переклади. К., 2015. – С. 644, 646-647.
5. Ярость благородная: Антифашистская поэзия Европы. М., 1970.
6. Iwaszkiewicz Jarostaw. Książka moich wspomnień. Krakow, 1957.
7. Matuszewski Ryszard. Historia literatury polskiej. 1918-1955. Warszawa, 1955.

Приложение. О. Ян Твардовский. Моим ученикам.

Ученики мои, ученицы мои милые / из школ для умственно отсталых, /
 Юрко Верзила, дурачок с разинутым ртом – / где ты сегодня, в какой толпе
 чужих – / дразнят ли тебя опять на переменке и на уроке – / Янко Кусака –
 ручки свела судорога / нос так упёрся, что навек остался курносый – / а за
 окном июль ветер пригожие девушки // Помнишь ли ты, как я рассказывал
 о Небе на уроке религии / слёзы заливали мои очки – / я тогда вспомнил
 сборщиков винограда / они кричали на рынке: Никто нас не нанял... // Янко
 второй, без правой ноги, душа из-под ресниц – / Заика, Горбун – немой и
 пригнутый – / Зося Кривоножка, она умерла рано, чтобыхватило тени от
 надгробных хризантем – / ножки её укрыть // Сопливец вечный Войтек – /
 ты лез, разбойник, по верёвке / и крал из окна мой зонтик – / Павлуня – голо-
 ва раздута от водянки / не ты ли, неблагодарный, все эти годы подсовывал
 мне лягушек в классный журнал // Жду вас, мои самые милые, с каждой
 первой звездой – / с Вифлеемским небом, светящимся в ящиках вертепов – /
 с Рождественским Ягнёнком – / без вас гаснут свечи – / и не для кого жить
 // Даже Он – уже после вас, детей-дурачков

(2016. Пер. с польского Марины Новиковой. Пунктуация автора.)

УДК 81'25

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА СМИ
(НА ОСНОВЕ СТАТЕЙ САЙТА ИНОСМИ.RU)****М. В. Норец,***доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь***Ш. З. Злюфарова,***магистрант кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей перевода на лексическом и грамматическом уровнях в медиатекстах на основе статей сайта ИноСМИ.ru. Уникальной чертой исследуемых статей является перевод комментариев читателей и включение их в ПТ. Среди лексических трансформаций встречаются случаи модуляции, лексических добавлений и опущений. Грамматические трансформации представлены главным образом изменением временной формы глагола, транспозицией членов атрибутивных групп, заменой страдательного залога действительным, членением сложных предложений, а также заменой различных оборотов придаточными предложениями. В исследовании использованы методы: анализ, обобщение, сравнение.

Ключевые слова: текст, медиатекст, лексическая трансформация, грамматическая трансформация, ИноСМИ.ru.

Summary: The aim of the article is to review the features of translation on the lexical and grammatical levels in mediatexts based on the articles of the site InoSmi.ru. The peculiarity of the articles under analysis is the translation of the readers' comments and their inclusion in the target text. Among lexical transformations, there are cases of modulation, lexical additions and omissions. Grammatical transformations are mainly represented by changes in the temporal form of the verb, transpositions of the members of the attributive groups, replacements of the passive voice with the active one, partitioning, as well as replacements of various constructions with subordinate clauses. Methods used in the research: analysis, generalization and comparison.

Key words: text, media text, lexical transformation, grammatical transformation, InoSmi.ru.

В современном информационном обществе медиатексты являются одним из самых распространённых видов передачи информации, превышая общий объём использования языка в иных сферах человеческой деятельности. Т. Г. Добросклонская отмечает, что основная форма существования языка приходится на сегодняшний день на сферу массовой коммуникации [2, с. 13]. Отражая окружающую действительность, СМИ оказывают значительное влияние на общество, его взгляды и систему ценностей, культуру и язык, формируют в социуме определённое отношение к описываемым событиям.

В лингвистике под текстом традиционно понимается «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свой-

ствами которой являются связность и цельность» [7, с. 507]. Применительно к сфере СМИ данное понятие имеет более широкое значение. Как отмечает А. С. Микоян, под «текстом СМИ» или медиатекстом, «следует понимать не только газетно-журнальные тексты (т.е. произведения представителей так называемой «пишущей прессы»), но и разнообразные звучащие материалы: радио- и телерепортажи, интервью, различные программы, ток-шоу, фильмы и т.п. – то, что иногда называют “электронной прессой”» [3, с. 443]. Таким образом, текст СМИ выходит за рамки вербальных знаков, становясь поликодовым и включая в себя, как вербальную составляющую, так и видео- и аудиоэффекты, графическое оформление и иллюстрации.

В связи с вышесказанным вопрос об адекватности и особенностях перевода медиатекстов представляется интересным для теории и практики перевода. От выбора переводчиком определённой единицы перевода зависит то, в каком свете то или иное событие будет освещено, и какой отклик оно получит среди целевой аудитории. Актуальность работы обуславливается тем, что в настоящее время переводится большое количество англоязычных статей, а также общей заинтересованностью общества в получении качественного перевода информации.

В данной работе нас интересуют особенности письменного перевода, а именно специфика перевода англоязычных текстов СМИ в форме письменной речи. Объектом исследования являются переводы англоязычных медиатекстов на русский язык, а предметом – грамматические и лексические особенности перевода медиастатей. Материалом исследования послужили статьи *U.S. Tells Russia to Return Crimea to Ukraine, Stop Cyber Attacks on America and Allies*; *The Guardian view on Russia's Nato demands: upping the ante*; *Gas prices skyrocket as Putin plays 'game' by 'turning screw' on EU's energy market* из газет *Newsweek*, *The Guardian* и *Daily Express* соответственно, а также их переводы, размещённые на сайте ИноСМИ.ru.

Уже в заголовках рассматриваемых статей выделяются особенности их перевода. В статье *U.S. Tells Russia to Return Crimea to Ukraine, Stop Cyber Attacks on America and Allies* наблюдается грамматическая трансформация, а именно изменение временной формы глагола. В исходном тексте (ИТ) использовано настоящее простое время (Present Simple): «*U.S. tells*», в то время как в переводном тексте (ПТ) эта идея передана с помощью прошедшего времени: «*США призвали*» [7, 10]. Данное отличие обусловлено традиционной передачей в англоязычной прессе событий, произошедших в недавнем прошлом, посредством настоящего времени, что, как правило, переводится на русский язык прошедшим временем.

В заголовке *Gas prices skyrocket as Putin plays «game» by «turning screw» on EU's energy market* также использована различная временная форма глагола. В ИТ автор употребляет глагол в простом настоящем времени (Present Simple) – «*gas prices skyrocket*», в переводе же обнаруживается глагол в прошедшем времени – «*цены на газ достигли*», что, как и в рассмотренном выше примере объясняется традицией перевода заголовков в русском и английском языках [7, 6].

При переводе заголовка статьи *The Guardian view on Russia's Nato demands: upping the ante* переводчик производит грамматическую трансформацию, заменяя причастие настоящего времени глаголом настоящего вре-

мени и вводя подлежащее «Москва», вероятно, с целью избежания двусмысленности в ПТ: *«upping the ante»* – «Москва поднимает ставки» [13, 6].

Переводы анализируемых в данном исследовании статей объединяет уникальная особенность: переводчики вводят перевод комментариев читателей к статьям в ПТ. Таким образом, в данном случае важна такая характеристика онлайн-публикаций как интерактивность, которая уже включается в процесс перевода и влияет на него, так как переводчики решают использовать реакции читателей в качестве дополнения к исходным текстам статей. В рассмотренных переводах комментарии приводятся в хаотичном порядке, без указания дат. Более последовательно комментарии представлены переводчиком статьи *Gas prices skyrocket...*, однако и в этом случае переведены не все из них. Для наглядности приведём процентное соотношение числа выбранных переводчиками комментариев к их общему количеству: в статье *The Guardian view...* оно составляет 9% (переведены 14 комментариев из 161), в *U.S. Tells...* – 21% (в переводе представлены 11 комментариев из 52), в *Gas prices skyrocket...* – 57% (переведены 12 комментариев из 21).

В отдельных случаях переводчики не передают текст комментария полностью, сокращают его. Например, в комментарии пользователя *SpendeCGB* переводчик опускает ссылку на источник, который упоминает автор, ограничивая таким образом русскоязычных читателей в получении дополнительной информации по обсуждаемой теме [9, 6]. Также обнаружены случаи опущения предложений из комментариев. К примеру, в комментарии *Riteee* в переводе не отражено предложение, говорящее о негативном отношении пользователя к политике Вашингтона: *«It's typical of Washington dictating what people of other nations should or should not have»* [5, 8].

В аспекте полноты передачи содержания оригинала следует отметить, что перевод статьи *U.S. Tells...* является фрагментарным, так как представлен перевод не всего ИТ, а лишь его частей. Переводчик опускает информацию о тесных, доверительных отношениях между США и Украиной, а также значительный фрагмент исторической справки международного агентства новостей Ассошиэйтед Пресс по теме статьи [5, 8]. Отдельные части текста оригинала переведены в сжатой форме: наблюдается объединение нескольких абзацев и компрессия информации.

В переводе комментария к данной статье также был обнаружен, на наш взгляд, случай неудачной грамматической трансформации, так как переводчик заменяет сослагательное наклонение *«would attack»* изъявительным *«нападёт»*, подчёркивая неизбежность нападения со стороны Украины и усиливая враждебность между странами, что изменяет эмоциональную составляющую сообщения. В исходном тексте дан следующий комментарий: *«Not a shot was fired and Crimean people live in peace and are protected from a Ukrainian puppet government that is hostile to them and would attack them if they could»* [5]. В переводе находим: *«Все прошло без ни единого выстрела, и крымчане живут в мире и защищены от враждебного им украинского марионеточного правительства, которое нападёт на них при первой же возможности»* [8]. В приведённом примере также наблюдается грамматическая ошибка «без ни единого выстрела», что связано, вероятно, с невнимательностью переводчика.

Переводчики статей *The Guardian view...* и *Gas prices skyrocket...* осу-

ществляют полный перевод, не опуская информацию исходных текстов статей. Среди лексических особенностей статей следует отметить такую лексико-семантическую замену, как модуляция. В предложении про интервью В. Путина, посвящённое тридцатой годовщине распада СССР, переводчик прибегает к модуляции, развивая смысл глагола «*supplement*» («дополнять»): «... *he had to supplement his KGB income by moonlighting as a taxi driver*» [13, 6]. В переводе находим выражение этой мысли следующим образом: «...он был **вынужден подрабатывать таксистом, так как зарплаты офицера КГБ не хватало**». При переводе следующего комментария «*It would be great to someday hear their side of the «poisoning» story*» словосочетание «*to hear their side*» заменяется на основе логического вывода значения ИТ: «**Было бы здорово когда-нибудь услышать историю об «отравлении» из их уст**», что также является примером модуляции [13, 6].

В исследуемых статьях встречаются лексические опущения. Например, при переводе словосочетания «*separatist pro-Russian rebels*» было произведено опущение лексической единицы «*rebels*» («повстанец», «бунтарь») – «...он с 2014 года поддерживает **пророссийских сепаратистов** в Донбассе» [13, 6]. Очевидно, переводчик принял данное решение на основе близости значений, используемых в ИТ лексических единиц. В данном переводе также наблюдается конверсия прилагательного «*separatist*» в существительное «*сепаратисты*».

Противоположными лексическим опущениям являются добавления. В предложении «*According to Mike Foster, CEO of the Energy and Utilities Alliance (EUA), Russia's role in the unfolding drama has been plain for all to see*» добавлено словосочетание «*торговая ассоциация*», вероятно, для пояснения читателям, о какой именно организации говорится: «**По словам Майка Фостера (Mike Foster), главы *торговой ассоциации* Energy and Utilities Alliance, роль России в нынешнем кризисе совершенно очевидна**» [7, 6]. В данном примере также проявляется такая особенность перевода анализируемых медиатекстов, как транскрибирование имён и фамилий и указывание в отдельных случаях в скобках их графического воплощения на ИЯ.

В переводах исследуемых статей многочисленны случаи грамматических трансформаций на синтаксическом уровне. Так, переводчики часто прибегают к членению предложения, что может быть объяснено в большинстве случаев стремлением не отягощать структуру предложений и сделать их доступными и более лёгкими для восприятия реципиента. К примеру, предложение «*Do the Russian people actually want the Soviet Union back, even the nostalgic ones?*», в котором имеет место перевод сложносочинённого предложения двумя независимыми: «**Неужели российский народ действительно хочет, чтобы СССР вернулся? Даже те, кто испытывает чувство ностальгии?**» [13, 3]. Более того, внутри частей данного предложения наблюдаются грамматические трансформации. Объектный инфинитивный оборот переведён придаточным предложением цели – «*чтобы СССР вернулся*». Также введено придаточное определительное предложение с целью релевантного перевода местоимения «*ones*», указывающего на группу людей, о которой идёт речь – «*те, кто испытывает*».

В переводах статей присутствует большое количество транспозиции членов атрибутивных групп вследствие различий в грамматических структурах ИЯ и ПЯ. Приведём некоторые из них: *lengthy approval process, Euro-*

pean commission president, economic bloc's unhealthy relations, wholesale gas prices, new German government's willingness, Mr. Putin's 30th anniversary reminiscences, которые переведены следующим образом: *длительный процесс сертификации, председатель Еврокомиссии, нездоровые отношения экономического блока, оптовые цены на газ, готовность нового правительства Германии, воспоминания Путина в 30-ю годовщину.*

Грамматические трансформации также имеют место при переводе страдательного залога. Например, в предложении «*Western intelligence officials believe that no **final decision has been taken by the Kremlin** on whether to launch a military operation...*» страдательный залог переведён действительным, что можно объяснить тем, что он менее характерен для русскоязычных медиатекстов: «*Западные разведки считают, что окончательное решение о проведении операции **Кремль пока не принял...***» [13, 3]. При этом в данном предложении наблюдается изменение последовательности членов «*on whether to launch a military operation*» (о проведении операции) переносится ближе к началу придаточного предложения, что также связано с изменением залога и согласованием с лексической единицей «решение».

Таким образом, проведённое исследование статей позволяет выявить особенности перевода текста СМИ на русский язык. Яркой чертой рассматриваемых переводов является включение комментариев читателей в основной текст статей. Среди лексических особенностей выделяются такие трансформации как модуляция, лексические опущения и добавления. Грамматические трансформации зачастую выражаются изменением временной формы глагола, транспозицией членов атрибутивных групп, а также заменой страдательного залога действительным. На синтаксическом уровне грамматические трансформации представлены главным образом членением сложных предложений, а также заменой различных оборотов придаточными предложениями.

Список использованных источников

1. Бармина Е. А. Заголовок медиатекста: лингвопрагматический аспект / Е. А. Бармина // Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология, организация работы с молодёжью. – 2020. – № 1. – С. 23-28.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления: монография [электронное издание сетевого распространения]. – М.: «КДУ», «Добросвет». – 2020. – 180 с.
3. Оказиональные преобразования фразеологизмов англоязычного политического медиадискурса как средство достижения его динамики / Е. А. Бармина, Н. А. Местанко, О. А. Москаленко, О. Г. Скидан // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 5. – С. 240-244.
4. Приймак А. А. Особенности языковой манипуляции в текстах интернет-изданий (на примере освещения общественных событий) / А. А. Приймак, Л. В. Савченко // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей V Международной научно-практической конференции, Москва, 22-23 апреля 2021г. – С. 220-225.
5. Микоян А. С. Проблемы перевода текстов СМИ // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов. – М.: Альма Матер, Академический проспект. – 2008. – 760 с.

6. Мнение The Guardian о российских требованиях к НАТО: Москва поднимает ставки (The Guardian, Великобритания) [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20211222/251171591.html> (дата обращения 02.01.2022).

7. Норец М. В., Злюфарова Ш.З. Особенности перевода медиатекста интер-нет-СМИ / М.В. Норец, Ш.З. Злюфарова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 26-27 апреля 2021г. – С. 220-224.

8. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., М.: «Большая Российская энциклопедия». – 1998. – 685 с.

9. Carlson A. U.S. Tells Russia to Return Crimea to Ukraine, Stop Cyber Attacks on America and Allies [Electronic Resource] // Newsweek. Mode of access: <https://www.newsweek.com/us-tells-russia-return-crimea-ukraine-stop-cyber-attacks-america-allies-1640552> (дата обращения 12.12.2022).

10. Daily Express (Великобритания): цены на газ достигли заоблачных высот, потому что Путин ведет «игру», «закручивая гайки» на энергетическом рынке Евросоюза [Электронный ресурс] // URL: <https://inosmi.ru/20211128/251005033.html> (дата обращения 25.12.2022).

11. Kettley S. Gas prices skyrocket as Putin plays ‘game’ by ‘turning screw’ on EU’s energy market [Electronic Resource] // Express. Mode of access: <https://www.express.co.uk/news/science/1526391/gas-prices-europe-vladimir-putin-geopolitical-games-nord-stream-2-eu-energy-market#conversation-wrapper> (дата обращения 25.12.2022).

12. Newsweek (США): США призвали Россию вернуть Крым Украине и прекратить кибератаки на Америку и ее союзников [Электронный ресурс] // URL: <https://inosmi.ru/20211021/250746434.html> (дата обращения 12.12.2022).

13. The Guardian view on Russia’s Nato demands: upping the ante [Electronic Resource] // The Guardian. Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/dec/20/the-guardian-view-on-russias-nato-demands-upping-the-ante> (дата обращения 02.01.2022).

УДК 81.25

ПРОБЛЕМЫ ФОКАЛИЗАЦИИ И ПЕРЕВОДА РОМАНА

Д. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»

В XX И XXI ВЕКАХ

М. В. Норец,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

А. Ю. Иваниченко,

обучающаяся магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации двух переводов культового произведения американской литературы XX века

«Над пропастью во ржи» с учетом приема фокализации, использованного в оригинальном тексте. Раскрыто содержание понятий «фокализация», «нарративная перспектива», «языковая личность переводчика». Уделено внимание изучению языковых и экстралингвистических факторов, а также социально-культурных ценностей, определяющих характер перевода англоязычного художественного произведения на разных исторических этапах. Проанализированы варианты адаптации исходного текста для русскоязычных читателей.

Ключевые слова: фокализация, нарративная перспектива, перевод художественного произведения, языковая личность переводчика, диахронический перевод, лингвокультурная адаптация текста.

Summary. This article reveals the features of implementation of two interpretations of the cult work of American literature of the 20th century “The Catcher in the Rye”, taking into account the focalization technique used in the original text. The content of concepts “focalization”, “narrative perspective”, “linguistic personality of an interpreter” is revealed. Attention is paid to the study of linguistic and extralinguistic factors, as well as socio-cultural values that determine the nature of interpretation of an English-language literature work at different historical stages. Variants of adaptation of an original text for Russian-speaking readers are analyzed.

Key words: focalization, narrative perspective, linguistic personality of a translator, diachronic translation, linguocultural adaptation of the text.

Проблемам переводческих трансформаций и фокализации посвящены труды многих иностранных и отечественных ученых-лингвистов. Однако и в настоящее время существуют (возникают) направления исследования, рассматривающие переводческие задачи с разных временных и социальных диапазонов.

Одним из основных критериев повествовательного фиктивного произведения является фокализация – структурирование и синтез реализуемой в нарративном произведении точки зрения и ее трансляция реципиенту с учетом определенного способа повествования.

Данное понятие является результатом расширенного изучения такой категории нарратологии, как повествовательная перспектива – способ регулирования информации, который проистекает из выбора (или отсутствия выбора) некоторой ограничительной точки зрения. При изучении явления фокализации в художественном тексте особое значение приобретает соответствие присущей ему коммуникативно-творческой стратегии и концептуально-тематических установок автора.

Фокальный персонаж – лицо, посредством которого информация доносится до читателя – может транслировать одну или несколько точек зрения. Фрагменты художественного текста содержат акценты, которые делаются на определенных персонажах (фокализаторов) и происходящие вокруг них события (фокализируемое). Сущность приема фокализации при этом составляет разница между информацией, которую передает персонаж в фокусе и тем знанием, которое присуще «всеведущему» основному повествователю. Определяя векторную направленность произведения к имплицитному зрителю, прием фокализации позволяет не только ознакомить читателя с субъективной точкой зрения персонажа в фокусе, но и подчеркнуть контраст

между главным посылом художественного произведения и способом его реализации через образ такого фокального персонажа.

Согласно типологии Жерара Женнета, принято различать такие виды фокализации, как «нулевая», при которой персонаж в фокусе обладает ограниченным объемом информации, основной ее частью владеет «всеведущий повествователь»; «внутренняя» фокализация, при которой либо фокальный персонаж сам является нарратором, либо объем доступной им информации совпадает; «внешняя» фокализация, при которой фиктивные события излагаются повествователем нейтрально, аспекты внутреннего мира персонажей для читателей недоступны.

Интерпретация художественного текста с одного языка на другой ставит перед переводчиком ряд важнейших задач, одна из которых заключается в том, чтобы сохранить и передать заложенный автором идеологический посыл, а также ценностно-культурные установки, влияющие на оформление оригинального текста. В данной связи необходимой становится грамотная адаптация произведения с учетом пространственно-временных и социально-культурных характеристик сообщества, для которого предназначен переведенный текст.

Согласно определению российского лингвиста В. Карасика, в качестве инварианта речевой личности может выступать «базовый национально-культурный прототип носителя языка». Сохранение смыслового посыла, нравственно-эстетических ценностей, художественной значимости и уникальности текста должно происходить наряду с обработкой художественного произведения до такой степени, которая будет доступна реципиенту, принадлежащему к иному культурному и лингвистическому полю.

Соответственно, при анализе переведенных художественных текстов необходимо учитывать не только исходные лексико-грамматические, синтаксические и стилистические особенности, но и внедряемые переводчиком когнитивные дополнения, основанные на имеющихся у него компетенциях, субъективных представлениях об окружающей действительности, а также соответствующие времени его профессиональной деятельности социально-культурные традиции и установки.

Передача особенностей фокализации при переложении исходного художественного текста на иной язык представляет особый интерес при существовании более чем одного варианта интерпретации произведения. В данном случае ключевую роль играет языковая личность переводчика, обладающая набором когнитивных и социально-культурных мотивов и установок и в то же время ограниченная им. Так, одними из наиболее ярких диахронических переводов, позволяющих рассмотреть данную проблему, являются русскоязычные версии культового произведения американской литературы «Над пропастью во ржи», написанного Д. Д. Сэлинджером и впервые опубликованного в 1951 году.

Данное произведение на протяжении десятилетий подвергалось неоднозначным оценкам: с одной стороны, некоторое время оно было запрещено к прочтению в учебных заведениях в силу особенностей содержания и языкового оформления, с другой – входит в рейтинги наиболее влиятельных произведений мировой литературы. С точки зрения стилистической

организации текста, отметим полное совпадение средств языкового выражения с выбранным форматом фокализации (повествование ведется от лица 17-летнего американского подростка). Речи фокального персонажа присущее хаотичное использование вульгаризмов и сленга, не всегда соответствующее коммуникативной ситуации. Используемые им словарные единицы, фразы и словосочетания принадлежат к арго, слою разговорно-сниженной просторечной лексики, чаще всего грубовато-экспрессивной, в некоторых случаях – обценной (ненормативной).

Упомянутые выше вульгаризмы и сленговые выражения являются ведущим средством передачи как социальной характеристики фокального персонажа (принадлежность к возрастной группе, особенности обучения и воспитания), так и его психоэмоционального состояния. Они свидетельствуют о том, что главный герой переживает период морального опустошения и отчаяния, склонен к негативной и пренебрежительной оценке происходящего вокруг.

В своем произведении делает акцент на изменениях, происходящих в массовом и индивидуальном сознании американского общества второй половины XX-ого века. Среди поднимаемых им тем – конфликт между внешним и внутренним миром американского подростка, возникающий в процессе взросления и становления его личности, тема семьи, социальной ответственности, сохранения внутренней индивидуальности и чистоты.

При рассмотрении двух переводов, наиболее популярных в русскоязычном читательском сообществе, отметим, что каждый из них имел своей целью наиболее полноценно адаптировать исходный текст под современного переводчику читателя, осуществив стоящие перед ним коммуникативные и идеологические задачи.

Так, советская переводчица Рита Райт-Ковалева, работа которой была опубликована в 1955 году, осуществляла перевод в условиях преобладания канонов советской школы художественного перевода, сформированных с учетом идеологии СССР, что позволило смягчить скандальное содержание и языковое оформление исходного текста. Академические навыки интерпретации текста и элитарная языковая культура, присущая переводчику, способствовали тому, что Рита Райт-Ковалева преобразовала организационную структуру романа, вложив в него художественно-эстетическую ценность таким образом, чтобы он соответствовал русскоязычной литературной норме. Ей удалось сохранить смысловой посыл произведения, при этом грамотно адаптировав его под мировоззрение и восприятие советского читателя.

При этом переводчик решил две стоящие перед ним коммуникативные задачи: отсутствие в русском языке полноценных эквивалентов, соответствующих арго американского подростка 1940 -

1950-х годов и недопустимость распространения среди советских читателей произведения, основной словарный пласт которого составляла ненормативная лексика, вульгаризмы и иноязычный сленг. Над лингвистической точностью доминировала эстетическая ценность произведения, поэтому оптимальным решением стало сохранение экспрессивности просторечной лексики фокального персонажа с одновременным смягчением вульгаризмов, минимизацией использования сленговых выражений и грубых идиом.

Переводчик выполнил стоявшую перед ним задачу некоего «возвышения» слога до нейтральной и разговорной речи, сократив количество сниженной лексики, не несущей литературной ценности в традиционном понимании. Более того, Райт-Ковалевой удалось избежать равносильных оригиналам обценных жаргонизмов, заменив их просторечными, но относительно привычными для советского читателя лексическими единицами («phoniness» – сплошная липа; «a phony slob» – трепло несусветное; «a phony bastard» – подлый притворщик; «if everybody kissed her ass...» – если бы каждый рассыпался перед ней мелким бесом... и т.д.).

Удалось обойти и непосредственного упоминания ограничиваемых цензурой тем – в том числе, с помощью литературного приема эвфемизмов («two girls he gave the time to» – две девицы, с которыми он спутался; «he was giving her a feel...» – он ее тискал; «pervert», «flit» приведены под общим значением «псих»).

Таким образом, гармонизация языковой личности фокального персонажа также указывает на умышленное подчеркивание переводчиком благородной природы героя, лежащей в основе его образа, но скрытой за спецификой его коммуникативных привычек. В оригинале они изобилуют экспрессивными средствами языкового выражения, сниженной лексикой с присущей ей негативной коннотацией.

Адаптированный под советского читателя текст, напротив, позволяет по-другому осмыслить психологическую составляющую произведения – столкновение личных ценностей фокального персонажа и окружающего его мира становится понятным читателю имплицитно, без использования кричащих сленговых и вульгарных выражений.

Новый перевод, оформленный российским переводчиком Максимом Немцовым и вышедший в 2008 году, вызвал широкий резонанс среди читательской общественности, активное обсуждение в средствах массовой информации и дискуссионных Интернет-площадках и в большей степени неблагоприятные оценки литературных критиков.

Современный перевод получился радикально отличным от канонического, совершенно иной выбор средств языкового выражения, более не ограниченный требованиями цензуры и скованностью социальных установок, обусловил новые особенности проявления фокального персонажа, приблизив его к оригиналу, но и показав его с другой стороны. В новом переводе осуществлен иной выбор лексических слоев и социолектов, стилистических приемов и средств языкового выражения, составляющих основу языковой личности главного героя, что не всегда соответствует созданной автором оригинала коммуникативной ситуации.

При этом образ фокального персонажа явился затрудненным для восприятия русскоязычным читателем: в переводе Немцова фокальный персонаж ведет повествование, а также общается со сверстниками на тюремном жаргоне, наиболее часто используемые лексические единицы – «без балды», «в жилу», «друшлять», «голяк». Современные условия реализации перевода позволили Немцову более активно применять и молодежный сленг, придавая нейтральным словам и выражениям оригинального текста определенную коннотацию. Разговорно-нейтральная идиома «a very big deal» в варианте Райт-Ковалевой переведенная как «важная шишка», у Немцова опуска-

ется до ненормативного просторечья – «не хрен собачий».

В переводе Немцова калькирование англоязычных средств речевого выражения, экспрессивно-грубые вульгаризмы русских социолектов, советский уголовный жаргон и школьно-молодежный сленг создают особую окраску художественного языка героя и таким образом, по мнению экспертов, создают ощущение абсолютной чуждости зарубежного оригинального текста.

Стоит отметить, что, несмотря на сложность восприятия образа фокального персонажа в переводе Немцова, именно этот современный перевод более тонко передал иронические и трагикомические нюансы произведения. Описанное смешение переводчиком лексических единиц разных слоев, несоответствие средств художественной выразительности коммуникативной ситуации, неуместный сленг – попытка выразить состояние отчаяние фокального персонажа, продемонстрировать его внутренний и внешний протест, который в современных реалиях уже не стеснен рамками советских моральных и литературных установок.

Список использованных источников

1. Иваниченко А.Ю., Норец М.В. Влияние на перевод художественного текста языковой личности переводчика и ценностей эпохи (на материале произведения Д.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и трех переводов данного текста) / А.Ю. Иваниченко, М.В. Норец // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 26-27 апреля 2021г. – С. 117-123.

2. Махов С. Обрыв на краю ржаного поля детства / С. Махов. – М.: Аякс ЛТД, 2016. – 187 с.

3. Немцов М. Ловец на хлебном поле / М. Немцов. – М.: Издательство «Э», 2008. – 320 с.

4. Норец М.В., Гучмазова Л.В. Натурализирующий и отчуждающий методы перевода на примере первой главы книги Андреаса Штайнхёфеля «Рико, Оскар и тени темнее темного» / М.В. Норец, Л.В. Гучмазова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IV международной научно-практической конференции, Симферополь, 2020. – С. 238-243.

5. Райт-Ковалёва Р. Над пропастью во ржи / Р. Райт-Ковалёва. – М.: Эксмо, 2011. – 240 с.

6. Сабурова Н.В. Фокализация как способ организации повествования в художественном тексте. // Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.=25>

7. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

8. Salinger J. D. The Catcher in the Rye / J. D. Salinger– NY.: Little, Brown and Company, 1991. – 240 p.

УДК: 81`255

**СПОСОБЫ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ ПО
ТЕМАТИКЕ «АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ»
НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ****Ю. В. Огородникова,***обучающийся четвертого курса кафедры иностранных языков, лингвистики
и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический
университет, Пермь***Ю. А. Карнова,***кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков,
лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, Пермь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики немецкоязычной терминологии по тематике «Альтернативные источники энергии» и переводу терминологии на русский язык. С помощью анализа теоретических источников, метода контекстуального анализа и количественной обработки данных авторы приходят к выводу о важности правильного перевода терминов и связи способов терминообразования со способами перевода в данной области. В результате проведенного исследования представлены переводы терминов, которые могут быть использованы для перевода текстов по данной тематике.

Ключевые слова: термин, альтернативные источники энергии, терминообразование, письменный перевод терминов.

Summary. This article is devoted to the study of the renewable energy terms in the German language and of specificity of translating terms into the Russian language. The authors come to conclusion that correct translation of terms is of a high importance and methods of term formation and techniques of translation are strongly connected. As a result the paper presents the translation of terms that can be used to translate texts about renewable energy sources.

Key words: term, renewable energy sources, term formation, translation of terms.

В современном мире происходит стремительное накопление научной информации, что ведет за собой увеличение количества терминологических единиц во всех областях. Непрерывное расширение лексического состава любого языка и развитие его терминологической системы требует пристального внимания от лингвистов и переводчиков. Многие переводчики, работающие в секторе альтернативной энергетики, сталкиваются с проблемами при переводе. Чаще всего данные проблемы связаны с правильным пониманием терминов и их переводом, так как альтернативным источникам энергии уделяется недостаточно внимания со стороны лингвистов.

Известно, что специалисты трактуют понятие «термин» по-разному. Логический словарь-справочник, изданный под редакцией Н. И. Кондакова, дает следующее определение понятия «термин»: «это слово или словосочетание, являющееся точным названием строго определенного понятия» [3, с. 594]. Автор также делает акцент на том, что термином может являться и специальное слово или выражение, которое принято для обозначения чего-нибудь в той или иной сфере, профессии. В нашей работе мы будем опи-

раться на данное определение термина.

Многие лингвисты занимались изучением процессов терминообразования и пополнения терминологических систем в русском языке. В данной области работали такие ученые, как С. В. Гринев-Гриневиц, В. М. Лейчик, А. В. Суперанская и другие. На данный момент известно, что образование терминов осуществляется по моделям общелитературного языка при использовании слов, которые уже существуют в языке. Кроме того, термины могут заимствоваться из других языков или создаваться носителями языка.

В своем исследовании мы будем опираться на классификацию способов словообразования С. В. Гринева-Гриневица. Он разделяет семантические, морфологические, синтаксические и морфолого-синтаксические способы образования терминов [1, с. 304]. Мы подробнее рассмотрим морфологический и морфолого-синтаксический способы словообразования, так как в немецком языке чаще всего различают эти два способа терминообразования.

Морфологический способ терминообразования считается основным способом обогащения лексики в русском языке. Новые термины образуются из уже имеющихся основ путем добавления к ним различных аффиксов. Аффикс – это часть слова, которая присоединяется к основе и привносит в него грамматическое или словообразовательное значение. По местоположению в слове аффиксы разделяют на префиксы (приставки), суффиксы, постфиксы, интерфиксы (соединительные гласные), флексии (окончания).

В зависимости от того, какие аффиксы присоединяются к корню, в русском языке выделяют следующие морфологические способы словообразования: префиксальный (приставочный) способ (мудрость – премудрость), суффиксальный способ (улыбаться – улыбка), приставочно-суффиксальный способ (свежий – освежить), бессуффиксальный способ (золото – золотой), постфиксальный способ (добавление постфиксов -то, -либо, -ся и др.) (радоваться), префиксально-постфиксальный способ (слушать – прислушаться), суффиксально-постфиксальный способ (толпа – толпиться), сложносуффиксальный способ (сложение производящих основ с помощью интерфикса и добавление суффикса) (длинная шерсть – длинношерстный), сложение (ковёр-самолет).

В немецком языке к морфологическому способу словообразования относят аффиксальное словопроизводство и конверсию. Аффиксальное словообразование делится на три типа:

1. Суффиксальное терминообразование (die Feuchtigkeit);
2. Префиксальное терминообразование (der Unfall);
3. Префиксально-суффиксальное терминообразование (die Wiederverwendung).

Конверсия – это переход слова из одной части речи в другую без внесения в него каких-либо изменений (leben – das Leben).

Морфолого-синтаксический способ в русском языке представляет собой преобразование слова из одной части речи в другую (набережная улица – красивая набережная). К морфолого-синтаксическому способу словообразования в немецком языке относятся словосложение и все виды сокращения (der Umweltschützer – die Umwelt + der Schützer).

Задачей переводчика является достижение правильного и адекватного пе-

ревода, в том числе перевода терминологических единиц. Следует отметить, что существует множество подходов к переводу иноязычной лексики. Мы рассмотрим классификации способов перевода В. Н. Комиссарова и Я. И. Рецкера.

1. Буквальный перевод. Буквальный перевод подразумевает под собой передачу иноязычной единицы. Он осуществляется посредством транслитерации (метод заимствования, при помощи которого перенимается написание слов иностранного языка), транскрипции (передача иностранного слова путем воспроизведения с помощью языка перевода звукового облика (фонемного состава)) и калькирования (поморфемное воссоздание состава иноязычного термина средствами языка перевода и пословный перевод терминологических словосочетаний).

2. Функциональный перевод, который включает в себя подбор эквивалента.

3. Экспликация, или описательный перевод.

4. Лексические и лексико-грамматические трансформации, которые включают в себя дифференциацию значений, конкретизацию или генерализацию значения лексической единицы [2, 5].

В наше время проблемы, связанные с пониманием и переводом экологических терминов, стали очень актуальными. Поэтому мы поставили перед собой две задачи - изучить специфику немецкоязычной терминологии по тематике «Альтернативные источники энергии» и провести анализ способов письменного перевода терминологических единиц с немецкого языка на русский. Проанализировав аутентичные тексты (учебное пособие «Umweltfreundlich Energie erzeugen», изданное Федеральным министерством окружающей среды, охраны природы, строительства и безопасности ядерных реакторов Германии, а также пособие Марка Фритцлера «Ökologie und Umweltpolitik»), мы отобрали 100 терминов по тематике «Альтернативные источники энергии». Среди 100 терминологических единиц из сектора альтернативной энергетики были выделены следующие группы согласно способам образования терминов:

1. Термины, которые состоят только из основы (7%): der Turm – башня, der Dampf – пар.

2. Термин, который состоит из одной основы и одного или более аффиксов (13%): der Absorber – абсорбер.

3. Термины, которые образованы путем словосложения (30%): die Ozonschicht – озоновый слой, der Treibhauseffekt – парниковый эффект.

4. Термины, которые образованы путем сложения слов и аффиксации (39%): die Energiespeicherung – хранение энергии.

5. Термины, образованные путем конверсии (1%): der Rechen – сороудерживающая решетка.

Среди терминов в секторе альтернативной энергетики выделяются также двухкомпонентные единицы. Двухкомпонентные термины представлены структурой имя существительное + имя прилагательное (9%) (grüne Energie - электроэнергия, полученная экологически чистым методом) и имя существительное + причастие (1%) (isolierte Leitung – изолированный трубопровод).

Будущим переводчикам, которые нацелены на работу в данной области, необходимы будут знания о способах перевода терминологии. Мы выделили 4 способа перевода, которые наиболее часто используются для тер-

минологических единиц по данной тематике:

1. Калькирование (59%): *die Sonnenenergie* – солнечная энергия, *die Wärmezeugung* – выработка тепловой энергии, *der Solarkollektor* – солнечный коллектор, *direktes Sonnenlicht* – прямой солнечный свет, *die Windenergieanlage* – ветроэнергетическая установка.

2. Функциональный перевод (подбор эквивалента) (26%): *erneuerbare Energiequellen* – альтернативные источники энергии, *die Isolierung* – теплоизоляционный материал, *die Glasscheibe* – защитное стекло, *das Maschinenhaus* – здание гидроэлектростанции, *die Steuerungstechnik* – система управления установкой, *der Rechen* – сороудерживающая решетка.

3. Транслитерация/транскрипция (11%): *der Rotor* – ротор, *der Pellet* – пеллет, *die Photolyse* – фотолиз.

4. Экспликация (4%): *das Bohrunternehmen* – фирма, занимающаяся буровыми работами, *grüne Energie* – электроэнергия, полученная экологически чистым методом, *das Meereswärmekraftwerk* – электростанция, использующая энергию температурного градиента морской воды.

Осуществив перевод терминологических единиц по тематике «Альтернативные источники энергии» с немецкого на русский язык, мы выяснили, что существует зависимость между способом образования термина и способом его перевода. Зачастую термины, образованные путем словосложения и путем сложения слов и аффиксации, переводятся калькированием: *der Wind* (ветер) + *die Energie* (энергия) = *die Windenergie* (энергия ветра). Однако для некоторых терминов такой способ перевода может привести к ошибке или искажению формы исходного слова, и в таком случае стоит обратиться к описательному переводу: *das Meereswärmekraftwerk* – электростанция, использующая энергию температурного градиента морской воды.

В процессе нашего исследования мы также выяснили, что при переводе терминов, которые состоят только из основы, и терминов, которые состоят из одной основы и одного или более аффиксов, чаще всего использовались такие способы перевода, как калькирование и функциональный перевод (подбор эквивалента): *der Turm* – башня, *der Spiegel* – рефлектор, *die Geothermie* – геотермальная энергия.

В заключении хотелось бы отметить, что экологический дискурс постоянно развивается, возникают новые тенденции в появлении новых терминов, которые дают основу для их дальнейшего исследования, поэтому будущим специалистам важно уделять этой области особое внимание.

Список использованных источников

1. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. – М.: Издательский центр «Академия». – 2008. – 304 с.

2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС. – 2002. – 424 с.

3. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М.: Издательство «Наука». – 1975. – 721 с.

4. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура: издание 3. – М.: ЛКИ. – 2007. – 256 с.

5. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки

лингвистической теории перевода. – М.: Международные отношения. – 1974. – 216 с.

6. Суперанская А. В. Общая терминология. Терминологическая деятельность / А. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. – 1993. – 256 с.

7. Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz, Bau und Reaktorsicherheit (BMUB). Umweltfreundlich Energie erzeugen. Zeitbild Verlag und Agentur für Kommunikation GmbH. 2013.

8. Fritzler M. Ökologie und Umweltpolitik. Bundeszentrale für politische Bildung. 1997.

УДК 82-1/29

РОМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «НОВОЙ МИФОЛОГИИ»

И. В. Остапенко,

*д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, Симферополь*

С. Магальяйш де Соуза Остапенко,

докторант Университета Порту, кандидат культурологии, Португалия, Порту

Н. К. Норец,

*к.э.н., доцент кафедры финансов и кредита, Институт экономики и
управления, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Обращение романтиками к мифологии имеет вполне объяснимую природу: мифологизм и романтизм близкородные течения, имеющие взаимопроникновение. Процесс взаимопроникновения рассмотрен на творчестве У. Блэйка.

Ключевые слова: миф, мифология, мифологизация, роман, романтическая философия.

Summary. The appeal of the romantics to mythology has a completely understandable nature: mythologism and romanticism are closely related currents that have interpenetration. The process of interpenetration is considered on the work of W. Blake.

Key worlds: myth, mythology, mythologization, novel, romantic philosophy.

К концу 18 в. выявляется тенденция, когда становление углублённого отношения к мифу происходит прежде всего в Германии, особенно в поэзии Гёте, Ф. Гёльдерлина и в теории Шеллинга, заострённой против классицистического аллегоризма (мифический образ не «означает» нечто, но «есть» это нечто или он есть содержательная форма, находящаяся в органическом единстве со своим содержанием) [13, с. 186].

Для романтиков существует уже не единый тип мифологии («античность»), а различные по внутренним законам мифологии миры; они осваивают богатство германской, кельтской, славянской мифологии и мифы Востока. Наиболее адекватные формы и средства выражения романтического мироощущения находятся именно в мифе и символе; обращении романтики к сказке, но в их интерпретации она подвергалась значительной мифологизации [12, с. 14].

Ф. Шлегель видел в мифологии «средоточие поэзии» и жалел, что в отличие от античности, которая имела такое «средоточие», литература нового времени его лишена. И он призывал создать новую мифологию, которая, однако, должна качественно отличаться от древней: «Древняя мифология... прилегает к живому чувственному миру и воспроизводит его часть, новая должна в противовес этому выделиться из внутренних глубин духа [цит. по 6, с. 192]».

Усиленный интерес романтиков к мифологии вытекал прежде всего из того, что она была близкой, имманентной их «органическому мировоззрению», для которого не было ничего изолированного и застывшего, для которого мир – органическая взаимосвязь всего сущего, спонтанное движение и творчество природы и человеческого духа. Но природы одухотворенной, пантеистически воспринятой и пережитой (пантеизм – отождествление бога и мирового целого). Отсюда утверждение Шеллинга о том, что мифологические образы имеют для искусства такое же фундаментальное значение, как идеи для философии, и в целом «мифология является необходимым условием и первобытным материалом для искусства [13, с. 167]». Будто развивая эту мысль, А. Шлегель писал, что «миф никоим образом не является сырьем для поэзии. Он является самой природой в поэтическом воплощении, он – сама поэзия, самое полное видение мира. Поскольку миф является превращением природы, сам он способен к бесконечным превращениям [цит. по 6, с. 193]».

Особенно привлекала романтиков «символическая природа» мифа, то, что они считали первобытным воплощением символических форм мышления. Самое ценное качество мифа они видели в том, что, как писал Шеллинг, в нем «абсолютное изображается с абсолютной неразрозненностью общего и отдельного в отдельном, что в нем особенное не означает общее, а именно является общим [цит. по 6, с. 198]», что в символе воображение соединяет абсолютное с конкретным и воплощает в отдельном всю безграничность общего.

Интерес к мифу в эпоху романтизма был всесторонним. Осуществлялось его научное осмысление: философское, эстетическое, лингвистическое. Одновременно с этим миф непосредственно воссоздавался в художественной реальности. Романтики мечтали о появлении «новой мифологии»: современность, считали они, должна возродить миф, а поэту нужно стать мифотворцем.

Понимание мифа и мифотворчества даже на современном этапе его постижения далеко от единства, это связано, прежде всего, с полисемантической термином. Однако при всем этом, как справедливо отмечают многие исследователи, «за многообразием значений термина «миф» и существованием взаимоисключающих трактовок места мифотворчества в историко-культурном процессе... кроется не непроясненность сущности мифа, а наличие многообразных форм проявления одной, особой формы деятельности сознания» [8, с. 58]. Романтики стояли у истоков формирования и «оформления» мысли о многоаспектности мифа.

О неразрывной связи мифа и слова писал еще А. А. Потебня, предложивший стройную лингвистическую концепцию (многие идеи А. А. Потебни восходили к романтической теории мифа, в частности, некоторым работам Вильгельма фон Гумбольдта). Для А. А. Потебни язык, в силу своей

изначальной метафоричности, «есть главное и первообразное орудие мифологии» [9, с. 87], и он не теряет полностью своего мифологического «потенциала» и на современном этапе, хотя возможности эти несколько ослабевают. «Мифология, по Потебне, – явление и историческое, и вневременное; и определенная фаза развития сознания, и элемент его природы, делающий возможным мифотворчество во все времена [9, с. 90]». Именно такое понимание мифа было присуще романтической школе.

Хотя миф «укоренен» в человеческом сознании и в широком смысле лежит в основе всякого литературного текста, говорить о «тотальном» мифологизме всякого акта творчества и всякой попытки миропостижения нужно с большой осторожностью. Каждая историческая эпоха, каждое литературное произведение определенным образом представляет себе окружающий объективный мир, осмысляет место в нем человека и его ценностные ориентации. Лишь там, где смоделированная картина мира выходит на уровень глобальных обобщений, постижения самой сути взаимоотношений человека и космоса («универсума»), можно говорить о мифе. Генетическая связь литературы и мифа в определенные эпохи прослеживается более отчетливо, в другие менее. Но там, где авторами сознательно ставится цель сближения с древними извечными пластами человеческой образности, эта связь более чем очевидна. Такой эпохой и был европейский романтизм. Романтическое сознание носило принципиально мифотворческий характер. В современном литературоведении этому факту только сейчас начинают уделять необходимое внимание. Между тем, многие романтические идеи были очень плодотворны для дальнейших мифологических исследований.

Романтическая философия и эстетика использует термин «миф» преимущественно в первом и втором значении, рассматривая его как синоним мифологии. Осознавалось и третье значение: оно использовалось в конкретной художественной практике мифотворчества. Однако романтиками было разработано еще одно, для них наиболее важное значение термина: миф как выражение духа народа. В таком понимании он становится универсальной мировоззренческой категорией, актуальной и необходимой человеческому сознанию и на современном историческом этапе. Этот подход необыкновенно расширяет возможности и задачи мифа, который теперь призван дать целостный взгляд на мироздание, Непосредственным следствием этого тезиса становится своеобразный панмифологизм, свойственный романтической эпохе. Он был порожден своеобразным кризисом разума, разочарованием в просветительских идеалах, а там, где «интеллектуальные возможности исчерпаны», по справедливому замечанию, В. Йенса, всегда возникает миф [14, с. 120].

Таким образом, как и во многих других областях духовной жизни, в изучении мифа романтизм открыл новую страницу. И как во многих других областях, в изучении мифа до сих пор разрабатывается многое из того, что начали разрабатывать романтики. Сущность романтического открытия мифа заключалась в том, что несостоятельность всех старых толкований мифов вдруг стала очевидной. Мифы были осознаны как Правда (с большой буквы) и как создание Народа (тоже с большой буквы) и в силу этого стали объектом восхищения и поклонения. Но понятие «Правда» (так же как и понятие «Народ») в понимании романтиков, окутанное романтическим ту-

маном, было крайне нечетко. С одной стороны, было понято, наконец, что мифы – это правда в том смысле, что их принимали за правду те, кто их создавал и среди кого они бытовали. Такое понимание было большим прогрессом по сравнению с доромантическим. С другой стороны, однако, казалось, что мифы – это правда в том смысле, что они – поэзия (а в понимании многих романтиков поэзия – это и есть Правда) или религия (а в понимании многих романтиков религия – это и есть Правда, точно так же как природа, – это и есть бог) [2, с. 294]. Но такое понимание мифов было, в сущности, возвратом к доромантическому: если мифы – это поэтические образы, то надо искать, что эти образы изображают или что они значат, а если мифы – это религия, то надо искать религиозные истины, скрытые в них. Но таким образом игнорировалось, что для тех, кто создавал мифы и среди кого они бытовали, содержание мифов было самой реальностью, а не поэтическим изображением какой-то реальности или символами каких-то истин.

Из всех романтиков только Шеллинг, знаменитый предшественник Гегеля, толковал сущность мифа непротиворечиво. Развивая в «Философии мифологии» свою грандиозную, но совершенно фантастическую концепцию происхождения всякой мифологии из абсолютного тождества божества, т.е. из монотеизма, он вместе с тем был первым, кто отверг понимание мифологии как поэтического или философского вымысла. Он настаивал на необходимости понимания мифологии «изнутри», т.е. как самостоятельного мира, который должен быть понят в соответствии с его собственными внутренними законами [4, с. 89].

Таким образом, у романтического мифологического ренессанса была тенденция, не ставшая доминирующей в то время, но значимая для дальнейшей интеграции мифа и культуры Нового времени. Эта тенденция нашла выражение в стремлении У. Блейка создать индивидуальную космогонию и божественный пантеон, по классической греческой модели, но с индивидуально изобретенными богами.

В Шеллинговой «Философии искусства» выделен принцип, как определяющий для истинного искусства: «Всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию; мир этот (мифологический мир) находится в становлении, и современная поэту эпоха может открыть ему лишь часть этого мира; так будет вплоть до той лежащей в неопределенной дали точки, когда мировой дух сам закончит им самим задуманную великую поэму и превратит в одновременность последовательную смену явлений нового мира». Уильям Блейк – единственный из современников Шеллинга, кто в полной мере следовал этой художественной программе, выражающей высшие устремления романтического искусства. Что нашло свое выражение в стремлении У. Блейка создать индивидуальную космогонию и божественный пантеон, по классической греческой модели, но с индивидуально изобретенными богами.

Список использованных источников

1. Блэйк В. Порицание невинности [Электронный ресурс] / В. Блэйк. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2016/01/06/8334>
2. Голосовкер Я. Э. Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. – М.: Наука, 1987. – 384 с.
3. Ломакина И. Н. Мифологические и постмодернистские модели хро-

нотопы в прозе Дона Делилло / И. Н. Ломакина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 2(71). – С. 80-83.

4. Майданов А. С. Миф как источник знания / А. С. Майданов // Вопросы философии. – 2004. – № 9. – С. 87-96.

5. Матюх Д. Н. Мифологическая символика в романе Д. Г. Лоуренса «Пернатый змей» / Д. Н. Матюх, Е. В. Полховская // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы II Международного научного конгресса, Симферополь, 03–28 апреля 2017 года. – Симферополь: Издательство Типография «Ариал», 2017. – С. 191-196.

6. Найдыш В. М. Философия мифологии: от античности до эпохи романтизма / В. М. Найдыш. – М. : Гардарики, 2002. – 286 с.

7. Норец М. В. Основные черты романтизма как метода и литературного направления / М. В. Норец // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. – № 2 (26). – С. 4-10.

8. Стеблин-Каменский М. И. Миф. Теории мифа / М. И. Стеблин-Каменский // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2004. – № 6. – С. 67- 89.

9. Сухих С. И. Теоретическая поэтика Л. А. Потебни / С. И. Сухих. – Нижний Новгород: КиТиздат, 2001. – 260 с.

10. Тертерян И. А. Романтизм как целостное явление / И. А. Тертерян // Вопросы литературы. – 1983. – № 4. – С. 151-181.

11. Халтрин-Халтурина Е. В. Английский романтизм и дихотомия «вдохновение/воображение» / Е. В. Халтрин-Халтурина // Филологические науки. – 2009. – № 4. – С. 87-96.

12. Храповицкая Г. Н. История зарубежной литературы: западноевропейский и американский романтизм / Г. Н. Храповицкая, А. В. Коровин. – М. : Флинта; Наука, 2002. – 408 с.

13. Шеллинг Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг. – М. : Мысль, 1966. – 318 с.

14. Jens W. Statt einer Litteraturgeschichte / W. Jens. – London: Pfullingen, 1957. – 420 p.

УДК 81.25

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ КАЛАМБУРА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ КОМЕДИЙНОГО СЕРИАЛА «HOW I MET YOUR MOTHER»)

Н. В. Пасекова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

К. Н. Борисова,

обучающийся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данная работа посвящена изучению особенностей каламбура в комедийном сериале «How I met your mother» и анализу способов его передачи с английского языка на русский язык. В статье дается определение каламбура, описываются основные модели построения каламбуров, анализируются стратегии и приемы перевода каламбуров на материале комедийного сериала.

Ключевые слова: каламбур, проблемы перевода, перевод текста сериалов, переводческие трансформации

Summary. This article focuses on the study of the features of the pun and the analysis of ways of its translation from English into Russian in the comedy TV series “How I met your mother”. The article provides a definition of a pun, describes the basic construction models of puns, analyzes strategies and techniques for translating puns based on the comedy series.

Key words: pun, problems of translation, TV series text translation, subtitles, translation transformations.

Каламбур представляет собой одно из «непереводимых» явлений в лингвистике, которое широко используется в художественной литературе и иных жанрах текстовой коммуникации. При этом особое внимание переводчиков к каламбуру обусловлено сложностью правильной трактовки данной конструкции при трансляции с языка-носителя на язык реципиента. Сущность каламбура сопоставима с «непереводимой игрой слов», «остротой», «двойственность смысла» и др.

Как правило, основной функцией каламбура является придание комичности тексту, высвечивание определенных действий или сведений. Между тем, каламбур может выполнять в тексте целый ряд функций, выделяемых современными исследователями. Игнорирование этих значений при переводе может свести на нет или существенно исказить смысл первоисточника.

Цель данной статьи – акцентировать внимание на структуре английского каламбура, а также поиске наиболее адекватных соответствий и возможных вариантов перевода каламбура на русский язык на материале американской комедии «How I met your mother» («Как я встретил вашу маму»).

Премьера американского комедийного телесериала Картера Бейза и Томаса Крейга состоялась в 2005 году, а финал – в 2014 году. Комедия получила множество премий: «Эмми», «Выбор подростков», «Выбор телевизионных критиков» и др. История Теда Мосби, одного из главных героев, описывает его детей, историю встречи с женой, другие события, которые произошли с ним и его друзьями в Нью-Йорке в 2000-х годах во время его юности. В качестве материала перевода был проанализирован однопольный перевод от студии «Кураж-Бамбей», исполненный голосом Дениса Колесникова и пользующийся наибольшей популярностью у зрителей.

Первая попытка создать обобщенную схему каламбура принадлежит В. С. Виноградову. По его мнению, «структура каламбура представляет собой сочетание двух компонентов: – первый компонент – лексическая основа каламбура, опорный элемент, способствующий возникновению игры слов; – второй компонент – слово (или словосочетание) – заключающее в себе сам эффект каламбура. Когда второй компонент внедряется в речь, то при соответственности его со словом-эталоном и возникает комический эффект, игра слов» [3, с. 350].

По словам Дэвида Беллоса, профессора французского языка и сравнительного литературоведения в Принстоне, при переводе каламбура следует «отказаться от идеи «совершенной точности», поэтому перевод следует выполнять, пытаясь найти шутку, которая звучит относительно также, как оригинал» [8].

Американский современный писатель Гэри Штейнгарта на ежегодном

собрании Американской ассоциации литературных переводчиков, темой которого был перевод юмора, сказал, что «нет ничего хуже, чем убить шутку чрезмерным объяснением» [8]. Это означает, что читатель должен сам стремиться найти смысл в юмористической ситуации.

В нашей статье рассматриваются примеры перевода каламбура в телесериале «Как я встретил вашу маму».

Одним из способов усилить юмористический эффект является использование дополнительных рифм. Близкие согласные звуки можно передать через соотношение целых фраз и отдельных слов. В 13 серии 2 сезона друзья нашли портрет Маршалла, на котором он был изображен обнаженным. Когда юноша пришел домой, его пригласили сесть на табуретку, как на портрете, после чего подарили ему розу, которая тоже была на картине, а Барни достал дротик для игры в дартс. Затем последовал следующий диалог, юмор которого основан на игре слов. «новый дротик» и «обнаженное искусство»:

– Hey, guys. Guess what I got. A new dart! – Oh, a new dart? – Hey, that new dart is great! – I didn't know you were such a fan of new dart, Barney! – Oh, yes, Robin, I just love **new dart. Nude art. Nude art.**

– Послушайте, ребята, угадайте, что я принес. Это новый дротик! – О, новый дротик! Ух ты! Тед: Этот новый дротик такой классный! – Я не знал, что ты такой фанат нового дротика, Барни! – Да, Робин, мне это нравится. Новый дротик. Искусство обнаженной натуры – обнаженная натура.

Мы видим, что перевод этой шутки затруднителен для переводчика. Поскольку шутка поясняется только в конце диалога, аудитория постоянно теряет, поэтому юмористический эффект достигается лишь частично.

Еще один пример каламбура обнаруживается в следующем примере:
I left her a voice mail. – You left a voice but it wasn't male.

– Я оставил ей голосовое сообщение. – Ты оставил ей голос, но он не был мужским.

В этом примере каламбур, к сожалению, не переведен на русский язык. Давайте сравним его с другим примером.

– That was a good dessert. – **Dessert sounds like desert and the desert has sand.**

– Ни десерт, а сплошной сахар. – **Сахар звучит как Сахара, а там много песка.**

В этом примере игра слов следует за повествованием, поэтому было очень важно соединить два предложения и дойти до слова «песок», чтобы можно было сохранить омофонию и в русском языке. По нашему мнению, переводчик удачно справился со своей задачей.

В следующем примере игры слов мы можем наблюдать яркий пример абсолютной омофонии:

– **Enjoy your Mai Tai** because as of tomorrow night, you'll be **wearing my tie.**

Ну, ты заливай всё же себе за воротник да за галстук, чтобы утятам было где плескаться.

На первый взгляд, это два совершенно разных предложения. Однако, учитывая, что на галстук был принт в виде утки, переводчикам пришлось соединить его с названием японского напитка, что было вполне разумным решением.

Многозначность, или полисемия, также распространены в данном се-

риале. По сюжету у двух персонажей есть шутка на основе военных званий. Они всегда отдают честь, когда слышат слово, соответствующее воинскому званию, но имеющее другое значение. Примеры могут быть следующие: *major* – майор/основной; *private* – рядовой/личный; *general* – генерал/общий. В русском языке нет подобных соответствий и «Кураж–Бамбей» перевели их следующим образом:

– Isn't it sad? I mean in 2007 some countries actually still condemn corporal punishment. – **Corporal Punishment.**

– Это так грустно. Я про то, что в 2007 году некоторые страны все еще потворствуют телесным наказаниям. – **Капрал Наказание.**

– No away! March does not have 31 days. – Yes, it does. Everyone knows that. It's like **general knowledge.** – **General Knowledge.**

– Ни за что! В Марте не может быть 31 день. – Нет, 31. Все это знают. Это общеизвестный факт. – **Генерал Факт.**

В то же время шутка непонятна русскоязычной аудитории, так как неясно, почему персонажи используют военные звания. Тем не менее, в 9 сезоне, когда данная шутка опять была использована, переводчики пересмотрели идею перевода.

– Robin, it's been a **major pleasure.** – **Major Pleasure.**

– Робин, буду кэпом, но я получил огромное удовольствие.

В этом диалоге переводчики использовали еще одну шутку, очень популярную среди молодежи в России: человека, который говорит очевидные вещи, называют капитаном, или просто фуражкой. Хотя суть анекдота была изменена, воинское звание осталось, а с добавлением нескольких слов появился смысл.

Многие ситуации в сериале обусловлены американскими реалиями, которые не всегда понятны русскоязычному зрителю, то есть он слышит смех в переводной версии, но не понимает его назначения, после чего возникает эффект обманутого ожидания.

Поскольку основной функцией каламбура является «произвести комический эффект, вызвать эффект неожиданности...», перед переводчиком стоит задача строго придерживаться комического жанра» [6, с. 45]. Изменения в семантической основе каламбура на языке первоисточника и передача его содержания в некаламбурной форме влекут за собой определенные потери. Тем не менее, «переводчику предоставляется возможность возместить эту утрату, воспользовавшись приемами компенсации и аналога, что является одним из способов достижения стилистической эквивалентности перевода на уровне всего текста» [1, с. 139].

Можем сделать вывод, что точного перевода, к которому мы стремимся как к идеалу при переводе каламбура, можно добиться в крайне редких случаях. Поэтому перед переводчиком стоит задача решить, что важнее: передать содержание, отказавшись от игры слов, или же сохранить каламбур за счет замены образа, отклонения от точного значения, или вообще сосредоточиться только на игре, полностью абстрагировавшись от содержания.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.

2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО. – 2001. – 224 с.

3. Виноградов С. И. О социальном аспекте лексической нормы. Литературная норма в лексике и фразеологии. – М. : Академия. – 1983. – 361с.

4. Влахов С.Н. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, – 1980. – 343 с.

5. Зеленцова М. Г. Особенности перевода юмора, иронии и сатиры в художественной литературе / М. Г. Зеленцова, Л. А. Ходаковская // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 г. – С. 134-139.

6. Кузьмин С. С. Смех как переводческая проблема (На примере фразеологизмов) – М., 1976.

7. Санников В. З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. – №3 – 1995. – с. 59.

8. Hoffman J. Me Translate Funny One Day [Electronic Resource] // The New York Times. 2012. – Mode of access: URL: <https://www.nytimes.com/2012/10/21/books/review/the-challenges-of-translating-humor.html>. (дата обращения 22.01.2022).

УДК 81'347.78.034

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В
МАСС-МЕДИЙНОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ:
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Е. Ю. Пишкова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

М. Н. Москвина,

обучающийся магистратуры, кафедра перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию оценочности в масс-медийном дискурсе. Информативная и воздействующая функции реализуются в медиатекстах за счет использования оценочной лексики. Основная задача при переводе новостных статей состоит не только в том, чтобы передать информационную составляющую текста без искажений, но и в точной передаче прагматики оригинала. Особое внимание уделяется сохранению воздействующего эффекта путем интенсификации, деинтенсификации либо сохранения исходного уровня оценочности.

Ключевые слова: оценка, масс-медийный дискурс, перевод, воздействие, прагматика.

Summary. This article is devoted to the study of evaluativity in mass media discourse. In media texts informative and influencing purposes are achieved through the use of evaluative vocabulary. The main task in translating news arti-

cles is not only to keep the information component of the text, but to convey the pragmatics of the original text as well. Special attention is paid to the preservation of the influencing effect by means of intensification, decrease or preservation of the initial level of evaluation.

Key words: evaluation, mass media discourse, translation, influence, pragmatics.

Черета глобально значимых политических, социальных и культурных событий XXI века в совокупности с интенсивным развитием информационных технологий подготовили почву для изучения проблем массовой коммуникации, в частности масс-медийного дискурса. Несмотря на то, что поле исследования относительно новое, всё больше и больше отечественных и зарубежных лингвистов обращают своё внимание на данный феномен. Так, опираясь на подход Т. Г. Добросклонской, медиа-дискурс можно определить как тип дискурса, сочетающий в себе сложный процесс создания и кодирования медиасообщения адресантом, его следование по коммуникационному каналу, декодирование и восприятие адресатом, а также лингвистические и экстралингвистические особенности данного сообщения.

Ключевой единицей масс-медийного дискурса является медиатекст, комплексный характер которого обеспечивается его всеобъемлемостью. Он принимает разные формы создания и воспроизведения (устная либо письменная), жанры (новости, реклама, комментарий), а также может иметь различный канал распространения (печатное издание, радио, телевидение, Интернет).

Основными функциями масс-медийного дискурса являются информативная и воздействующая. Задача первой – непосредственно освещение и комментирование событий и фактов. Благодаря информативной функции формируется нейтральный лексический слой словаря и речевой стандарт СМИ в целом. Ведущая роль принадлежит воздействующей функции, т.к. именно она даёт оценку той или иной новости, обуславливает существование оценочной лексики, которая направлена на укрепление существующих и создание новых стереотипов.

Современные медиатексты, именуемые «летописью современности», стремятся повлиять на общественное мнение и нравы различных социальных групп, сформировать положительные или негативные образы современных общественных деятелей. Для достижения вышеперечисленных целей интенсивно используются лексические единицы и высказывания, выражающие оценку.

Оценка остается одной из самых изучаемых категорий в лингвистике, т.к. сочетает в себе актуальные исследовательские проблемы гуманитарных наук – социальные, этнические, психологические и другие особенности человека. Однако, даже несмотря на большое количество научных трудов, посвященных оценке, в лингвистике еще не сформулировано общепринятое определение данного термина. В данной статье мы придерживаемся трактовки одного из ведущих подходов к решению этой задачи – функционально-семантического (Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева). Он изучает категорию оценки как единство семантического и прагматического аспектов, т.е. функционирование оценки отражает как оценочную сему языковых единиц, так и непосредственно условия реализации коммуникации. Е. М. Вольф также именуется оценку «модальной рамкой» и выделяет её

особую структуру, включающую обязательные (субъект, объект, аксиологический предикат, аспект оценки, оценочный элемент) и факультативные элементы (мотивировки, классификаторы, различные средства интенсификации и деинтенсификации).

Согласно А. Вежбицкой, оценочное отношение к познаваемому объекту является неотъемлемой частью сознания человека, поэтому в «алфавит человеческой мысли» прочно вошли полярные понятия «хорошо» и «плохо», которые находятся в основе большинства оценочных суждений [2, с. 20]. В устной и письменной речи они реализуются преимущественно при помощи лексических единиц с оценочной семой.

Перевод медиатекстов, содержащих оценочную лексику, представляет ряд сложностей, поскольку переводчику требуется передать позицию автора максимально точно и без искажений, т.е. придерживаться критерия репрезентативности. Недопустимо проявление своей личной гражданской позиции в переводящем тексте, даже если переводчик категорически противится мнению автора. Помимо этого, трудности может вызывать перевод отдельных единиц оценочной лексики из-за социально-культурных различий представителей англо- и русскоязычной культур. Переводчик обязан верно передать не только информационную составляющую статьи, но и вызвать реакцию читателя, заложенную автором исходного текста, т.е. передать прагматическое воздействие.

Прагматика играет важную роль в теории перевода. Каждый текст масс-медийного дискурса несёт в себе информацию, передаваемую от источника к рецептору, задача которого – корректно проанализировать и выразить определенное отношение к данному сообщению. Таким образом, рецептор вступает с текстом в отношения, именуемые в лингвистике прагматическими. В. Н. Комиссаров утверждал, что прагматический аспект – составная часть высказывания, следовательно, переводящий текст также должен воздействовать на читателя, сохранив прагматику оригинала.

Прагматический аспект играет важную роль в предопределении адекватности переведенного медиатекста. Согласно Л. С. Бархударову, даже самый точный и доскональный перевод не достигает своей основной цели, если остается непонятым среди публики, для которой он изначально предназначался [1, с. 125]. Таким образом, прагматический эффект оценочных высказываний в медиатекстах сохраняется благодаря использованию переводческих трансформаций и различных способов реализации оценки. Рассмотрим подробнее данные трансформации на примерах статей, позаимствованных с новостных англоязычных сайтов, и их переводов с интернет-портала ИноСМИ:

1. *He behaves **outrageously** towards his critics, at home and abroad, and offends western standards of decency and liberalism* [9]. Да, он ведет себя **возмутительно** по отношению к своим критикам дома и за границей, и оскорбляет западные стандарты приличия и либерализма [10].

В данном примере оценка действий политика эксплицируется при помощи наречия *outrageously*, в сему которого входит негативная оценка. В русском предложении, однако, наблюдаем деинтенсификацию, либо смягчение оценки: используется наречие *возмутительно*, которое звучит менее категорично, нежели другие варианты прямого перевода данного слова (*вопиюще, зверски*). Таким образом, со-

храняя общую отрицательную оценочность высказывания, автор переводящего теста выражает меньшую интенсивность оценки по сравнению с исходной.

2. *Biden's press conference gets panned by critics: 'Total disaster'* [12]. «Полный провал»: критики **разнесли** пресс-конференцию Байдена [7].

Данный перевод заголовка статьи иллюстрирует пример интенсификации, т.е. усиления оценки. Переводчик модифицирует значение выражения *gets panned* (букв. – *подвергаться критике*) в русском языке глаголом *разнесли*, которое имеет негативный эмоциональный окраска и принадлежит к слою разговорной лексики.

3. *Perhaps the most startling comment of the evening was Biden's response to a question about the Russian invasion of Ukraine* [12]. Но, пожалуй, самым **поражительным** комментарием вечера стал ответ Байдена на вопрос о российском вторжении на Украину [7].

В данном случае эксплицитная оценка содержится и в предложении на языке оригинала, и в переведенном. Уровень интенсивности и категоричности оценочного высказывания полностью сохраняется путем подбора точного эквивалента в русском языке.

4. *Let's see: Putin is a modern-day Peter the Great out to restore the glory of Mother Russia* [11]. Путин – это **Петр I наших дней**, вознамерившийся возродить былую славу России-матушки [8].

Данный перевод иллюстрирует еще один пример сохранения интенсивности положительной оценки политики российского президента. Прагматический эффект оригинала полностью сохранен в переведенном тексте, т.к. автор сравнивает объект оценки с исторической личностью, частью культурной и исторической реалии Российской империи, используется традиционное переводческое соответствие.

Таким образом, использование оценочной лексики в масс-медийном дискурсе является способом реализации информативной и воздействующей функций медиатекстов. Оценка в текстах данного типа считается социально обусловленной, поскольку направлена на формирование у адресата определенных оценочных стереотипов. Воспроизведение в тексте перевода оценочного компонента лексических единиц необходимо для воспроизведения смыслового ядра текста оригинала. Соотношение между прагматикой оригинала и перевода может быть различным, так как прагматические отношения в тексте оригинала подвергаются модификации при переводе, включая снижение, усиление либо сохранение исходного уровня интенсивности оценочности. При этом переводческая стратегия определяется ориентацией на рецептора перевода, а также установками, диктуемыми целью перевода.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 236 с.
2. Вежбицкая А. «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 15–43.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 280 с.

4. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2014. – №13 (184). – С. 181–187.

5. Иванова Г. Ф. Оценка в ментальной сфере языка. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 3-II / 2007. С. 146–147.

6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М. : Р.Валент, 2014. 407 с.

7. «Полный провал»: критики разнесли пресс-конференцию Байдена (Fox News, США) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://inosmi.ru/20220120/bayden-252642964.html> (дата обращения: 20.01.2022).

8. Путин – Украине: выходи за меня замуж, или я тебя убью (The New York Times, США) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://inosmi.ru/20220119/putin252604981.html?chat_room_id=252604981 (дата обращения: 20.01.2022).

9. Simon Jenkins. Britain should stay well out of Russia's border dispute with Ukraine [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/jan/20/britain-russia-ukraine-border-dispute> (дата обращения: 20.01.2022).

10. The Guardian (Великобритания): Британия должна держаться по-дальше от пограничного спора России с Украиной [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://inosmi.ru/20220120/ukraina-252646365.html?chat_room_id=252646365 (дата обращения: 20.01.2022).

Thomas L. Friedman. Putin to Ukraine: «Marry Me or I'll Kill You» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/01/18/opinion/putin-ukraine.html> (дата обращения: 20.01.2022).

11. Yael Halon. Biden's press conference gets panned by critics: 'Total disaster' [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.foxnews.com/media/biden-press-conference-panned-critics-total-disaster> (дата обращения: 20.01.2022).

УДК 811.11

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЭВФЕМИЗМОВ В РЕЧИ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. Ю. Пишкова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Д. С. Пидченко,

обучающийся магистратуры, кафедра перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. В статье рассматривается процесс эвфемизации, который является характерной чертой современной коммуникации, и при этом обла- дает, как и любое другое явление в языке, своими отличительными признака- ми. Данный процесс вызывает большой интерес среди современных ученых

благодаря не только своим языковым функциям, но также и тесной связи с социальными проблемами общества и современными нормами морали.

Ключевые слова: эвфемизм, процесс эвфемизации, функции эвфемии, прагматический аспект.

Summary. The article examines the process of euphemization which is a characteristic feature of modern communication, and at the same time has, like any other phenomenon in the language, its own distinctive features. This process is of great interest among modern scientists due not only to its linguistic functions, but also to its close connection with the social problems of society and modern moral norms.

Keywords: euphemism, euphemization process, function, pragmatic aspect.

Процесс эвфемизации, который можно также рассматривать в рамках языковой универсалии, на данный момент является весьма характерным явлением для современной речи человека. По мнению многих ученых эвфемизм постоянно находится на стадии переосмысления, что напрямую связано его многофункциональностью. О. С. Ахманова, рассматривая данное понятие в Лингвистическом Энциклопедическом словаре, дает ему следующее определение: «эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова или выражения, которые употребляются в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [1, с. 513]. Однако важно отметить, что наравне с традиционными определениями, которые рассматривают понятие эвфемизма с позиции смягчения, эвфемизму также присущ важный социальный, прагматический мотив [5, с. 76]. Данное явление тесно связано с процессом номинации нежелательных языковых единиц в речи, а также желанием говорящего смягчить последствия того или иного социального явления в своем высказывании. Эвфемизмы в полной мере выполняют функцию нормативного средства языкового выражения и используются в ситуациях, где нравственное и этическое воспитание говорящего диктует ему замену языковых прямых номинаций на косвенные. Процесс эвфемизации может быть характерной чертой определенного временного промежутка, во время которого из-за определенных социальных стереотипов считалось неприемлемым прямое название того или иного явления.

Также не следует забывать, что данный процесс, как и любое другое языковое явление имеет свои признаки. Мы, вслед за рядом отечественных ученых, рассматривающих эвфемизмы в рамках разных языковых дискурсов, приходим к выводу, что к обязательными признаками данного явления можно отнести:

- 1) называние отрицательного предмета окружающей действительности;
- 2) семантическая двусмысленность эвфемизма, уменьшающая отрицательную оценку данного предмета;
- 3) улучшение восприятия эвфемизма;
- 4) формальный характер улучшения предмета окружающей действительности.

Все перечисленные признаки непосредственно влияют на выполнение следующих функций эвфемизмов. Первая функция – замена прямых названий предметов и явлений, которые могут вызвать у реципиента чувства паники или страха. Зачастую данные слова входят в тематические сферы, связанные с понятиями смерти и болезней. Вторая функция эвфемизмов раскрывается в нежелании говорящего назвать кого-либо или что-либо, что

вызывает чувство отвращения своим прямым названием. Третья функция эвфемизмов помогает обозначить то, что в определенную эпоху считается неприличным. Четвертая функция эвфемизмов напрямую связана с существующими в обществе нормами морали и этикета. В этих случаях говорящий стремится не обидеть реципиента и избегает прямых наименований определенных предметов и явлений. Пятая функция эвфемизмов базируется на замене языковых единиц, обозначающих, по мнению данного общества, непрестижные профессии, сферы деятельности, организации [2, с. 261].

Известный отечественный лингвист Л. П. Крысин, отмечает следующие общие факторы использования эвфемизмов в речи: 1) выявление говорящим в предмете речи грубости или неприличия в данном социальном контексте; 2) использование говорящим слов, которые являются заменой нежелательной языковой единицы и при этом маскируют данное явление и смягчают резкость высказывания в целом; 3) прямая зависимость использования эвфемизма от контекста. По мнению автора, более жесткие рамки коммуникативной ситуации сильнее способствуют использованию эвфемизмов, и, следовательно, менее контролируемая ситуация приводит к использованию дисфемизмов; 4) социальное понимание понятия эвфемизма. В зависимости от социальной среды, одно и то же высказывание может расцениваться как эвфемизм или, напротив, получить нейтральную оценку [3, с. 29].

Продолжая исследование процесса эвфемизации ученый выделяет следующие функции эвфемизмов: 1) желание говорящего избегать коммуникативных неудач, не создавая при этом у собеседника коммуникативного дискомфорта; 2) вуалирование сути высказывания; 3) желание говорящего сообщить реципиенту информации, так, чтобы остальные участники коммуникации этого не поняли [3, с. 29].

Следует отметить, что проблема возникновения и использования в речи эвфемизмов существует не только в отечественной лингвистике. Так, проанализировав работы зарубежных ученых, мы делаем вывод, что среди факторов, которые влияют на использование эвфемизмов, наиболее значимыми являются региональные, национальные и культурные традиции, а также конкретное местоположение. Примером может послужить английское выражение *go to the toilet*, для которого в языке существует целый ряд синонимов: *go to the loo*, *to visit Lady Periam* и т. д. Однако, если мы рассмотрим последнее выражение более детально, то можно сделать вывод, что оно более метафорично чем первое, но в то же время и вызывающее больше трудностей с пониманием у реципиента, особенно если тот не является носителем языка. Точно также трудности с пониманием смысла может вызвать и другое выражение, используемое на юге Англии, *spend a penny*, которое также означает «сходить в туалет». Таким образом, его возникновение и использование в языке тесно связано с региональным культурным фактором, и следовательно данный эвфемизм не будет восприниматься всеми англичанами одинаково. Аналогичным образом смерть в море зачастую ассоциируется с приливом, и в английском языке есть соответствующее выражение *go with the tide*. Помимо этого, автор также приводит примеры из американского варианта языка, обозначающие смерть: *go over the range*, *cross the Great Divide*.

Причины, влияющие на использование эвфемизмов всегда имеют прагматический характер. Всякий раз, когда мы хотим поделиться какой-либо информацией, мы осознанно выбираем те или иные языковые средства. Так, например, при написании литературного текста, использование эвфемизмов может выполнять следующие функции: 1) придание языку более литературного звучания; 2) создание юмористического эффекта; 3) характеристика персонажей; 4) создание более ярких образов. Автор также обращает особое внимание на экстралингвистическую функцию эвфемизмов, которая базируется на желании говорящего убедить в своей точке зрения реципиента или, вероятно, получить возможность манипулировать чувствами аудитории. Данное использование языковых замен является характерным для публицистического стиля, политических выступлений и рекламных анонсов. Например, для пробуждения у потенциальных клиентов желания воспользоваться своими услугами зарубежные авиакомпании разделили классы пассажирских салонов на четыре ранга. Вместо *first class* они используют название *deluxe class* или *premium class*, *second class* становится *first class*, а *third class* начинает называться *business class* или *tourist class* [4, с. 152–153].

На основе всех вышеизложенных функций эвфемизмов в зарубежной лингвистике было предложена следующая классификация данного явления. Следует отметить, что в целом она схожа с классификациями отечественных ученых, однако вместе с этим имеет свои характерные особенности. Защитный эвфемизм – замена негативной языковой единицы или общественного табу на более нейтральное слово, чтобы избежать ненужных коммуникативных конфликтов и не задеть чувства собеседника. Скрытый эвфемизм – подмена одного негативно окрашенного слова на его аналог с расчетом ввести реципиента в заблуждение и придать отрицательному явлению более позитивную окраску. Например, использование словосочетания *candy stick* вместо *marijuana cigarettes laced with powdered cocaine*. Возвышающий эвфемизм – замена слова на другую единицу, принадлежащую более высокому языковому регистру. Данный вид эвфемизма способствует более напыщенному и помпезному звучанию фразы. Например, в фразе *indecent exposure of the person*, слово *person* заменяет неприемлемое слово *penis*, которое относится к низкому языковому регистру. Провокационный эвфемизм – замена, главная задача которой позволить говорящему публично обратиться к запретной в обществе теме, открыто говоря на волнующие провокационные социальные вопросы [6].

Таким образом, процесс эвфемизации занимает важное место в процессе современной коммуникации, при этом обладая, как и любое другое явление в языке, своими особенностями. Данный процесс вызывает большой интерес среди отечественных и зарубежных ученых благодаря не только функциям, которые оно выполняет в речи, но также и тесной связи с социальными проблемами общества и современными нормами морали.

Список использованных источников:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] // О. С. Ахманова. – URL: <https://www.klex.ru/j3t> (дата обращения: 19.01.2022).
2. Бородина А. Н. Функции эвфемизмов в современной речи [Электрон-

ный ресурс] / А. Н. Бородина, Н. В. Черникова // Перспективы науки. – Материалы VI Международного заочного конкурса научно-исследовательских работ, Казань, 28 апреля 2017 года. Научный редактор А.В. Гумеров. – Казань: «Рокета Союз». – 2017. – С. 260–264. – URL: [phttps://www.elibrary.ru/item.asp?id=29269496](https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29269496) (дата обращения 17.01.2022).

3. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи [Электронный ресурс] // Русистика. – Берлин, 1994. – №1–2. – С. 28–49. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm> (дата обращения: 20.01.2022).

4. Narmina Fataliyeva Arif Social and Cognitive Implications of Using Euphemisms in English [Electronic Resource] // International Journal of English Linguistics. – Vol. 5. – No. 6. – 2015. – URL: <https://www.ccsenet.org/journal/index.php/ijel/article/view/55316> (дата обращения: 20.01.2022).

5. Орлова С. Н. Функционирование эвфемизмов в заголовках газетно-публицистических текстов [Электронный ресурс] // Русистика. – 2011. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-evfemizmov-v-zagolovkah-gazetno-publitsisticheskikh-tekstov> (дата обращения: 21.01.2022).

6. Funda Uzdu Yıldız Use of euphemisms in youth language [Electronic Resource] // Journal of Language and Linguistic Studies. – 2021. – 17 (Special Issue 2). – P. 1117–1128. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1288311.pdf> (дата обращения: 21.01.2022).

УДК 81'27

**ГЕРМАНСКОЕ ВКРАПЛЕНИЕ КАК РЕГУЛЯТОР АТТРАКТИВНОСТИ
ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В. И. ЛЕНИНА:
ВАРИАНТЫ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В КНИГЕ «МАТЕРИА-
ЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»
(К 100-ЛЕТИЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ СССР)**

С. А. Приходько,

научный сотрудник, Новозыбковский краеведческий музей, Новозыбков

Аннотация. В настоящей статье анализируются функционально-семантические параметры английского и немецкого вкраплений, представленных в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Автор проводит исследование с учётом полемического контекста ленинского дискурса начала XX в. и графического оформления германских средств. В статье раскрывается функциональная система иноязычных средств на базе конкретных примеров.

Ключевые слова: германское вкрапление, аттрактивность, полемический дискурс В. И. Ленина, речевая манипуляция, книга «Материализм и эмпириокритицизм», английское вкрапление, немецкое вкрапление, полифункциональное средство полемики, смысловая дихотомия, комментарий.

Summary. This article analyzes the functional and semantic parameters of English and German inclusions presented in V. I. Lenin's book «Materialism and Empirio-Criticism». The author conducts research taking into account the polemic context of V. I. Lenin's discourse of the early XX century and the graphic design of German inclusions. The article reveals the functional system of foreign language tools based on specific examples.

Keywords: German inclusion, attractiveness, V. I. Lenin's polemic discourse, speech manipulation, book "Materialism and Empirio-Criticism", English inclusion, German inclusion, multifunctional polemic tool, semantic dichotomy, commentary.

2022 год проходит под знаком 100-летия подписания Декларации об образовании Советского Союза. В. И. Ленин, основатель и первый руководитель СССР, вошёл в историю в качестве политика. В течение минувшего века приоритет отдавался элементам ленинских трудов, важным для своеобразия текущего момента, поэтому книги и письма, речи и статьи лидера большевиков не были проанализированы в лингвистическом отношении в полной мере.

Безусловно, в Союзе ССР лингвисты затрагивали вопрос об иноязычных средствах в дискурсе В. И. Ленина [3, 6]. В данном отношении затрагивалась также книга «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» [4]. В СССР данная работа выходила значительными тиражами 107 раз. К 100-летию со дня рождения основателя РСФСР и Советского Союза тираж «Материализма и эмпириокритицизма» превысил 5,157 миллиона экземпляров. Безусловно, суммарный тираж книги увеличивается также в течение последних 30 лет.

Доминантой исследования ленинского литературного наследия является тенденциозность. Если в дореволюционных публикациях В. И. Ленина исследователи искали философские достижения, то в послеоктябрьских текстах их привлекали политические прорывы. По этой причине смысловые нюансы и структурные особенности текстов остались за пределами внимания лингвистов. В первой четверти XXI столетия круг филологических исследований остаётся крайне ограниченным, поэтому актуальность настоящего исследования не вызывает сомнений.

Можно отметить, что современная лингвистическая наука также разрабатывает данную тематику в общем ракурсе [1], но ленинские вкрапления всё ещё не изучены в достаточной степени. В настоящей статье рассматриваются английские и немецкие вкрапления, репрезентированные в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Кроме них, в анализируемом труде обнаружены греческие, латинские, французские и другие вкрапления.

Ленинский полемический дискурс далеко не так сумбурен и хаотичен, как это может показаться на первый взгляд. В нём действуют логика и отшлифованные приёмы [9, с. 168], к числу которых следует отнести частотный для ленинского дискурса приём вовлечения. Средствами обеспечения инклюзивности служат те или иные вкрапления. Помимо процедуры языкового манипулирования сознанием, вкрапление выполняет обязанность скрепы – функцию соединения высказываний в логически правильный и стилистически корректный текст [2, с. 25–26]. В дискурсе дореволюционной вербальной полемики вкрапление воздействует на сознание адресата и выступает в качестве манипулятора. В. И. Ленин использовал иноязычные элементы в различных композиционных построениях и в сочетании с разнообразными полемическими приёмами.

Сочетание в одном предложении

В ряде контекстов В. И. Ленин употребил заимствования и для повтора, и для организации справочного аппарата (оформления выходных данных цитаты). К примеру, в процессе критики умозаключений Р. Авена-

риуса лидер большевиков опирался на утверждения немецкого психолога В. М. Вундта и соединял элементы на двух языках в одном и том же уточнении: «*Другие теоретические положения Авенариуса заимствованы у материализма, и в целом эмпириокритицизм есть «пестрая смесь» (bunte Mischung, S. 57 названной статьи), в которой «различные составные части совершенно не связаны друг с другом» (an sich einander völlig heterogen sind, стр. 56)»* [7, с. 70].

В приведённом разборе В. И. Ленин объединил обвинения оппонента в терминологической расплывчатости и чёткие выходные данные, благодаря которым даже небольшой специалист в области философии смог бы удостовериться, что автор «Материализма и эмпириокритицизма» тщательно изучил приведённую литературу.

Многочисленными в ленинской полемике являются исторические экскурсы. Например, в ходе использования литературного наследия американского экономиста вождь русских большевиков углубился в древнегреческую историю: «*В следующей своей работе «Машина мира» (Lond. and N. Y., 1907; Karl Snyder «The World Machine») Снайдер говорит, – намекая на посвящение им своей книги памяти Демокрита из Абдеры, жившего приблизительно в 460-360 годах до Р. Х.: «Демокрита часто звали прародителем материализма. Эта философская школа немножко не в моде в наше время; но не лишнее будет заметить, что на деле весь новейший прогресс наших представлений о мире основывался на посылах материализма. Материалистические послы, если говорить прямо (practically speaking), просто неустранимы (inescapable) в естественноисторических исследованиях» (р. 140)»* [7, с. 378-379].

Подчёркивание непреложной ценности материалистических положений является постоянным пунктом ленинской системы манипуляции.

Прямая цитата со словами автора

В настоящем смысловом поле В. И. Ленин сделал ссылку на авторитет: «*Г-н Ланге, – писал Маркс 27-го июня 1870 года к Кугельману, – («О рабочем вопросе и т.д.»), 2 изд.) сильно хвалит меня... с целью самого себя выставить великим человеком. Дело в том, что г. Ланге сделал великое открытие. Всю историю можно подвести под единственный великий естественный закон. Этот естественный закон заключается во фразе «Struggle for life» – борьба за существование (выражение Дарвина в этом употреблении его становится пустой фразой), а содержание этой фразы составляет мальтусовский закон о населении или, вернее, о перенаселении. Следовательно, вместо того, чтоб анализировать эту «Struggle for life», как она исторически проявлялась в различных общественных формах, не остается ничего другого делать, как превращать всякую конкретную борьбу во фразу «Struggle for life», а эту фразу в мальтусовскую фантазию о населении. Нужно согласиться, что это очень убедительный метод для напыщенного, притворяющегося научным, высокопарного невежества и лености мысли»* [7, с. 354].

Постоянные ссылки на британского демографа Т. Р. Мальтуса позволяют К. Марксу дешифровать подвиг немецкого экономиста Ф. А. Ланге, маскирующего с помощью одного и того же закона совершенно различные общественные процессы. В процессе объяснения словесных увёрток

Ф. А. Ланге, стремившегося с помощью эффектных комплиментов угодить лидеру материалистов и заодно провозгласить себя самого великим исследователем, К. Маркс подчеркнул его неспособность изложить специфику сложных общественных процессов. Негативная оценка сопряжена с превращением солидного юридического акта «закон» в легкомысленное разгромное понятие «фантазия», которое призвано суггестивно вызывать в кругу читателей сомнения в когнитивных способностях критикуемого идеалиста.

Промежуточный вывод опирается на признание эффективности подобных речевых манёвров исключительно для адресата, имеющего целый ряд недостатков, обозначенных с помощью пейоративной цепочки «напыщенное, притворяющееся научным, высокопарное невежество и леность мысли». Сконструированная цепочка отрицательных качеств (приём плеоназма) создаёт дополнительный прагматический заряд в рематической части обвинительной сентенции.

Прямая цитата без слов автора

Построение предложений от множественного числа 1-го лица является редким стилистическим приёмом в книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Цитата из работы английского писателя Н. Смита, критикующего «Философию чистого опыта» Р. Авенариуса, построена именно на «МЫ-изложении»: *«Если мы попробуем истолковать его теорию опыта так, как ее хотят представить, именно как истинно реалистическую (genuinely realistic), то она ускользает от всякого ясного изложения: все ее значение исчерпывается отрицанием субъективизма, который она-де ниспровергает. Но когда мы переведем технические термины Авенариуса на более обыкновенный язык, — тогда мы увидим, где настоящий источник этой мистификации»* [7, с. 78].

Пейоративы «она-де» и «мистификация» помогают разоблачить в представленном фрагменте трюк основоположника идеалистического учения, который связан, по мнению Н. Смита, с сокрытием истинного смысла понятия «теория опыта». Выдвинутый им вариант преодоления непонимания ориентирован на межкультурную коммуникацию [5]. Английское вкрапление обусловлено необходимостью привлечь внимание русскоязычного адресата к вымышленному признаку идеалистического изобретения. Чтобы выяснить генезис идеалистических утверждений, британский литературовед предложил своё переводческое решение, опирающееся на упрощение научной терминологии Р. Авенариуса, на адаптацию тезиса для читателя со средними когнитивными способностями.

Сочетание вкраплений и двуязычное уточнение

В следующем контексте В. И. Ленин не использовал цитату, а прокомментировал позицию своего оппонента: *«Авенариус рассуждает, что мысль есть столь же истинная (настоящая, genuine) форма опыта, как и чувственное восприятие, а таким образом он приходит назад к старому истасканному (tite-worn) аргументу субъективного идеализма, именно, что мысль и реальность неотделимы, потому что реальность может быть воспринята только в мысли, а мысль предполагает существование того, кто мыслит»* [7, с. 79-80].

Нельзя не учитывать, что в приведённом фрагменте репрезентировано множество лексических и синтаксических повторов.

Если в предыдущем фрагменте В. И. Ленин ограничил вкрапление одной лексемой, то в дальнейшем примере лидер большевиков привёл предикативное словосочетание: *«Это дополняет лишь одно из тех звеньев координации, про которые Авенариус говорил, что они неразделимы. Это ведет нас к тому, что не только никогда не было испытано (не было объектом опыта, has not been experienced), но к тому, что никогда, никоим образом не может быть испытано существами подобными нам»* [7, с. 79].

В. И. Ленин подхватил версию своего оппонента Р. Авенариуса и использовал приём смыслового развития. Множественные повторы и приём вовлечения адресата в категорические рассуждения создают атмосферу безысходности в жизни сторонника идеалистической философии, который должен поверить в истинность ленинских доводов.

Немецкое вкрапление зафиксировано не только в цитатах идеалистов, но и материалистов. Можно привести цитату из работы Ф. Энгельса: *«Единство мира состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его единства, ибо сначала мир должен существовать, прежде чем он может быть единым. Бытие есть вообще открытый вопрос (offene Frage), начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения (Gesichtskreis)»* [7, с. 127].

В настоящей цитате ключевые понятия выделены с помощью вкраплений. В отличие от других от речевых ситуаций, в данном предложении экспрессивных коннотаций не зафиксировано. Тем не менее, в приведённых сложноподчинённых структурах можно обозначить приём лексического повтора.

Прямая цитата со словами автора

Комментирование позиции противника заметно в предлагаемом контексте. Выразительность прямой речи возрастает благодаря лексическим повторам, а также промежуточному выводу, в котором комбинируются приёмы высмеивания и эффекта обманутого стилистического ожидания: *««Наше познание их (идей или вещей), – пишет Беркли, – было чрезвычайно затемнено, запутано, направлено к самым опасным заблуждениям предположением о двойном (twofold) существовании чувственных объектов, именно: одно существование – интеллигибельное или существование в уме, другое – реальное, вне ума» (т. е. вне сознания). И Беркли потешается над этим «абсурдным» мнением, допускающим возможность мыслить немислимое!»* [7, с. 31].

В другой ситуации изложение от первого лица (с помощью редуцированного местоимения «мы») призвано показать многочисленность сторонников материализма и слабость апологетов идеализма: *«Теперь же отметим еще одно новейшее открытие, позаимствованное в XX веке новейшим позитивистом и критическим реалистом П. Юшкевичем у епископа Беркли. Это открытие – «эмпириосимволизм». «Излюбленная теория» Беркли, – говорит А. Фрейзер, – есть теория «универсального естественного символизма» (р. 190 цит. изд.) или «символизма природы» (Natural Symbolism). Если бы эти слова не стояли в издании, вышедшем в 1871 году, то можно было бы заподозрить английского философа фидеиста Фрейзера в плагиате у современного математика и физика Пуанкаре и русского «марксиста» Юшкевича!»* [7, с. 34].

Детальность объяснений и перевод В. И. Ленина способствуют пони-

манию философской ситуации человеком, далёким от научных тонкостей.

Вкрапление как полемическое средство репрезентировано преимущественно в сложноподчинённых предложениях в труде «Материализм и эмпириокритицизм». Редко данный лингвистический феномен является маркером восклицательных структур.

Прямые цитаты являются доминирующим способом подачи материала. Почти всегда В. И. Ленин предварял или разрывал прямые цитаты словами автора, сформулированными им самим. В. И. Ленин нередко выносил вкрапление в отдельный абзац и выделял скобками.

Корреспондирующими функциями английских вкраплений можно признать: объяснение, оценку и повтор. В данной функциональной палитре релевантными являются средства реализации высмеивания и градации, довода к авторитету и обвинения, обращения к адресату и подведения итога, построения прямой и косвенной речи и противопоставления.

Каждую функцию вкраплений можно трактовать как одну из тактик стратегии дискредитации репрезентантов идеалистического сообщества Российской империи, а также зарубежных махистов. В отношении основоположников материалистического учения В. И. Ленин избрал стратегию превознесения.

Естественно, англоязычный или немецкоязычный элемент, располагающийся между русскими лексемами, приковывает к себе внимание читателя, удивлённого его появлением в родной речи. Можно сделать вывод, что В. И. Ленин использовал все части речи. Английские и немецкие вкрапления признаны полифункциональными средствами полемики. Иноязычными лексемами и их сочетаниями В. И. Ленин придавал солидность своему нарративу, доказывал адресату, что он тщательно изучил множество зарубежных источников.

Иноязычный актант, разбавляющий монотонность русского дискурса, вызывает когнитивный диссонанс и необходимость в декодировании. Задачу расшифровки выполняет перевод, в большинстве контекстов являющийся литературным. Чтобы обосновать присутствие буквального перевода особенностей действий и понятий, облегчить понимание важности микротем и погрузить адресата в философские перипетии противостояния идеалистов и материалистов, формирующими смысловую дихотомию, В. И. Ленин многократно использовал развёрнутый комментарий, опирающийся на оценку и повтор. В каждом контексте как английское вкрапление, так и немецкое средство, невзирая на конкретную функцию, служит полемическим инструментом концентрации внимания читательской аудитории, помогает убедить её в правильности материалистических постулатов. Стойкий перлокутивный эффект становится возможным благодаря тому, что эмоциональные реакции на определённые типы ситуаций и событий типизируются и фиксируются в социально-политическом опыте индивида, а затем, если повторно возникают сходные ситуации, воспроизводятся, позволяя строить схемы их интерпретации [10, S. 314].

Для дискурса в ряде случаев особое значение приобретает не только то, что открыто представлено в нём, но и то, что автор в действительности подразумевал под дискурсом, то есть направленность на достижение определённого результата [8, с. 147] с помощью суггестивного речевого воздей-

ствия. В книге В. И. Ленина результатом вербального воздействия в контексте вкрапления должно было стать высмеивание оппонента, тесно связанное с дискредитацией его утверждений.

Можно вспомнить тот факт, что «Материализм и эмпириокритицизм» был написан в 1908-1909 гг. именно в тех европейских странах, жители которых общались преимущественно на германских языках. Таким образом, разнообразные вкрапления значительно повышают ценность полемической книги В. И. Ленина не только для носителей русского языка, но и для иностранцев, составляющих важную часть круга читателей.

Список использованных источников

1. Багана Ж. Н., Тарасова М. В. Английские заимствования в русском и немецком языках в условиях глобализации. М.: ИНФРА-М. – 2014. – 120 с.

2. Байшева З. В. Языковая личность судебного оратора А. Ф. Кони: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Уфа: Башкир. гос. пед. ун-т, 2007. 46 с.

3. Гимпелевич Г. С. Беспереводные иноязычные вкрапления в языке произведений В. И. Ленина // Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. – 1970. – Т. 278. – Вып. 17. – С. 102–110.

4. Гриценко И. Д. Использование В. И. Лениным иноязычной лексики в работе «Материализм и эмпириокритицизм» // Кишиневский университет. Научная конференция профессорско-преподавательского состава. Тезисы докладов. Кишинев: Изд-во Кишинев. ун-та. – 1956. – С. 69–77.

5. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис. – 2003. – 288 с.

6. Князева Л. Э. Нетранслитерированные выражения в публицистическом стиле современного русского языка: (На материале произведений В. И. Ленина): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.600. Л.: Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1970. 18 с.

7. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат. – 1989. – 508 с.

8. Прынк В. П. Адресант и адресат политического дискурса // *Lingua mobilis*. – 2007. – №3. – С. 147-150.

9. Яров С. В. Риторика вождей: В. И. Ленин и И. В. Сталин как ораторы // *Звезда*. – 2007. – №11. – С. 168–179.

10. Thomas E. Die Funktion von Emotionswörtern in der Politischen Debatte um Attentate // *Sprache im Konflikt. Zur Rolle der Sprache in Sozialen, Politischen and Militarischen Auseinandersetzungen*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1995. – P. 305–324.

УДК 81'33

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ

В. А. Разумовская,

*кандидат филологических наук, профессор научно-учебной лаборатории
поведенческой экономики и развития коммуникаций,*

*Институт экономики, государственного управления и финансов,
Сибирский федеральный университет, Красноярск*

Аннотация. Статья обращена к феномену центра переводной аттракции, понимаемому как потенциальный семиотический «нео-объект», созданный в результате переводов «сильного» текста художественной литературы. В работе используется понятие повторного перевода, что отражает природу семиозиса рассматриваемого вида центра, обретающего в процессе интерпретаций информационного потенциала оригинала средствами систем различной семиотической природы такие свойства, как полилингвальность, полимодальность и поликодовость. Акцентируется полиавторство центра, а также определяются его основные структурные параметры. Вторичные тексты взаимодействуют в пределах центра в соответствии с универсальным принципом дополнительности, расширяя границы переводимости оригинала за счет неисчерпаемости его информации и обеспечивая появление явления переводной множественности. Вслед за А. Берманом повторный перевод понимается как пролонгированное испытание «сильного» художественного оригинала «чужим» языком и культурой.

Ключевые слова: «сильный» художественный текст, эстетическая энергия, культурная ценность, переводимость, вторичность, повторный перевод.

Summary. The article addresses the phenomenon of a center of translation attraction, understood as a potential semiotic “neo-object” created as a result of translations of a “strong” text of fiction. The research uses the concept of retranslation reflecting the semiosis nature of the center under consideration type, which acquires polylingual, polymodal and polycode properties in the process of interpreting the information capacity of an original text by means of the systems of various semiotic nature. The polyauthorship of a center is emphasized, and its main structural parameters are determined. Secondary texts interact within a center in accordance with the universal principle of complementarity, expanding the boundaries of original text translatability due to the inexhaustibility of its information and ensuring the emergence of translation multiplicity phenomenon. Following A. Berman, retranslation is understood as a prolonged trial of a “strong” literary text by “foreign” language and culture.

Key words: “strong” text of fiction, aesthetic energy, cultural value, translatability, secondariness, retranslation.

Неоднозначность и неопределенность информации, представленные в различных областях знаний, традиционно определяются как универсальные эпистемологические категории и унифицируют науку и искусство – главные области познавательной и творческой деятельности человека [8]. Очевидно, что в современной гуманитаристике обнаруживаются предметные области, одновременно принадлежащие науке и искусству и в инфор-

мационном поле которых по причине пограничного статуса представлены преимущественно сложные объекты, рассмотрение которых предполагает использование принципа дополнительности (комплементарности), введенного в научный дискурс Н. Бором. Одной из таких областей пограничного типа, бесспорно, является художественное переводоведение, включение которого в науку и искусство и их соответствующий синтез эксплицируется обозначением «art-science». В контексте проблематики настоящего исследования обратимся к категориям неоднозначности и неопределенности текстов художественной литературы. Указанные информационные категории легли в основу явления неисчерпаемости художественного оригинала, расширив категориальную парадигму художественного переводоведения. Исследователи считают, что информационная неисчерпаемость художественных текстов с высокой долей вероятности предполагает возможность появления многочисленных (гипотетически бесконечных по числу потенциальных читателей текстов) вторичных версий оригиналов, что определяется в современной науке о переводе как явление переводной множественности, также получившего как уже отмеченная выше неисчерпаемость художественного оригинала статус неокатегории [5]. Обращаясь к явлению переводной множественности, Р. Р. Чайковский отмечает, что художественный оригинал в результате перевода может выступать в различных текстовых воплощениях и способен породить целый спектр разножанровых текстов, количество которых может быть большим или меньшим в зависимости от силы текста оригинала и работы переводчика [4, с. 51–52]. Неоднозначная, неопределенная и в связи с этими свойствами неисчерпаемая информация текстов литературы выступает объектом интерпретации для их читателей, переводчиков (по Г. Гадамеру являющимися «сверхчитателями») и всех тех, кто ставит целью создание их вторичных версий.

Семиотическая природа вероятных вариантов вербального оригинала может определяться в соответствии с якобсоновскими видами перевода – внутриязыкового, межъязыкового и межсемиотического [10]. В ситуации внутриязыкового вида перевода, не предполагающего выход за пределы языковой системы текста оригинала и являющейся его интерпретацией с помощью вербальных знаков того же языка, так и межъязыкового перевода, при котором новые версии создаются в формах другого («чужого») языка (собственно перевод по Р. Якобсону или перевод в его традиционном, классическом понимании) сохраняется вербальная семиотика оригинала и изменения в семиотической природе информационных каналов не имеют места. В соответствии с классификацией Х. Готлиба, предложенной на основе учета моно- и полисемиотических типов текстов (при широком понимании перевода и текста как семиотических понятий), межъязыковой перевод определяется как изосемиотический [9]. При межсемиотическом переводе происходят изменения семиотической природы информационных каналов в тексте перевода по сравнению с оригиналом. С учетом возможных изменений датский переводовед выделяет диасемиотический (в текстах оригинала и перевода используются различные информационные каналы), суперсемиотический (в тексте перевода имеет место увеличение количества информационных каналов) и гипосемиотический (наблюдается сокращение

информационных каналов) виды перевода [9].

Помимо читателей и переводчиков, интерпретаторами произведений литературы выступают театральные, радио и кинорежиссеры, драматурги, сценаристы, композиторы, художники, хореографы и другие представители творческих профессий. При таком подходе к интерпретации вербального оригинала понятие перевода получает уже широкое понимание. И нельзя не согласиться с А. Камю, который справедливо считал, что главная проблема искусства – это проблема перевода [2, с. 320]. Еще раз отметим, что в данном случае понятие перевода используется в широком, метафорическом смысле, который предполагает новое (в каждом случае интерпретации уникальное) прочтение вербального оригинала и дальнейшее воплощение результатов прочтения и осмысления в новых эстетических объектах, представленных в формах других «языков», принадлежащих различным (как справедливо отмечает Готлиб, не всегда и не только вербальным,) семиотическим системам. В контексте такой трактовки понятия перевода переводимость также приобретает широкое, метафорическое понимание.

Процесс создания вторичных версий художественного оригинала представляет собой процесс повторного перевода. А. Берман, ставший одним из первых исследователей такого вида перевода, говорит о «втором переводе» или «перепереводке» известных или прославленных текстов [7, с. 12]. В данной работе рассматриваются некоторые аспекты повторного перевода известных текстов, определяемых в современной гуманитаристике как «сильные». К категории «сильных», прежде всего, принадлежат художественные тексты, которые: (1) имеют широкую известность среди представителей «своей», а нередко некоторых «чужих» или даже мировой культур; (2) обнаруживают высокую эстетическую и культурную ценность, признаваемую на протяжении всего их существования и позволяющую вступать в информационный резонанс со своими читателями, а также и с другими «сильными» текстами «своей» и «чужих» культур, одним из важных результатов которого является феномен интертекстуальности; (3) традиционно включены в программы различных уровней образования [3]. Важнейшее значение для продолжительного и успешного существования «сильного» текста художественной литературы после его создания имеет ингерентная способность к реинтерпретативности, что обеспечивается его потенциальной вторичностью.

По причине большой культурной значимости и широкой известности «сильные» оригиналы, несмотря на созданные ранее переводы, всегда будут привлекать внимание переводчиков (и, соответственно, всех их возможных интерпретаторов), стремящихся создавать новые версии, что обусловлено языковыми, литературными, переводческими, идеологическим, этическим, эстетическими, цензурными и другими изменениями, произошедшими в культурной среде их бытования со времени появления предшествующих версий, а также в силу их низкого или неудовлетворительного качества.

Следуя концепции перевода, предложенной французским теоретиком А. Берманом, каждый перевод необходимо методологически рассматривать как опыт испытания «чужим» [7]. Приведенный тезис особенно актуален для «сильных» текстов литературы, поскольку они перманентно вовлечены в процесс перевода по причине их признанной информационной ценности.

Посредством перевода на «чужие» языки и культуры «сильные» оригиналы обретают значимость и ценность за пределами «своих» языков и культур, что становится новыми формами их существования. Берман указывает на драматизм такого испытания, так как любая культура сопротивляется переводу даже при его жизненной необходимости и поэтому каждый перевод представляет случай метисации. Характеризуя оригинал и перевод в хронологическом отношении, Берман пишет, что перевод всегда остается молодым, а перевод с течением времени устаревает и требует нового перевода [7, с.16]. Что и определяет необходимость повторного перевода, который в случае его успешности приобретет статус активности на определенный срок. Интересно суждение Б. Дубина, сформулированное при рассмотрении перевода как литературной инновации: переводчик обращается к тексту, которого «уже нет» (оригинал в своей культуре состоялся и стал прошлым), создавая текст, которого «еще нет» (перевод, который еще должен появиться в другой культуре на основе оригинала [1]. В ситуации повторного перевода «сильного» текста генерирование текстов, которых еще нет происходит интенсивно и пролонгировано во времени.

Оригинал и все его реальные и потенциальные вторичные версии формируют центр переводной аттракции, имеющий следующую структуру: ядром выступает первичный художественный текст; в непосредственной близости от ядра (в центральной части центра) локализуются успешные (наиболее активные) версии; на периферии центра представлены переводы, не получившие признание по причине их низкого качества, устаревшие и вышедшие из употребления переводы (не соответствующие нормам языка перевода при использовании в диахронной перспективе) и неизвестные (неопубликованные) вторичные версии [11]. На дальней периферии центра также находятся и пассивные переводы, которые устарели в силу эволюции переводческой нормы, а также версии, которые гипотетически возможны и могут быть созданы в будущем.

Рассмотрение центра переводной аттракции как некоего гетерогенного и многоуровневого «гипертекста», позволяет утверждать, что в пределах центра моносемиотический (вербальный) и, соответственно, монокодовый оригинал приобретает полилингвальность (в результате межъязыкового перевода), политекстуальность (в результате появления вторичных текстов различной семиотической природы), полимодальность и поликодовость (результат межсемиотического перевода, который в большинстве случаев сопровождается увеличением количества информационных каналов). В рамках центра исходно монотекстуальный художественный оригинал (если автором не было создано несколько версий оригинала одновременно) становится политекстуальным или даже транстекстуальным, что может, например, наблюдаться в случаях опосредованного перевода.

Бесспорной особенностью центра как уникального семиотического объекта является его полиавторство – результат творчества переводчиков в разное время в различных странах. Несмотря на имеющиеся объективные (прежде всего, языковые и культурные) и субъективные (аксиологические и переводческие) различия созданных версий «полиавтор» центра остается традиционно невидимым [12], но обеспечивает не только полилингвальность такого центра, но

и трансливальность и транскulturность. Рассматривая переперевод поэзии М. Д. Яснов характеризует полиавторство как растянутое во времени явление, но он ограничивает исследование только областью межъязыкового перевода [6]. Несомненно, что привлечение для анализа малоизвестного явления полиавторства данных межсемиотических переводов позволит значительно расширить понимание данного, а также количественно и качественно изменить онтологические подходы к понятию «полиавтора» как сложного (квази)субъекта интерпретации «сильных» текстов литературы и культуры.

Список использованных источников

1. Дубин Б. Перевод как стратегия литературной инновации [Электронный ресурс] // НЛО. – 2015. – № 2. – <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/2/perevod-kak-strategiya-literaturnoj-innovaczi.html> (дата обращения 26.01. 2022).
2. Камю А. Творчество и свобода. М.: Радуга. – 1990. – 608 с.
3. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Издательство Омского государственного университета. – 2009. – 228 с.
4. Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социальные аспекты). Магадан: Кордис. – 1997. – 197 с.
5. Чайковский Р. Р., Лысенкова Е. Л. Неисчерпаемость оригинала. 100 переводов «Пантеры» Р. М. Рильке на 15 языков. Магадан: Кордис. – 2001. – 211 с.
6. Яснов М. Д. Перевод как полиавторство: к вопросу о перепереводах // Шаги / Steps. – 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 206–215.
7. Berman A. L'Épreuve de l'étranger. Culture et traduction dans l'Allemagne romantique. Paris: Gallimard, 1984. 322 p.
8. Caglioti G. The Dynamics of Ambiguity. New York: Springer, 1992. 170 p.
9. Gottlieb H. Multidimensional Translation: Semantics Turned Semiotics // MuTra: Challenges of Multidimensional Translation: Conference Proceedings. Saarbrücken: Saarland University, 2007. – P. 33–61.
10. Jakobson R. On Linguistic aspects of translation // On Translation. Cambridge: Harvard University Press, 1959. – P. 30–39.
11. Razumovskaya V. A. “Strong” Texts of Russian Culture and Centers of Translation Attraction // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – № 7. – 2014. – P. 834–846.
12. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. London: Routledge, 2017. 344 p.

УДК 81'25

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ
(НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)****С. А. Раскалинос,**

*курсант третьего курса кафедры систем специальной спутниковой связи
ФГКВОУ ВПО «Военная академия связи имени Маршала Советского
Союза С. М. Будённого» Министерства обороны Российской Федерации,
Санкт-Петербург*

К. Ю. Ереметова,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных
языков ФГКВОУ ВПО «Военная академия связи имени Маршала Советского
Союза С. М. Будённого» Министерства обороны Российской Федерации,
Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья посвящена описанию и пояснению различий между оригинальными и адаптированными рекламными слоганами, возникших при переводе с английского языка на немецкий. Для достижения поставленной цели использовались метод целенаправленной выборки, описательно-аналитический метод и контекстуальный анализ. Внимание к семантическим аспектам, социокультурным особенностям и учет контекста при переводе рекламного слогана являются значимыми факторами, повышающими коммуникативную ценность рекламного текста, влияющими на коммерческий успех рекламы. В работе подчеркивается, что содержательные характеристики рекламного слогана обусловлены в том числе и динамикой современных лингвистических процессов, что ведёт к необходимости углубленного внимания не только к процессу перевода, но и к его конечному продукту.

Ключевые слова: рекламный слоган, перевод, трансформация, адаптация, эквивалентность.

Summary. The article deals with the description and explanation of differences between original and adapted advertising slogans in the translation from English into German. In order to achieve the research goal, there were used such research methods as a purposeful sampling, a descriptive-analytical method and a contextual analysis. The consideration of semantic aspects, socio-cultural characteristics as well as the context while translating an advertising slogan are significant factors that increase the communicative value of an advertising text affecting the commercial success of advertising. It is highlighted that the semantic characteristics of an advertising slogan are determined, among other things, by the dynamics of modern linguistic processes, which necessitates the in-depth attention not only to the translation process, but also to its final product.

Key words: advertising slogan, translation, transformation, adaptation, equivalence.

Цель данного исследования заключается в описании и пояснении различий между оригинальными и адаптированными рекламными слоганами (далее РС), возникших при переводе с английского на немецкий язык. Для достижения поставленной цели использовались метод целенаправленной выборки, описательно-аналитический метод и контекстуальный анализ. Материалом исследования послужили немецкоязычные и англоязыч-

ные РС компаний, транслируемые на каналах теле- и радиовещания. В общей сложности проанализировано 9 РС и их переводов.

Развитие рекламной деятельности в XX веке обусловило потребность в теоретическом обосновании основных идей, направлений, принципов и правил создания и эффективного восприятия рекламного сообщения. Под рекламой, согласно закону Российской Федерации «О рекламе» № 38-ФЗ от 13.03.2006 понимается «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [7]. Реклама передается как импульс, восхваление, возбуждение или внушение, чтобы стимулировать и создавать конкретные действия, чувства или мысли у других людей.

По мнению К. В. Шидо, основными участниками рекламной коммуникации являются адресант и адресат, когда последний играет особую роль [9]. Для понимания сущности РС важно помнить, что адресат выступает как «языковая личность, т.е. личность, в основных своих характеристиках, «выраженная в языке (текстах) и через язык, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [3, с. 38]. При этом немаловажным фактом является то, что адресант в рекламе – это собирательное понятие, подразумевающее специалистов разнообразных организаций. Х. Кафтанджиев указывает, что рекламная коммуникативная цепочка не равна традиционной «автор – читатель», «рекламодатель – потребитель» [4]. Разработчики также должны обращать внимание на то, что содержание рекламы, особенно ее вербальная сторона, в значительной степени подвержено влиянию социального, психологического контекста, а также влиянию рекламного носителя, т.к. отражается на взаимодействии адресанта и адресата. Х. М. Ибрагимова и Р. А. Абдулмеджидова, анализируя прагматическое значение рекламного обращения, отмечают, что создание «удачного рекламного обращения и достижения наибольшего прагматического эффекта получаются построением сообщения с точки зрения аудитории» [2, с. 37]. В работах Т. М. Дридзе и А. А. Леонтьева прагматическое значение текста представлено как «функция его семантического значения, с одной стороны, и функция ориентации реципиента в отношении объекта коммуникации, обусловленной его предшествующим социальным и коммуникативным опытом, – с другой» [1].

РС – лаконичная, легко запоминающаяся фраза, выражающая всю суть рекламного сообщения. Такие тексты используются для воздействия на людей в коммерческих целях. Через эмоциональное предложение, частично через неформальные сообщения, реклама актуализирует сознательные или бессознательные потребности, или создает новые. Важнейшим критерием эффективности РС выступает его однозначность для понимания людьми, поэтому особую роль приобретает способность переводчика правильно сформулировать рекламный текст, название бренда, марки, так, чтобы обеспечить их адекватное восприятие потребителями.

Главной целью перевода является сохранение смысла и идеи рекламного предложения. Для проведения всестороннего анализа РС необходимо учитывать специфику рекламной коммуникации как особого вида языковой

и социальной деятельности человека. О. А. Сычев считает, что «рекламная деятельность составляет особую сферу речевой деятельности, продуктом которой являются речевые произведения – рекламные тексты» [6]. Характерными признаками рекламных текстов являются: специфическая организация языкового материала (сочетание вербальных и невербальных знаков); целевое использование средств языка; специфический характер ситуации общения. В основном исследователи не определяют РС как особый тип высказывания, лишь выделяя его смысловые характеристики. Так, И. Ю. Черепанова определяет РС как «афористическое воплощение идеи рекламной кампании: ее основная мысль, выраженная в сжатой, лаконичной форме и рассчитана на неоднократное повторение в различных средствах, использованных в кампании» [8]. В этом определении не выделена языковая форма РС, т.е. не указано, эквивалентом какой языковой единицы является РС – слова, предложения, высказывания или текста.

Вопрос адаптации РС очень актуален. Сегодняшний мир покупает и продает. Коммерческая реклама происходит от древних рекламных объявлений и является первичной относительно других разновидностей и самой распространенной среди любых других средств воздействия. Она направлена на непосредственный результат: воздействие на потребителя осуществляется таким образом, чтобы побудить его к немедленным действиям. РС закреплены или за торговыми марками, или за конкретными товарами или услугами. Красивый и запоминающийся РС привлекает к товару внимание, поэтому важнейшей задачей является сохранение его побудительной силы в процессе перевода с одного языка на другой. Общеизвестный факт, что правильно подобранный РС – главный залог успеха любого коммерческого действия. Часто случается, что прекрасно сконструированный РС на одном языке может означать совсем другое на другом языке из-за различий традиций, ценностей и взглядов.

В работе В. Н. Комиссарова «Теория перевода» отмечено: «... создавая текст перевода, переводчик либо старается сохранить прагматический потенциал оригинала, либо пытается добиться, чтобы этот текст обладал иным прагматическим потенциалом, более-менее независимым от прагматики исходного текста. Несмотря на это, переводчик по-разному видит свою роль в межязыковой коммуникации: в одном случае он выполняет роль посредника, чья работа оценивается по степени соответствия перевода оригиналу, а в другом случае он активно вмешивается в коммуникативный процесс» [5]. При переводе РС основной задачей переводчика является попытка передачи исходного сообщения в максимально адекватной форме, что обусловлено элементарной практической необходимостью. Рассмотрим конкретные примеры перевода РС на примере немецкого и английского языков.

Одна из самых популярных компаний McDonalds использует РС: «McDonalds. I'm lovin' it». Данный РС в Германии адаптирован точь-в-точь, с соблюдением формы, смысла и идеи. РС очень простой и для легкости его запоминания применён дословный перевод. Но сеть ресторанов KFC – прямой конкурент McDonalds – не адаптирует свой РС «KFC so good». По мнению маркетологов, словосочетание «so good» является легким для понимания потребителями.

Немецкая шоколадная фирма Ritter Sport имеет своим РС «Quadratisch. Praktisch. Gut», который переведен на английский как «Square. Practical. Good». В данном случае используется точный, дословный перевод. В данном примере соблюдена форма построения оригинального рекламного лозунга, сохранен смысл и идея. Эта же компания имеет второй РС: «Qualität im Quadrat», который дословно переводится как «качество в квадрате». В переводе обыгрывается форма продукта, а также превосходство его над другими в качестве. Однако английский перевод не в полном объеме передает задумку РС: «Quality. Chocolate. Squared». В данном случае это больше похоже на перечисление всех особенностей данного шоколада. Переводчики приняли решение не использовать дословный перевод, что связано с особенностями английского языка.

Косметическая компания L'Oréal также успешно адаптировала свой РС «Because you worth it» как «Weil sie es sich Wert sind». Здесь также сохранена форма РС, смысл передан в полной мере. РС отлично запоминается, что положительно сказывается на имидже французской компании. Правильно адаптированный РС способствует увеличению прибыли компании.

Однако не все РС удаётся успешно переводить или адаптировать. В некоторых случаях при переводе от исходного РС остается только идея. Так, компания Toyota в своей рекламной кампании использовала РС «Moving forwards», что в переводе означает «движение вперед». На немецком этот РС звучит «Nichts ist unmöglich» «Ничего невозможного». Такой перевод обусловлен особенностями немецкого языка. Дело в том, что дословный перевод этого РС не получится таким же лаконичным как оригинал. От этого запоминаемость РС и узнаваемость бренда были бы на невысоком уровне. Поэтому переводчики приняли решение обыграть смысл РС в иной форме.

Шведская компания ИКЕА использует в качестве РС фразу: «Everything is possible if you think in opportunities», что в дословном переводе означает «Все возможно, если ты думаешь о возможностях». Перевод на немецкий звучит следующим образом – «Wohnst du noch oder lebst du schon» «Ты проживаешь или уже живешь?». Данный пример показывает, как различаются РС компаний в зависимости от менталитета страны. Второй РС построен в вопросительной форме. Это уже не призыв и не реклама. РС намекает на то, что мебельная компания принимает непосредственное участие в организации быта, и что комфортная жизнь без нее невозможна.

Англицизмы в рекламных роликах тоже не редкость. В Германии существует термин «Denglish», обозначающий слова или выражения, которые сочетают в себе немецкий и английский языки. Использование подобных слов позволяет как бы убедить будущего покупателя в том, что данный товар успешно реализуется не только в пределах одного государства. Например, РС спортивной компании Adidas – «Forever Sport». У компании Nike также РС не переводится: «Just do it». Большие компании с мировым именем, как и те, что представлены выше, не адаптируют свои РС просто потому, что это не даст заметного прироста спроса на представленные товары.

Изучение агентством рынка наименований Endmark, которое было проведено в 2003 году среди жителей Германии, возраст которых варьировался от 14 до 49 лет, показывал, что более половины немецкоязычных

потребителей (было опрошено более тысячи человек) не могут правильно перевести английский РС [10]. При этом следует отметить, что повторное исследование, проведенное спустя шесть лет, в 2009 году, лишь подтвердило полученные ранее результаты. Однако, согласно статистике, даже если большинство клиентов не понимают РС, они уделяют ему больше внимания, чем РС, сформулированному на их родном языке. Для рекламного текста во время перевода нужно предусмотреть возможность появления нежелательного дополнительного подтекста, который отсутствует в оригинале, но может возникнуть при переводе. С этим прежде всего связаны примеры неудачного перевода РС, которые другим языком приобретают дополнительные контекстуальные или подтекстовые значения, негативно воспринимающиеся реципиентами. Как показано ранее, адекватный перевод РС возможен только при реализации определенных шагов, игнорирование которых может привести к появлению неудачных рекламных текстов по причине некачественного перевода.

Таким образом, можно сделать вывод, что внимание к семантическим аспектам, социокультурным особенностям и учет контекста при переводе РС являются значимыми факторами, повышающими коммуникативную ценность рекламного текста, влияющими на коммерческий успех рекламы. Содержательные характеристики РС также обусловлены динамикой современных лингвистических процессов, что ведёт к необходимости углубленного внимания не только к процессу перевода, но и к его конечному продукту. Перспективы дальнейшего исследования связаны с важностью учета психологических, культурно-исторических и социальных особенностей потребителя при переводе и формулировке РС на ином языке, что обеспечивается особой компетентностью переводчика.

Список использованных источников

1. Дридзе Т. М., Леонтьев А. А. Смысловое восприятие речевого сообщения. М.: Наука. – 1976. – 262 с.
2. Ибрагимова Х. М., Абдулмеджидова Р. А. Прагматическое значение рекламного обращения [Электронный ресурс] // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (32). <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticeskoe-znachenie-reklamnogo-obrascheniya> (дата обращения 19.10.2021).
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука. – 1987. – 261 с.
4. Кафтанджиев Х. Гармония в рекламной коммуникации. М.: Эксмо. – 2005. – 366 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва: Альянс. – 2013. – 250 с.
6. Психология и психоанализ рекламы: личностно-ориентированный подход. Самара: Бахрах-М. – 2007. – 718 с.
7. Федеральный закон от 13.03.2006 №38-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021). www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (дата обращения 07.10.2021).
8. Черепанова И. Ю. Дом колдуньи: языковое творчество бессознательного. М.: КСП. – 1996. – 381 с.

9. Шидо К. В. Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов: автореферат дис. ... канд. фил. наук. Саратов, 2002. 22 с.

10. Endmark Claimstudie. Koln: Endmark, 2009. S. 56. http://www.mc-brand-news.de/fileadmin/Content/Downloads/PDF/brandnews/Dezember_2009_de/Markenclaims_Endmark_Studie.pdf (дата обращения 07.10.2021).

УДК 130.2

ОТ МИРА БУКВЫ К МИРУ ЦИФРЫ. ПЕРЕВОД НА ЯЗЫК ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В. Е. Резеньков,

обучающийся бакалавриата кафедры философии факультета философии, культурологии и искусств, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация. Перевод – важный элемент коммуникации между различными семиотическими системами. Цель работы – выяснить, какие особенности характерны для перевода в рамках коммуникации между двумя типами реальности – виртуальной и материальной. В работе использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Автор приходит к выводу, что перевод явлений материального мира на язык виртуальной реальности является одним из важнейших факторов формирования интернет-культуры.

Ключевые слова: перевод, виртуальная реальность, Интернет, материальный мир, социальные сети.

Summary. The translation is an important element of communication between various semiotic systems. The purpose of the work is to find out what features are characteristic of translation in the framework of communication between two types of reality – virtual and material. Descriptive and comparative methods are used in the work. The author comes to the conclusion that the translation of the phenomena of the material world into the language of virtual reality is one of the most important factors in the formation of Internet culture.

Key words: translation, virtual reality, Internet, material world, social networks.

Понятие «перевод» имеет множество трактовок и определений. Нас в этой статье в первую очередь будет интересовать культурный перевод, так как речь пойдет о формировании одной культуры, виртуальной, посредством переноса и перевода на язык интернета явлений материальной культуры. Культурный перевод мы будем понимать, как «перенос смыслов, выраженных на одном языке культуры/языке одной культуры, с использованием другого языка культуры/языка другой культуры, имеющей задачей вписывание переводимого текста в иной культурно-языковой и семиотический дискурс <...>. Перенос определенной культурно-языковой информации из одного ментального и мировоззренческого пространства в другое» [4, с.74].

Очевидно, что для осуществления перевода необходимы два условия. Первое – это различия между культурами и семиотическими системами. В противном случае потребность в переводе отсутствует. Второе условие – наличие двух индивидов, представителей различных культур, способных к коммуникации и желающих в нее вступить. Иначе перевод невозможен.

Можно ли Интернет и виртуальную реальность, а также такие их про-

явления, как социальные сети, рассматривать в качестве культуры и семиотических систем, достаточно развитых для плодотворной коммуникации с культурами материального мира? Культура – это «исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления, технику и технологии, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации и т.д.» [2]. Знаковая система – «система, состоящая из множества знаков и отношений между ними, основное понятие семиотики. Обеспечивают единообразное представление и интерпретацию сообщений или сигналов, которыми обмениваются в процессе общения» [6].

Несмотря на ничтожно малую в сравнении с общей продолжительностью существования человечества историю интернета, уже можно говорить о том, что интернет создал определенный образ жизни людей, существенно повлияв на способы мышления, сформировав собственные правила взаимодействия и коммуникации. «Интернет – это коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [7, с. 15]. То же самое справедливо и по отношению к социальным сетям. Если согласиться с существованием особой интернет культуры, частью которой являются, в том числе и социальные сети, то становится очевидно, что виртуальную реальность можно считать семиотической системой, так как любая культура – это знаковая система.

Теперь рассмотрим, в каких обстоятельствах осуществлялся и осуществляется культурный перевод между двумя семиотическими системами, двумя культурами: виртуальной и реальной. Сразу следует отметить, что ситуация с интернетом во многом уникальна. С одной стороны, существует невероятное количество людей – пользователей интернета, заинтересованных в переводе некоторых явлений реальной жизни на язык виртуальной реальности, с другой стороны – это те же самые люди, которые живут в материальном мире. Иными словами, при культурном переводе на язык виртуальной реальности явлений реального мира присутствует диалог не между двумя абсолютно разными субъектами, но между двумя ипостасями одного и того же индивида. В реальном мире человек в первую очередь носитель семиотической системы, а уже во вторую – ее творец, так как слишком значительно культурное наследие предыдущих поколений. В интернете, особенно в начале его существования, пользователь выступает и в роли творца, и в роли носителя интернет-культуры. Лингвистически это выглядит так: человек и создает язык, и переводит на него с другого языка, взаимодействуя при этом с миллионами других пользователей, таких же, как он. Мы наблюдаем коллективное создание нового языка и коллективный перевод на него с другого языка, в той или иной мере общего для каждого из пользователей интернета – языка реального мира. Между тем, и виртуальная реальность, и материальная претендуют на одного и того же человека, чьи ресурсы, как временные, так и интеллектуальные, ограничены.

Во второй половине двадцатого века Мишель Эспань разработал теорию культурного трансфера. Это теория позволила рассмотреть, как посредством «переводных» заимствований формировалась национальная идентичность, как через совлиание развивались разные «культурные зоны»

[8, с. 249]. Применяв модель культурного трансфера по отношению к коммуникации между двумя видами реальности, рассмотрим, на каких условиях происходило заимствование явлений материального мира интернетом, по каким правилам они работали в виртуальной реальности и какие характеристики должно было приобрести явление реального мира, чтобы стать элементом в новой интернет-идентичности. Таких условий можно выделить три – явление материального мира при переводе на язык виртуальной реальности должно стать быстрее, удобнее и доступнее для людей. Соответствие этим критериям во многом и определяет успех культурного перевода с языка материальной реальности на язык виртуальной. В качестве примеров успешного и неуспешного перевода мы рассмотрим две попытки перевести коммуникацию людей посредством письменных сообщений на язык виртуальной реальности.

Первый пример – это электронная почта. Почта, как явление, практически неизменно была перенесена в виртуальное пространство. Даже то, что мы в случае с любым другим явлением интернета называли аккаунтом или профилем, в случае с электронной почтой консервативно называется почтовым ящиком, пусть и с добавлением «электронный». Безусловно, электронная почта несоизмеримо быстрее доставляет сообщения в сравнении с традиционной. Однако, процесс написания письма стал быстрее лишь отчасти, ведь в любом случае скорость набора текста на клавиатуре и его написания от руки существенно не отличаются. Особенно в тех случаях, когда речь идет о продуманном тексте, а не первой мысли, пришедшей в голову. Удобнее почта тоже существенно не стала, разве что никому не надо идти в отделение почты. Автор же письма все еще сидит за компьютером и набирает текст, обдумывая его ровно так же, как он бы думал над реальным письмом. И примерно такие же усилия требуются от его читателя. Таким образом, несмотря на быстроту, электронная почта все еще требует тех же навыков для написания письма, что и обычная, и нечем не облегчает этот процесс. Это перенос явления, а не его перевод. Почта осталось той же почтой, только ускорила отправка письма и его получение. В этом случае интернет выступил в роли утилитарной машины, а не сложной семиотической системы со своим языком и законами. Электронная почта – это калька с языка материального мира на язык виртуальной реальности.

Примером удачного перевода коммуникации между людьми посредством письменных сообщений на язык виртуальной реальности являются социальные сети. Общение в них не подразумевает знания правил написания не только писем, но правил литературного языка в принципе. Скорость передачи сообщений мгновенна, так же быстро можно и прочитать, и ответить на сообщения. И сделать это можно практически в любой ситуации и в любое время, так как социальные сети и мессенджеры рассчитаны именно на телефоны, которые практически у каждого под рукой. Следует отметить, что для каждодневной коммуникации мессенджеры и социальные сети в разы удобнее электронной почты и практически не имеют аналогов в реальном мире. Похожим образом работают только рынок и некоторые собрания людей в реальном мире. В этом случае мы наблюдаем как скорость, удобство и простота общения приводит к тому, что коммуникация, оставаясь по

форме письменной, по сути, скорее напоминает устную.

Перевод в случае с взаимодействием таких семиотических систем как виртуальная и материальная реальности выступает не только в качестве фактора, обеспечивающего это взаимодействие, но и в качестве важнейшего фундаментального элемента формирования виртуальной реальности, ее языка во всех аспектах. Пользуясь выражением Вальтера Беньямина, перевод удовлетворил «тоску по обогащению языка» [1, с. 54]. В этот раз – языка виртуальной реальности.

Список использованных источников

1. Беньямин В. Задача переводчика // Беньямин В. Озарения / Пер. Н. М. Берновской, Ю. А. Данилова, С. А. Ромашко. М.: Мартис. – 2000. – С. 46–57.

2. Большая российская энциклопедия. Электронная версия. [Электронный ресурс] // URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2120919> (дата обращения 16.01.2022).

3. Лобачева Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий. [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – №8. – <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-transfer-opredelenie-struktura-rol-v-sistemeliteraturnyh-vzaimodeystviy> (дата обращения 16.01.2022).

4. Демидова О. Р. Культурный перевод как пространство деконструкции // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы IV международной научно-практической конференции. – Симферополь: Издательство Типография «Ариал». – 2020. – С. 74 – 80.

5. Ионов И. Н. Теория культурного трансфера Мишеля Эспаня и трансдисциплинарный анализ цивилизационных представлений. Общественные науки и современность. – 2020. – № 1. – С. 148-163.

6. КАРТАСЛОВ.РУ [Электронный ресурс] // URL: <https://kartaslov.ru/карта-знаний/Знаковая+система+%28семиотика%29> (дата обращения 16.01.2022).

7. Кастельс Маннуэль. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та). – 2004. – 328 с.

8. Черкашина М. В. Теория культурного трансфера Мишеля Эспаня как проблема перевода // Шаги / Steps. Т. 5. – 2019. – № 3. – С. 246–250.

9. Якушенко О. Мишель Эспань. Что такое культурный трансфер? [Электронный ресурс] // URL: <https://republic.ru/posts/1/1109349> (дата обращения 16.01.2022).

УДК 82.0

**«КАВКАЗСКИЙ ТЕКСТ» СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ПОЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА****Т. Д. Савченко,***кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства, Пятигорский государственный университет, Пятигорск***Ю. О. Зубцова,***член Российского союза писателей, член Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель директора по ВР, МБОУ Лицей № 4, Кисловодск*

Аннотация. В статье описаны основные идейно-художественные особенности «кавказского текста» русской литературы, а также основные концепты, включающие в себя наличие исходного мифа, место действия как одного из героев произведения, а также особые художественные характеристики героев и пространства.

Ключевые слова: «кавказский текст», литература о Кавказе, современная литература.

Summary. The article describes the main ideological and artistic features of the “Caucasian text” of Russian literature, as well as the main concepts, including the presence of the original myth, the scene, as one of the heroes of a work of art, as well as the special artistic characteristics of the heroes and space.

Key words: “Caucasian text”, literature about Caucasus, modern literature.

Словосочетание «кавказский текст» существует в разных видах: и как культурологическое понятие, местами достаточно строгое, и как организующее представление при описании конкретных случаев, и как метафора для объединения разрозненного материала. Иногда он представляется нам неким гиперконцептом, скрепляющим самые различные пласты темы на самых разных социальных и художественных уровнях, вплоть до признания «собственностью» ему принадлежащей всей литературе народов Кавказа за его тысячелетнюю историю.

«Кавказский текст» в нулевое десятилетие нового века неожиданно оказался окрашенным палитрой самых разнообразных ассоциаций. Кавказ регулярно становится не просто темой новых публикаций, но и заманчивым объектом для апробации самых актуальных научных стратегий, например, владикавказского ученого И. С. Хугаева, выдвинувшего неожиданную теорию формирования русскоязычной литературы Осетии, о которой мы еще будем отдельно говорить ниже.

Одновременно можно только посетовать на то обстоятельство, что каждое обращение к теме воспринимается едва ли не как сенсация, сопровождаемая вполне искренним недоумением по поводу «невостребованности», «оставленности» темы, равнодушия к ней современных авторов [4]. Характерен в этом смысле случай А. Ганиевой, чей «Салам тебе, Далгат!» был многими далекими от кавказской темы критиками воспринят едва ли наподобие «черта из табакерки» (Гликман в «Вопросах литературы»). Это оборачивается абсолютным игнорированием историко-литературного и литературно-теоретического контекста, который, бесспорно, «кавказский текст» имеет

последние двадцать лет не только в отечественной науке. Такое неофитское прочтение создает впечатление начала «с чистого листа», особенно тогда, когда критик заново интерпретирует замысел и смысл «кавказского текста», в упор, не видя уже много лет существующей исследовательской магистральной типологии конфликта, характерной символики и источники образности.

Несмотря на то, что сам термин «кавказский текст», как известно, является потенциально дискуссионным, мы не считаем, что описанный В. И. Шульженко более десяти лет назад как параллель к введенному В. Н. Топоровым понятию-термину «петербургский текст русской литературы», переживает в настоящий момент кризис [6]. Наоборот, и наша работа только укрепляет это мнение, наблюдается «движение к первоисточнику», позволяющее избежать рокового для многих других «текстов» крена в краеведение. «Текст» живет полноценной жизнью, когда в его основе лежит корпус произведений, объединенных принадлежностью к определенному локусу, некоторый обобщающий концепт, константа. В случае с Кавказом наличие такого концепта – точнее даже, совокупности концептов – представляется очевидным [3]. Это 1) наличие исходного мифа, лежащего в основе дальнейших художественных построений; 2) структурная важность места действия, единственно возможного для развертывания описанных событий и становящегося одним из «героев» литературного произведения; 3) «особый отпечаток», который носят на себе кавказцы, становящиеся литературными героями; 4) особые художественные характеристики пространства Кавказа [5].

«Кавказский текст» единственный, пожалуй, из всех существующих в русской словесности, который в эпоху бурного развития средств массовой информации, в особенности телевидения, активно с ними в этом соперничал, стимулируя на своей собственной почве поиск адекватных, столь же актуальных, эстетически нетривиальных и создающих «эффект присутствия и соучастия» форм отражения реальности. С течением времени он не только обогатился примерами оригинального и плодотворного синтеза, казалось бы, самых разнородных явлений – от народной архаики до сюрреализма, но и заметно эволюционировал в жанровом отношении, что в первую очередь выразилось в появлении «смешанных» жанров, которые можно отнести к тому, что с недавнего времени принято называть non-fiction: беллетризованные очерки, мемуары, автобиографии и биографии, документальные романы, эссе, в начале нового тысячелетия часто появляющиеся даже в сетевых литературных журналах [1]. Все это наряду с другими, неоднократно отмеченными по ходу работы признаками (явно или имплицитно выраженными), диагностирующими глубинные изменения «кавказского текста», делает его теоретически значимым объектом и ставит перед литературоведением целый ряд проблем, требующих специального рассмотрения. Наиболее значимыми из них представляются следующие:

1. «Кавказский текст» исследуется в работе не только как чисто художественное явление, но и в совокупности с прежде представлявшимися малозначимыми историко-культурными, геополитическими, этно-конфессиональными, социолингвистическими контекстами, без которых сегодня вряд ли удастся понять векторы его развития [7].

2. Существенную трансформацию претерпевает образ кавказца в но-

вой России, его художественная идентификация русскими писателями свидетельствует о полном разрыве с традициями не только классики XIX столетия и Серебряного века, но и русской литературы советского времени (20-80-х годов). Это новый тип личности, пытающейся балансировать на грани междивизиационных культурных противоречий, желающий, с одной стороны, пользоваться всеми благами как европеец, но повседневную жизнь, с другой стороны, свести к «законам предков».

3. Происходит размытие когда-то довольно цельного представления о месте Кавказа в судьбе России, рушатся стереотипы о принципах кавказской этики и морали, в связи с очевидной идеологической ангажированностью авторов крайне противоречиво оценивается современная российская политика, имперский фактор и феномен постколониализма. «Кавказский текст» русской литературы вообще стал в последнее десятилетие гораздо менее толерантным и политкорректным, более жестким и откровенным, нежели в прежние времена [8].

4. «Кавказский текст» единственный, пожалуй, из всех существующих в русской словесности, который в эпоху тотальной монополии СМИ, в особенности телевидения, активно им противостоит, стимулируя на своей собственной почве поиск адекватных, столь же актуальных, эстетически нетривиальных и создающих «эффект присутствия и соучастия» форм отражения реальности. В «нулевые» десятилетия он стал заметно разнообразнее в жанровом отношении, продемонстрировав восприимчивость к интересным формальным экспериментам.

У «кавказского текста» закончившегося десятилетия нового века есть свои особенности, заслуживающие специального научного описания. Во-первых, это выдвижение на авансцену «нового реализма», к которому себя причисляют наиболее талантливые из тридцати-сорокалетних авторов. Во-вторых, во многом неожиданное возвращение к кавказской теме таких мэтров отечественной словесности, как В. Маканин и А. Битов. В-третьих, естественная и во многом даже необходимая корректировка генезиса самого «кавказского текста», связанная с новым прочтением творческой биографии Л. Н. Толстого, А. Н. Островского, М. Булгакова, художников Серебряного века [2]. В-четвертых, стала очевидной необходимость рассмотреть Кавказ как концепт в контексте славянских литературных взаимосвязей, что представляет собой особый интерес для складывающейся ныне новой восточноевропейской ментально-культурной конфигурации. В-пятых, вновь вернуться к вопросу взаимоотношений русской и русскоязычной литератур, вновь обострившемуся в связи с кризисом западной идеи мультикультурализма и внезапно на Северном Кавказе этнокультурную и социально-политическую злободневность.

Список использованных источников

1. Зубцова Ю. О. Кавказский текст в литературе нового времени // Научный журнал «Русский язык и межкультурная коммуникация». – Пятигорск: ПГУ. – 1 (17). – 2018. – С. 122–126.

2. Зубцова Ю. О., Шульженко В. И. Кавказский ландшафт в медиальной интерпретации // Медийные стратегии современного мира. Материалы девятой международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2016. – 274 с.

3. Очман А. В., Шульженко В. И. Кавминводский текст русской литературы. М.: Лазурь. – 2009. – 542 с.

4. Переяшкин В. В. Особенности художественной конкретизации в южном тексте // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. Сб. науч. трудов. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – Выпуск XXI. – С.102–105.

5. Савченко Т. Д. Интертекстуальность в литературе путешествий о Кавказе второй половины XX века // Русский язык и межкультурная коммуникация: науч. журн. Пятигорск: ПГУ, 2017. – № 1 (16). – С. 199–208.

6. Шульженко В. И. Дискурсионная классификация «кавказского текста» // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2011 – №4. – С. 181–184.

7. Шульженко В. И., Переяшкин В. В., Савченко Т. Д. Русскоязычная литература как феномен культуры «российского фронта»// Вестник Пятигорского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 131–134.

8. Шульженко В. И. Современная литература на русском языке в контексте традиций отечественной классики и межкультурной интеграции в XXI веке // Мир русского слова. – № 4. – 2018. – С. 79–87.

УДК 81.38

ЭМОТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ МЕТАФОРЫ И СПОСОБЫ ЕЁ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖОНА ГРИНА “THE FAULT IN OUR STARS”)

Ю. Ю. Семендяева,

ассистент кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак

Аннотация. В статье рассматривается понятие метафоры, связь метафоры и эмоций, а также особенности ее перевода с английского языка на русский. Описываются и анализируются различные стратегии перевода в художественной литературе на материале романа Джона Грина “The Fault in Our Stars”.

Ключевые слова: метафора, эмотивность, художественный текст, перевод, английский язык, эмоции.

Summary. The article discusses the concept of metaphor, the connection between metaphor and emotions, as well as the features of its translation from English into Russian. Various translation strategies in fiction are described and analyzed on the basis of John Green’s novel “The Fault in Our Stars”.

Key words: metaphor, emotiveness, literary text, translation, English language, emotions.

В современной лингвистике все чаще рассматриваются явления языка, которые отображают «определенный способ восприятия и концептуализации мира» [6, с. 1038]. Концептуальную картину мира формируют менталитет и концептосфера, выступающие специфическим способом «понимания и восприятия действительности, характеризующимся совокупностью когнитивных стереотипов сознания конкретной личности, социальной или этнической группы» [3, с. 56]. Восприятие человеком «окружающего мира и способности формировать свои представления» [5, с. 20] создают картину, отображающую характерные черты понимания человеком окружающего

его мира (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.). В художественных произведениях эти черты отражаются, в том числе, с помощью метафор, которые могут представить немало информации о личностях действующих лиц, их внутреннем мире и эмоциональном состоянии. Описание эмоций может основываться на двух подходах (Н. Д. Арутюнова, А. А. Залевская): смысловой, базирующийся «на описании эмоций в рамках прототипической ситуации, в которой они возникают», и метафорический, основывающийся на описании эмоций с помощью метафор. По причине того, что эмоции относятся «к абстрактным сущностям, они не поддаются прямому наблюдению и выражаются в языке, уподобляясь какому-либо простому наблюдаемому пространству» [1, с. 16].

Цель исследования заключается в выявлении метафор, используемых Дж. Грином в романе “*The Fault in Our Stars*”, и их переводе на русский язык.

Метафора играет роль помощника, который помогает выразить то, что невозможно описать в виде прямых номинаций. Под метафорой понимается «перенос названия с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их сходства [4, с. 192]. С помощью метафоры читатель может воспринять характер и мышление действующих лиц художественного произведения, максимально подходящих ему самому. Метафора выступает в качестве одного из наиболее продуктивных оценочных средств языка, что вытекает из ее сущности, поскольку основополагающим критерием оценки является сопоставление.

В данном исследовании мы рассмотрим произведение Дж. Грина “*The Fault in Our Stars*”, который применял оригинальный образный язык при написании своих произведений, используя сравнения, гиперболы, но чаще всего – метафоры для расширения языковых и концептуальных ресурсов и придания нового восприятия человеческому опыту. Роман изобилует метафорами, которые раскрывают внутреннее состояние героев, их чувства и эмоции. Нами были проанализированы два варианта романа (на английском и русском языках) для поиска и сравнения метафор, использованных автором и переводчиком.

Так как английский и русский языки являются разноструктурными языками и различаются по дифференциальным признакам, перевод с одного языка на другой будет отличаться. Особенно это касается перевода метафор, количество стратегий перевода которых может существенно варьироваться. Так, представитель английской лингвистики М. Л. Ларсон [8, с. 328] предлагает пять стратегий для перевода метафор, ср:

1) Метафора сохраняется, если это позволяет язык перевода. Данная стратегия используется, если образ метафоры понятен в языке перевода. Например, “*Lora’s decision was a slap for her husband*” на русский переводится как «*Решение Лоры расстроило ее мужа*».

2) Метафора может быть переведена в качестве сравнения. Например, “*The road is a snake*” (*Дорога была подобна змее*).

3) Метафора может быть заменена на метафору, являющуюся эквивалентом метафоры языка перевода. Например, “*I’ll move heaven and earth to achieve my goal*” (*Я сверну горы для того, чтобы достичь цели*).

4) Метафора может быть сохранена, а ее значение объяснено в переводе. Например, “*The tongue is fire*” (*Язык – это огонь, который может испе-*

пелить что угодно. Слова ранят).

5) Метафора может быть переведена с использованием высказываний, не содержащих метафору. Например, “*Michael is bad news*”, в переводе которого “*bad news*” заменено на «баламут, нарушитель спокойствия».

Другой английский лингвист, П. Ньюмарк [9, с. 84], выделяет семь стратегий перевода метафор: 1) метафора воспроизводится «в том же представлении на языке перевода», 2) метафора заменяется стандартным языком перевода, который не противоречит культуре языка перевода, 3) метафора переводится, как сравнение, 4) метафора переводится, как сравнение, содержащее объяснение его значения в переводе, 5) в языке перевода объясняется только значение метафоры, 6) метафора исключается из повествования, если это не влияет на содержание, 7) метафора переводится, как метафора, включающая объяснение ее значения.

Проведя сравнительно-сопоставительный анализ эмпирического материала, мы обнаружили три стратегии из семи, предложенных П. Ньюмарком, а именно: метафора сохраняется, если это позволяет язык перевода, в языке перевода объясняется только значение метафоры, метафора переводится в качестве сравнения:

1. “*I’m on a roller coaster that only goes up, my friend*” [7, с. 18]. – «Я в поезде американских горок, который едет только вверх, друг мой» [2, с. 16]. Этими словами молодой человек описывает свои чувства на момент ремиссии. Метафора была переведена в качестве сравнения, являющегося абстрактным, для того, чтобы читатель узнал о реальном эмоциональном состоянии Огастуса.

2. “*I imagined the tumor metastasizing into my own bones, boring holes into my skeleton, a slithering eel of insidious intent*” [7, с. 88]. – «Я представляла, как раковая опухоль, словно скользкий угорь, с вероломными намерениями пробирается в кости, оставляя дыры в моем скелете» [2, с. 83]. Данное высказывание Хейзел произносит, когда ее здоровье внезапно ухудшается и она представляет, будто опухоль уничтожает ее кости, как угорь вгрызается в грязь. Такое сравнение делает переводчик, чтобы показать для читателя чувства героини.

3. “*My dad understood my cancer the way I did: in the vague and incomplete way people understand electrical circuits and ocean tides*” [7, с. 92]. – «Папа имел о раке примерно такие же представления, как я, – неполные и туманные, как об электрических цепях и океанских приливах» [2, с. 87]. Разговор происходит, когда Хейзел хочет полететь в Амстердам и встретиться с любимым писателем. Здесь девушка немного запутана и смущена, когда ей приходится решать, с кем она поедет – с отцом или матерью. Переводчик использует пятую стратегию перевода – сравнение рака с цепями и приливами, т.е. чем-то угнетающим и тяжелым.

4. “*You’re such a Debbie Downer,*” his mom said” [7, с. 33]. – «Ну ты вечно всем недоволен, – пожурила его мать» [2, с. 31]. Здесь автор использовал сравнение, относящееся к американской культуре, а точнее выдуманный персонаж из популярного юмористического телешоу “*Saturday Night Live*” – Дебби Даунер, которая всегда представляет ситуацию в нелепом и неудобном свете. Этот персонаж незнаком представителям русской культуры,

поэтому переводчик использовал пятую стратегию перевода, и метафора была заменена высказыванием, в котором она отсутствует.

5. *“You put the killing thing right between your teeth, but you don’t give it the power to do its killing”* [7, с. 29]. – «Ты держишь в зубах смертельно опасную дрянь, но не даешь ей возможности выполнить свое смертоносное предназначение» [2, с. 25]. В данном примере Огастус сравнивает рак и сигареты, т.к. и то, и другое может убить. Он хотел донести то, что существуют вещи способные нас уничтожить, но не стоит позволять им оказывать на нас какое-либо разрушающее влияние. Приведённая метафора относится к тем, которые можно передать похожей метафорой, т.е. первой стратегии перевода.

6. *“I’m like a grenade and at some point I’m going to blow up and I would like to minimize the casualties, okay?”* [7, с. 102]. – «Я, как граната, в какой-то момент я взорвусь, поэтому хочу заранее минимизировать случайные жертвы, понятно?» [2, с. 94]. В связи с непрерывной борьбой с раком главные герои не превратились в эгоистов. Они все так же способны к сопереживанию. Употребление метафоры *“I’m a grenade”* в разговоре Хейзел с родителями доказывает ее душевную чуткость и обеспокоенность судьбой родителей. Эта метафора относится к первому типу перевода, т.к. её первоначальный смысл и структура сохраняется. В данном случае читатель понимает разрушительный концепт гранаты, и именно поэтому переводчик оставляет без изменений метафоры в языке перевода.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в переводе романа Джона Грина *“The Fault in Our Stars”* на русский язык доминируют три стратегии перевода: перевод метафоры в качестве сравнения; замены метафоры словами, не содержащими метафору; и перевод с использованием схожей по содержанию с оригиналом метафорой. Рассмотренные стратегии могут быть использованы при переводе других произведений того же жанра.

Список использованных источников

1. Арутюнова Н. Д., Залевская А. А. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс. – 2011. – С. 16.
2. Грин Дж. Виноваты звезды: [роман] / Джон Грин; пер. с англ. О. Мышаковой; под ред. Е. Давыдовой, Д. Румянцева. – Москва: АСТ. – 2014. – 286 с.
3. Есмурзаева Ж. Б. Понятия «языковая картина мира» и «концептуальная картина мира» в современных исследованиях // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота. – 2012. – № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. – С. 56-58.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Пилигрим. – 2010. – 610 с.
5. Плахотная Ю. И., Шувалова В. В. Метафоры как единицы когнитивной картины мира (на материале романа Дж. Грина *“The fault in our stars”*) // Лексикографическая копилка: сборник научных статей. Вып. 3 / под науч. ред. В.В. Гончаровой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ. – 2018. – С. 20-27.
6. Таюпова О. И., Шарипова Р. Ф. Языковая картина мира в текстах современного фольклорного дискурса // Вестник Башкирского университета. – 2021. – № 4. – С. 1038–1043.
7. Green J. *The Fault in Our Stars*. – London: Penguin Books. – 2014. – 316 p.
8. Larson M. L. *Meaning-Based Translation: A Guide to Cross Language*. – Lanham: University press of America, 2011. – 600 p.

9. Newmark P. A. Textbook of Translation. – New York: Prentice-Hall International, 2010. – 402 p.

УДК 811.111 / 811.133.1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ

В. В. Силин,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье был сделан сравнительный анализ английского и французского переводов первой и второй глав романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». В результате исследования был сделан вывод, что наибольшую трудность для переводчиков представляла первая глава, в которой встречается множество советских реалий. Об этом свидетельствуют некоторые неточности и даже ошибки. Вторая глава, в которой преобладают исторические реалии периода римского господства в Иерусалиме, не представляла большой сложности, так как эти реалии имеют постоянные эквиваленты в английском и французском языках.

Ключевые слова: советские реалии, исторические реалии, национальный колорит, транскрипция, приблизительный перевод, объяснительный перевод.

Summary. In the article there was made a comparative analysis of the English and French translations of the first and second chapters of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". As a result of the study, it was concluded that the greatest difficulty for translators was the first chapter, in which there are many Soviet realities. It was proved by some inaccuracies and even errors. The second chapter, which is dominated by the historical realities of the period of Roman rule in Jerusalem, was not very difficult, since these realities have permanent equivalents in English and French.

Key words: soviet realities, historical realities, national color, transcription, approximate translation, explanative translation.

В статье поставлена **цель** – проследить индивидуальные особенности английского и французского переводов романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», выявить удачные или неудачные, на наш взгляд, решения переводческих задач, и отметить объективные факторы, которые затрудняют или, наоборот, облегчают решение этих задач. Для достижения поставленной цели достаточно рассмотреть первую главу романа, в которой обильно представлены реалии довоенного советского быта, и вторую главу, содержащую исторические реалии Иерусалима в период правления римского прокуратора Понтия Пилата. Анализ всего содержания романа «Мастер и Маргарита» намного бы превзошел допустимый объем статьи.

* * *

Уже во втором предложении первой главы привлекает внимание перевод реалии Патриаршие пруды: в обоих иноязычных текстах название прудов было переведено, хотя современные правила требуют *транскрипции* назва-

ния для сохранения национального колорита одной из достопримечательностей Москвы. Как отмечали С. Влахов и С. Флорин, при переводе реалий существует «необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) – ее национальную и историческую окраску» [1, с. 80]. Эта окраска хорошо передается транскрипцией, так как она «предполагает механическое перенесение реалии из ИЯ в ПЯ графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме» [1, с. 87]. Тем не менее, в данном случае перевод the Patriarch's Ponds и l'étang du Patriarche можно считать допустимым ввиду единого происхождения и близкого по звучанию слова «патриарх».

Потом у Булгакова появляется «шляпа пирожком». Англичанин просто проигнорировал слово «пирожок», переведя только «шляпу» – fedora hat. В этом переводе «fedora» означает шляпу классической формы. И это лучшее решение, так как «пирожок» в данном предложении не является реалией, несущей важный для содержания романа национальный колорит. Что касается французского переводчика, то он, думается, напрасно уделил «шляпе пирожком» целое предложение – Quant à son chapeau, de qualité fort convenable, il le tenait froissé dans sa main comme un de ces beignets qu'on achète au coin des rues. В этом предложении он сравнил шляпу «с пончиками, которые покупают на углах улиц», то есть, он сделал *описательный* перевод совершенно несущественной реалии, и при этом пирожок был заменен на более знакомый французам пончик по принципу *приблизительного* перевода. При таком переводе колорит реалий, по мнению болгарских исследователей, «почти всегда теряется, так как происходит замена ожидаемого коннотативного эквивалента <...> нейтральным по стилю, т.е. словом или сочетанием с нулевой коннотацией» [1, с. 90].

Следующая реалья – «тапочки», которые оба переводчика перевели приблизительно: по-английски «sneakers» – кроссовки, по-французски «espadrilles» – босоножки. Поскольку тапочки здесь не несут существенного национального колорита, то *приблизительный* перевод в обоих случаях вполне допустим.

Сокращение МАССОЛИТ оба переводчика *транскрибировали*, так как оно действительно является реалией, несущей советский колорит, но с псевдонимом Бездомный они поступили по-разному: француз транскрибировал, а англичанин перевел «Homeless», что неверно и допускается только при *освоении* или *адаптации*, т.е. путем придания реалии ИЯ «обличия родного слова» [1, с. 89].

«Будочка» в английском переводе звучит как stand, во французском – как baraque. Оба перевода *приблизительные*, так как stand представляет собой открытый прилавок, а baraque – более просторную, чем будочка, торговую палатку. Здесь расхождения не существенны, в отличие от перевода вывески «Пиво и воды». По-английски это «Beer and Soft Drinks», что более верно, чем французское «Bière, Eaux minérales», так как «Soft Drinks» означает безалкогольные или сладкие напитки, а не только минеральные воды, как во французском переводе.

Малая Бронная была транскрибирована обоими переводчиками, Садовое кольцо также, но, если англичанин написал Sadovoye Ring, то француз

заменял средний род на женский, написав *la ceinture Sadovaïa*, очевидно, решив согласовать русское прилагательное с французским существительным женского рода.

«Дайте нарзану» француз перевел точнее, написав «*Donnez-moi de l'eau de Narzan*». Он добавил «мне», что соответствует ситуации, и поставил слово «вода» перед нарзаном. Англичанин перевел «*Give us seltzer*», но здесь «нам» не соответствует ситуации, так как Берлиоз себе одному заказывал нарзан, а замена нарзана на функциональный аналог – сельтерскую является *приблизительным* переводом, так как обе воды являются минеральными.

Далее во французском переводе обнаруживается ошибка, так как «абрикосовая» является газированной водой, а не соком. Это не приблизительный перевод, так как можно было бы написать *eau gazeuse d'abricot*, но не *jus d'abricot*. Английский перевод точен – *apricot soda*.

«... и в Кисловодск» по-английски звучит почти дословно – «... and go to Kislovodsk», добавлено только *go*. Француз же решил дать *объяснительный* перевод: «... et que j'aïlle faire une cure à Kislovodsk», то есть, «полечиться в Кисловодске». Навряд ли это дополнение было необходимо, так как совершенно не известно, чем собирался заниматься Берлиоз в этом городе.

Русское образное сравнение иностранца с гусем в английском переводе совпадает – *foreign goose*, а французский переводчик был вынужден подыскать *ситуативный* эквивалент – *rou d'importation* (импортная вошь).

«... в Соловки» англичанин перевел дословно – «... in Solovki», а француз уточнил – «... aux îles Solovki» (на острова Соловки). К такому переводу претензий нет. Но переводить название сигарет «Наша марка», советскую реалию, как «*Our Brand*» или «*Notre marque*» совершенно ошибочно. Было бы даже смешно, если бы мы американские сигареты Camel называли Верблюдом, а французские *Gitanes* – Цыганками.

Когда в разговоре персонажей романа речь зашла о кирпиче, который может свалиться на голову, в английском переводе также был указан *brick* – кирпич, но француз, видимо, исходя из собственных национальных реалий, предложил *ситуативный* эквивалент, упомянув по этому поводу *tuile* – черепицу.

Комсомолка в английском переводе названа *Komsomol girl*, поэтому советский колорит сохранен, во французском переводе комсомолка названа *membre de la Jeunesse communiste* (член коммунистической молодежи), то есть, по названию аналогичной французской организации. Подобная *адаптация* снимает необходимый здесь колорит.

Название «Литературная газета» было дословно переведено – *Literary Gazette* и *Gazette littéraire*, что также неверно, так же как никто не переводит *New York Times* как Нью-Йоркские времена, или французский *Monde* как Мир.

* * *

Во второй главе появляется множество исторических реалий, характерных для Иерусалима периода римского владычества. Как отмечали С. Влахов и С. Флорин, «перевод исторических реалий – это по существу передача исторической окрашенности этих слов в дополнение к их материальному содержанию и другим видам коннотаций» [1, с. 132].

Весенний месяц нисан имеет одинаковый аналог в английском и французском языках – *Nisan*. Ирод Великий называется *Herod the Great* и *Hérode*

le Grand, а прокуратор Иудеи зовется Pontius Pilate по-английски и Ponce Pilate по-французски. Первая когорта двенадцатого молниеносного легиона в английском варианте называется the first cohort of the Twelfth Lightning legion, во французском – la première cohorte de la douzième légion Foudre. В обоих вариантах вместо прилагательного «молниеносный» используется существительное «молния» – Lightning и Foudre.

В романе Булгакова Иерусалим назван по-еврейски Ершалаимом, что привносит своеобразный исторический и национальный колорит, но не мешает узнать современное название города. Английский переводчик сохранил этот колорит, назвав город, как Булгаков, Yershalaim, француз же отказался от колорита, введя современное название – Jérusalem. Имя Иешуа Га-Ноцри (из Назарета) оба переводчика транскрибировали – Yeshua Ha-Nozri по-английски, Yeshoua Ha-Nozri по-французски, сохранив тем самым исторический колорит.

Синедрион имеет английский эквивалент Sanhedrin и французский – Sanhédrin. Голубой хитон по-английски назван light-blue chiton, француз же напрасно заменил хитон на тунику – tunique bleue, так как хитон является рубашкой древних греков, которая подпоясывалась с напуском, а туника – рубашка древних римлян, которая носилась под тогой [2, сс. 1464, 1372].

В романе «Мастер и Маргарита» Булгаков использует более древнее произношение латинских слов – кентурия и кентурион, то есть, так, как они произносились до фонетической палатализации, после которой эти слова стали произноситься центурия и центурион. Но переводчики не смогли передать этот колорит, написав centurie и centurion по-английски и по-французски. Для обращения к римскому прокуратору следовало говорить игемон, за которым у Булгакова легко угадывается современное слово гегемон, но в переводах используется именно это слово – hegemon.

Кличка Крысобою на английский язык легко переводится – Ratslayer, француз был вынужден прибегнуть к *объяснительному* переводу: surnomé Mort-aux-rats (прозванный Смерть крысам). Германская палица названа в английском переводе Germanic club, во французском с небольшой поправкой – massue d'un Germain (палица одного германца).

Имя библейского персонажа Левия Матвея имеет собственные эквиваленты в английском и французском языках – Matthew Levi и Matthieu Lévi. Топоним Виффагия также – Bethphage и Béthanie. Как и Елеонская гора – Mount of Olives и Mont des Oliviers. Сузские ворота по-английски – Susa gate, а во французском варианте название ворот переведено – Porte des Brebis (Овечьи ворота). Преступники Дисмас, Гестас, Вар равван имеют постоянные английские эквиваленты – Dysmas, Gestas, Bar Rabban, и французские – Dismas, Hestas, Bar-Rabbas.

Латинские военные термины «пехотный манипул» и «кавалерийская турма» также имеют постоянные эквиваленты – infantry manipule, cavalry turmae в английском языке и manipule d'infanterie, turme de cavalerie во французском. Топоним Идиставизо по-английски назван аналогично – Idistaviso, по-французски – Idistavisus Campus, то есть с дополнением Campus.

Топонимы и исторические имена романа имеют готовые эквиваленты в английском и французском языках. Кесария Стратоновая в английском варианте называется Stratonian Caesarea, во французском – просто Césarée. Ка-

прейские сады названы Caprean gardens и jardins de Caprée. Иуда из Кириафа назван Judas of Kiriath и Judas de Kerioth. Император Тиверий – emperor Tiberius и empereur Tibère. Лысая гора была переведена как Bald Mountain и Mont Chauve. Сирийская ала – как Syrian ala и Aile syrienne. Иосиф Каифа – как Joseph Kaifa и Joseph Caïphe. Соломонов пруд – Salomon's pool и étang de Salomon. Легион Фульмината – Fulminata legion и légion Fulminatrix. Итурейская вспомогательная когорта – auxiliary Iturean cohort и cohorte auxiliaire iturénne.

* * *

Как показал анализ перевода двух глав романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английском и французском языках, наибольшую трудность для переводчиков представляли советские и московские реалии, с которыми они, очевидно, мало знакомы. Пирожок, тапочки, будочка, нарзан, абрикосовая, комсомолка – эти реалии часто, особенно во французском переводе, утрачивали колорит, так как они подвергались приблизительному или объяснительному переводу. Не обошлось и без ошибок, когда на английский язык был переведен псевдоним Бездомный, и когда англичанин и француз перевели название сигарет «Наша марка» и название «Литературная газета».

Меньше всего замечаний по переводу исторических реалий во второй главе романа, так как эти реалии давно имеют постоянные эквиваленты, как в английском, так и во французском языках. Связано это с тем, что история древнего Рима и Евангелие являются составной частью европейской культуры, знакомой переводчикам. Жаль только, что французский переводчик отказался транскрибировать Ершалаим, и что у обоих переводчиков не получилось передать оригинальное произношение слов кентурия, кентурион, игемон.

Список использованных источников

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения. – 1980. – 342 с.
2. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. – 1980. – 1600 с.

УДК 81-26, 347.78.034

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ ВОЙНА В СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

О. Г. Скидан,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности текстового воплощения концепта ВОЙНА через исследование лингвокогнитивных механизмов, лежащих в основе формирования средств вербализации данного концепта, анализируются приемы воссоздания данного концепта в переводе. Исследование проводится на материале романа Джона Бойна «The Boy in the Striped Pyjamas» и его русскоязычного перевода «Мальчик в полосатой пижаме», выполненного Еленой Полецкой.

Ключевые слова: художественный концепт, концептуальная метафора, средства вербализации концепта, переводческий прием.

Summary. The article deals with the peculiarities exhibited by the concept of WAR embodied in J. Boyne's novel «The Boy in the Striped Pyjamas». Such properties are exposed through the linguistic means of its manifestation, through cognitive mechanisms employed in construing the concept. The translation techniques used by E. Poletskaya for rendering these means into Russian are examined.

Key words: textual literary concept, conceptual metaphor, linguistic means of embodiment, translation techniques.

Концепт ВОЙНА является одним из ключевых в сознании русскоязычного читателя, а также играет значимую роль в англоязычной картине мира. В сознании большинства народов «война» ассоциируется с всеобъемлющим горем, душевными страданиями, мучительной гибелью, утратой близких. В то же время «война» является фактором, под влиянием которого формируется личность, вырабатывается определённая система ценностей и идеалов. Война неизбежно «оставляет отпечаток» в душе и сердце каждого человека, не оставляет равнодушным никого.

Под художественным концептом обычно понимают единицу сознания писателя, которая находит своё воплощение в художественном тексте, характеризует авторский выбор концептуальных приоритетов и способствует образованию индивидуально-авторской картины мира. Способом объективации художественного концепта ВОЙНА в романе выступает концептуальная метафора. Традиционно концептуальную метафору рассматривают как «проецирование информации из сферы-источника, содержащей информацию об обозначаемом предмете или объекте, на сферу-цели, содержащую информацию об обозначаемом объекте или явлении» [3, с. 203]. В отличие от стилистической метафоры, концептуальная метафора выступает в тексте как концептуальное основание, кодирующее основную идею текста и авторский замысел. Отсюда следует, что концептуальная метафора напрямую связана с основной идеей текста, и её можно рассматривать как одно из средств реализации прагматики текста. «Выявление концептуальных метафор на основе аналогового картирования ведет к прототипическому прочтению текста, к пониманию авторского замысла, поскольку и автор, и читатель используют одни и те же когнитивные процессы аналогового осмысления мира и имеют общие знания о нем» [1, с. 241].

Актуализация концепта ВОЙНА в романе Дж. Бойна «The Boy in the Striped Pyjamas» происходит посредством различных средств выразительности, например, с помощью анафорического повтора и параллелизма, в основе формирования которых лежит концептуальная метафора ВОЙНА – ЭТО ВООБРАЖАЕМЫЙ МИР. Отметим, что при выявлении текстовых фрагментов, в которых реализованы составляющие исследуемого концепта, важную роль играет контекстуальный анализ всего художественного произведения. Отсутствие в тексте непосредственных вербализаторов концепта не означает отсутствие текстового воплощения данного концепта, который может быть выражен опосредованно, имплицитно.

«...he had thought that all the huts were full of happy families...He thought that all the boys and girls...would be...playing tennis or football...He had thought that there would be a shop in the centre...»

«...он вообразил, что в длинных строениях обитают счастливые се-

мы...Бруно **вообразал**, что все мальчики и девочки...играют в теннис или в футбол...Он **предполагал**, что в центре лагеря стоит магазин...»

Глагол *think* отображает ментальные процессы, протекающие в сознании ребёнка, демонстрирует идеализированное восприятие окружающего мира немецким мальчиком. Бруно видит внешнюю сторону жизни в концлагере, где, по его мнению, проживают *счастливые семьи*, а детям доступны всевозможные развлечения. Анафорический повтор (*had*) *thought* передаётся на русский язык с помощью глаголов более конкретной семантики *вообразал*, *предполагал*.

Актуализация концепта ВОЙНА прослеживается через пересечение с биполярным концептом СВОЙ/ЧУЖОЙ, который тесно связан с понятием «народ». По мнению Ю. С. Степанова, он «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [2, с. 126]. Категория «своего», как правило, осмысливается через языковые, этнические, социальные, конфессиональные связи. В то же время категория «чужого» соотносится с чем-то далёким в сфере нрава, обычая, народа [2, с. 483]. В исследуемом романе концепт СВОЙ/ЧУЖОЙ актуализируется через призму национальной идентичности детей и приобретает некое иное осмысление. Можно наблюдать гармонизацию отношений между «своим» и «чужим».

«*Bruno imagined a great adventure...to see what was really on the other side of the fence. Shmuel...held out his hands to Bruno, who opened his mouth in delight. He was carrying a pair of striped pyjama bottoms, a striped pyjama top and a striped cloth cap... it was a disguise...*»

«Бруно предвкушал **великое приключение**...увидеть своими глазами, что же творится за оградой. Шмуэль...в руках...держал полосатые пижамные штаны, полосатую пижамную куртку и полосатую матерчатую шапочку. Бруно пришел в **полный восторг**...**переодеваться** в чужую одежду так **увлекательно**...»

В русском варианте мы наблюдаем перегруппировку смысловых элементов. Лексема *cap* приобретает в переводе уменьшительно-ласкательную форму *шапочку*. Существительное *disguise* передаётся на русский язык глаголом *переодеваться*, мы также видим добавление *в чужую одежду так увлекательно*. В представленном фрагменте репрезентация концепта ВОЙНА происходит через отсылку к «карнавальным переодеваниям» в терминах М. М. Бахтина и «близнечный миф». Формой подобного основания выступает жертвенная смерть близнецов. Как подчеркивает В. Я. Пропп, в фольклоре путешествие в загробный мир тесно связано с мотивом переодевания. Существительные *adventure*, *disguise*, а также эмоционально-экспрессивная лексическая единица *delight* указывают на то, что в сознании ребёнка переодевание ассоциируется с неким развлечением, игрой. В основе актуализации концепта лежит концептуальная метафора ВОЙНА – ЭТО ВЕСЁЛОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ.

Концепт ВОЙНА находит своё художественное воплощение в романе и за счёт контрастивных стилистических средств.

«*He'd often seen the people from his side of the fence on the other side of the fence...it was clear that they were in charge. The pyjama people all jumped to*

attention whenever the soldiers approached...»

«Он часто видел, как люди с его стороны ограды заходили на ту сторону...было ясно: они там главные. Пижамники вытягивались по стойке смирно, когда к ним приближались солдаты...»

Автор называет узников *pyjama people*. Переводчик передает это сочетание с помощью эмоционально-оценочной лексической единицы *пижамники*. Она обладает негативной коннотацией, о чём свидетельствует суффикс *-ник*. Глагольная часть *jumped to attention* передана на русский язык посредством фразеологизма *вытягивались по стойке смирно*. Концептуальная метафора ВОЙНА – ЭТО ИЕРАРХИЯ воплощается в тексте через противопоставление *people in charge (soldiers) – pyjama people*.

Изучение особенностей передачи языковых репрезентантов концепта в свете когнитивного переводоведения является весьма перспективным. Применение концептуального анализа в совокупности с дефиниционным и контекстно-компонентным анализом пробуждает рефлексию переводчика, помогает ему проследить ход мыслей автора произведения, дает возможность более глубоко и точно понять содержание текста, что позволяет свести к минимуму проблемы интерпретации художественного произведения.

Список использованных источников

1. Скидан О. Г. Глава I. Когнитивный подход к стилистическому анализу англоязычного художественного дискурса / О. Г. Скидан // Художественный дискурс: филологический анализ текста / Севастопольский государственный университет. – Севастополь: Рибес. – 2016. – С. 237-260.
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: книга / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры. – 1997. – 824 с.
3. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought. – Cambridge, 1993.

УДК – 372.8

ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ: К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ «НАРТСКОГО ЭПОСА» В ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ

Н. В. Соболева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры всемирной литературы, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, Москва

Э. Р. Иمامеев,

обучающийся бакалавриата, кафедра зоологии и экологии животных, Институт биологии и химии Московского педагогического государственного университета

Аннотация. С эпохи Средневековья до наших дней дошло богатое наследие кавказского фольклора. Среди народного творчества горцев наибольшую известность получил «Нартский эпос», который, как известно, встречается в разных вариантах у определенных этнических групп (в этой работе будет представлена карачаево-балкарская версия). Одной из важнейших задач современного общества является сохранение письменного и устного

творчества своих далеких предков. В данной работе рассматривается актуальность перевода «Нартского эпоса» на русский язык с его дальнейшим изучением в школьной программе на уроках карачаевской литературы. Вопрос необходимости перевода эпоса поднимается с позиции развивающейся русификации на Кавказе.

Ключевые слова: Нартский эпос, карачаевский язык, карачаево-балкарская мифология.

Summary. Since the Middle Ages, the rich heritage of Caucasian folklore has reached our days. Among the folk art of the highlanders, the most famous was the “Nart epic”, which, as is known, occurs in different versions among certain ethnic groups (the Karachay-Balkar version will be presented in this work). One of the most important tasks of modern society is to preserve the written and oral creativity of their distant ancestors. This paper examines the relevance of the translation of the “Nart epic” into Russian with its further study in the school curriculum at the lessons of Karachai literature. The question of the need to translate the epic is raised from the perspective of the developing Russification in the Caucasus.

Key words: Nart epic, Karachay language, Karachay-Balkar mythology.

Процесс русификации интенсивно идет на Северном Кавказе, в том числе и на территории Карачаево-Черкесской республики [4, с. 30]. В связи с этим, региональным правительством было решено ввести в школьную программу курсы карачаевского языка и карачаевской литературы. Ранее нами уже рассматривались процессы внедрения государственного языка в карачаевскую культуру с дальнейшим вытеснением горских традиций [2, 3]. При анкетировании школьных учителей было выявлено, что далеко не все учащиеся понимают свой родной язык. Поэтому педагог бывает вынужден вести урок карачаевского языка с использованием русской лексики. Исходя из этого, довольно актуальным становятся вопросы дидактики данного предмета.

Школьный цикл карачаевской литературы включает в себя подборку самых известных и отражающих национальный характер работ. Пожалуй, одно из самых выдающихся творений карачаевской словесности является эпос о богатырях-нартах. «Нартский эпос» содержит не только интересный сюжет, но и включает в себя немало средств речевой выразительности: гиперболу, эпитет, гротеск и пр. [5]. Можно сказать, что затрагиваемый в школах (преимущественно в 9 классе) «Нартский эпос» служит ценной составляющей для развития лексикона на родном языке. В интернете существует некоторое количество дидактических указаний для качественного преподавания этого сборника карачаево-балкарской мифологии (как на уроках карачаевской литературы, так и во время классных часов, посвященных внеклассному чтению) [6, 7].

В связи с нависшей угрозой исчезновения родного языка карачаевцев, мы предлагаем не только комбинировать русскую и карачаевскую лексику для точного понимания содержания фольклора, но и декламировать учащимся тексты средневековых сказаний. В том числе и повествование эпоса о нартах с уклоном в выразительное чтение с передачей характера каждого героя (Тейри, Дебета, Сатанай, Алагуана, Карашуайя и пр.). При этом более ценна будет игра не столько преподавателя, а самих учащихся. Ведь как известно, именно чтение по ролям является ценной технологией в литератур-

ном образовании [1, с. 97-100].

Вышеописанный методический прием позволит вызвать у школьников больший интерес к своей родной литературе. Каждый учащийся сможет не только ознакомиться с содержанием текста, но и сумеет прочувствовать характер и эмоциональное состояние героя. Отличать отрицательных персонажей от положительных (эмегенов от нартов), молодых богатырей от пожилых мудрецов (Карашуайя от Дебета) и т. д.

«Нартский эпос» ценен и для духовного воспитания молодежи. Обожествляя силы природы, древние предки сберегли девственные лесные массивы в горах. Эта идея активно используется нами и при экологическом просвещении на территории Тебердинского национального парка. В общем зоолатрийские мотивы карачаево-балкарской мифологии способствуют формированию бережного отношения к природе. Стоит только вспомнить разные культы животных на Кавказе, и сразу становится ясно, почему горные лесные массивы остались нетронутыми с давних пор. Ведь по легенде природу охраняли могущественные боги и мудрые духи. Животные выступали в роли целителей в том же «Нартском эпосе». Так, из этого сборника мы можем проследить сюжет о том, как Ерюзмек должен был добыть молоко трехногого оленя. Зачастую, олень выступал как обличие бога Апсаты. А Туром был сам творец Тейри.

Говорить о прикладных аспектах перевода эпоса о нартах можно довольно долго, однако целесообразным будет подвести краткий итог, в котором будут отражены основные положения всего рассмотренного выше:

1. Перевод карачаевского фольклора на русский язык служит средством сохранения знаний о родной литературе у горцев. Так, к примеру кавказский фонд «Эльбрусид» активно занимается пропагандой национального языка, переводя карачаевские сказания на русский язык, а также наоборот: русские произведения на карачаевский. Все это служит средством сохранения самоидентификации национального языка карачаевцев.

2. Такой дидактический прием как декламация текстов Средневековья способствует творческому развитию личности с представлением о культуре минувшей эпохи. Практика показывает, что люди часто тянутся к прошлому, интересуясь обычаями прошлого. Стоит применить этот факт для патриотического воспитания населения Карачаево-Черкесской республики. Взывая к прошлому, люди будут вспоминать о своих древних корнях и с большой радостью гордиться тем наследием искусства, которое они имеют.

3. Мифы Кавказа воспитывают бережное отношение к природе у подрастающего поколения, так как обожествляют многие объекты окружающего мира. Зоолатрия способствовало формированию бережного отношения к природным благам. Животные наделялись душой и свято почитались горцами. Для сохранения этих идей и в наше время, необходимо продолжить вести данную тенденцию и пропагандировать мифы древнего Кавказа, как источник просвещения и духовного воспитания.

Список использованных источников

1. Дубова М. А., Ефремова В. В. Творческое чтение на уроках литературы как способ развития речи учащихся. Язык и актуальные проблемы образования. – 2019 – С. 97-100.

2. Имамеев Э. Р. Карачаевский язык и вызовы руссификации. М.: –

Covido ergo zoom: Трансформация и цифровизация общества в современных реалиях. Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции. – 2021 – С. 397-402.

3. Имамеев Э. Р., Брунс Л. Границы прошлого и настоящего в современной карачаевской культуре. М.: Альманах «Этнодиалоги». – 2021. – № 2. – С. 306.

4. Мхце Р. А. Роль общественных организаций в сохранении и развитии национальных языков КЧР. Карачаевск: Материалы научно-практической конференции с международным участием. – 2019. – С. 30.

5. Хаджиева Т. М. Нартский эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. – 1994. – С. 8-66.

6. Урок внеклассного чтения «Героический эпос «Нарты» для 7-9 классов [Электронный ресурс] / URL: <https://infourok.ru/material.html?mid=47910> (дата обращения 30.01.2022).

7. ПРОЕКТ «НАРТСКИЙ ЭПОС» [Электронный ресурс] / URL: <https://nsportal.ru/shkola/regionalnyu-komponent/library/2021/12/18/proekt-nartskiy-epos> (дата обращения 30.01.2022).

УДК 811.12

ВИНО В РОМАНЕ МО ЯНЬ «СТРАНА ВИНА»

Т. В. Тарасенко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Институт социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий им. М. Ф. Решетнева, Красноярск

Аннотация. В статье анализируется винопитие и его значение как части гастрономической культуры в тексте русского перевода китайского романа «Страна Вина» Мо Яня. Исследование показало, что лексема «вино» в романе имеет собирательное значение и может обозначать любой алкогольный напиток: пиво, самогон, водка, вино, чему в русском языке соответствует лексема «алкоголь».

Ключевые слова: Мо Янь, вино, «Страна вина», алкоголь, перевод, русский язык, китайский язык.

Summary. The article analyzes wine drinking and its significance as part of gastronomic culture in the text of the Russian translation of the Chinese novel “The Republic of Wine” by Mo Yan. The study showed that the lexeme “wine” in the novel has a collective meaning and can mean any alcoholic beverage: beer, moonshine, vodka, wine, which corresponds to the Russian lexeme “alcohol”.

Key words: Mo Yan, wine, The Republic of Wine, alcohol, translation, Russian, Chinese.

Имя китайского писателя Мо Янь (настоящее имя Гуань Моэ) стало известно русскому читателю в 2012 году после получения им Нобелевской премии по литературе с формулировкой: «за его галлюцинаторный реализм, который объединяет народные сказки с историей и современностью» (<http://noblit.ru/Yan>).

Уже название романа «Страна вина» (по-китайски *jīy guó*) «Цзю Гуо» указывает, что ключевую роль для читателя играют роль *вино* и *винопитие*.

При чтении романа происходит понимание, что значение *винопития* и

вина в традиционном понимании для носителя русского языка отличается от романного.

Остановимся подробнее на этом.

Первое, с чем сталкивается читатель, иная гастрономическая культура, частью которой является и винопитие. Рассмотрим это на примере из одного эпизода.

Дин Гоуэр, следовательно, высокопоставленный чиновник из Пекина приезжает в Цзю Гуо, район в котором существует легенда об Обезьяньем вине, по заданию партии для выяснения обстоятельств одного дела. Директор шахты и партийный секретарь устраивают банкет в честь высокого гостя.

– Товарищ Дин, дружище, вы приехали издалека, и если не выпьете, нам будет просто неловко. Обстановка у нас тут неофициальная, этакий домашний обед, и если не выпить, то как нам выразить дружеские отношения между вышестоящими и нижестоящими? *Вино – немаловажный источник налоговых сборов, и получается, что, когда пьешь вино, вносишь вклад в хозяйство страны.* Выпейте, выпейте чуточку, а то нам стыдно будет вам в глаза смотреть. С этими словами оба высоко подняли *рюмки с водкой* и поднесли к лицу Дин Гоуэра.

Пока он проникался этим чувством, с обеих сторон прозвучало: – Сначала за уважаемого гостя, за уважаемого гостя! *Осушив свои рюмки, партсекретарь и директор перевернули их вверх дном, показывая, что ни капли не осталось.* Дин Гоуэр знал, что даже за одну оставшуюся каплю *полагается три штрафные рюмки.* Он выпил полрюмки, и во рту разлился великолепный аромат. От сидевшей по бокам парочки не донеслось ни слова укора, они лишь держали перед ним осушенные до дна рюмки. Сила примера безгранична, и Дин Гоуэр тоже опрокинул свою. Все три рюмки тут же оказались наполнены.

– Три рюмки, как сели за стол, – так уж у нас заведено <...>

Вновь наполнили рюмки, и партсекретарь или директор шахты поднял свою: – Для нас большая честь, что следовательно высшей категории Дин Гоуэр смог приехать на нашу скромную шахту для проведения расследования. *Поэтому от имени кадровых работников и рабочих предлагаю выпить за вас три рюмки.* Ваш отказ будет означать пренебрежение к нашему рабочему классу, к нашим чумазым шахтерам <...>

Расчувствовавшись, он с удовольствием *осушил три рюмки подряд* <...>

Одного тостующего тут же сменил другой. От имени своей восьмидесятичетырехлетней матери он пожелал Дин Гоуэру доброго здоровья и бодрости духа. А когда Дин Гоуэр стал отказываться пить, заметил:

– Товарищ Дин, всех нас вырастили матери, верно? Как гласит поговорка, в семьдесят три и в восемьдесят четыре разве не призывает к себе Яньло-ван? (владыка ада) <...>

После того как *девять рюмок* одна за другой очутились в желудке, тело и сознание начали отделяться друг от друга.

Теперь, после всех уговоров, оставалось лишь пить рюмка за рюмкой, словно пытаясь наполнить бездонный колодезь, из которого не доносилось никакого эха.

– Товарищ Дин, старина, на самом деле мы одна семья, единоутробные братья, а родные братья должны и пить в свое удовольствие. Жить надо в

удовольствие, радоваться вовсю, шагать к могиле в радости и веселии... Ну, еще давай... *Чарочек тридцать*... От имени замначальника отдела Цзиня... Тридцать чарочек за тебя... Пей, пей... Кто не пьет – не мужик... Цзинь, цзинь, цзинь... Цзинь Ганцзуань пить умеет... Он человек уважаемый, целое море выпить может... Без конца, без края...

Оба руководителя шахты тянулись к нему с рюмками: – Старина Дин, за такую бесцеремонную пальбу штраф – три чарки! Дин Гоуэр и сам понимал, что дал маху, и против штрафа не возражал. – У тебя, уважаемый товарищ Дин, порочный человек – враг и четкая позиция – кого любить, кого ненавидеть, – заявил Цзинь Ганцзуань, – *три рюмки в твою честь!* Лесть Дин Гоуэр любил и тост на три рюмки принял. После шести рюмок сознание снова слегка затуманилось. Директор с партсекретарем стали подбивать на тосты официанток. Те налетели со своим кокетством и глупостями и залили в него *двадцать одну рюмку* подряд [5].

Отчасти данный эпизод может быть сопоставим с встречей неузнанного Одиссея и Эвмея, свинопаса Итаки, который устраивает обед в честь незнакомца. «Присутствие чужестранца одновременно пугает и делает трапезу торжественной. Эта атмосфера связана с загадкой, тайной, ибо всегда трудно представить, какие намерения имеет чужестранец, пришел ли он с добром или со злом. Поэтому, угощая Одиссея, Эвмей говорит: «таинственный гость мой». Эта загадочность усиливается тем, что Одиссей – не чужак, он – свой, хотя признать в нем своего никто не может, ибо длительные странствия изменили его внешний облик. Несмотря на спровоцированные появлением чужака опасения, жертвоприношение и следующая за ним трапеза у Гомера означают снятие страха, взаимное согласие и исключаящий всяческие непредвиденные эксцессы договор между участниками трапезы. Фактом организации трапезы Эвмей показывает, что страннику доверяют и принимают его за своего. Собственно, это и составляет смысл трапезы как обряда» [7]. По словам А. ван Генеппа, подобные застолья являются обрядом включения [3, с. 31].

Можно утверждать, что сцена из романа демонстрирует нам, с одной стороны, черты арахичного обряда, связанного с «винными приказами», социального застольного ритуала традиционных культур Китая, Кореи и Японии [2].

В сцене банкета романа Ян Мо «Страна вина» можно найти и элементы иерархического ритуала (*чиши дао фа цзю*) – поднесение штрафного сосуда опоздавшему гостю или гостю, пришедшему без приглашения, целью которого было искупление неуважения, проявленного к хозяину дома и к другим гостям.

С другой стороны, пиршество на шахте способствует созданию единению, своеобразного братства, «когда стираются различия между индивидами и классами, когда возникает чувство братства и, что еще более важно, происходит выход за пределы эмпирической реальности и контакт со сверхчувственным» [7, с. 282]. Исследуя социальные взаимоотношения участников застолий, Э. Канетти подчеркивает, что «взаимное уважение означает также, что они не будут есть друг друга. Хотя такая опасность всегда существует между людьми, живущими совместно в группе, в момент еды она

наиболее заметна. Люди сидят вместе, люди обнажают зубы, люди едят, но даже в этот критический момент ни одному не приходит охота попробовать от другого. Каждый следит за собой, но следит и за другими, ибо все равно обязаны сдерживаться» [4, с. 241].

В романе Мо Яня «Страна вина» можно встретить сцены винопития, которые исследователи относят к бытовым ритуалам [6]. Например, повествователь, от лица которого ведется переписка с читателем, описывает шаосинское рисовое вино «Ньюэр хун» (досл. «поздравление дочери») как «ароматный напиток, оставляющий сладкое как мед послевкусие».

Китайское винопитие как часть ритуала, имеет архетипическую основу. «История человечества показывает, что кроме естественной влаги, каковой является вода, человек очень рано стал изготавливать и потреблять опьяняющие жидкости. Естественно, стол правителей, да и простых жителей древнего Китая не мог обойтись без них, причем главным было «вино», так мы условно, удобства ради, будем переводить знак *цзю жи* – «вино, водка, алкоголь», хотя трудно сказать, было ли то, что пили древние китайцы, действительно вином в нашем понимании этого слова или же чем-то браги, сивухи, самогона и т.п. Впрочем, это не столь уж важно, так как желаемый результат – улучшение настроения и состояние опьянения – достигался приемом *цзю*, чем бы он ни был на самом деле. Кроме того, обозначаемая так жидкость на протяжении веков меняла свой градус, цвет и вкус, поэтому с точки зрения этих параметров использование названия «вино» также является несколько условным» [1].

Можно утверждать, что в русском тексте китайского романа Мо Яня «Страна вина» винопитие представлено как социальный ритуал, часть культурного кода, процесс употребления вина регламентирован достаточно строго, а лексема «вино» имеет собирательное значение «алкоголь, спиртные напитки вообще».

Список использованных источников

1. Кучера С. История, культура и право древнего Китая: собрание трудов [Электронный ресурс]. – М.: Наталис, 2012. – 416 с. / URL: <http://www.synologia.ru/monograph-1331-24>. (дата обращения 05.02.2017).
2. Войтишек Е. Э., Ковалева К. В. «Винные приказы» 酒令 Цзюлин как часть традиционной культуры Китая // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение: материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 16-17 октября 2014 г.). – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – С. 60-66.
3. Геннеп А. Ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обряда. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.
4. Канетти Э. Масса и власть. – М.: Ad Marginem, 1997. – 528 с.
5. Мо Янь Страна вина. – М.: Амфора, 2012. – 446 с.
6. Хо О. А. «Вино» 酒 как ритуал в культуре Китая // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение: материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 16-17 октября 2014 г.). – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – С.288-290.
7. Хренов Н. А. Застолье в контексте ритуала // Традиционное русское застолье: сборник статей. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. – С. 272-292.

УДК 81.25

**ОСОБЕННОСТИ КИНОПЕРЕВОДА
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ
(НА ПРИМЕРЕ СУБТИТРОВ К СЕРИАЛУ «ПОД КУПОЛОМ»)**

С. С. Товстик,

*магистрант кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков,
Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет,
Барнаул*

Аннотация. В статье выявлены отличительные черты киноперевода. Рассмотрены способы перевода имён собственных, реалий, отсылок, окказионализмов и элементов поэтического текста на примере перевода субтитров сериала «Под куполом» с английского языка на русский. Определены наиболее продуктивные переводческие трансформации при работе с кинотекстом, а также пути повышения качества киноперевода.

Ключевые слова: киноперевод, субтитры, переводческие трансформации, английский язык, русский язык.

Summary. The article highlights characteristic features of film translation. The ways to render proper names, culture-bound items, references, occasionalisms and poetic elements are considered (as in the case of the «Under the Dome» show subtitles translation from English into Russian). The major translation shifts in the film text are indicated, as well as the means of improving film translation quality.

Keywords: film translation, subtitles, translation shifts, the English language, the Russian language.

Большинство ученых сходятся во мнении о том, что перевод представляет собой процесс преобразования исходного текста на языке оригинала в текст на языке перевода [1, с. 5; 2, с. 11; 5, с. 10–11]. Ввиду различий языков в процессе перевода неизбежно используются те или иные трансформации.

В то же время, киноперевод предполагает работу с особым видом текста – кинотекстом. Помимо вербального сообщения, кинотекст несет в себе также аудиальную и визуальную информацию. В связи с этим, при переводе кинотекста необходимо учитывать его характерные черты и применять подход, отличный от используемого при работе с обычным текстом [6].

Цель исследования – выявить специфику киноперевода с английского языка на русский и определить наиболее эффективные переводческие трансформации при работе с кинотекстом.

Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать перевод субтитров телесериала «Под куполом» с английского языка на русский и выявить наиболее эффективные переводческие решения и пути повышения адекватности киноперевода.

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием киноиндустрии и ростом объемов аудиовизуального контента, требующего перевода. Успех кинопродукции на международной арене во многом зависит от адекватности перевода. В то же время, вопросы киноперевода остаются слабо изученными.

Научная значимость исследования состоит в перспективе выявления наиболее эффективных переводческих трансформаций в кинопереводе.

С практической точки зрения это означает повышение адекватности и качества перевода кинотекстов для зрителей, а также обеспечение коммерческого успеха для создателей кино и сериалов. Кроме того, развитие отечественной индустрии киноперевода позволит нарастить экспорт услуг, что предполагает положительные социальные эффекты.

Объект исследования – перевод субтитров телесериала «Под куполом» с английского языка на русский. Предмет исследования – использованные переводческие трансформации, успешные и неудачные переводческие решения.

Методы исследования: изучение и анализ научной литературы, отбор кинотекстов, сопоставление их оригиналов и переводов со структурных и стилистических позиций и переводоведческая интерпретация результатов исследования.

«Под куполом» — американский телесериал по мотивам одноименного романа Стивена Кинга [7]. Сюжет повествует о жителях городка, который внезапно оказывается отрезан от внешнего мира невидимым барьером. Перевод субтитров сериала с английского языка на русский осуществлялся командой поклонников картины на добровольной основе.

Проанализируем переводческие решения на примере субтитров к 3 сезону сериала. Для начала рассмотрим способы передачи имён собственных в субтитрах. При выборе того или иного варианта в первую очередь учитывался перевод романа, выполненный В. Вебером, а также некоторые традиции, сложившиеся при переводе первых двух сезонов.

Как и в переводе Вебера, имена тёзок, отца и сына *James «Big Jim» Rennie* и *James «Junior» Rennie*, к которым обращаются просто по прозвищам, передаются как *Большой Джим* и *Младший* [3, с. 8–9]. Перевод посредством транскрипции *Джуниор* не отразил бы все смыслы этого прозвища: Младшего как будто лишили собственного имени, его воспринимают не как самостоятельную личность, а как сына влиятельного человека, с которым у него непростые отношения.

Аналогично переводу в романе, герой *Sam Verdreaux* в субтитрах стал *Сэмом Вердро*. Перевод французской фамилии как «*Вердро*» вызвал бы нелепый юмористический эффект. В то же время, название кафе *Sweetbriar Rose*, хозяйку которого звали Роуз, в субтитрах было решено опустить. В книге название закусочной, соответствующее виду шиповника, передано как «*эглантерия*». Тем самым в субтитрах игра слов была потеряна, но для русскоязычного зрителя она и не была бы столь очевидна.

В сериале появились некоторые новые персонажи и названия, которых не было в романе. *Christine* в субтитрах стала *Кристин*, а не *Кристиной*, ведь до этого *Julia* и *Peter* переводились как *Джулия* и *Питер*, а не *Юлия* и *Пётр*. Название компании *Aktaion* было передано как *Актеон*, на греческий манер. В то же время, так как перевод осуществлялся коллективно и был по большей части любительским, в субтитрах даже после редактуры встречались варианты «*Джуниор*», «*Кристина*» и различные транскрипции названия кафе *Sweetbriar*.

Одним из наиболее часто используемых приёмов в переводе субтитров оказался антонимический перевод [4, с. 354] с учётом визуальной составляющей и элементами смыслового развития. Во многих случаях такое пре-

образование позволяло сделать титры перевода приблизительно равными титрам оригинала по числу символов, хотя это удавалось не всегда:

Everybody stick together	Не теряйте друг друга из виду.
You best stay well clear of me.	Вам лучше не попадаться мне на глаза.
Do we really need to lie about who we are?	Почему мы не можем сказать им, кто мы на самом деле?
Okay, stay close.	Хорошо, не уходи далеко.
Christine is trying to keep us from having emotions.	Кристин пытается сделать нас бесчувственными.
Barbie, we've got company.	Барби, мы не одни.
Hey, hold up.	Эй, туда нельзя.

Значимую роль в кинотексте играет визуальная составляющая. С учётом контекста в переводе актуализировалось то или иное значение лексических единиц, зачастую происходила конкретизация.

I'll see if I can, uh, wrangle up some pop.	Попробую отвоевать немного газировки.
You got to put your gut into it.	Нужно орать во всё горло.
You play games, huh?	Ты наврал, да?
But something real bad went down inside.	Но внутри были серьёзные разборки.
I failed him.	Я не уберегла его.
She looks almost full-term.	Она выглядит, как на 9 месяце.

Если же переводчик не смотрел серию до работы над субтитрами, его выдавало незнание того, кому принадлежит реплика и использование неверного рода глаголов прошедшего времени, а порой и вовсе непонимание того, о чём говорят герои. Перевод субтитров требовался оперативно, поэтому устранить неточности и добиться полного единообразия удавалось не всегда.

Однако встречались титры с несколькими версиями перевода, что свидетельствует о своевременном исправлении некоторых ошибок. Так, *meat-head* сначала было передано как *наркоман* (ошибочно принято за *methhead*), потом исправлено на *качок*; *unharmd* – сначала переведено *без оружия (unarmed)*, затем исправлено на *вас не тронут*.

Реалии нередко передавались при помощи описательного перевода, как, например, *kum-bah-ya* в значении «единство, гармония» с пренебрежительной коннотацией в контексте общения между подростками.

Shouldn't you be off with your new boyfriend, singing «Kum-Bah-Ya» with the town?	Разве ты не должна быть со своим новым дружкой, тусоваться со всем городом?
Everyone's getting along, all kum-bah-yah.	Все ладят друг с другом, все на расслабоне.

Адаптированы под культуру-реципиент были единицы измерения температуры и прочие реалии:

106-degree fever is a good sign?	Температура 41°C — это хороший знак?
I can be your lab monkey.	Я согласен стать подопытным кроликом.

Фраза *Pollyanna routine* тоже не была переведена дословно. Оригинал содержит отсылку к прецедентному для своей культуры тексту и психологическому феномену. Однако эти явления в меньшей степени знакомы русскоязычному зрителю, чем ставшая привычной калька с английского, что и было учтено при переводе:

You finally, uh, giving up on all that...sunny-side-up, Pollyanna routine, huh?	Ты наконец перестала верить во всё это... во всё хорошее, сняла розовые очки, да?
---	---

Неявные отсылки порой опускались: *Freaky Friday* – *Чумовая пятница*, фильм 2003 года о том, как после очередной ссоры мать и дочь меняются телами. Однако сцена не была связана с переселением душ, важно было лишь обозначить странное поведение персонажа.

He got all Freaky Friday again.	Он снова стал чокнутым.
---------------------------------	-------------------------

Очевидные отсылки сохранялись с учётом официального перевода названий произведений, о которых идёт речь. Несмотря на удачный перевод отсылки, в остальном в примере ниже наблюдаются некоторые неточности, что характерно для любительского коллективного перевода.

Like Steven Seagal in his aptly-titled 1990 classic, you are hard to kill.	Как и Стивен Сигал в фильме, метко названном классикой 90-х, ты здесь смерти вопреки.
--	---

В основном прослеживалась тенденция придерживаться разговорного стиля оригинала и максимально достоверно изображать отношения героев: *don't get any ideas about double-crossing me* – *даже не пытайся меня обдурить; yeah* – *замётано*.

Окказионализмы по возможности передавались эквивалентными переводческими находками, чтобы сохранить настроение сцены и комический эффект:

He was walking away with Miss, uh, - Barefoot and Ready-to-Pop? - Mm-hmm.	Он уходил с Мисс - Босиком и Вот-Вот-Рожу? - Ага.
---	---

You know, you're always Miss Can Do, huh?	А ты у нас всегда мисс Всё Возможно, да?
---	--

Особое место в кинотексте занимают различные знаки, передаваемые визуально, мелодии, играющие на фоне, и другие подобные элементы содержания. Зачастую ими приходится жертвовать в переводе, и при этом теряется часть заложенных в сцену смыслов.

Однако иногда всё же удаётся сохранить подобные ценные фрагменты. Например, текст песни Пэт Бенатар «*Love is a Battlefield*» в одноимённой серии получилось оставить. Как и в оригинальных субтитрах, строчки из песни были выделены нотами, чтобы их можно было отличить от реплик героев.

♪ We're wrong	♪ Мы не правы
♪ Searching our hearts	♪ В наших сердцах
♪ For so long	♪ Так долго искали
♪ Both of us knowing...	♪ И оба знали...

В той же серии удалось сохранить и колыбельную, которая имела существенное значение в рамках сюжета. Были переданы как основные элементы содержания текста, так и его стихотворная форма. По большей части текст был модернизирован, хотя встречались и устаревшие единицы (*очи*). Чтобы обращение к ребёнку звучало естественно, использовались слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом (*мамочка, розочки, лепесточки*). Как и в предыдущем случае, текст колыбельной в субтитрах был выделен нотами.

♪ Lullaby and good night	♪ Спи, малыш, спокойной ночи,
♪ Thy mother's delight	♪ Мамочка прикрыла очи;
♪ Bright angel beside	♪ Ангел рядом пролетит,

♪ My darling abide	♪ Тебя светом озарит.
♪ Lay thee down now and rest	♪ Ты приляг и отдохни,
♪ May thy slumber be blessed	♪ Беззаботным сном засни.
♪ Lay thee down now and rest	♪ Ты приляг и отдохни,
♪ May thy slumber be blessed... ♪	♪ Беззаботным сном засни.
♪ With roses bedight thee	♪ Розочки под головой,
♪ With lilies over spread	♪ Из лепесточков постель –
♪ Is baby's wee bed	♪ Вся расцвела колыбель.
♪ Lay thee down now and rest	♪ Ты приляг и отдохни,
♪ May thy slumber be blessed... ♪	♪ Беззаботным сном засни.

Таким образом, в процессе киноперевода под субтитры очень важно учитывать визуальную составляющую, чтобы максимально достоверно передать исходный смысл кинотекста и не нарушить требования по числу знаков в титре. При этом самыми эффективными приёмами оказываются антонимический перевод и конкретизация. Передача отсылок, окказионализмов и элементов поэтического текста равноценными средствами позволяет воссоздать коммуникативный эффект оригинала. Работа в рамках небольшой команды с постоянным составом, ориентация на существующие переводческие традиции и тщательная редакция способны обеспечить высокое качество перевода.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М.: Academia; СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – 368 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы частной и общей теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Кинг С. Под куполом [пер. Вебер В.А.]. М.: АСТ, 2012. – 1120 с.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2001. – 424 с.
5. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ»», 2002. – 416 с.
6. Эко У. К семиотическому анализу телевизионного сообщения [сокращ. пер. с англ. Дерябин А.А.]. – 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/eco.htm> (дата обращения: 30.01.2022).
7. King S. Under the Dome. NY: Simon & Schuster, 2009. – 1,074 p. [Electronic resource]. – Mode of access: URL: https://onlinereadfreenovel.com/stephen-king/31703-under_the_dome.html (дата обращения: 30.01.2022).

УДК 7.071.3

**ПЕРЕВОДЧИЦЫ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ И НАУЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ – ЧЛЕНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ДО 1917 ГОДА****Т. Н. Трофимова,***независимый исследователь, Санкт-Петербург***В. С. Трофимова,***кандидат филологических наук, независимый исследователь,
Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье рассматривается деятельность переводчиц – членов Санкт-Петербургского математического общества – с 1873 по 1917 годы: Е. Ф. Литвиновой, В. В. Щиглевой, Н. Н. Акимовой и Е. И. Борткевич. Эти женщины переводили учебную, научную и научно-популярную литературу с английского, немецкого и итальянского языков. Даются краткие биографические сведения об авторах книг и брошюр – философах, астрономах, математиках, и о переводчицах. Особое внимание уделяется высокому профессиональному уровню переводов, достигнутому благодаря хорошей математической и общенаучной подготовке переводчиц. Выделяются наиболее успешные переводы научно-популярной литературы, выполненные В. В. Щиглевой. Относительно переводов Е. И. Борткевич отмечаются лингвистические особенности ее переводов с итальянского работ Дж. Веронезе и Дж. Виванти.

Ключевые слова: переводчицы, Санкт-Петербургское математическое общество, Е. Ф. Литвинова, В. В. Щиглева, Н. Н. Акимова, Е. И. Борткевич, научно-популярная литература.

Summary. The article deals with the activities of translators – members of the St. Petersburg Mathematical Society – from 1873 to 1917: E. F. Litvinova, V. V. Schigleva, N. N. Akimova and E. I. Bortkievicz. These women translated educational, scientific and popular science literature from English, German and Italian languages. Brief biographical information is given about the authors of books and brochures – philosophers, astronomers, mathematicians, and about translators. Particular attention is paid to the high professional level of translations, achieved due to the good mathematical and general scientific training of the translators. The most successful translations of popular science literature made by V. Schigleva are pointed out. Regarding the translations of E. I. Bortkievicz, linguistic features of her translations from Italian by G. Veronese and G. Vivanti are noted.

Key words: women translators, St. Petersburg Mathematical Society, E. F. Litvinova, V. V. Schigleva, N. N. Akimova, E. I. Bortkievicz, popular science literature.

На рубеже XIX – XX веков образованные русские женщины активно занимались переводческой деятельностью. Широкую известность получили имена О. Н. Чюминой, переводчицы Данте и Мильтона, Т. Л. Щепкиной-Куперник, переводчицы Шекспира, Лопе де Веги, Кальдерона; переводами также занимались великие русские поэтессы Анна Ахматова и Марина Цветаева. Русские женщины переводили и нехудожественную литературу. Так, в 1901 году В. М. Неvejина перевела «Метафизические размышления» Рене Декарта, а в 1913 году «Феноменологию духа» Гегеля выполнили сразу пять

переводчиц: Е. Д. Аменицкая, Н. П. Аникеева, З. А. Ефимовская, К. М. Милорадович и Н. П. Муретова (Кулаковская), все выпускницы Высших женских (Бестужевских) курсов [11, с. 157–158].

В этой статье мы рассмотрим деятельность женщин-членов Санкт-Петербургского математического общества, которые переводили учебную, научно-популярную и научную литературу в период с 1873 по 1917 годы. Особое внимание мы уделим самим переводам и их восприятию.

Санкт-Петербургское математическое общество, образованное в 1890 году, имело ту особенность, что в нем к 1897 году было тринадцать женщин-членов (в других математических обществах в то время женщин-членов либо не было, либо были считанные единицы). Четыре женщины-члена Санкт-Петербургского математического общества занимались переводами с иностранных языков учебной, научно-популярной и научной литературы: Елизавета Федоровна Литвинова, Вера Владимировна Щиглева (в замужестве Березина), Наталья Николаевна Акимова и Елена Иосифовна Борткевич.

Елизавета Федоровна Литвинова (1845–1919), самая старшая из женщин-членов Санкт-Петербургского математического общества, известна, прежде всего, как первая женщина-доктор математики в Европе, а также как писатель и педагог. Как переводчица она известна гораздо меньше, хотя в «Биографическом словаре русских писательниц» князя Н. Н. Голицына 1889 года она фигурирует именно как переводчица учебника по естественной философии Самуэля Ньюта – «Первоначальные сведения из физики, или Введение в изучение статики, динамики, гидростатики и оптики, с задачами для упражнения» [4, с. 150]. Примечательно, что она взялась за перевод этой книги, по всей видимости, еще до отъезда в Швейцарию в 1872 году, когда у нее не было основательной подготовки по физике и математике. Следовательно, посещение Аларчинских и Владимирских женских курсов и учеба в частном кружке А. Н. Страннолюбского, у которого также училась Софья Ковалевская, позволили ей выполнить этот перевод.

Преподобный Самуэль Ньют (1821–1898) был профессором математики и церковной истории и главой Нового колледжа (Нью колледжа) в Лондоне с 1855 года. Он окончил Лондонский университет и показал высокие достижения в математике. Когда он работал преподавателем классических языков и математики в колледже в Плимуте, он опубликовал два учебника по естественной философии: «Элементы статики, динамики и гидростатики» 1851 года и «Первая книга по естественной философии» 1854 года. Эти книги отличаются ясностью, простотой изложения и долгое время считались стандартными учебниками по естественной философии. Именно первую из них и перевела с английского Е.Ф. Литвинова [10].

Вера Владимировна Щиглева (в замужестве Березина, годы жизни 1866–?) была первой женщиной, принятой в Санкт-Петербургское математическое общество 15 декабря 1890 года. Она происходила из интеллигентной творческой семьи: ее дед Роман Петрович Щиглев был профессором математики в Императорском Александровском лицее, ее отец Владимир Романович был известным писателем и художником, автором остросоциальных пьес, стихотворений и карикатур, ее дядя Михаил Романович был известным музыкантом, а другой дядя, Николай Романович, переводил ро-

маны Александра Дюма-отца. Вера Владимировна окончила Высшие женские курсы (Бестужевские), специально-математическое отделение в 1889 году. Она вышла замуж, будучи студенткой, за Николая Ильича Березина, и занялась переводами, что не является удивительным, учитывая ее происхождение. В 1897 году В. В. Щиглева переводит с немецкого книгу Морица Кроненберга «Философия Канта и ее значение в истории развития мысли» (оригинал на немецком вышел в свет в том же году). Книга была издана в серии «Образовательная библиотека» в издательстве О. Н. Поповой, под последним, десятым номером, попала в серию 1897 года, прошла цензуру 20 сентября 1897 года, но на титульном листе значился уже 1898 год. В конце книги имеется обращение к читателю со стороны издателей, в котором, среди прочего, сказано: «Знание должно быть общедоступно, оно должно быть разлито более или менее равномерно во всем населении страны, устраняя пропасть, разделяющую цивилизованного человека от человека природы. Мысль эта давно уже признана на Западе, и результатом ее является стремление сделать научное знание доступным даже низшим классам населения. В Англии и Германии особенно резко проявляется это стремление в издании дешевых и небольших, не строго научных популярных книг. Настоящее издание представляет попытку сделать то же самое в России, которая еще более, чем Запад, нуждается в настоящее время в быстром развитии просвещения» [6, б/н]. Книга М. Кроненберга (1865–1935) – немецкого писателя-философа, редактора еженедельника «Этическая культура», автора трудов о немецком идеализме, Канте и Гердере, в настоящее время в значительной степени забытого, на протяжении XX века неизменно цитировалась в работах, посвященных великому немецкому философу, и даже была переиздана в 2005 году в Калининграде в издательстве «Янтарный сказ» [7]. Это единственный из рассматриваемых нами переводов, который был переиздан в наши дни.

Слова, обращенные к читателям издателями серии «Образовательная библиотека», в полной мере можно отнести и к следующему переводу В. В. Щиглевой – «Солнечная система» Дж. Ф. Чемберса 1898 года [12]. Джордж Фредерик Чемберс (1841–1915) – английский адвокат и астроном-любитель, автор популярных астрономических книг, которые способствовали распространению астрономических знаний. Его первая книга – «Учебник описательной астрономии» – была опубликована в 1861 году и имела огромный успех среди любителей астрономии. Еще большую известность ему принесли популярные «истории» звезд, Солнечной системы и т.п. Книга «История Солнечной системы» была опубликована на английском в 1895 году. В русском переводе были воспроизведены многочисленные иллюстрации из английского оригинала. Книга «Солнечная система» была популярна, стоила 40 копеек, получила высокую оценку читателей и библиофилов и попала в «Примерный библиотечный каталог. Свод лучших книг на русском языке с 60-х гг. по 1905 год» К. Н. Дерунова (1906 год) [5, с. 6]. Дерунов хотел «каталогизировать» «всю, лучшую – по возможности, научно-популярную по преимуществу литературу на русском языке» [5, с. I]. Примечательно, что он нашел перевод книги Чемберса Щиглевой достойным войти в его каталог.

16 марта 1891 года в члены Санкт-Петербургского математического общества была принята Наталья Николаевна Акимова (1870–1923). К 1900 году она стала профессиональным врачом-окулистом и вплоть до смерти работала в Муроме, где открыла глазную клинику. В 1910 году она перевела с немецкого популярный «Учебник физиологии человека» Леонарда Ландуа. Леонард Ландуа (1837–1902) был известным немецким физиологом. Он начал медицинскую карьеру в Грейфсвальде, где стал в 1868 году экстраординарным, а с 1872 году ординарным профессором и директором физиологической лаборатории. Он исследовал физиологию органов кровообращения и переливание крови. Его учебник по физиологии, впервые вышедший в свет в Вене в 1880 году, несколько раз переиздавался и был переведен на многие языки. К 1910 году уже был русский перевод, но Н. Н. Акимова выполнила новый перевод с двенадцатого издания учебника, исправленного профессором физиологии Р. Роземанном и изданного в Вене в 1909 году [8]. Русский перевод вышел в двух томах: «Учебник физиологии человека. Физиология растительных процессов» и «Учебник физиологии человека. Физиология движения и чувствования». В 1913 году она дополнила перевод по тринадцатому изданию того же года [9]. Книга вышла под названием «Учебник физиологии человека. Физиология растительных процессов, движения и чувствования» в одном большом томе свыше тысячи страниц.

Последней из женщин-членов Санкт-Петербургского математического общества на первом этапе его существования переводами занялась Елена Иосифовна Борткевич (1870–1939). Она окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы в 1894 году, специально-математическое отделение, и была принята в члены Санкт-Петербургского математического общества 19 ноября 1894 года. В 1895–1897 годах она слушала лекции в Геттингенском университете. В 1915–1917 годах в журнале «Математическое образование» вышел ее перевод с итальянского «Истина в математике». Это перевод речи известного итальянского математика, профессора геометрии в Падуанском университете, сенатора Джузеппе Веронезе (1854–1917), произнесенной им в Падуанском университете 6 ноября 1905 года (текст речи был опубликован в Падуе в 1906 году). Веронезе прославился работой «Основания геометрии многих измерений» (1891 год), которую критиковали такие математики, как Дж. Пеано и Г. Кантор, но оценил как глубокою Д. Гильберт. Он был продолжателем геометрических идей М. Паша. Его имя носят плоскость, отображение и многообразие. Он также ввел понятие поля формальных рядов [1, с. 110].

Речь Веронезе является одним из ответов на сложившийся на рубеже XIX–XX веков кризис оснований математики, выразившийся в появлении множества парадоксов и поиске фундаментальных основ математики. Этот кризис продолжается до сих пор.

Е. Борткевич хорошо владеет математической и философской лексикой, в том числе новейшими понятиями (трансфинитные числа Кантора и пр.). Большую часть фамилий математиков она передает на русском языке и лишь отдельные, вероятно, незнакомые ей, оставляет латиницей. Она сокращает вступительные и заключительные слова речи Веронезе и почему-то убирает цитату Наполеона Бонапарта о важности развития математики для промышленности. Перевод речи Дж. Веронезе также вышел в Москве в 1915

году отдельной брошюрой [2].

В 1916–1917 году Е. И. Борткевич публикует в журнале «Математическое образование» перевод работы Джулио Виванти «Понятие о бесконечно-малом и его приложения в математике» [3]. Джулио Виванти (1859–1849), итальянский математик, активно распространял идеи Г. Кантора насчет теории множеств, а кроме того, серьезно интересовался историей математики. Его историческое исследование «Понятие о бесконечно-малом» было опубликовано на итальянском в 1894 году. В нем имеются цитаты на немецком, французском языках и латыни, а также названия работ на всех этих языках и на английском. Примечательно, что Борткевич переводит на русский язык цитаты с немецкого и французского языков, а латинскую цитату она приводит и в оригинале, и в русском переводе. Английские названия она оставляет без перевода. Большинство фамилий математиков, как и в случае с переводом «Истины в математике» Дж. Веронезе, она приводит в русском переводе и лишь некоторые оставляет латиницей. Она также приводит все формулы и рисунки, имеющиеся в итальянском оригинале.

Переводы женщин-членов Санкт-Петербургского математического общества рубежа XIX – XX веков отличались высоким профессионализмом и служили распространению научных знаний как среди специалистов (переводы Н. Н. Акимовой и Е. И. Борткевич), так и среди широкой читательской аудитории (переводы Е. Ф. Литвиновой и В. В. Щиглевой). К сожалению, впоследствии эти книги, как и их переводчицы, были забыты, хотя они являются важной частью истории межкультурной коммуникации в конце XIX – начале XX века.

Список использованных источников

1. Бородин А. И. Биографический словарь деятелей в области математики. Киев: Рад. школа, 1979. – 607 с.
2. Веронезе Д. Истина в математике / Пер. Е. И. Борткевич. Москва: печатня А. И. Снегиревой, 1915. – 15 с.
3. Виванти Дж. Понятие о бесконечно-малом и его приложения в математике. Пер. с ит. Е. Борткевич // Математическое образование. – №3. – 1916. – С.85–88; – №6. – 1916. – С.206–209; – №7 – 1916. – С.242–247; – №№1–2, 1917. С.9–13; №№3–4, 1917. С.64–73; №№5–8, 1917. С.137–144.
4. Голицын Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1889. – 308 с.
5. Дерунов К. Н. Примерный библиотечный каталог. Свод лучших книг на русском языке с 60-х гг. по 1905 г. СПб.: Типолит. «Энергия», 1906. – 82 с.
6. Кроненберг М. Философия Канта и ее значение в истории развития мысли / Пер. с нем. В. Щиглевой. Санкт-Петербург: О. Н. Попова, 1898. – 121 с.
7. Кроненберг М. Философия Канта и ее значение в истории развития мысли. – Калининград: Янтарный сказ, 2005. – 190 с.
8. Ландуа Л. Учебник физиологии человека / Пер. с нем. врача Н. Н. Акимовой. Т. 1–2. – Москва: тип. Имп. Моск. ун-та, 1910. – 1018 с.
9. Ландуа Л. Учебник физиологии человека / Пер. с нем. врача Н. Н. Акимовой. Москва: А. А. Карцев, 1913. – 1018 с.
10. Ньют С. Первоначальные сведения из физики, или Введение в изучение статики, динамики, гидростатики и оптики, с задачами для упраж-

нения / Пер. с англ. Е. Литвиновой, под ред. С. Усова. Санкт-Петербург: В. П. Печаткин, 1873. – 192 с.

11. Синельникова Е. Ф. Дореволюционная издательская деятельность Санкт-Петербургского философского общества // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. Саратов, 2019. – С. 156–160.

12. Чемберс Д. Ф. Солнечная система / Пер. с англ. В. Щиглевой. – Санкт-Петербург: О. Н. Попова, 1898. – 147 с.

УДК 811.51

ВЕНГЕРСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ HUNGARIAN TRANSLATIONS OF CHUVASH LITERATURE

Э. В. Фомин,

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары

Аннотация. Работа посвящена изучению чувашско-венгерских литературных взаимосвязей. Цель разысканий – проследить историю переводов чувашской литературы на венгерский язык. Обращение венгров к чувашской литературе стало продолжением их научного интереса к чувашскому языку, оказавшему значительное влияние на венгерский язык в прошлом. В большинстве своем венгры переводили фольклорные произведения, а также лирические и эпические тексты лучших чувашских авторов. Примечательной стороной чувашско-венгерских литературных взаимосвязей является перевод на венгерский язык с чувашских оригиналов, минуя русские подстрочники, что в принципе нехарактерно для контактов в области словесной культуры между российскими миноритарными и европейскими мажоритарными языками.

Ключевые слова: чувашская литература, венгерская литература, межкультурная коммуникация, перевод.

Summary. The work is devoted to the study of the Chuvash-Hungarian literary relationships. The purpose of the research is to trace the history of translations of Chuvash literature into Hungarian. The appeal of the Hungarians to the Chuvash literature was a continuation of their scientific interest in the Chuvash language, which in the past had a significant influence on the Hungarian language. Most of the Hungarians translated folklore works, as well as lyric and epic texts of the best Chuvash authors. A noteworthy aspect is the translation into Hungarian from the Chuvash originals, bypassing Russian interlinear translations, which, in principle, is uncharacteristic for interliterary contacts between Russian minority and European majority languages.

Key words: Chuvash literature, Hungarian literature, intercultural communication, translation.

Чувашско-венгерские литературные взаимосвязи инициированы венгерской стороной еще в середине XIX в. Они обусловлены интересом венгров к этнической истории, отмеченной стародавними контактами между народами. В память о них в венгерском языке осталось более 400 тюркизмов чувашского типа. И по сути в настоящее время чувашеведение призна-

ется венгерской национальной наукой [2, с. 5].

Естественно, венгерское чувашеведение, обладающее высоким статусом, не могло ограничиться исключительно научными изысканиями. Так или иначе его развитие предполагало переход на другой уровень, в нашем случае на уровень, ставящий целью знакомство с эстетическими воззрениями чувашского народа.

Первые переводы чувашских текстов на венгерский язык относятся к середине XIX в. Ими стали образцы чувашской разговорной речи, записанные А. Регули при участии первого чувашского писателя С. Михайлова [9]. Затем, в начале XX в., Д. Месарошем был собран чувашский фольклор, отразившийся в его трудах в венгерском переводе [17]. Кстати говоря, материалы ученого по сию пору признаются важным источником в области чувашского язычества.

Упор на фольклор в венгерском чувашеведении не случаен: ему тесно в рамках чистого языкознания. Он исходно предполагался энциклопедичной, комплексной наукой, ищущей венгерские древности на широком этнографическом материале. Ценным источником такого рода сведений было признано чувашское устное народное творчество.

Переводы чувашского фольклора в научных целях [16; 18; 20; 22] в начале XXI в. переросли в издания элитарного плана, представляющих народное творчество чувашей в рамках подлинного искусства книги [8; 19].

В 1970 гг. в связи с установлением дружественных связей между Чувашией и Венгрией начинают появляться переводы чувашской поэтической классики [10; 13]. Инициатива номинанта Нобелевской премии в области литературы Г. Айги ознакомить западные страны с шедеврами чувашской лирики [7; 11; 12] первоначально была представлена на венгерском языке [10]. В итоге основой основ всех последующих чувашских антологий на европейских языках можно назвать тот самый венгерский сборник.

Уже в новейшее время появляется перевод на венгерский язык пронзительных автобиографических рассказов Е. Лисиной «Сăкăр чĕлли» («Кусок хлеба») и «Хĕле кĕрес умĕн» («Предзимье») [14; 15]. Поскольку чувашский материал в венгерской культуре достаточно редкое явление, публикация рассказа «Egy darab kenyér» («Сăкăр чĕлли») сопровождается развернутой повествованием переводчика о чувашах и чувашско-венгерских литературных взаимосвязях [21]. По сути текст переводчика обрамляет рассказ Е. Лисиной.

Переводчик также сверхответственно подошел к работе над текстом «Mielőtt beköszönt a tél» («Хĕле кĕрес умĕн»). Он сравнивал чувашский и русский тексты писательницы, поскольку известно, что ее проза в авторском переводе представляет собой взаимодополняющие произведения [3, с. 412]. Оба рассказа в венгерском изложении сопровождаются развернутыми комментариями переводчика: таким образом происходит подстройка во многом экзотического чувашского быта под венгерское восприятие.

Отличительная сторона чувашско-венгерских литературных связей — осуществление переводов непосредственно с чувашских оригиналов (см., например: «Narszpi, szép leány», «Mese a tölgyfa tetején: csuvas mesék»). Такой подход к миноритарным языкам на практике малоприменим. Обычно переводы делаются через посредство на тот или иной мажоритарный язык.

В случае с чувашским языком промежуточным звеном выступает русский.

В целом переводов чувашской литературы на венгерский язык не так много, но они, кажется, дают представление о ее существенных параметрах. В частности, по переводам можно судить об объективном доминировании чувашской лирики и меньшей развитости таких родов литературы, как эпос и драма. Впрочем, поэзия представляет собой малые формы, и работа по ее переводу более экономна и результативна.

В свою очередь, объем переводов венгерской литературы на чувашский язык минимальный: на чувашском существуют переводы венгерской поэзии [1]. Таким образом, существование венгерской литературы на чувашском языке носит символический характер. Данное обстоятельство объясняется двуязычием чувашей, для которых русские переводы венгерских авторов полностью компенсируют интерес к венгерской культуре.

Отдельную страницу чувашско-венгерских литературных связей представляет экстериорика Г. Айги [4–6]. Правда, творчество поэта ко времени активных литературных контактов между двумя народами уже реализовывалось на русском языке, допускающем при этом значительное чувашское участие.

Для чувашской литературы переводы на языки других народов, особенно зарубежных, – событие неординарное и по сути представляется признанием ее достоинств. Волею судеб мерилom высокого качества чувашской словесности стал интерес к ней со стороны венгров. Никакая другая культура не проявила такого внимания к чувашскому народу как венгерская, и только подход современных турецких тюркологов и деятелей искусства начинает конкурировать с венгерской.

Венгерское чувашеведение в широком смысле так или иначе стало средством продвижения чувашского искусства в европейском пространстве.

Список использованных источников

1. Венгри поэчсем. XV – XX ёмёрсем: антологи / ум сáмахё Г. Айхин; илемлетекенё Э. Юрьев. Шупашкар: Чáваш кёнеке издательстви, 1974. – 272 с. – Перевод заглавия: Поэты Венгрии. XV – XX века.
2. Дмитриева Ю., Адягаши К. Hungaro-Tschuwaschica: аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX – XX вв. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2001. – 238 с.
3. Фомин Э. В. Чувашская литература в авторском переводе на русский язык // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Симферополь: Ариал, 2019. – С. 409–413.
4. Ajgi G. A sámán fia / ford. Ladányi Mihály, Oravecz Imre, Petri Gyötgy et al; az utószót írta Rab Zsuzsa; Vál. Bolgár Magda. Budapest: Magvető Könyvkiadó, 1973. – 161 oldal. – Перевод заглавия: Сын шамана.
5. Ajgi G. A sámán templomai avagy Korszakadék: Versek / ford. Baka István, Bade Anna, Cseh Károly és mások; az előszót írta Tabajdi Csaba. Budapest: Osiris Kiadó, 1998. – 155 oldal. – Перевод заглавия: Храмы жреца.
6. Ajgi G. Csillagkép ablakomban / versek Cseh Károly fordításában. Budapest: Hungarvox Kiadó, 2009. – 80 oldal. – Перевод заглавия: В окно: созвездие.
7. An Anthology of Chuvash poetry / compl. and introd. by Gennady Aygi; transl. by Peter France. London; Boston: Forest books; [Paris]: UNESCO. – 1991.

– XXXV. – 220 p. – Перевод заглавия: Антология чувашской поэзии.

8. Berecz A. Sör dal = Сăра юрри: Csuvas népdalok magyarul. Budapest: Berecz Bt., 2009. – 44 oldal. + 2 CD. – Перевод заглавия: Застольные песни.

9. Budenz J. Reguly csuvas példamondatai // Nyelvtudományi Közlemények. – 1864. – Kiadás 2. – Oldal 189 – 280. – Перевод заглавия: Чувашские предложения-образцы Регули.

10. Csuvas szó: irodalmi antológia / ford. Cseh Károly, Képes Géza, Matuz Julianna, Oravecz Imre, Rab Zsuzsa; Vál., szerk. Cs. Varga István. – Eger: Megyei Könyvtár. – 1985. – 99, [5] oldal. – Перевод заглавия: Чувашское слово.

11. Fältens ögon: en tjuvasjisk antologi / sammanställd av Gennadij Ajgi; översatt från ryskan av Annika Bäckström. Sätaröd: Ariel, 2004. – 282, [6] s. – Перевод заглавия: Глаза полей: чувашская антология.

12. I Canti dei popoli del Volga: Antologia ciuvascia / autore della prefazione e il compositore G. Ajgi; edizione italiana a cura di Gianroberto Scarcia e Alessandra Trevisan. Roma: Arti Grafiche Scialia Editrice, 1986. – 288 p. – Перевод заглавия: Песни народов Поволжья: чувашская антология.

13. Ivanov K. Narszpi, szép leány / ford. A. Bede. – Eger, 1977. – 83 p. – Перевод заглавия: Нарспи, красивая девушка.

14. Liszina E. Egy darab kenyér // Forrás. – 2016. – № 11. – Oldal 139–147. – Перевод заглавия: Кусок хлеба.

15. Liszina E. Mielőtt beköszönt a tél // Forrás. – 2020. – № 2. – Oldal 36–42. – Перевод заглавия: Предзимье.

16. Mese a tölgyfa tetején: csuvas mesék / ford. Agyagási Klára, Czeglédi Katalin, Hering Margit, Róna-Tas András, Szalontai Judit és Zahemszky László. Budapest: Európa, 1977. – 275 oldal. – Перевод заглавия: Сказка на вершине дуба: чувашские сказки.

17. Mészáros G. Csuvas népköltési gyűjtemény: [két kötetben]. – Budapest, 1909–1912. – Перевод заглавия: Сборник чувашского фольклора.

18. Reguly A. Két csuvas mese // Nyelvtudományi Közlemények. – 1881. – Kiadás 16. – Oldal 157–164. – Перевод заглавия: Две чувашские сказки.

19. Rokonok söre (csuvas népköltészet) / szerk. Berecz András, Teleki László. Budapest, 2001. – 191 oldal. – Перевод заглавия: Пиво родственников (чувашская народная поэзия).

20. Róna-Tas A. Csuvas mesék // Népek meséi, szerk. Karig Sára. – Budapest, 1977. – 275 oldal. – Перевод заглавия: Чувашские сказки.

21. Takács M. Eva Liszina: Egy darab kenyér: Egy csuvas novella magyarra fordításá nak tapasztalatai // Forrás. – 2016. – № 11. – Oldal 137–152. – Перевод заглавия: Ева Лисина: Кусок хлеба: опыт перевода чувашского рассказа на венгерский язык.

22. Vikár L., Bereczki G. Chuvash folksongs. Budapest, 1979. – 579, 54 oldal. – Перевод заглавия: Чувашские народные песни.

УДК 811.161.1, 81'24

**ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

А. В. Хизниченко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
филологический факультет, НИ Томский государственный университет, Томск*

Аннотация. В связи с установкой Министерства образования и науки РФ на интернационализацию и экспорт образования с каждым годом растет количество иностранных студентов в российских вузах, что влечет за собой необходимость новых организационных и методических решений в сфере обучения русскому языку как иностранному. В Томском государственном университете реализуется Проект, целью которого является совершенствование системы обучения русскому языку как иностранному и формирование у иностранных студентов языковых компетенций, позволяющих им успешно обучаться на основных образовательных программах и осуществлять коммуникацию в профессиональной сфере. В статье представлены направления деятельности и результаты Проекта за 2021 год.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, интернационализация, языковые компетенции

Summary. In connection with the attention of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the internationalization and export of education, the number of international students in Russian universities is growing every year, which entails the need for new organizational and methodological decisions in the field of teaching the Russian language as a foreign language. Tomsk State University is implementing a project aimed at improving the system of teaching the Russian language as a foreign language and creating language competencies among international students that allow them to successfully study at the main educational programs and carry out communication in the professional sphere. The article presents the activities and results of the Project for 2021.

Key words: Russian as a foreign language, internationalization, language competencies

В связи с установкой Министерства образования и науки РФ на интернационализацию и экспорт образования с каждым годом растет количество иностранных студентов в российских вузах. С одной стороны, укреплению позиций российского образования на глобальном рынке способствуют государственные целевые программы (проекты «5-100» и «Приоритет 2030», программа мегагрантов), с другой стороны, высшая школа разрабатывает новые образовательные программы, массовые открытые онлайн-курсы, обучающие платформы, интерактивные учебники, вовлекает в свою деятельность новых иностранных партнеров. На вопрос о причинах выбора российских образовательных организаций почти треть иностранных студентов (27% опрошенных) отвечают, что ключевым критерием выбора является «высокое качество образования» («приемлемую стоимость обучения» отметили 24% опрошенных) [1]. Таким образом, встает вопрос о необходимости появления новых

организационных и методических решений в сфере обучения русскому языку как иностранному (далее РКИ), которые обеспечили бы высокое качество образовательных услуг даже при увеличении количества иностранцев с разным «входным» уровнем владения языком. Вариант решения этой проблемы был предложен в рамках стартовавшего в 2018 году проекта «Формирование языковых компетенций в области русского языка у иностранных студентов Томского государственного университета» (далее Проект).

Национальный исследовательский Томский государственный университет входит в топ-20 университетов России по числу иностранных учащихся, по данным на 14.01.2022 г. их количество составляет 3116 (всего 15000 студентов из 70 стран). Цель Проекта – совершенствование общеуниверситетской системы обучения русскому языку как иностранному и ее методического сопровождения. Данная цель включает повышение эффективности обучения иностранных студентов и формирование языковых компетенций, которые позволили бы учащимся воспринимать учебный материал на русском языке и общаться в устной и письменной формах, в том числе для выполнения научно-исследовательской работы.

В 2018-2020 гг. в рамках Проекта организованы кампусные курсы по РКИ: более 70-75 % слушателей курсов ежегодно повышали свой уровень владения русским языком и переходили на следующую ступень обучения. Анонимное анкетирование студентов выявило высокую оценку качества и эффективности курсов (на «хорошо» и «отлично» курсы оценили более 90 % опрошенных) для обучения на основных образовательных программах. Однако в связи с факультативным статусом курсов и тем, что в разные годы на них обучалось от 15 до 27 % от общего числа иностранных студентов ТГУ, в 2020-21 гг. предприняты меры по интенсификации обучения и его методическому сопровождению: организованы специализированные курсы по РКИ на пяти факультетах, летние языковые школы для студентов и абитуриентов. В 2020 году в целях повышения эффективности работы концепция Проекта была пересмотрена в сторону увеличения нагрузки по РКИ в структурных подразделениях, а также реализации программы переподготовки преподавателей и создания кафедры русского языка как иностранного на базе филологического факультета. Основные направления деятельности Проекта в 2020-2021 учебном году:

1. Обучение иностранных студентов русскому языку до уровня, достаточного для освоения основных образовательных программ бакалавриата и магистратуры:

а) Кампусные курсы по РКИ – группы А0-В2+, 4 часа в неделю. Успешно завершили обучение 107 из 117 студентов (91,4 %), из них 85 студентов (79,4 %) смогли продолжить обучение в группе более высокого уровня в 2021-22 учебном году, остальные получили рекомендации продолжать обучение в группе того же уровня.

б) «Ядро РКИ» – экспериментальная площадка, в рамках которой на пяти факультетах реализуются курсы по РКИ (4 часа в неделю) и языку специальности (2 часа в неделю). Успешно завершили обучение 65 студентов.

в) Летняя школа – интенсив (группы А2-В1), состоящий из курса РКИ (4 часа в день, всего 60 часов) и программы внеучебных мероприятий (раз-

говорный клуб, конкурс «Кулинарный поединок», челлендж «Скороговорки с ТГУ», онлайн-экскурсии в музеи ТГУ, презентации программ). Успешно завершили обучение 63 слушателя школы (90 %).

г) Организация учебно-методического сопровождения процесса обучения русскому языку иностранных студентов – участников Проекта и анализ динамики их достижений; организация программы переподготовки и методических семинаров для преподавателей, работающих с иностранными студентами.

Реализованы следующие форматы методических семинаров: лекции для преподавателей-«предметников», «обмен опытом» (РУДН, Тамбовский государственный университет), «открытый урок» (мастер-классы по проведению занятий по РКИ), доклад на методическом совете университета. Программу переподготовки «Преподаватель русского языка как иностранного» успешно завершили 16 сотрудников ТГУ.

Создание учебно-методических комплексов по русскому языку как языку специальности, позволяющих иностранным абитуриентам и обучающимся учиться в ТГУ на программах основного и включенного обучения на русском языке. В рамках Проекта изданы пособия по языку экономики [2] и физики [3], готовятся к публикации пособия по языку истории, информатики и естественным наукам.

Учебно-методическое сопровождение иностранных обучающихся для участия в конкурсах и смотрах научных и творческих работ, в олимпиадах по РКИ.

В 2021 г. с целью повышения интереса к изучению русского языка, развития коммуникативной компетенции иностранных студентов, создания условий для реализации творческого потенциала обучающихся проведен общеуниверситетский творческий конкурс «Для меня Россия – это...». Участниками конкурса стали 57 студентов, аспирантов и слушателей факультета довузовской подготовки ТГУ из 13 стран. В номинации «Графический и текстовый контент» были представлены эссе, плакаты, презентации, коллажи, рисунки; в номинации «Аудиовизуальный контент» – видео, слайд-шоу.

Преподаватели Проекта ежегодно готовят иностранных студентов ТГУ для участия в олимпиадах по РКИ (ТПУ, СпбГУ, РУДН), фестивале МГУ, конкурсах (например, международный творческий конкурс эссе «Сила мысли – сила слова» на базе Пятигорского государственного университета).

В 2020 году на базе сайта Центра тестирования иностранных граждан ТГУ разработана и внедрена в образовательный процесс автоматизированная система тестирования по РКИ. В 2021 году началась работа по созданию платформы.

Результаты Проекта способствовали повышению общего уровня владения русским языком у иностранных студентов ТГУ, стимуляции интереса к изучению РКИ за счет учебных и внеучебных мероприятий, а также качественному росту уровня методической подготовки и мотивации профессорско-преподавательского состава, работающего с иностранными студентами.

Список использованных источников

1. Брылякова М. По числу иностранных студентов Россия побил рекорды СССР [Электронный ресурс] // Аккредитация в образовании. – 2017. – № 94. – https://akvobr.ru/po_chislu_inostrannyh_studentov_rossiya_pobila_rekordy_ussr.html (дата обращения 1.02.2022).

2. Понкратова Е. М., Иванова Л. А. Язык специальности. Экономика: учебно-методическое пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. – 125 с.

3. Шевчик А. В. Язык физики: учебное пособие по языку специальности для иностранных студентов. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. – 84 с.

УДК 372.881.1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ДЕТСКИХ ДОШКОЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РОССИИ И КИТАЯ

Ху Чжюань,

аспирант кафедры педагогики и психологии детства, факультет дошкольного образования, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск

А. В. Выбойщик,

кандидат технических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики обучения иностранным языкам, факультет иностранных языков, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск

Аннотация. Выполнено сравнение теории и методики изучения иностранных языков в детских дошкольных организациях России и Китая, в ходе которого сделан вывод о том, что система изучения иностранных языков в детских дошкольных организациях Китая требует совершенствования в части разработки теоретической основы, четкого формирования целей, детализации возраста дошкольников, разработки списка рекомендованной художественной литературы.

Ключевые слова: Россия, Китай, детские дошкольные организации, изучение иностранных языков, образовательные стандарты.

Summary. A thorough comparison of theoretical and methodological basics of learning foreign languages in preschool organizations in Russia and China has concluded that the system of learning foreign languages in preschool organizations in China needs improving in terms of developing a theoretical framework, clearly stating distinct objectives, detailing the age of preschoolers, developing a list of recommended fiction.

Key words: Russia, China, preschool organizations, learning foreign languages, educational standards.

Как известно, использование языка, сначала родного, а впоследствии и иностранного, позволяет дошкольникам развивать навыки межличностного общения, способность понимать своих сверстников, более старших детей и взрослых, а также оценивать различные ситуации общения и создавать собственные идеи. Поэтому развитие речи является одним из аспектов изучения языков, в т.ч. иностранных, в детских дошкольных организациях.

В научной и методической литературе России и Китая освещались результаты компаративных исследований изучения иностранных языков в детских дошкольных организациях обеих стран. Однако до настоящего

времени не было выполнено сравнение образовательных стандартов и рабочих программ двух стран, что, в свою очередь, не позволило сделать вывод о возможности взаимодействия дошкольного образования России и Китая.

Системы изучения иностранных языков в детских дошкольных организациях России и Китая имеют схожие принципы и методы, что связано в первую очередь с тем, что национальная система дошкольного образования Китая, созданная в 1950-х гг., основана на принципах советского дошкольного образования. Как отмечено в [18, 20], для создания и развития системы детских дошкольных организаций в 1949-1959 гг. в Китай было откомандировано свыше 760 советских преподавателей, при помощи которых было создано 337 кафедр и 560 научных и методических лабораторий в педагогических институтах и университетах. За первое десятилетие существования народной власти в Китае было подготовлено свыше 4000 аспирантов и 7000 педагогов, и за этот же период подготовку и повышение квалификации в СССР прошли более 10000 педагогов из Китая, в т. ч. в области дошкольного образования.

В то же время отмечено [18], что в последние десятилетия в детских дошкольных организациях и России, и Китая произошли изменения, направленные на признание развития детей как основной цели дошкольного образования.

Все вышеотмеченное приводит к необходимости проведения общего сравнительного анализа изучения иностранных языков в детских дошкольных организациях России и Китая. Сравнение китайского «Руководство для обучения и развития детей 3–6 лет» [15] и российского «Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» [17] позволило выявить, что стандарты изучения иностранных языков в детских дошкольных организациях обеих стран включают 5 аспектов. В российской системе дошкольного образования к таким аспектам относятся следующие: социально-коммуникативное развитие; познавательное развитие; речевое развитие; художественно-эстетическое развитие; физическое развитие. В китайской системе дошкольного образования к таким аспектам относятся следующие: здоровье; речевое развитие; общество; наука; искусство. Таким образом, речевое образование является одним из аспектов в системе дошкольного образования как России, так и Китая.

Для более детального сравнения аспектов образования в детских дошкольных организациях Китая и России были сформулированы и решены следующие задачи:

1. Сравнить образовательные стандарты в области речевого образования двух стран;
2. Сравнить основанные на образовательных стандартах рабочие программы в области речевого образования двух стран;
3. Сравнить методики реализации образовательных стандартов и рабочих программ речевого образования двух стран;
4. Сравнить педагогические условия реализации речевого образования двух стран.

Теоретическая основа проведённых исследований изложена в концепциях психологической природы развития речи, механизма развития и особенностей речи, культурно-исторического развития психики человека [1, 2,

3] и психолого-педагогической теории деятельности [12, 14].

В качестве методов исследования были, помимо прочего, выбраны:

1. анализ нормативной и научной литературы по проблеме преподавания языков, в т.ч. иностранных, в детских дошкольных организациях Китая и России;

2. анкетирование воспитателей, родителей дошкольников, студентов, проходящих практику в детских дошкольных организациях;

3. интервьюирование руководителей детских дошкольных организаций;

4. наблюдение за детьми в детских дошкольных организациях по специально разработанным программам.

В качестве научно-исследовательской базы были взяты:

1. нормативные источники и методические материалы в области языкового образования в детских дошкольных организациях Китая и России;

2. результаты исследования по трём различным аспектам работы детских дошкольных организаций Китая;

3. результаты анализа более 10 000 китайских и российских художественных литературных произведений, используемых в детских дошкольных организациях Китая.

Анализ нормативной [15, 17] и методической [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 16] литературы показал, что система преподавания языков, в том числе иностранных, в детских дошкольных организациях Китая и России имеет определенные сходства. В образовательных стандартах обеих стран большую роль играет речевое развитие. В частности, указано, что речевое развитие, будучи одним из 5 аспектов дошкольного образования, является ядром дошкольного образования. Цели обучения детей языкам, в том числе иностранным, в детских дошкольных организациях обеих стран совпадают. Отмечено, что обучение языку и литературе в детских дошкольных организациях является основой обучения в начальной школе. В образовательных стандартах обеих стран признано, что языковые навыки, в том числе при обучении иностранным языкам, развиваются путём общения детей.

В то же время анализ нормативной и методической литературы показал и существование различий в образовательных стандартах, содержании и конкретных методах речевого развития.

В российской программе дошкольного образования используются традиции российской культуры и теоретические основы, заложенные в общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева [12] и культурно-историческом подходе Л. С. Выготского [1, 2, 3]. В китайской программе дошкольного образования теоретические основы чётко не сформулированы.

В российской программе дошкольного образования изучение языка, в том числе иностранного, предполагает достижение следующих пяти целей: развитие устной речи; формирование словаря; формирование фонетической культуры речи; формирование речевой грамматики; формирование связной речи. В китайской программе дошкольного образования изучение языка не имеет подробно разработанных целей.

В российской программе дошкольного образования возраст от 0 до 7 лет разделяется на шесть периодов: младенческая группа; первая группа раннего возраста; вторая группа раннего возраста; младшая группа; сред-

няя группа; старшая группа. В китайской программе дошкольного образования возраст от 0 до 7 лет разделяется только на три периода: младшая группа, средняя группа, старшая группа.

В российской программе дошкольного образования возраст для детских дошкольных организаций предлагается большой список художественной литературы для чтения. В китайской программе дошкольного образования рекомендуемого списка художественной литературы не предлагается.

Таким образом, для дальнейшего развития системы изучения иностранных языков в дошкольном образовании Китая необходимо выполнить следующие рекомендации:

1. разработать теоретическую основу изучения иностранных языков;
2. сформировать цели изучения иностранных языков;
3. детализировать возраст дошкольников;
4. разработать список рекомендованной художественной литературы при изучении иностранных языков.

Выполнение указанных рекомендации позволит существенно повысить уровень преподавания иностранных языков в детских дошкольных организациях Китая, что, в том числе, будет способствовать взаимодействию дошкольного образования России и Китая.

Список использованных источников

1. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. М., СПб.: Союз, 1997. – 224 с.
2. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб.: Союз, 1997. – 96 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь: изд. 5-е, испр. М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
4. Гербова В. В. Занятия по развитию речи в первой младшей группе детского сада. Планы занятий. М.: Мозаика-Синтез, 2008. – 77 с.
5. Гербова В. В. Занятия по развитию речи в подготовительной к школе группе детского сада. Планы занятий. М.: Мозаика-Синтез, 2010. – 53 с.
6. Гербова В. В. Занятия по развитию речи в средней группе детского сада. Планы занятий. М.: Мозаика-Синтез, 2010. – 48 с.
7. Гербова В. В. Занятия по развитию речи в старшей группе детского сада. Планы занятий М.: Мозаика-Синтез, 2010. – 142 с.
8. Гербова В. В. Занятия по развитию речи во второй младшей группе детского сада. Планы занятий. М.: Мозаика-Синтез, 2008. – 105 с.
9. Гербова В. В. Приобщение детей к художественной литературе. Программа и методические рекомендации: Для занятий с детьми 2–7 лет. М.: Мозаика-Синтез, 2005. – 13 с.
10. Гербова В. В. Развитие речи в детском саду. Программа и методические рекомендации для занятий с детьми 2–7 лет / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мозаика-Синтез, 2008. – 58 с.
11. Гербова В. В. Развитие речи в разновозрастной группе детского сада. Младшая разновозрастная группа сада. Планы занятий. М.: Мозаика-Синтез, 2010. – 134 с.
12. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. – 130 с.
13. Регламент работы детского сада. Министерство образования Китай-

ской Народной Республики. Отдел базового образования. –1996. – №.25. – 25 с.

14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Издательство: Питер, 2002. – 720 с.

15. Руководство обучения и развития 3–6 лет детей. Министерство образования Китайской Народной Республики. Отдел базового образования.–2012. – №.4. – 64 с.

16. Руководящие основы воспитания детского сада. Министерство образования Китайской Народной Республики. Учебная база. – 2001. – № 20.– 33 с.

17. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г. № 1155: – Текст: электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154637/1ad1a834f2604827f926f8d5c5e7251c500a26cd/ (дата обращения: 06.02.2022).

18. Цзун Чэнцзюй. Сравнительный анализ модернизации систем дошкольного образования России и Китая в конце XX – начале XXI вв.: автореф. ... дис. кан. пед. наук. Улан-Удэ, 2018. – 24 с.

19. Цин Хэ, Коротаева Е. В., Белоусова С. С. Дошкольное образование в Китае: этапы становления и развития // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 4. – С. 55–61.

УДК: 821.161.1:81'255.2

«ЛАНДШАФТ НАСТРОЕНИЯ» В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК¹¹

В. В. Черткова,

*аспирант кафедры романо-германской филологии, Филологический факультет,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск*

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ образа степи как «ландшафта настроения» в оригинале повести А. П. Чехова «Степь» и ее англоязычных переводах, выполненных А. Кей (1915), К. Гарнет (1919), Р. Хингли (1980), А. Миллером (1989), Р. Уилксом (2001) и Р. Пивером и Л. Волохонской (2004).

Ключевые слова: А. П. Чехов; повесть «Степь», англоязычная рецепция, «ландшафт настроения»

Summary. The article presents a comparative analysis of the image of the steppe as «landscape of mood» in Chekhov's original novella «The Steppe» and its English translations made by A. Kaye (1915), C. Garnett (1919), R. Hingley (1980), A. Miller (1989), R. Wilks (2001) and R. Pevear and L. Volokhonsky (2004).

Key words: A. P. Chekhov, novella «The Steppe», English reception, «landscape of mood»

Написанная в 1888 г. А.П. Чеховым повесть «Степь» стала этапной в творчестве писателя и знаменовала собой не только «дебют в толстом журнале», но и пропуск в «большую литературу». Повесть бессюжетна, в ее основе лежит история поездки мальчика Егорушки по степи. По мнению многих чеховедов, описательный характер определил основной замысел пи-

¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90031

сателя. Пейзажные картины являются не отступлениями или фоном событий, а самостоятельным предметом изображения и рефлексии автора.

В рамках данного исследования мы обратились к англоязычным переводам повести, выполненным А. Кей [8], К. Гарнет [9], Р. Хингли [10], А. Миллером [11], Р. Уилксом [12] и Р. Пивером и Л. Волохонской [13], которые до сих пор не становились предметом специального рассмотрения, с целью изучения проблемы воссоздания в них ключевых репрезентантов образа степи как «ландшафта настроения».

Ярко представленная в повести протяженность и бесконечность степных просторов своим однообразием навеивает героям мрачные мысли о бессмысленности их жизни. Рассматривая степь как «ландшафт настроения», следует выделить такие входящие в образ труднопереводимые на язык иной ментальности словесные мотивы, как «тоска», «скука» и «одиночество», которые также отражают философское содержание повести. Согласно А. Б. Криницыну, удручающее, обесмысливающее все однообразие и в то же время нескончаемая новизна являются двумя модусами восприятия жизни, лежащими в основе всего художественного мировосприятия Чехова [3].

Слово «тоска» относится к числу «ключевых слов» русской культуры, которые непередаваемы полностью на другие иностранные языки [1, с. 10]. Как отмечает А. Д. Шмелев, человеку, не знакомому с тоской, трудно объяснить ее суть. Словарные определения («тяжелое, гнетущее чувство, душевная тревога», «гнетущая, томительная скука», «скука, уныние» и др.) чаще всего характеризуют родственные тоске душевные состояния, но не тождественные ей. Исследователь называет наиболее точным развернутое определение: «Тоска – это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утерянное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях» [1, с. 31]. В то же время отмечается, что в русском сознании тоска неразрывно связана с феноменом пространства (в особенности – ее избытком) [6].

Современные исследователи подчеркивают, что в глубоко психологическом творчестве Чехова тоска заняла особое место: «О тоске Чехов писал так, что она стала опознавательным знаком его творчества. <...> Человек тоскующий – главный объект чеховского внимания» [4, с. 10]. В «Степи» чувство тоски вызывает простор, который своей бескрайностью и необозримостью замедляет и останавливает время.

Результаты сравнительного анализа позволяют говорить о широкой вариативности эквивалентов слова «тоска», предложенных переводчиками чеховской повести на английский язык, при этом нам не удалось обнаружить явных закономерностей в индивидуальном контекстуальном подборе таких эквивалентов в большинстве переводов. В переводах Кей, Гарнет, Хингли, Миллера и Уилкса мотив тоски распадается на ряд составляющих, значительная часть которых отдаляются по своему значению от оригинала. Среди них, например, «woes», означающая крупные беды, неприятности или большое несчастье; «complaint / complaining», отражающие факт выражения какого-либо недовольства; «sorrows» – чувство большой печали из-за того, что случилось что-то плохое; «sense of desolation» – ощущение покинуто-

сти, опустошения и одиночества; и др.

Перевод Пивера и Волохонской отличается большей последовательностью, в восьми из десяти случаев употребления «тоски» и ее производных переводчики использовали слова «anguish» / «anguished», в которых передается значение сильной душевной боли, однако не раскрывается ее возможная причина. Лишь в двух фрагментах переводчики выбрали единицы со значением, подчеркивающим отдельные семантические составляющие русской «тоски». Слово «longing» указывает на интенсивность охватившего всех героев чеховской повести чувства, а «languish» подчеркивает его продолжительный характер. Сохранение авторского повтора в переводе Пивера и Волохонской, благодаря которому акцентируется глубина испытываемого чувства бессмысленности жизни, но при этом также актуализируются и другие ключевые семы оригинальной «тоски», в общей картине приближает англоязычного читателя к авторской задумке.

Стоит отметить, что в переводе Гарнет и Миллера чеховская «тоска» частично сливается с другим важным мотивом повести – мотивом скуки. В варианте Гарнет это происходит посредством использования общей для них единицы «dreariness» (чувство вялости или уныния), в переводе Миллера – «misery» / «miserable» (несчастье / несчастный).

Оригинал: *Загорелые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски...* [7, с. 16–17].

Перевод Гарнет: *The sun-baked hills, brownish-green and lilac in the distance, with their quiet shadowy tones, the plain with the misty distance and, arched above them, the sky, which seems terribly deep and transparent in the steppes, where there are no woods or high hills, seemed now endless, petrified with dreariness...* [8, p. 167].

Оригинал: *Летит коршун над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни, потом встряхивает крыльями и стрелою несется над степью, и непонятно, зачем он летает и что ему нужно* [7, с. 17].

Перевод Гарнет: *A hawk flew just above the ground, with an even sweep of its wings, suddenly halted in the air as though pondering on the dreariness of life, then fluttered its wings and flew like an arrow over the steppe, and there was no telling why it flew off and what it wanted. In the distance a windmill waved its sails...* [8, p. 167]

«Скука», как отмечают чеховеды, – особое слово в словаре писателя, «с особым бытованием и способом употребления, слово-идеологема, в которое вложен сверхсмысл» [5]. С начала повести скука окружает Егорушку, являясь то в образе природы («Зной и степная скука утомили его»), то в образе человека («При виде счастливого человека всем стало скучно и захотелось тоже счастья»). При этом, как отмечает В.К. Зубарева, в один момент скука одолевает мальчика, в другой – мальчик скуку, благодаря чему создается картина противоборства [2, с. 14].

В переводах мотив скуки представлен также в широком многообразии эквивалентов. Наиболее точным и целостным мотив скуки передан в

переводе Пивера и Волохонской, где в пятнадцати из шестнадцати случаев употребления переводчики выбрали близкие по смыслу «bored» / «boredom», выражающие чувство скуки, усталости из-за отсутствия интереса к чему-либо. Другой эквивалент, выбранный авторами, – «dull» – характеризует что-либо как скучное и не вызывающее интерес, что также достаточно точно передает семантику оригинала.

В остальных переводах проявляется значительная раздробленность мотива скуки. Так, наибольшая вариативность эквивалентов представлена в переводе Кэй, где переводчица использовала как близкие по своему значению оригиналу слова «tediousness» (чувство усталости из-за монотонной деятельности), «sheer boredom» (абсолютная скука) и др., так и семантически более отдаленные единицы «nuisance» (неприятность), «not feeling amused» (не чувствуя удивления), «vexed» (раздраженный) и др. В переводах Гарнет, Хингли, Миллера и Уилкса отмечается также усиление эмоциональной составляющей мотива посредством употребления единиц «depressed» (угнетенный), «oppressive» (гнетущий) и «miserable» (несчастный), характеризующее крайне подавленное состояние человека.

Другой важный словесный мотив в «Степи» – мотив одиночества. В творчестве Чехова одиночество неразрывно связано с философскими размышлениями писателя. Степь – широкое, свободное, пустое и открытое для всех пространство – является образом, ярко воплощающим этот мотив.

Во всех рассмотренных переводах мотив одиночества передан непосредственно, однако, в целом, он представлен сравнительно небольшим количеством вариаций: *solitary / solitariness – solitude – isolated – lone – alone – lonely / loneliness*. Все единицы переводятся на русский язык как «одинокий», однако только «lonely» / «loneliness» имеют эмоциональную окраску грусти и печали, остальные единицы характеризуют лишь состояние нахождения вдали от других.

Во всех переводах эмоциональная составляющая мотива одиночества менее выражена по сравнению с оригиналом: в большинстве случаев переводчики отдавали предпочтение единицам, констатирующим лишь фактическое состояние нахождения в одиночестве. В частности, в интерпретации Миллера, где переводчик выбрал единицы *solitude – solitary – alone*, она отсутствует полностью.

Наибольшее воплощение она получила в переводах Кэй и Пивера и Волохонской, при этом в переводе Кэй не прослеживается какая-либо закономерность в выборе различных эквивалентов, в то время как в варианте Пивера и Волохонской эквиваленты с семантикой физического одиночества (*solitary – alone*) отмечаются в описаниях природы, а во фрагментах с философскими рассуждениями автора преобладают единицы с эмоциональной окраской (*lonely – loneliness*).

Проведенное исследование показало, что переводимость образа степи в значительной мере ограничена в той его части, где он соотносится с национально-культурными смыслами. Трансформации ключевых мотивов в повести связаны как с культурно-языковыми различиями, так и с индивидуальными стратегиями переводчиков, по-разному оценивающих значимость этих мотивов в оригинале. Из всех рассмотренных переводов

повести лишь в варианте Пивера и Волохонской прослеживается особое внимание авторов к передаче ключевых репрезентантов образа степи как «ландшафта настроения».

Список использованных источников

1. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
2. Зубарева В. Настоящее и будущее Егорушки: «Степь» в свете позиционного стиля // Десять шагов по «Степи» (Ten Steps along the «Steppe»). Charles Schlacks, Jr. Publisher Idyllwild, CA. – С. 6–33.
3. Криницын А. Семантика образа степи в прозе Чехова // Молодые исследователи Чехова. М.: Изд-во Московского госуниверситета, 1998. – С. 138–149.
4. Порус В. Н. Тоска по бытию (А. П. Чехов и философия культуры) // Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2011. – № 3. – С. 8–26.
5. Семкин А. Скучные истории о скучных людях? // Нева. – 2012. – № 8. – URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2012/8/skuchnye-istorii-o-skuchnyh-lyudyah.html> (дата обращения 20.01.2022).
6. Чеснокова Л. В. Концепты экзистенциального страха и тоски в немецкой и русской культурах: основные черты сходства и различия // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – № 1 (19). – С. 39–45.
7. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. – Т. 7. – 1977. – 735 с.
8. Chekhov A. The Steppe // The steppe and other stories / tr. by A. L. Kaye. – N. Y.: Books for Libraries Press, 1970. – P. 3–127.
9. Chekhov A. The Steppe // The Bishop and Other Stories / tr. by C. Garnett. – N.Y.: The Macmillan Company, 1919. – P. 161–302.
10. Chekhov A. The Steppe // The Steppe and Other Stories / tr. and ed. by R. Hingley. – N.Y.: Oxford University Press, 1998. – P. 1–81.
11. Chekhov A. The Steppe / tr. by A. Miller // Anton Chekhov. Collected Works in 5 Volumes. – Volume Three (Stories 1888–1894). – M.: Raduga Publishers, 1989. – P. 9–122.
12. Chekhov A. The Steppe // The Steppe and Other Stories / tr. by R. Wilks. – Penguin Books, 2003. – P. 3–101.
13. Chekhov A. The Steppe // The Complete Short Novels / tr. by R. Pevear and L. Volokhonsky. – N.Y.: Vintage Classics, 2004. – P. 1–114.

УДК 811

ПОВЕСТЬ Н. В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ»: ПОИСК ЭКВИВАЛЕНТОВ**А. С. Шолохова,***кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
ФГБУН Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва*

Аннотация: В статье анализируются некоторые английские и немецкие переводы повести Н. В. Гоголя «Шинель». Перед переводчиками стояла огромная задача передать все те элементы языка подлинника, которые представляют отклонения от общей языковой нормы, а ведь именно они составляют личный тон автора, гоголевскую манеру повествования и вызывают определенные трудности при переводе на иностранный язык.

Ключевые слова: лингвистика, Н. В. Гоголь, художественный текст, перевод, поиск эквивалентов, интерпретация текста.

Summary: The article analyzes some English and German translations of N. V. Gogol's story «The Overcoat». The translators had a huge task to convey all those elements of the source language that represent deviations from the general language norm, and particularly these elements make up the author's personal tone, Gogol's style of narration and cause certain difficulties in the context of translating into a foreign language.

Keywords: linguistics, Gogol N. V., literary text, translation, text interpretation, equivalents.

Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» принадлежит к числу тех произведений, которые пользуются за рубежом наибольшим вниманием. «Шинели» посвящены не только статьи, сообщения, но и специальные книги.

Повесть переведена на многие языки мира (более 25). Первые ее переводы стали появляться вскоре после публикации оригинала на фоне увеличения в середине XIX века интереса к творчеству русских писателей. Так, в 1844 г. вышел польский перевод, в 1847 г. – чешский, в 1851 г. – немецкий, в 1856 г. – французский, в 1886 г. – английский. Целью ранних переводов было знакомство европейской публики с повестью как с одним из лучших образцов русской литературы. Значительно позднее появились переводы на азиатские языки – в 1921 г. – китайский, а в 1952 г. – корейский.

Перевод – это своеобразная трактовка текста оригинала, которая передает художественное произведение, написанное на одном языке, средствами другого. Наиболее существенным и трудным моментом в данном процессе является способность переводчика воссоздать образный мир художественного произведения, сохранив, по возможности, стиль и слог автора.

Все те элементы языка, которые выделяются на фоне общеупотребительных норм, вызывают определенную сложность при переводе, поскольку они имеют ярко выраженную национальную окраску, и при передаче их на иностранный язык не всегда можно пользоваться соответствующими единицами языка перевода.

Для текстологического анализа в качестве источника был взят оригинальный текст «Шинели» Н. В. Гоголя и различные варианты его перевода на английский («The Overcoat» translated by David Magarshak (1955) и «The Overcoat»

translated by R. Pevear and L. Volokhonsky (1998)) и немецкий языки («Der Mantel» von Johannes von Guenther (1952) и «Der Mantel» von R. Kassner (1912)).

Основой текста «Шинели» является сказ. Манера сказа строится на стилизации разговорной речи, на желании передать живые речевые эмоции, на стремлении создать в литературном повествовании иллюзию устной монологической речи, принадлежащей не автору, а рассказчику. Именно Гоголь впервые широко ввел сказ в русскую прозу.

Используя в своем повествовании разговорную речь, Гоголь освобождается от традиционно книжных приемов, заставляет читателя самого чувствовать манеру и характер говорящего, убеждает в достоверности происходящего. Богатство интонаций разговорного языка, простая структура предложений, эмоционально окрашенные и типичные для устной речи слова – все это заметно отличает и индивидуализирует язык произведений писателя: «В словаре Гоголя есть особенности, выражения, какие мы не привыкли встречать в обиходной речи; обыденная речь даже чуждается их; но в большинстве случаев Гоголь говорит тем языком, которым говорят самые обыкновенные люди – и, однако, только Гоголь умел воспроизвести эту речь. В этом его тайна». [3, с. 9]

Впечатление разговорности, спонтанности, непосредственности повествования создается, таким образом, путем воспроизведения в нем целого ряда особенностей типичных для устного, живого языка. Прежде всего, это определенный порядок слов, особые интонационные модели, словосочетания и выражения, типичные для разговорной речи.

Обратимся к ряду примеров.

Исключительной особенностью гоголевского текста является его ритмическая структура. Акустический эффект усиливается здесь рядом повторов, пауз, аллитерацией, нестандартной расстановкой слов. Все это придает повествованию изобразительность и красочность.

При переводе ритмически значимых слов и выражений важно не буквально воспроизвести ту или иную интонацию, тот или иной звуковой ряд, поскольку у каждого языка свой фонетический строй. Задача переводчика – воссоздать ритмические формы как часть авторского текста.

При описании внешности Акакия Акакиевича Н. В. Гоголь использует следующее выражение – «*был он несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат*». В этом примере четко выделяется его ритмическая структура, слова подобраны не по принципу обозначения характерных черт, присущих главному герою, а по принципу звукового эффекта. И английские, и немецкие переводчики употребляют в данном случае прием буквального перевода и объяснения. Вот один из немецких вариантов – «*etwas pockennarbig, hatte ziemlich rote Haare und, wenn der Schein nicht trog, recht schwache Augen*» (И. Гюнтер). Вместе с тем, пытаясь восполнить ритмические потери, возникшие при переводе, и в качестве приема компенсации И. Гюнтер вводит идиоматическую единицу немецкого языка – «*der Schein trügt*» (*внешность обманчива*).

Рассмотрим еще один пример с четко выделенной рифмой. Говоря о служебном положении Акакия Акакиевича, Гоголь употребляет такую фразу – «*выслужил он пряжку в петлицу, да нажил геморрой в поясницу*». В этом случае наибо-

лее интересным является один из английских переводов – «*a feather in his hat and hemorrhoids where he sat*» (Р. Пивеар, Л. Волохонская). Переводчики придумали свое выражение, которое в достаточной степени отображает то общее впечатление, которое производит данное высказывание на читателя.

Как известно, гоголевская манера повествования, его стиль характеризуются не только интонационно-синтаксическим своеобразием, но и особым подбором лексики. Для Гоголя очень характерно использование новой грамматической формы слова. Такие слова не принадлежат к общелитературному языку, являются редко употребительными, а в ряде случаев просто придуманы самим автором.

Рассмотрим, например, такое выражение – «*над которым <...> натрунились и наострились вдоволь*». Используя префиксальный способ словообразования, Гоголь создает новые, несуществующие в русском языке, слова, *-наостриться* и *-натруниться*. На иностранном языке очень трудно воспроизвести все те коннотативные значения, которые несет в себе это высказывание: нестандартную грамматическую форму слов, употребление устаревших, вышедших из обихода глаголов, определенную ритмическую окраску. Перевод этого выражения интереснее всего получился, на наш взгляд, у английских переводчиков Р. Пивеара, Л. Волохонской. Они использовали в данном случае буквальный перевод, но был подобран такой аналог, при котором сохранилась и образная основа высказывания, и его ритмическая структура – «*at whom have sneered and jeered*».

В следующих примерах Гоголь также образует новые, несуществующие в русском языке, глаголы с помощью способа префиксации – «*осмелился затруднить*» и «*совершенно прилгнул*». При переводе этих слов на иностранный язык невозможно сохранить их особую грамматическую форму, которая придает глаголам оттенок разговорности, иронии, неполноты действия. Поэтому и немецкие, и английские переводчики пытаются воспроизвести все эти коннотативные особенности лексически, добавляя в словосочетание наречия, вводные слова, имеющие ту же окраску – «*ich war so frei <...> selber damit zu belästigen*» (И. Гюнтер); «*wenn ich es mir herausnahm <...> persönlich zu bemühen*» (Р. Касснер); «*had told a thumping lie*» (Д. Магаршак); «*was stretching it a bit*» (Р. Пивеар, Л. Волохонская). В данном случае обратим внимание на перевод выражения – «*совершенно прилгнул*», сделанный И. Гюнтером. Переводчик заменяет языковую единицу оригинала близким ей по значению немецким фразеологическим оборотом, употребляемым в разговорной речи – «*dies eine glatte Lüge*».

Среди основных стилистических приемов Гоголя, наиболее ярко проявившихся в «Шинели», можно назвать и авторскую иронию: «Гоголевский юмор окрашивает повествование то в грустные тона, то в злую сатиру. Ирония во всех оттенках: от грустного, сочувствующего подтрунивания до обличительного сарказма - составляет главный нерв повествования даже в далеко не комических ситуациях». [2, с. 7]

Рассмотрим выражение – «*благодаря великодушному вспомоществованию петербургского климата болезнь пошла быстрее*». Данное выражение включает в себя устаревшее слово, которое не входит в состав общелитературного языка – «*вспомоществование*». Употребляя это существительное вместо более привычного читателю, сочетая его с прилагательным *великодушный*, Гоголь подчеркивает иронический смысл высказывания, выделяет

его комическое содержание – ведь речь идет о холодном петербургском зимнем климате. В немецких и английских переводах коннотация устаревшего слова не сохраняется. И. Гюнтер использует достаточно распространенное существительное – *die Unterstützung* (помощь, поддержка), а Р. Касснер заменяет русское существительное стилистически нейтральным немецким прилагательным – *hilfsbereit* (готовый помочь). В обоих английских переводах также использовано нейтральное существительное – *an assistance*.

Еще один пример – «его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и в плечо». «Пропекать» означает – «пронять, прохватить жаром насквозь». Однако по контексту речь идет здесь о холодном, зимнем ветре, задувающим в старую и дырявую шинель Акакия Акакиевича. И. Гюнтер пытается объяснить это выражение, непосредственно передавая его смысл и говоря о холоде, который «кусают в спину и в плечи»: «*die Kälte ... in seine Schultern und den Rücken biß*». Аналогичный способ перевода используют и другие авторы: Р. Касснер – «*ihn da etwas im Rücken und auf den Schultern gar heftig zwicke und beiße*», Д. Магаршак – «*the fierce cold seemed to have no difficulty at all in penetrating to his back and shoulders*»; Р. Пивеар, Л. Волохонская – «*he was... getting it especially in the back and shoulders*». Такой способ перевода совершенно не сохраняет иронической окраски высказывания.

В тексте «Шинели» открывается и ряд других закономерностей, которые, безусловно, вызывают определенные трудности при переводе. Таковыми являются, например, идиоматические выражения.

Любопытным является словосочетание – «вмиг надуло ему в горло жабу». Это устаревшее высказывание, означающее «подхватить воспаление легких, заболеть ангиной». Р. Касснер попытался объяснить данное выражение – «*hatte er sich erkältet*». Прием объяснения используют и английские переводчики – «*his throat became inflamed in no time at all*» (Д. Магаршак), «*instantly caught a quinsy*» (Р. Пивеар, Л. Волохонская). Такое буквальное объяснение данной является одним из наиболее распространенных способов ее передачи, поскольку воспроизвести коннотативное значение оригинала в данном случае практически невозможно. Однако, более интересным является перевод И. Гюнтера – автор по-своему интерпретирует это выражение, вводя собственный эквивалент: «*Der Wind hatte unserem Freund Akakij eins, zwei, drei die schönste Bräune an der Hals geweht*».

Еще одно интересное идиоматическое выражение – «распеченный в пух», означающее «сильно выговорить кому-либо, дать сильный нагоняй». Авторы обоих немецких переводов прибегают здесь к приему объяснения (И. Гюнтер «*so hart gerüffelten unseligen*»; Р. Касснер «*war angeschrieen worden*»). Аналогичный способ использует и Д. Магаршак («*whom he had taken to task so severely*»). В данном случае на иностранном языке не существует непосредственного эквивалента оригиналу, поэтому одним из способов его передачи стало объяснение. Другой возможный прием, который используют английские переводчики Р. Пивеар и Л. Волохонская, – функциональный аналог. Авторы находят такой эквивалент в языке перевода, который передает не только смысл высказывания, но и его образную, эмоциональную и стилистическую окраску – «*roasted-to-ashes*».

Содержание, стиль, интонация текста перевода, безусловно, должны

быть эквивалентны аналогичному сообщению на языке оригинала. Однако одни и те же элементы речи по-разному воспринимаются на языке перевода и на исходном языке, языке оригинала. Кроме того, некоторые из этих элементов переводчик просто не сможет полностью воспроизвести, потому что всегда будет существовать разница культур, традиций, разница предыдущего опыта людей двух стран, которые будут не совпадать между собой. Любой из этих внешних, переменных факторов может существенным образом влиять на характер переводческого процесса.

Список использованных источников:

1. *Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – Том 3. – С. 139–174.*
2. Еремина Л. И. О языке художественной прозы Гоголя. М.: Наука, 1987. – С. 7.
3. Мандельштам И. О характере гоголевского стиля. Спб.: Гельсингфорс, 1902. – С. 9
4. Gogol N. V. The Overcoat. Translated by David Magarshack. London: The Merlin press, 1955. – 64 p.
5. Gogol N. V. The Overcoat. Translated by Pevear, Volokhonsky // The collected tales of Nikolai Gogol. New York: Pantheon books, 1998. – 464 p.
6. Gogol N. W. Der Mantel. Eine Novelle. Ins Deutsche übertragen von R. Kassner. Leipzig: Insel-Verlag, 2011 (Idem: 1912, 1947, 1951, 1952). – 51 p.
7. Gogol N. V. Der Mantel. Herausgegeben von Johannes von Guenther// Gogol N. V. Gesammelte Werke in 5 Bänden. Berlin: Aufbau-Verlag, 1952. – Bd. 3.

СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА: СИМВОЛИКА НАЗВАНИЯ

О. Б. Элькан,

*доктор культурологии, заведующая кафедрой музыкального искусства,
Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь*

Чжан Менцзя,

*к.филол.н., старший преподаватель Института перевода Шаньдунского
университета. Провинция Шаньдун, город Вэйхай, КНР*

В. С. Любеев,

к.филол.н., свободный исследователь, Москва

Аннотация. Символизм, как литературоведческая категория давно используется писателями в своих произведениях. Авторами дается попытка раскрыть символику названия романа Г. Г. Маркес «Сто лет одиночества». Авторы приходят к неоднозначному ответу, тем самым давая повод к дальнейшим размышлениям.

Ключевые слова: символизм, символика, Г. Г. Маркес, Сто лет одиночества

Summary. Symbolism as a literary category has long been used by writers in their works. The authors attempt to reveal the symbolism of the title of the novel by G. G. Marquez “One Hundred Years of Solitude”. The authors come to an ambiguous answer, thus giving rise to further reflection.

Key Words: symbolism, symbolism, G. G. Marquez, One Hundred Years of Solitude

Главное смыслообразующее начало романа заключается уже в самом

его названии. «Сто лет» на уровне объективном – это действительно описание примерно ста лет истории Колумбии, на уровне же художественной образности это же словосочетание имеет уже метафорический смысл и обозначает замкнутость, вечность. Второй компонент названия – «одиночество». Сам Маркес обращал внимание на то, что жители Карибского бассейна – носители внутреннего одиночества. В романе же одиночество – это некая неполноценность, свойственная героям, неспособность к любви, невозможность гармоничного существования.

Мир «Ста лет одиночества» сложен и неоднороден, автор практически не дает оценки описываемым событиям, здесь нет безусловно положительных или безусловно отрицательных персонажей, герои – скорее, полу-архетипические образы.

Сто лет одиночества. Начнем с общего, и вкратце скажем о том, почему автор именно так назвал произведение. Описывается история города Макондо от его основания до уничтожения ураганом. История рода Буэндиа, которая идет то параллельно, то тесно сплетаясь с историей своего скрытого от мира лесом местечка. Одинок город, одиноки его жители, пугливо принимающие новшества, изредка проникающие извне.

Семья Буэндиа, история которой идет по кругу, не меняются имена, которыми нарекают новорожденных; характеры, поведение, поступки членов семейства сменяют друг друга с какой-то математической периодичностью. Кажется, страница за страницей Урсула повторяет себе, и читателю: «Время идет по кругу». И это заставляет задуматься, произвольно начинаешь вспоминать, что же в моей жизни шло по кругу.

Но, несмотря на триста с лишним страниц этого «круговорота», автор заканчивает историю словами, что она больше никогда не повторится, ибо родам, обреченным на сто лет одиночества не суждено появиться на земле дважды.

Хотя название, как мне кажется, и подразумевает, что описываться будет Одиночество в своих отрицательных характеристиках (одиночество ведь не всегда сопровождает грусть и тоска), некоторые латиноамериканисты толкуют роман, как «тотальный» карнавальная смех, хотя элементы карнавала в романе возможно, присутствуют. Смысл такого толкования в том, что в романе якобы сам народ осмеивает свою историю и хоронит ее, с тем чтобы с легкой душой устремиться в светлое будущее. Но что в романе наряду со смехом есть и трагическое и лирическое начала. Есть страницы, по которым текут потоки народной крови, и смех над ними может быть только глумлением. И конечно, в романе главное не «самоосмеяние», а самопознание народа, возможное только при сохранении исторической памяти. Время похоронить прошлое для латиноамериканцев, да и для всех остальных, еще не скоро настанет.

Название романа не в полной мере символично, потому что у произведения присутствует прочная основа – история Колумбии примерно за эти же сто лет (с сороковых годов XIX до тридцатых XX века) – в ее острейших социально-политических потрясениях. Первым из них были гражданские войны между либералами и консерваторами, в ходе которых политическая борьба двух партий выродилась в соперничество между двумя олигархиями. «Крестьяне, ремесленники, рабочие, арендаторы и рабы убивали друг друга, борясь не против своих собственных врагов, а против «врагов своих врагов» [3, с. 415], – пишет ко-

лумбийский историк. Детские воспоминания Гарсиа Маркеса относятся к самой длительной из этих войн, названной «тысячедневной» и закончившейся Неерландским миром (1902). О ней рассказывал ему дед Николае Маркес, который в войсках либералов завоевал свои полковничьи погоны и право на пенсию, хотя пенсии так и не дождался. Другое историческое событие – грубое вмешательство в жизнь страны североамериканской банановой компании. Кульминация его – забастовка рабочих на банановых плантациях и варварский расстрел народной толпы, собравшейся на площади. Это произошло в соседнем с Аракатакой городке Съенаге в год рождения маленького Гарсиа (1928). Но и об этом он знает из рассказов деда, в романе подкрепленных документальными свидетельствами.

В историческую канву Гарсиа Маркес вплетает историю шести поколений рода Буэндиа. Используя опыт реалистического «семейного» романа XIX-XX вв. и свой собственный писательский опыт, он вылепляет многогранные характеры героев, складывающиеся под влиянием и родовой наследственности (генов), и социальной среды, и биологических законов развития. Чтобы подчеркнуть принадлежность членов семейства Буэндиа к одному роду, он наделяет их не только общими чертами внешности и характера, но и наследственными именами, как это принято в Колумбии.

После вышесказанного появились сомнения: чего же в романе больше и на что сделан акцент – на Одиночество или на временной промежуток в сто лет. Кажется теперь, что описана цепь исторических фактов (причем чаще, реально существовавших, а если они не совсем правдоподобны, то ведь в глазах ребенка многое кажется сказкой), острота и сухость которых сглажены именно оттенком Одиночества. История в эмоциональной окраске.

Список использованных источников

1. Березкин Ю. Е. Мифы заселяют Америку / Ю. Е. Березкин. – М.: ОГИ, 2007. – 360 с
2. Габриэль Гарсиа Маркес «Сто лет одиночества», «Глаза голубой собаки» и прочее: [Электронный ресурс]. – <http://world-of-love.ru/forum/archive/index.php/t-10268.html>
3. Маркес Г. Г. Полковнику никто не пишет: Повесть; Сто лет одиночества: Роман: Пер. с исп. / Послесл. В. Столбов / Г. Г. Маркес. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 411-430.
4. Матюх Д. Н., Полховская Е. В. Мифологическая символика в романе Д. Г. Лоуренса «Пернатый змей» / Д. Н. Матюх, Е. В. Полховская // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы II Международного научного конгресса, Симферополь, 03-28 апреля 2017 года. – Симферополь: Издательство Типография «Ариал», 2017. – С. 191-196.
5. Одиночество как философская проблема: http://philosophystorm.org/sergey_nechaev/234 (проверено 08. 05. 2011)
6. Токарева С. А. Мифы народов мира, мифологическая энциклопедия в двух томах / С. А. Токарева. – М.: Советская энциклопедия, 1980; том I. – С. 321-335.

УДК 811.11: 81'25

**ТРАНСФОРМАЦИОННО-МОДУЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ
МЕТАРЕАЛЬНОСТИ АНИМАЦИОННОГО КИНОТЕКСТА В ПЕРЕВОДЕ****О. В. Эпштейн,***кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
и методики преподавания английского языка, Оренбургский
государственный педагогический университет, Оренбург*

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме моделирования и актуализации метареальности анимационного кинотекста в переводе. В рамках исследования переводческого преобразования анимационной метареальности были выделены 4 модуля в составе 7 переводческих стратегий, каждая из которых получает реализацию с помощью набора и комбинирования определенных переводческих трансформаций. Доминирование отдельных модулей доказывает основную задачу перевода по сохранению прагматического потенциала текста оригинала.

Ключевые слова: креолизованный текст, метареальность анимационного кинотекста, трансформационно-модульная система, переводческая стратегия.

Summary. The article is devoted to the topical problem of modeling and manifestation of the animated film metareality in translation. The given study of the animation metareality transformation in translation singles out 4 modules with 7 translation strategies, each of which is realized by means of a set and combination of certain translation transformations. The dominance of certain modules proves the main task of translation to preserve the pragmatic potential of the original text.

Key words: creolized text, metareality of animated film text, transformation-modular system, translation strategy.

Кинотекст, как разновидность креолизованного текста, уже давно привлекает внимание лингвистов и переводоведов в качестве объекта исследования. Тем не менее, в литературе по семиотике языка кино мультипликационным фильмам практически не уделяется внимания, причиной чего является периферийное положение мультипликационного фильма в общей системе киноискусства. Актуальность исследования анимационных кинотекстов обуславливается потребностью теории перевода в разработке стратегии деятельности переводчика с этим видом текста, для чего, в первую очередь, необходимо выявить его специфику и обозначить основные трудности перекодирования.

Мультипликационный фильм относится к анимационному кинотексту и представляет собой семиотически предельную форму экранного текста, а именно поликодовый-полимодалный текст, сочетающий в себе вербальный и невербальный компоненты, представленные аудиальными и визуальными средствами в синкретическом единстве движущихся изображений, фонетических, физиологических и музыкальных звуков и графических знаков. Несмотря на доминирование визуального компонента над вербальным в поликодовом тексте, необходимо помнить, что именно вербальный компонент выходит на первый план при моделировании реальности, следовательно, изучать такие тексты нужно с позиции лингвистики [2, с. 17]. Создание

слепок этой реальности на языке перевода, т.е. локализация анимационного кинотекста с лингвистических позиций подразумевает семантические сдвиги, лексико-синтаксические трансформации и лингвокультурную адаптацию оригинала.

Выбор материала для исследования пал на мультфильмы «Zootopia» (2016); «Cars» (2006); «Robots» (2005); «Angry Birds» (2016) ввиду того, что они отражают вымышленную реальность, где полностью отсутствует человек как персонаж. Такое построение мультипликационной канвы представляет особый интерес, так как в отсутствии человеческого персонажа авторы идеи начинают слишком неординарно оперировать языковыми средствами с тем, чтобы создать метареальность в рамках анимационного выдуманного мира, что в результате требует в переводе большего количества трансформаций.

Действия переводчика при работе с анимационной метареальностью могут быть рассмотрены как совокупность действий по ее моделированию через преобразование информации оригинала в информацию перевода посредством трансформационно-модульной системы, подразумевающей модульно-структурированные и прагматически обусловленные переводческие изменения.

На основе комплексного анализа оригинала и перевода выбранных анимационных материалов нами была построена трансформационно-модульная система создания анимационной метареальности. Анализ показал, что в основе этой системы лежат представления о целостности внутренней организации содержания оригинального текста и о его опосредованности экстралингвистическим контекстом в переводе. При собственном конструировании данная система ориентируется на определенные переводческие операции, применение которых приводит к активации и доминированию одних семантико-прагматических элементов и сокращению или даже полной элиминации других. Необходимо отметить наличие субъективности выбора этих переводческих операций и отсутствие четких критериев оценки переводного результата, что как довольно часто присутствующие факторы перевода могут рассматриваться как неизменные проблемы переводческого процесса. Искомым результатом работы переводческой команды с анимационным кинотекстом должна стать семантико-стилистическая сбалансированность вербальной матрицы оригинала и перевода и прагматическая когерентность оригинальной и переводной метареальности.

С учетом вышеупомянутых условий трансформационно-модульное конструирование переводческой информации анимационного кинотекста может быть представлено в виде четырех иерархически структурированных модулей. Каждый модуль включает переводческие стратегии, характеризующиеся «гибкостью, целенаправленностью и зависимостью от контекста» [1, с. 139], их цель – это контроль над когнитивной репрезентацией информации в переводе. Каждая стратегия в свою очередь включает набор переводческих приемов, способствующих не только реализации стратегий, но и обеспечивающих полноценное восприятие анимационного кинотекста.

1) Лингво-функциональный модуль

А. Стратегия аналогии (суть данной стратегии заключается в нахождении аналогичного по содержанию или функционалу элемента языка пе-

ревода для оригинального элемента): *добавление, смысловое развитие, описательный перевод, замена.*

Например, прием замены: “Tickets to this race are hotter than a black leather seat on a hot summer day!” – «Билеты на представление исчезали быстрее чем влага на горячем капоте». В данном предложении в переводе удалось сохранить прагматическую функцию, благодаря замене образа в основе сравнения. Дословная передача образа также могла быть допустима, тем не менее, считаем выбор приема переводчиками вполне разумным, ввиду того, что сравнение с быстро испаряющейся влагой на разогретой поверхности в сознании преимущественно детской аудитории, на которую ориентирован данный анимационный фильм, является более доступным быстрому пониманию, чем картина нагревания черного кожаного сиденья. Более того, замена стативного сказуемого оригинала «are hotter» на глагол действия в сказуемом перевода «исчезали» способствует более четкому когнитивному восприятию описываемой ситуации распродажи билетов.

2) Концептуально-фактологический модуль

А. Стратегия аппроксимации (данная стратегия активируется с целью раскрытия метаконцептов сюжета мультипликационного фильма в переводе; при этом сами концепты сюжетной метареальности в оригинале зачастую имплицитно, т.к. их наличие очевидно в сюжетном повествовании и подтверждается визуальным рядом; в переводе же эти компоненты метареальности получают экспликацию за счет ряда переводческих приемов): *замена, добавление, окказиональное соответствие, целостное преобразование, смысловое развитие.*

Особый интерес в переводе всегда представляют окказиональные соответствия. Перевод анимационного кинотекста не является исключением: “Oh my!” – «Охрунеть!» В обычном случае эта фраза переводилась бы как «Боже мой!» или «Обалдеть!», однако переводчики решили добавить особенность мира мультфильма в речь героя (птицы противостояли свиньям).

В. Стратегия алиенизации (данная стратегия функционирует согласно противоположному предыдущей стратегии принципу – концептуальный компонент сюжетно-тематической структуры кинотекста либо имплицитно, либо вовсе не получает языкового оформления в переводе ввиду его экспликации в языке оригинала или аутентичном видеоряде кинотекста): *замена, опущение, смысловое развитие.*

Ярким примером приема смыслового развития для манифестации данной стратегии выступает фрагмент из мультфильма «Cars» («Тачки»): “Mac, thanks for being my pit crew today” – «Мак, тебе сегодня за всех пахать придется». События в данном эпизоде происходят на стадионе, где главный герой благодарит своего водителя (фургон) за то, что тот выполняет роль всей команды механиков. По соседству с ними находятся другие команды, у которых все члены команды для пит-стопа на месте. В переводе при том, что само понятие «пит-стоп команда» отсутствует, смысловой инвариант сохраняется ввиду экспликации ситуации, когда один человек работает за всю команду, при этом экспрессивность фразы в переводе становится выше за счет использования сленгового глагола «пахать».

3) Художественно-эстетический модуль

А. Стратегия креативности (в соответствии с данной стратегией переводчик проявляет художественную инициативу, прибегая к акцентированию определенных аспектов формы и содержания оригинала в их единстве с целью достижения именно того воздействия на читателя, которое заложено в тексте его создателем): *окказиональное соответствие, контекстуальная замена, смысловое развитие, целостное преобразование.*

Красочным представляется пример целостного переосмысления: “Get your antenna balls here!” – «Чипсы, кола, валидолы!» Слова принадлежат продавцу товаров на стадионе во время спортивного мероприятия. Для русского языка не характерно использование глагольных конструкций в таком роде объявлений. Как правило используется лишь перечисление номенклатуры предлагаемых товаров, что и сделано в переводе. При этом переводческая креативность, хотя и отступает от особенностей метареальности сюжета мультфильма об автомобилях, всё же никоим образом не идет с ней вразрез, наоборот, внедрение привычной для слуха русскоязычного получателя картины, дополненной рифмой, становится лингвистическим украшением перевода.

В. Стратегия экспрессивизации (данная стратегия строится на внедрении добавочных экспрессивных элементов в перевод вместо нейтральных единиц оригинала): *контекстуальная замена, целостное преобразование, смысловое развитие.*

Так, в следующем примере нейтральная лексика оригинала «good folks behind you», описывающая ситуацию необходимой помощи, получает экспрессивность в переводе за счет использования модифицированной идиомы «Один в поле не воин», подстроенной под метареальность мультфильма о машинах в виде «Один в поле не танк»: “And you ain’t gonna win unless you got good folks behind you and you let them do their job, like they should...” – «Я частенько ребятам говорю, один в поле не танк, надо чтоб все вместе. Одному никак не победить».

С. Стратегия дезэкспрессивизации (заключается в нейтрализации экспрессивно маркированных элементов оригинала в переводе): *замена, опущение, смысловое развитие, описательный перевод.*

Примерами данной стратегии могут являться случаи функциональной замены экспрессивного элемента или группы элементов оригинала на экспрессивно индифферентные элементы в переводе, развитие смысла определенного отрезка оригинала в переводе с выражением его нейтральной лексикой, или же вовсе экспликация экспрессивного элемента оригинала с помощью нейтрального описания: “Yeah, when birds fly!” – «Не дождетесь!»; “Grow some bolts” – «Будь мужчиной»; “Security, we have a party crasher” – «Побыстрее охрану, здесь посторонний»; “Our city is 90 percent prey” – «Большинство граждан — это грызуны и травоядные» и т.д.

4) Культурологический модуль

А. Стратегия лингвокультурной адаптации (данная стратегия находит переводной аналог для культурно-маркированного элемента оригинала, ориентируясь на культуру реципиента): *описательный перевод, компенсация, замена, смысловое развитие, целостное преобразование.*

Так, например, персонаж мультфильма «Тачки» Филлмор удостоивается от своего друга колкого замечания “The sixties weren’t good to you, were

they?». Элемент оригинала отсылает зрителей к шестидесятым годам XX века в Америке, когда популярность движения хиппи была высока. Даже с учетом визуально-вербальных характеристик персонажа рецептор русскоязычного перевода вряд ли выстроил бы те же ассоциации с данным историческим периодом, что и рецептор англоязычного оригинала, ввиду особенностей собственной истории и культуры. Поэтому в данной ситуации вполне оправдан выбор коммуникативного перевода, реализуемого на уровне трансформаций за счет смыслового развития: «Ты все мозги, гляжу, прохиповал».

Итак, в ходе исследования были выделены четыре системообразующих модуля, к которым прибегали переводчики для реконструирования анимационной метареальности в языке перевода. Из вышеприведенной классификации видно, что одни и те же переводческие приемы могут реализовывать разные стратегии в рамках выделенных модулей. Их процентное соотношение также не совпадает, более того, такое деление представляется достаточно условным ввиду того, что одни и те же отрезки оригинала получают перевод за счет комбинации средств и приемов. Тем не менее, для наглядности необходимо оговорить, что при передаче метареального компонента мультипликационных фильмов все найденные в исследовании примеры (243) распределились по четырем выделенным модулям следующим образом: художественно-эстетический модуль (45%); концептуально-фактологический модуль (24%), лингво-функциональный (17%) и культурологический (14%). Доминирование художественно-эстетического модуля обусловлено, прежде всего, стремлением авторов перевода достичь образной и семантико-стилистической симметрии перевода и оригинала, а также сохранить прагматический потенциал оригинала, что соответствует соблюдению одного из золотых правил перевода – сохранению коммуникативного эффекта.

Список использованных источников

1. Дейк Т. А. ванн. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
2. Евграфова Ю. А. Лингвосемиотика экрана: моделирование реальности в экранных текстах (на материале текстов кино, телевидения и сети Интернет): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Мытищи, 2021. – 31 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абибуллаева Э. М., Лукинова М. Ю.</i> ПРИЕМЫ ПЕРЕДАЧИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ НА ДРУГОЙ ЯЗЫК.....	3
<i>Аблогина Е. В.</i> ПЕРЕВЕСТИ «ГЕНИАЛЬНЕЙШУЮ РУССКУЮ ДРАМУ»: СТРАТЕГИЯ МЭРИ ХОБСОН.....	8
<i>Аблякимова Э. Н., Пасекова Н. В.</i> ПЕРЕВОД ТЕКСТОВ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС.....	12
<i>Абрамова Н. В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	15
<i>Айбазова А. М.</i> СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНО-АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНОФИЛЬМА.....	18
<i>Аксёнова Т.</i> ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ БЕСПЕРЕВОДНОГО ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ.....	22
<i>Ачилова О. Л.</i> ПЕРЕДАВАННЯ АПЕЛЯТИВІВ БЛИЗЬКОСПОРІДНЕНОЮ МОВОЮ В ХУДОЖНЬОМУ ТВОРІ (НА ПРИКЛАДІ РОСІЙСЬКОГО ПЕРЕКЛАДУ ДРАМИ-ФЕЄРІ ЛЕСІ УКРАЇНКИ «ЛІСОВА ПІСНЯ»).....	26
<i>Баблюк Д. А., Лукинова М. Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕНОРМАТИВНОЙ РЕЧИ, КАК ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР.....	30
<i>Бавдинов Р. Р., Жапарова А. А.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «РЕБЁНОК» В УЙГУРСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ.....	34
<i>Баканова М. В.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОСТОРЕЧИЙ, ВЫРАЖЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ, В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА.....	38
<i>Бармина Е. А.</i> ВОССОЗДАНИЕ В ПЕРЕВОДЕ ИДИОСТИЛИЯ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ.....	40
<i>Вихриева И. В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ СЛУШАНИЯ И ЗАПИСЫВАНИЯ УЧЕБНЫХ И НАУЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ: СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ДИСКУРС.....	45
<i>Вовк Н. А., Хорунжий Н. Д.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	53
<i>Волковская М. А.</i> К ВОПРОСУ ОБ АДЕКВАТНОМ ВОСПРИЯТИИ КОННОТАТИВНО	

ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ УЧАЩИМИСЯ МОЛДОВЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ.....	58
<i>Глотова Я. А.</i>	
ОСОБЕННОСТИ АНТОНИМИЧЕСКОГО РУССКОГО-АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА В СФЕРЕ НАРЕЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА).....	64
<i>Горенинцева В. Н.</i>	
УСЛЫШАТЬ «ГОЛОС» ПОДРОСТКА: ЛИТЕРАТУРА «YOUNG ADULT» КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА.....	69
<i>Демидова О. Р.</i>	
ПАМЯТЬ ПЕРЕВОДА – ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ.....	74
<i>Джапарова Э. К., Герасимова П. М.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РОМАНЕ ДЖ. К. РОУЛИНГ «ГАРРИПОТТЕР».....	78
<i>Джапарова Э. К., Дуваджиева Ф. И.</i>	
ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	83
<i>Джгубурия К. К.</i>	
ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	87
<i>Дунаева С. Л.</i>	
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ А. ДЕ КЮСТИНА КАК ВАРИАНТ КУЛЬТУРНОГО ПЕРЕВОДА.....	92
<i>Ермоленко О. В., Мельник А. А.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	96
<i>Ефимова О. С.</i>	
ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В СКАЗКЕ В. ГАУФА “DIE GESCHICHTE VON KALIF STORCH” И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ.....	100
<i>Зеленцова М. Г., Козлова А. Т.</i>	
SKILL SET ДЛЯ ПЕРЕВОДЧИКА ОТРАСЛЕВОГО ПЕРЕВОДА.....	104
<i>Зеленцова М. Г., Ашакина Ю. А.</i>	
COVID СЛЕНГ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ВЫЗОВ.....	108
<i>Зеленцова М. Г., Васильев М. С.</i>	
АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: ФАНСАБИЛИСУБТИТРЫ?.....	112
<i>Злобин А. Н., Тулупова А. С.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЗАГЛАВИЙ ДОКУМЕНТОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	117
<i>Злобин А. Н.</i>	
К ПРОБЛЕМЕ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПЕРЕВОДА.....	121
<i>Злобина Н.Ф.</i>	
ПАРАДИГМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ЮРИЯ ИВАНОВИЧА МИНЕРАЛОВА.....	127

- Иванашко Ю. П., Процукович Е. А.*
ДОСТИЖЕНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....132
- Карпухина В. Н.*
СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ KIDULTS: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА.....136
- Козлова С. А.*
ИДЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО ПЕРЕВОДА: ОБРАЗ ЖЕНСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В 1920-Х ГОДАХ.....140
- Кочкарева И. В.*
РУССКИЕ ОШИБКИ В АНГЛИЙСКОМ ТЕКСТЕ.....144
- Кривошапова Н. В.*
ОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СОЗДАНИЯ НЕТРОПЕИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В ПЕРЕВОДАХ ИРВИНА ЯЛОМА.....149
- Кузнецова И. П.*
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРЕВОДАХ И РАСПОЗНАВАНИИ РЕЧИ.....154
- Кузьмина А. В.*
СТИХОТВОРЕНИЕ Г. ГЕЙНЕ «EIN TRAUM, GAR SELTSAMSCHAUERLICH» («ЗЛОВЕЩИЙ ГРЕЗИЛСЯ МНЕ СОН») В ПЕРЕВОДЕ М. Л. МИХАЙЛОВА.....157
- Лекомцева И. А., Вьюнова Е. К., Абдульманова А. Х.*
СООТВЕТСТВИЯ В ПЕРЕВОДЕ И ИХ ВЕРИФИКАЦИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....162
- Лекомцева И. А.*
О ВЫБОРЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ.....166
- Логунова Т. А., Каменская И. Б.*
ХРОНОТОПИЧЕСКИЕ И ОБРАЗНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТАХ ТРИЛОГИИ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ».....169
- Лукинова М. Ю., Андреева А. А.*
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ.....174
- Лучникова А. В.*
УЧЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНТА.....178
- Лушников Г. И., Осадчая Т. Ю.*
ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. ГРИНА «БУМАЖНЫЕ ГОРОДА»).....183
- Макарова Н. В.*
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИЧНЫХ ИМЕН В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Р. ДАЛЯ «CHARLIE AND THE CHOCOLATE FACTORY»).....187
- Макеева С. Н.*
ОВЛАДЕНИЕ ТЕРМИНАМИ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПО

ПРОБЛЕМАМ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ.....	191
<i>Медведева М. С.</i>	
КОНТРАСТИВНАЯ ТОПОНИМИКА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	195
<i>Митягина В. А.</i>	
ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА В ОБЕСПЕЧЕНИИ МНОГОЯЗЫЧИЯ «ИНТЕРНЕТА ДЛЯ ВСЕХ».....	199
<i>Михайлина Д. Н.</i>	
СПОСОБЫ СОХРАНЕНИЯ ЭСТЕТИКИ И ПРАГМАТИКИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Л. М. ОЛКОТТ «МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ»	203
<i>Михайловская М. В.</i>	
THE INTEGRATION OF CAI TOOLS IN INTERPRETER TRAINING: COMPUTER ASSISTED INTERPRETATION SYSTEM (CASSIS).....	207
<i>Морозова А. В.</i>	
АНГЛИЦИЗМЫ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	210
<i>Москаленко О. А., Петривная А. В.</i>	
ОТРАЖЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ В РАССКАЗЕ «THE NEW DRESS».....	215
<i>Мохаммади Я. Ф.</i>	
ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛЕНГА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЫ).....	219
<i>Николаева М. Н.</i>	
АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ В ПЕРЕВОДАХ А. С. ПУШКИНА.....	222
<i>Новикова М. А.</i>	
РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В ПОЛЬСКОЙ ЛИРИКЕ XX В.....	227
<i>Норец М. В., Злюфарова Ш. З.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА С МИ (НА ОСНОВЕ СТАТЕЙ САЙТА ИНОСМИ.RU)	231
<i>Норец М. В., Иваниченко А. Ю.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ФОКАЛИЗАЦИИ И ПЕРЕВОДА РОМАНА Д. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ» В XX И XXI ВЕКАХ.....	236
<i>Огородникова Ю. В., Карпова Ю. А.</i>	
СПОСОБЫ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ ПО ТЕМАТИКЕ «АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ» НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ.....	242
<i>Остапенко И. В., Магальяш де Соуза Остапенко С., Норец Н. К.</i>	
РОМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «НОВОЙ МИФОЛОГИИ».....	246
<i>Пасекова Н. В., Борисова К. Н.</i>	
ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ КАЛАМБУРА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ КОМЕДИЙНОГО СЕРИАЛА «HOW I MET YOUR MOTHER»)	250
<i>Пишкова Е. Ю., Москвина М. Н.</i>	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В МАСС-МЕДИЙНОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.....	254

Пишкова Е. Ю., Пидченко Д. С.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЭВФЕМИЗМОВ В РЕЧИ:
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....258

Приходько С. А.

ГЕРМАНСКОЕ ВКРАПЛЕНИЕ КАК РЕГУЛЯТОР АТТРАКТИВНОСТИ
ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В. И. ЛЕНИНА: ВАРИАНТЫ
РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В КНИГЕ «МАТЕРИАЛИЗМ И
ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» (К 100-ЛЕТИЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ СССР)
.....262

Разумовская В. А.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДНАЯ
МНОЖЕСТВЕННОСТЬ.....269

Раскалинос С. А., Ереметова К. Ю.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ (НА ПРИМЕРЕ
НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)274

Резеньков В. Е.

ОТ МИРА БУКВЫ К МИРУ ЦИФРЫ. ПЕРЕВОД НА ЯЗЫК ВИРТУАЛЬНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ.....279

Савченко Т. Д., Зубцова Ю. О.

«КАВКАЗСКИЙ ТЕКСТ» СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ПОЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА.....283

Семендяева Ю. Ю.

ЭМОТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ МЕТАФОРЫ И СПОСОБЫ ЕЁ ПЕРЕВОДА
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖОНА ГРИНА “THE FAULT IN OUR STARS”)
.....286

Силин В. В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА РОМАНА М. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ
ЯЗЫКИ290

Скидан О. Г.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ ВОЙНА В СОПОСТАВИТЕЛЬНО-
ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....294

Соболева Н. В., Имамеев Э. Р.

ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ: К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ
«НАРТСКОГО ЭПОСА» В ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ.....297

Тарасенко Т. В.

ВИНО В РОМАНЕ МО ЯНЬ «СТРАНА ВИНА»300

Товстик С. С.

ОСОБЕННОСТИ КИНОПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА
РУССКИЙ (НА ПРИМЕРЕ СУБТИТРОВ К СЕРИАЛУ «ПОД КУПОЛОМ»)
.....304

Трофимова Т. Н., Трофимова В. С.

ПЕРЕВОДЧИЦЫ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ –
ЧЛЕНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ДО 1917 ГОДА.....309

Фомин Э. В.

ВЕНГЕРСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ HUNGARIAN TRANSLATIONS OF CHUVASH LITERATURE.....314

Хизниченко А. В.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА....318

Чжюань Ху, Выбойщик А. В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ДЕТСКИХ ДОШКОЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РОССИИ И КИТАЯ321

Черткова В. В.

«ЛАНДШАФТ НАСТРОЕНИЯ» В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.....325

Шолохова А. С.

ПОВЕСТЬ Н. В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ»: ПОИСК ЭКВИВАЛЕНТОВ.....330

Элькан О. Б., Чжан Менцзя, Любеев В. С.

СТОЛЕТОДИНОЧЕСТВА: СИМВОЛИКА НАЗВАНИЯ.....334

Эпштейн О. В.

ТРАНСФОРМАЦИОННО-МОДУЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕТАРЕАЛЬНОСТИ АНИМАЦИОННОГО КИНОТЕКСТА В ПЕРЕВОДЕ.....337

Научное издание

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы VI международной научно-практической конференции

*Симферополь
27 – 29 апреля 2022 года*

Верстка Н. Д. Хорунжий, Н. К. Норец

в авторской редакции

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 20,23. Тираж 100 экз. Заказ № 01А/18.
Дата подписания в печать 13.04.2022

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2.
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2.
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru